

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 46

* « :

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1955

О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА

СТЕПНОЕ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Под редакцией
К. Ф. СМЕРНОВА

ВВЕДЕНИЕ

В результате археологических раскопок В. А. Городцова под Изюмом и Бахмутом (ныне Артемовск) в 1901—1903 гг. значительно пополнились данные о культурах бронзового века в южных степях нашей страны. В отчетах о раскопках и в обобщающем исследовании В. А. Городцов определил последовательность сменявших друг друга культур и разработал их относительную и абсолютную хронологию. Схема, установленная им, в своих основных чертах остается верной и в настоящее время; лишь отдельные положения В. А. Городцова не получили подтверждения при дальнейших работах и были изменены. Так, начиная с 1923 г., археологи гг. Куйбышева, Саратова и Энгельса установили, что третья по схеме В. А. Городцова археологическая культура — срубная культура — бытовала в Нижнем Поволжье и до нижнего течения р. Урала на восток. В результате изучения этих новых и теперь очень многочисленных материалов оказалось, что срубная культура развилась в Нижнем Поволжье, так как именно там прослежен древнейший этап ее развития, совсем не представленный в районах, исследованных В. А. Городцовым. Приход на Донец срубной культуры из-за Волги через Дон стал очевидностью.

Также в советское время на Волге и на Урале, на Дону и в южном бассейне Оки, в Приазовье и на Днепре были открыты поселения и курганы срубной культуры и установлены этапы ее позднейшего развития в предкифское время. Изучение музейных коллекций и поселений Поволжья и других мест привело к неизбежному выводу о том, что выделенные В. А. Городцовым в четвертую ступень бронзового века приазовских

степей «погребения в насыпях и на горизонте» представляют собой только вариант погребений срубной культуры. Эти погребения встречались в ней с самого начала ее существования наряду с грунтовыми ямами, иногда заключавшими в себе сруб.

Накопленные за это время факты сопровождались и теперь сопровождаются открытием вокруг области распространения срубной культуры других культур эпохи бронзы: на востоке — андроновской, на севере — еще не ясных в деталях культур Прикамья, в Среднем Поволжье — абашевской культуры, в Поволжье и на Оке — позднейших вариантов так называемого ямочно-гребенчатого неолита и т. п. На все эти культуры срубная культура в большей или меньшей степени оказывала влияние и, не изменяя их естественного развития, придавала им свои отдельные черты.

С открытием на нижней Волге раннего этапа срубной культуры, неизвестного в украинских лесостепях и степях, обнаружилось, что ее влияние на соседние культуры в указанных направлениях сказалось уже в раннюю эпоху. К тому же это воздействие иной раз проявлялось столь отчетливо и на столь значительных расстояниях от прародины срубной культуры, что здесь не может быть речи об одних только пограничных взаимодействиях, но следует думать о передвижении отдельных групп населения еще в самом начале существования этой культуры.

Примерами такого раннего проникновения срубной культуры служат появление остроереберных сосудов в Акуловском могильнике в Горьковской области, наличие баночных сосудов раннего образца в Старшем Волосовском могильнике, влияние

безваликовой посуды срубной культуры на позднейшую фатьяновскую керамику (появление сосудов баночной формы) и на абашевскую культуру (острореберные и баночные сосуды, появление в абашевской культуре типичных кинжалов срубной культуры).

Однако процесс раннего продвижения срубной культуры во всех указанных направлениях еще недостаточно изучен и требует детального полевого исследования.

Другое дело — продвижение этой культуры на запад, в харьковскую и полтавскую лесостепь и в степи Приазовья и Северо-западного Причерноморья. Здесь срубная культура имела иную судьбу и привела к иным результатам. Она глубоко проникла в толщу лесостепи, достигнув бассейнов верхнего Дона, Ворсклы и Сулы, и в самом конце бронзовой эпохи столкнулась со встречным движением чернолесской культуры среднего днепровского Правобережья; это привело к сложению своеобразных вариантов лесостепной культуры скифского времени. Но эта встреча срубной культуры с чернолесской произошла перед самым началом эпохи железа, когда из срубной культуры уже выработался сабатиновский, позднейший этап, бытовавший на Украине в степях и на лесостепном Левобережье.

В степных районах УССР, на южной окраине украинской лесостепи, развитие срубной культуры, надвинувшейся сюда в своем втором периоде, привело к совершенно новой форме, получившей по своему первому выразительному местонахождению название сабатиновского этапа. В результате дальнейшего развития этой культуры в степях выработалась степная скифская культура, где, особенно в первых типах керамики (по классификациям Т. Н. Книпович¹ и Б. Н. Гракова²), в сохранении баночных форм (главным образом, в устьях Дона) и, наконец, в орнаментике, сказывается сильнее всего сабатиновский этап, органически переходящий в раннескифскую культуру.

Неизбежно связывать этот позднейший этап культуры поздней бронзы степей с судьбами таинственного киммерийского на-

рода, культурная близость которого со скифами становится почти очевидной.

Настоящая работа посвящена вопросу о сложении на основе срубной культуры этапов позднейшей эпохи бронзы в степях Поволжья, Приазовья и Северо-западного Причерноморья и попытке установить этническую принадлежность этих форм материальной культуры. Накопление археологического материала в наше время опережает самое быстрое изучение его и опубликование. Поэтому, конечно, при выходе данной работы в ней будут недостаточно освещенные и, пожалуй, спорные места; автор надеется исправить их или уточнить в своих позднейших статьях.

Вывод о том, что «погребения в насыпях и на горизонте» — не позднее, а исконное явление в срубной культуре, требует пересмотра всей хронологической сетки для поздней бронзы. В процессе изложения нашей темы изучаемый материал будет постоянно использоваться в целях датировки. Однако основные моменты хронологического анализа следует изложить предварительно и тем самым установить его методику; она основана на двух принципах, вытекающих из всей суммы конкретного материала.

Во-первых, начало всего процесса образования, развития и существования срубной культуры следует за определенными культурами и заканчивается возникновением культур нового типа, связанных с переходом от бронзы к железу. Изучаемая эпоха начинается после полтавкинской культуры, одновременно с катакомбной культурой в степном Приазовье и Северо-западном Причерноморье. Дата этих культур определена достаточно прочно: они занимают первую половину II тысячелетия до н. э. Впрочем, на западной окраине катакомбная культура дожила, может быть, до XIII в. до н. э. Конец поздних этапов культуры бронзового века, развившихся на основе срубной культуры, совпадает с образованием скифской степной культуры, начало которой восходит к VII в. до н. э.

Во-вторых, главные вехи внутренней периодизации срубной культуры устанавливаются на основании последовательности развития металлических предметов и керамики, для каждого отрезка времени связанных между собой. Однако эти вещи могут

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, стр. 11.

² Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 70.

быть использованы для установления даже примерных абсолютных рамок каждого из этапов лишь в том случае, если среди них есть такие, которые уже определены более или менее точно по совпадению или близким аналогиям в соседних областях.

Основанием для суждения о начале и длительности первого периода срубной культуры в Поволжье, кроме приблизительной даты конца полтавкинской культуры в XVI в. до н. э., служит наличие в ней копий сейменных типов, относящихся к XV—XIII вв. до н. э. Эти даты для копий основаны на сравнительно точном времени Бессарабского клада, в который копье этого восточного типа попало еще до появления здесь срубной культуры, вероятно в XIV в. до н. э. Вскоре после этого времени, — повидимому, еще в течение XIII в. до н. э., — возникли формы второго периода срубной культуры. Для появления срубной культуры в Северо-западном Причерноморье потребовалось некоторое время, и в течение XII в. до н. э. она могла достигнуть Днепра, где вскоре и сформировался белозерский ее этап. Еще труднее установить начало сабаатиновского этапа, органически вытекающего из белозерского. Поскольку в нем есть уже вещи, доживающие до самого начала скифской эпохи (удила, копья, бляхи) и относимые в основном к VIII в. до н. э., то при несомненной значительной длительности этого этапа он должен был существовать в IX в. до н. э. и, вероятно, начался в X в. до н. э., когда закончился белозерский этап срубной культуры.

Для конца сабаатиновского этапа, — а поэтому и для всего изучаемого процесса развития и судеб племен срубной культуры, — прочное хронологическое суждение доступно благодаря наличию на сабаатиновском этапе уже ряда прототипов скифских бронзовых вещей. Собственно скифская культура возникла между началом и серединой VII в. до н. э. В одном из наборов матриц сабаатиновского времени встречаются сразу наверхшие и несколько блях скифских типов. Некоторые из них, ставшие в VI в. до н. э. изображением орлиного глаза и восходящие к декоративным мотивам Передней Азии, не могли попасть в Северное Причерноморье ранее начала соприкосновения его племен с Урарту. Древнейшее из этих соприкосновений, упоминаемое в служебной переписке эпохи Саргона II, относится к походу киммерийцев 714 г. до н. э., но можно не сомневаться, что были случаи и немного более раннего проникновения их туда, оставшиеся ассирийцам неизвестными.

Итак, на рубеже VIII—VII вв. до н. э. заканчивается сабаатиновский этап поздней степной бронзы. О том же говорит и самая ранняя собственно скифская керамика типа «Обиточная 12», дата которой предшествует времени селища у Широкой балки, бытовавшего с конца VII в. до начала V в. до н. э., и которая прямо происходит от керамики сабаатиновского времени.

Таковы основные возможности установить приблизительные хронологические вехи всего исследуемого исторического процесса.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА В ПОВОЛЖЬЕ

§ 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Приступая к описанию срубной культуры, легшей в основу развития различных культурных вариантов степного позднего бронзового века, следует отметить, что со времени ее открытия, т. е. с раскопок В. А. Городцова в Изюмском и Бахмутском уездах *, в течение почти 20 лет не было проявлено серьезного интереса к ее изучению. За это время было лишь установлено, что, помимо Украины, срубная культура распространяется далеко на восток и северо-восток. Отчасти на это указывали и старый материал, добытый еще до исследований В. А. Городцова в 1901 г.², а также и некоторые более поздние раскопки в окрестностях Воронежа³ и в пределах бывшей Воронежской губернии⁴. Они дают представление о том, что срубная культура была распространена на всем Среднем Придонье.

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ. 1901 г. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 174 и сл.; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ. 1903 г. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 211 и сл.

² В. И. Сизов. Скорняковские курганы. Древности, т. XII, М., 1888, стр. 125, а также раскопки Зверева близ с. Мазурки, Воронежской губ. Новохоперского уезда. ОАК, 1899, стр. 101 и 118.

³ Раскопки Юргенсона. См. С. Н. Замятин. Очерки по истории Воронежского края. Каменный и бронзовый век в Воронежской губ. Воронеж, 1922.

⁴ Раскопки во Владимировке: А. М. Таллсгеп. Ыа Роплсге ргёсуИпше аргёз ПптосгсИоп ёёз тё!аих. Е5А, II, НеЫпы, 1926, стр. 69, 123, 124.

На ее несомненное существование в Нижнем Поволжье впервые указали раскопки В. Ф. Орехова в 1913 и 1914 гг. близ г. Хвалынского⁵. Здесь, у с. Ивановки, им было обследовано обширное селище позднего срубного времени. В. А. Городцов, особенно заинтересованный этими раскопками, еще в 1920 г. обращал внимание своих слушателей на необходимость изучения срубной культуры именно в Поволжье.

В 20-х годах в приволжских областях проходит новая волна исследований. В тогдашней Самарской губернии в течение ряда лет проводила работы В. В. Гольмстен⁶. Обширный материал ее разведок привел к созданию археологической карты края. Основными памятниками, освещенными ее работами, являются многочисленные селища и курганные кладбища срубной культуры.

В то же самое время изучение памятников срубной культуры стояло в центре внимания саратовских археологов, систематически исследовавших северные пределы Нижнего Поволжья. Результатом этих работ являются раскопки больших курганных групп близ г/ Ангельса (Покровский

⁵ В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивановки, Хвалынского уезда, Саратовской губернии. Труды СУАК, вып. 33, Саратов, 1916, стр. 39—59.

⁶ В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губ. Бюллетени общества археологии, истории, этнографии и естествознания, вып. I и II, Самара, 1925.

могильник), в г. Аткарске и многих других местах. В Заволжье эти исследования распространяются вплоть до г. Уральска. Раскопки мест поселений производились тогда на Волге в значительно меньшей мере. Однако именно в эти годы там было положено начало изучению памятников подобного рода. Так, весьма интересный и обильный материал происходит с Надеждинского селища раннесрубного времени и некоторых других.

В 1925 г. В. А. Городцов производил раскопки курганов в Мелекесском районе Куйбышевской области. Близ сел Кайбелы, Андреевки и близ хутора «Красная звезда» им были исследованы обширные курганные кладбища, давшие богатый керамический материал, характерный для северо-восточных районов распространения срубной культуры.

В 1926 и 1928 гг. мной были проведены раскопки трех селищ срубной культуры в Среднем Поволжье в пределах бывш. Пензенского уезда, близ сел Мокшан и Пустынь⁷, а в 1928 г. А. И. Тереножкин, продолжая разведки в окрестностях г. Пугачева, начал раскопки культурного слоя того же времени близ с. Успенки на р. Большой Иргиз⁸.

Большое значение для изучения срубной культуры в Поволжье имеют исследования в 20-х годах П. Д. Рау курганов на левом берегу Волги и на ее притоках — реках Еруслане и Большом и Малом Карамане. Его работы впервые создали представление о том, что срубная культура в Поволжье развилась непосредственно из полтавkinской культуры, или, как ее называл П. Д. Рау, полтавkinской ступени⁹.

Таким образом, если в 1901 г. срубная культура была открыта, определена и описана лишь на территории Украины и если в последующие годы были только намечены основные районы ее распространения, то в 20-х годах она была подвергнута всестороннему обследованию в районах Среднего и

Нижнего Поволжья. В результате этого был собран значительный материал, являющийся и в настоящее время основой для изучения срубной культуры. Прежде всего он дает более точное представление о пределах распространения культуры, о поселениях, основах экономики, отразившихся также и в погребальном обряде. Но одним из наиболее существенных вопросов, поставленных и отчасти разрешенных археологами Поволжья, был вопрос о происхождении срубной культуры.

В результате своих двухлетних исследований в бывших Изюмском и Бахмутском уездах В. А. Городцов пришел к заключению о том, что срубная культура на Украине не является исконной. В противоположность этому местное происхождение срубной культуры на Волге уже в конце 20-х годов представлялось неоспоримым. Материал, относящийся к полтавkinской ступени развития, или, как нам представляется правильнее ее называть, полтавkinской культуре, известен не только в Саратовском Поволжье; он был также обнаружен В. В. Гольмстен в Самарской губернии. Раскопки курганов, проведенные ею у с. Березняки, обнаружили погребения, предшествующие по времени полтавkinским и содержащие преимущественно остродонную и круглодонную посуду. Как погребальный обряд, так и керамика, происходящая из березняковских погребений, близки по форме к погребениям и посуде ямной культуры Нижнего Приднепровья, Приазовья и Донца. По данным Березняковского могильника, а также по некоторым случайно найденным остродонным горшкам, хранящимся в Саратовском музее, несомненно, уже тогда можно было говорить о наличии ямной культуры в Поволжье и связать ее генетически с полтавkinской культурой.

Этот прежний материал в настоящее время дополнен новыми раскопками И. В. Сеницына и К. Ф. Смирнова, о чем будет еще сказано подробнее в этой же главе. Исследования К. Ф. Смирнова в северных районах Сталинградской области дают вполне четкое представление о том, что в основе полтавkinской культуры здесь лежала ямная и что весь ход развития этих культур привел к появлению срубной культуры. Несмотря на ограниченное количество памятников, предшествующих срубной культуре в

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и ПУСТЫНЬ. Труды ГИМ, XII, М., 1941, стр. 85.

⁸ Впоследствии (1938—1939 гг.) эти раскопки были продолжены И. В. Сеницыным: И. В. Сеницын. Поселения эпохи бронзы в степных районах Заволжья. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 206 и сл.

⁹ Р. Каи. Носкег^табер сгег \Volдазлеппе. 1928, стр. 12.

г Поволжье, происхождение ее представляется в основных чертах выясненным. Иначе обстоит дело с культурами бронзового века и неолита на Украине. Здесь многочисленные исследования в разных районах до настоящего времени не привели к достаточно веским доказательствам, позволяющим связать происхождение срубной культуры на Днепре и Донце с предшествующими ей культурами бронзового века. Для рассмотрения этого вопроса и для определения места и времени срубной культуры на Украине следует привести общий обзор развития погребального обряда на Днепре и Донце, с одной стороны, и на Волге — с другой.

В III тысячелетии до н. э. все степное пространство, начиная от нижнего Днепра вплоть до Среднего и Нижнего Поволжья, было занято более или менее однородными племенами ямной культуры. Основываясь на обрядовых особенностях древнейших курганных погребений и в еще большей мере на характере керамики из этих погребений, можно предполагать, что племена ямной культуры на всем занимавшемся ими пространстве относились к однородной этнической группе, распадавшейся на отдельные племена.

Материал, которым располагает современная наука из области распространения ямной культуры, в особенности из районов степной Украины, хорошо изучен, но далеко не достаточен; он происходит почти исключительно из могильников. Этот его односторонний характер не давал возможности рассмотреть и решить ряд наиболее существенных вопросов, касающихся ямной культуры. Не было вполне установлено, что лежало в основе экономической жизни населения. Преобладало ли разведение мелкого рогатого скота над старой охотничьей формой хозяйства или нет?¹⁰ Есть основания предполагать что уже в древнейшем периоде ямной культуры ее племенам было известно и разведение коров. Обнаруженные в погребениях деревянные повозки с колесами из цельного дерева, без спиц, свидетельствуют о наличии крупного рогатого скота, служившего тягловой силой¹¹. Почти полное отсутствие остат-

¹⁰ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Роль зоообщества степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, стр. 57 и сл.

¹¹ О. И. Тереножкин. Курган Сторожова мола. «Археолопя», т. V, Кигв, 1951, стр. 183 и сл.

ков поселений ямной культуры, не нарушенных поздними слоями, не давало возможности собрать более или менее достоверный костный материал, который позволил бы судить о возникновении и развитии в те времена скотоводства. Не лучше обстоит дело и с вопросом о существовании мотыжного земледелия; о нем можно лишь предполагать. Мотыга, сделанная из кости коровы и найденная на поверхности древнего горизонта, под насыпью, покрывавшей основное ямное погребение¹², может быть, применялась для рыхления земли под посевы. Она является пока единственной находкой, что объясняется, возможно, отсутствием хорошо исследованных селищ ямной культуры. В настоящее время на нижнем Днепре раскопано селище ямной культуры близ с. Михайловки, дающее представление о широком распространении скотоводства у племен этой культуры.

Возникает второй вопрос, непосредственно связанный с первым. В силу каких причин ямная культура на всем обширном пространстве своего распространения сохраняет большую общность, отразившуюся в погребальном инвентаре и в погребальном обряде? Является ли эта близость только результатом одинакового примитивного хозяйства, развивавшегося в однородных географических условиях причерноморских и поволжских степей, или к этому надо прибавить то обстоятельство, что в степных районах хозяйство времен ямной культуры было связано с постоянным или периодическим передвижением, позволявшим общаться между собой племенам отдаленных друг от друга районов? Как бы ни были в будущем разрешены эти вопросы, в настоящее время попытаемся рассмотреть погребальный материал, происходящий из наиболее западных и наиболее восточных пределов распространения этой культуры, сравнить древнейшие погребения и происходящую из них керамику на нижнем Днепре с аналогичными явлениями в Поволжье. Это позволит, с одной стороны, определить те сходные черты, которые создают представление об ямной культуре как об однородном массиве на всем протяжении ее распространения; с другой стороны, — наметить ту категорию явлений, которая со временем поможет выделить местные варианты этой культуры.

¹² Никопольское курганный поле. Раскопки Б. Н. Гракова 1940 г., кургана № 1.

Раскопки курганов под Никоподем, неопубликованные и многократно упоминаемые ниже, еще в 1937—1939 гг. дали возможность подробно ознакомиться с разными типами ямных погребений, распространенных в Нижнем Приднепровье. Изучение стратиграфии больших курганов, насыпанных в два или три приема, в разное время существования ямной культуры, позволило выделить два хронологических периода этой культуры, непосредственно следующие один за другим. Некоторые из курганных насыпей, покрывавшие погребения первого и второго периодов, отражают в себе длительное развитие одной общественной группы населения, вероятно, семьи. Трудно сказать, на всем ли пространстве, занимавшемся ямной культурой, можно будет проследить изменения в обряде захоронения во втором периоде ее существования. Несомненно лишь то, что в Никопольских курганах эти изменения прослеживаются с достаточной ясностью. Здесь древнейшая группа погребений сохраняла строго определенное положение на спине с поднятыми вверх коленями, в обширных ямах, а все покойники второго периода оказались сильно скорченными, лежали на боку в относительно тесных могильных ямах. В других местах, где известны погребения ямной культуры, повидимому, до позднего времени сохранился обряд захоронения покойников на спине с приподнятыми коленями, и именно эту черту обряда следует считать наиболее характерной для всей культуры. Не только положение покойников, но, — что особенно важно отметить, — и способ устройства могильной ямы и ее покрытия в Поволжье ничем не отличаются от того, что мы видим во всех районах распространения ямной культуры, вплоть до нижнего Днепра.

Обратимся за примерами к Никопольским курганам. В большинстве случаев, особенно для погребений древнейшего периода, могила представляла собой аккуратно вырытую просторную яму, чаще строго прямоугольную (например, курган 3, 1937 г., погребения 6, 7, 16, 17, 19 и 21). Ямы округло-овальной формы встречаются реже (например, тот же курган, погребение 23). Могилы были вырыты, вероятно, киркообразным плоским орудием 5—6 см шириной, следы которого отчетливо заметны в некоторых случаях (например, в погребении 9 кургана 3, 1937 г.). При рытье глубоких впускных мо-

гильных ям делались уступы *для* предохранения их стенок от обвалов. Очень часто в засыпке могил и по краям ям встречались следы деревянного покрытия, представлявшего собой накатник из круглых бревен или положенных плотно в ряд плах. Иногда поверх покрытия встречается тлен тростника, набросанного на бревна (например, в кургане 3, 1937 г., погребения 6, 16 и др.)-

Аналогичные признаки, характерные для погребального ритуала ямной культуры, широко распространены по всей ее территории. С полной четкостью они представлены и в Поволжье. Так, в березняковском парном погребении на Волге, исследованном В. В. Гольмстен, покойники лежали в просторной округлой яме на спине, со свалившимися в сторону ногами, первоначально приподнятыми коленями вверх (рис. 1, 7). То же мы видим и в Саратовской, и в Сталинградской областях. Сюда прежде всего относятся погребения, исследованные И. В. Синицыным в 1939 г. близ с. Бородаевки, Марковского района, Саратовской области. Из них два детских погребения (№ 4 и 5 из кургана 4)¹³ по обряду совершенно одинаковы и, судя по яйцевидному горшку, опоясанному горизонтальными отпечатками веревки из погребения 5¹⁴, относятся к ямному времени. Оба скелета лежали в прямоугольных ямах, на спине, со свалившимися в стороны ногами, с коленями, первоначально поднятыми вверх. И в том и в другом случае отмечены следы дерева от перекрытия, представлявшего собой плахи (в могиле 5). Покойники лежали на густом слое красной краски и были посыпаны ею сверху. В кургане 9¹⁵ картина основного мужского погребения (№ 7) необыкновенно сходна с одновременными погребениями Украины. В большой, почти квадратной яме лежал на спине покойник в скорченном положении. Первоначально поднятые вверх ноги свалились в левую сторону. Интересно хорошо сохранившееся покрытие, состоявшее из 12 толстых дубовых бревен 5-метровой длины. Погребение 4, разрушенное последующими захоронениями, по погребальному обряду совершенно совпадало с погребением 7. Его

¹³ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947,, стр. 117, рис. 78 и стр. 119.

¹⁴ Там же, стр. 119, рис. 79.

¹⁵ Там же, стр. 127 и сл.

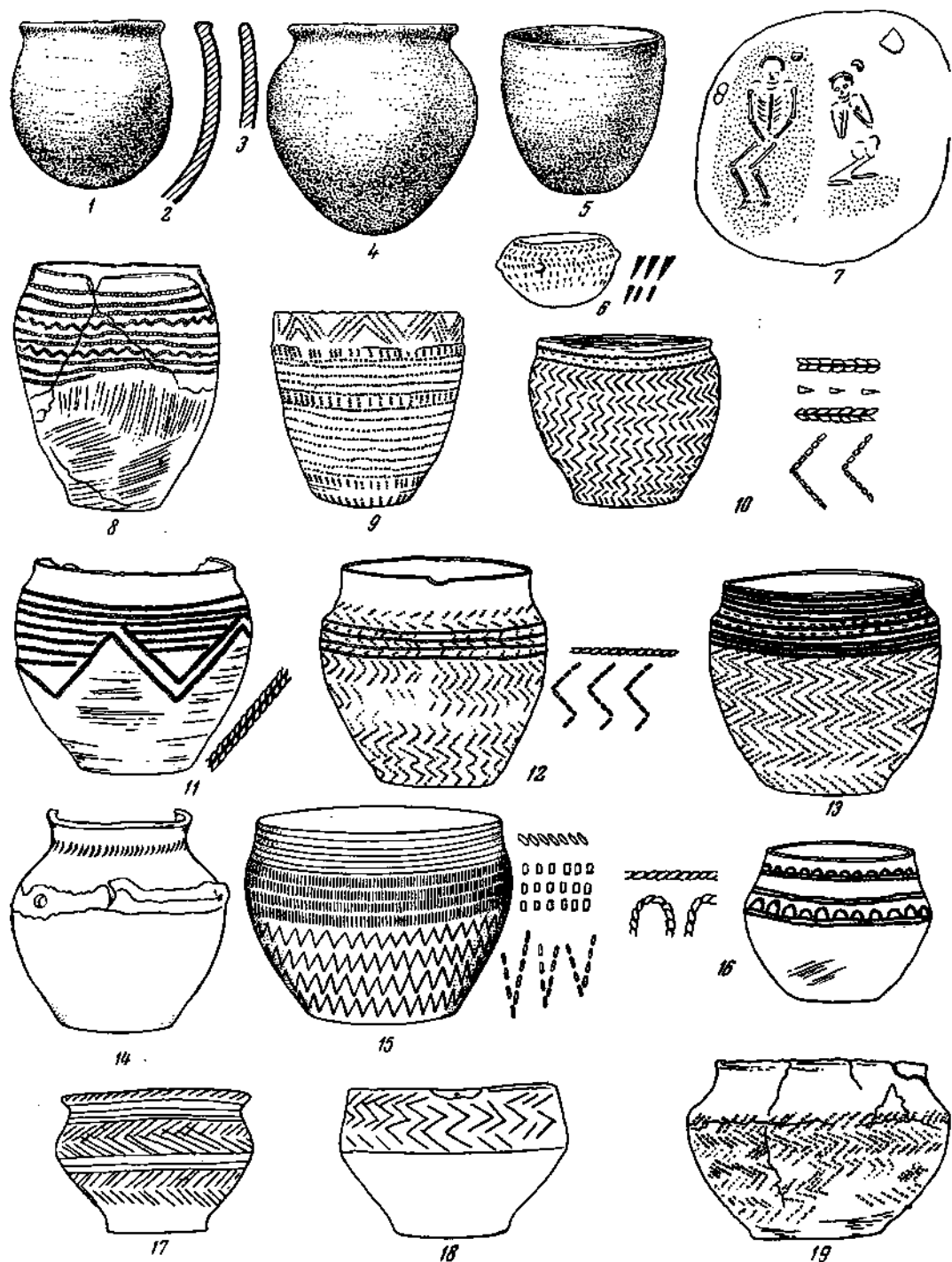

Рис. 1. Керамика из погребений ямной и полтавкинской культур.

1—7 — Березняки, Саратовской области; 8 — речка Яма, курган С17; 9, 10, 12 — Старая Полтавка, курган Е26, погребения 3, 4, 1; 11, 17, 19 — там же, курган Е25, погребения 16, 2, 17; 13 — Павловское, курган Е6, погребение 8; 14 — Харьковка, Саратовской области; 15 — Аверьяновка, Куйбышевской области; 16 — Старая Полтавка; 18 — Ровное, Саратовской области. Ок. 1/10 н. в.

принадлежность к концу ямной культуры определяется богатым инвентарем, в который входили своеобразный бронзовый нож¹⁶, бронзовое четырехгранное шило (см. рис. 12, 1, 15) и костяные пронизи с поперечной нарезкой. В то время, когда дубовое покрытие основного погребения 7 истлело и провалилось, но заполнившая могилу земля еще не успела плотно осесть, в курганный насыпь было впущено раннеполтавкинское погребение 6. Устройство могилы этого погребения отличается от ямных: покойник лежал в неправильно-округлой яме значительно меньших размеров.

Из всего сказанного ясно, что ямные погребения близ Бородаевки полностью совпадают по обряду захоронения покойников с березняковскими в бывш. Самарской губернии.

В 1951 — 1952 гг. И. В. Синицыным проводились раскопки курганный группы на левом берегу Еруслана, близ с. Бережновки, Сталинградской области. Насколько можно судить по предварительному сообщению¹⁷, здесь им было обнаружено значительное количество погребений ямной культуры. Общий обзор этих погребений, представленный автором раскопок, дает картину, обычную для ямных захоронений, в которых покойники лежали на спине с упавшими в ту или иную сторону подогнутыми ногами.

Погребения ямной культуры в Заволжье исследованы также К. Ф. Смирновым, который в 1952—1953 гг. производил раскопки курганов тоже в северной части Сталинградской области, севернее Еруслана, в окрестностях районного центра Иловатки и несколько южнее с. Бережновки, близ с. Политотдельского, Николаевского района¹⁸. Некоторые, особенно основные, погребения этих курганов принадлежали ямной культуре.

В обеих курганных группах преобладают большие прямоугольные ямы; овальные встречаются редко. Лишь одно погребение в курганный группе у с. Политотдельского (курган 2, погребение 5) было совершено в

овальной яме. И здесь все покойники лежали на спине с приподнятыми, а затем свалившимися в стороны коленями. В этих могилах были найдены характерные круглодонные сосуды.

Обычай посыпать красной краской дно могилы и покойника, столь характерный для древнейших скорченных погребений, особенно часто прослеживается в могилах ямной культуры как на Украине, так и на Волге. Помимо посылки, ямные погребения нередко содержали большие куски краски. В парном погребении в Березняках (рис. 1,7) были обнаружены не только обильная посылка краской но и два ее больших округлых куска, лежавших в изголовье Могилы. Кроме того, в этой могиле, как и во многих других ямных погребениях, были встречены раковины.

Все известные в настоящее время на Волге ямные погребения расположены в левобережных районах. Пока преждевременно делать какие-либо решительные выводы об их территориальном соотношении с погребениями последующей полтавкинской культуры. Однако следует отметить, что все древнеямные погребения были обнаружены поблизости от левого берега Волги и отсутствуют далее на восток от нее. Полтавкинские же погребения находятся как в этих местах, так и в восточном от них направлении.

Краткий обзор погребального обряда ямной культуры в основных районах ее распространения прежде всего приводит к тому выводу, что в Поволжье, на Донце и на нижнем Днепре обряд был совершенно одинаков. Таким образом, исходя только из погребального ритуала и устройства могил, нельзя выделить локальные варианты, характерные для того или иного радона, даже для районов, наиболее отдаленных друг от друга. Кроме того, здесь следует подчеркнуть ту основную общую черту в устройстве ямных могил, которая имеет существенное значение при рассмотрении дальнейшего развития форм захоронения покойников. Это несомненные признаки того, что при устройстве могилы воспроизводилось жилище живых. Все приемы ее устройства, очевидно, были выработаны при постройке земляночных или полужемляночных жилых помещений. Таковы правильная, чаще прямоугольная, реже округлая яма с хорошо обработанными прямыми стенками, крыша в виде накатника из крупных и толстых бревен, концы которых:

¹⁶ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 130, рис. 87.

¹⁷ И. В. С и н и ц ы н. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, Б., 1953, стр. 77 и ел.

¹⁸ К. Ф. С м и р н о в. Работа первого Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, 55, 1954, стр. 64 и ел.

были ровно обрезаны, и иные покрытия, например из плах. Какую-то роль в постройке крыши, очевидно, играл тростник, аккуратно уложенный рядами. Отсутствие материала с поселений пока не позволяет провести сравнение с остатками самых жилищ, но на Волге, где погребальные обычаи в бронзовом веке оказались наиболее устойчивыми, ямная форма могил повторяется и в полтавкинскую, и в срубную эпохи. Если и вносятся различные изменения в приемы устройства могил, то все они явно связаны с усовершенствованием форм человеческого жилища.

Рассмотрим основные типы могил полтавkinской культуры и некоторые особенности ее погребальных обрядов. Наиболее ярким, всесторонне освещающим обряд полтавkinских погребений, остается материал из раскопок, произведенных П. Д. Рау в Заволжье в 20-х годах. К нему можно прибавить лишь немного, так как прекрасный материал из раскопок И. В. Сеницына в 1951 г. на Еруслане опубликован пока не в полной мере. Кроме того, для характеристики полтавkinских погребений можно еще привлечь некоторый материал из раскопок И. В. Сеницына в 1939 г. у с. Бородаевки и из раскопок К-Ф. Смирнова в 1952 г. у Иловатки и с. Политотдельского, Сталинградской области.

Могилы полтавkinской культуры можно подразделить на три группы, из которых к первой, основной, относится большинство могил, а ко второй и третьей — лишь немногие.

Первая группа связана с дальнейшим развитием форм погребений ямного времени. Это все те же прямоугольные и овальные могилы, но в большинстве случаев менее простые, чем в предшествующий период. Количество овальных могил возрастает, появляются и ямы неправильных форм (Иловатка, курган 3, погребение 1). Почти все эти ямы по своей конструкции мало отличаются от предшествующих: у большинства их наблюдаются следы деревянного покрытия, совершенно такого же, как и в ямных погребениях, т. е. в виде накатника из толстых дубовых бревен, или плахи. Примером строго прямоугольных могил может служить погребение 1 из кургана Е4 в г. Энгельсе¹⁹, примером овальных или округлых могил — погребение 12 из кургана 15 у с. Политотдельского и впускное погребение 6 из кургана 9 близ Бо-

родаевки, на которое указывалось выше. Положение покойников на спине с приподнятыми вверх коленями встречается довольно часто, и, насколько позволяет судить сохранность костей, более половины покойников было погребено именно так. Но наряду с ними появляются и другого рода захоронения, в которых покойники лежали на правом или левом боку с поджатыми ногами. В полтавkinской культуре сохранились и другие черты погребальных обычаев ямной культуры. Продолжается посыпка дна могил и покойника красной краской, иногда встречаются куски краски. В некоторых случаях дно могилы бывает усыпано мелом (курган Е13 на р. Большом Карамане)²⁰. Керамика и кости животных встречаются чаще. Продолжают попадаться раковины. Полтавkinская культура относится к эпохе древнейшей металлообработки в степном Поволжье и Причерноморье; в могилах этого времени иногда встречаются металлические орудия и украшения, типичные для северокавказской, полтавkinской и катакомбной культур.

В настоящее время известны только два погребения, относящиеся ко второй группе могил полтавkinской культуры, но, несмотря на их малочисленность, их следует выделить и обратить на них внимание. В основном по форме и устройству эти могилы ничем не отличаются от могил ямной культуры. Это широкие прямоугольные ямы, закругленные лишь на углах, сверху покрытые деревом. Весьма существенное отличие, заставившее обособить эти могилы, заключается в том, что в них были вставлены так называемые срубы, сделанные из толстых, хорошо обработанных деревьев. Одно из этих погребений (№ 3) было обнаружено П. Д. Рау в 1927 г. (курган ЕЮ, погребение 3)²¹. Оно являлось основным погребением в кургане. Здесь была похоронена старуха, лежавшая в скорченном положении на левом боку, головой на северо-северо-запад. Большая квадратная яма (2,27 X 2,30 м), глубиной более 2 м, имела совершенно прямые, отвесные стенки и сверху была прикрыта восьмью толстыми дубовыми бревнами, расположенными вдоль тела. Некоторые из них, расколотые вдоль, лежали вверх горбылями. Концы бревен далеко заходили за края мо-

¹⁹ Раскопки П. Д. Рау 1927 г.: Р. Каи. Ук. соч., стр. 29, рис. 1.

²⁰ Р. Каи. Ук. соч., стр. 34 и ел., рис. 5.

²¹ Там же, стр. 31 и ел., рис. 4.

гилы и при обвале обрушили часть юго-западной земляной стенки. Часть полусгнивших концов покрытия осталась на краях могилы. В общем картина покрытия, форма и величина ямы ничем не отличаются от того, что представляется обычным в могилах ямной культуры. Обвалившееся покрытие не нарушило погребения, бревна опустились лишь до половины глубины ямы. Это дало возможность проследить деревянные части конструкции пола и стенок. Весь пол был устлан досками, густо засыпанными красной краской и мелом. Вдоль стен и несколько отступя от них лежали бревна (одно дубовое, три ивовых) в виде венца сруба с заходящими друг на друга концами, как бы рубленого в угол. «Сруб» такого рода совершенно сходен с теми срубами (в один или два венца), наличие которых является одной из характерных черт погребений срубной культуры.

Таким образом, рассматриваемое погребение по своему ритуалу сохраняет все традиции давно минувших времен ямной культуры, а вместе с тем свидетельствует о появлении в погребальном обряде новых черт, характерных для ритуала нарождавшейся срубной культуры. Это заставляет отнести данное погребение ко времени конца полтавkinской культуры, непосредственно предшествующему срубной, несмотря на то, что сопровождающий его сосуд²² весьма архаичен и по форме, приближающейся к яйцевидной, и по елочному орнаменту.

Третья группа полтавkinских погребений тоже малочисленна. К ней относятся погребения в катакомбах. Два таких катакомбных погребения обнаружены П. Д. Рау близ Старой Полтавки, на р. Еруслане²³, одно — экспедицией Исторического музея в 1926 г. близ с. Харьковки, Сталинградской области, в бассейне верхнего Еруслана²⁴. Три погребения были открыты И. В. Синицыным в 1951 г. близ Бережновки²⁵. Все эти погребения относятся к одному, вероятно южному району распространения полтавkinской культуры, т. е. все они расположены по течению Еруслана, в северных пределах Сталинград-

ской области. Катакомбы близ Бережновки пока еще подробно не опубликованы И. В. Синицыным и потому сейчас мной не могут быть приведены в качестве примеров. В кургане 7 близ Харьковки было найдено одно детское захоронение в неглубоком подбое. Ребенок лежал в скорченном положении, на правом боку и слегка выдавался из подбоя. Его сопровождал сосуд полтавkinского типа, своеобразно украшенный шишечками (рис. 1, 14).

Большой интерес представляют обе катакомбы, исследованные П. Д. Рау в окрестностях Старой Полтавки. Приемы устройства этих погребений, как и погребения близ Харьковки, указывают на то, что обычай хоронить покойников в катакомбах, — по крайней мере в том виде, в каком мы знаем его на Донце и в Приднепровье, — у населения полтавkinской культуры Поволжья не привился. Эти три катакомбы, очевидно, были выкопаны теми, кто не мог полностью отрешиться от захоронения покойников в простых ямах. Могила 7 у с. Харьковки по существу представляла собой обыкновенную небольшую яму, лишь с небольшим подбоем, не вмещавшим в себя тела ребенка. Могила 24 в кургане E25 близ Старой Полтавки в конструкции погребальной камеры имеет ряд своеобразных отклонений от классического типа донецких катакомб. Ее обширная прямоугольная в плане входная яма (длиной 1,95 м, шириной 1,20 м и глубиной 1,53 м)²⁶ напоминает полтавkinскую могилу первой группы, а не сравнительно узкие входные ямы изюмских и бахмутских катакомб. Необычным представляется и входное отверстие, очень узкое и низкое (высотой лишь 0,35 м), расположенное значительно выше дна входной ямы. Прямоугольная катакомба, очевидно, не имела сводчатого потолка, обычного для донецких катакомб.

В камере была погребена женщина, лежавшая скорченно на левом боку. Сближает это погребение с погребениями катакомбной культуры характер жертвоприношения, которое сопровождало покойницу. В северо-западном углу входной ямы, на половине ее глубины, лежали два черепа и нижние кости ног овцы, а против лица покойницы были сложены в кучу часть черепа и кости ног человека. Пример человеческого жертвоприношения в катакомбной культуре известен по

²² Р. Каи. Ук. соч., табл. III, рис. 2.

²³ Там же, стр. 47 и ел., стр. 57 и ел.

²⁴ Село Харьковка, северная группа курганов, курган 7. См. дневник раскопок во 2-м отделе ГИМ.

²⁵ И. В. Синицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, стр. 85 и 81, рис. 34, 9.

²⁶ Р. Каи. Ук. соч., стр. 48, рис. 14.

раскопкам В. А. Городцова на Изюмшине²⁷. Возможно, что этот обычай был характерен для данной эпохи и распространялся значительно шире территории катакомбной культуры. Второе катакомбное погребение близ Старой Полтавки (курган Е26, погребение 5)²⁸, очевидно, было одновременно первому и принадлежало мужчине, лежавшему на дне катакомбы на спине, с ногами, первоначально поднятыми в коленях. Здесь катакомба имеет необыкновенно большую (3,50 x 2,55 м) и глубокую входную яму, прямоугольную в плане.

Обычай погребения покойников в катакомбах в полтавkinской культуре был, повидимому, мало распространен. Возможно, что этот ритуал проник сюда из более южных степей Прикаспия и левобережья нижнего Дона, где он был обычным явлением²⁹. По своему устройству полтавkinские катакомбы более всего напоминают никопольские. Там и здесь мы видим, что создатели этих погребений еще не вполне были знакомы с приемами их сооружений. Как и под Никополем, здесь форма катакомб различна и, повидимому, неустойчива. Никопольские могилы представляют собой то простые ямы с неглубоким подбоем, не вмещающим покойника (курган 3, погребение 18, 1937 г.; разезд Серко, группа 4, курган 3, погребение 5, 1946 г.), то катакомбы с входными ямами, как бы воспроизводящими обыкновенные могилы ямной культуры (Никополь, курган 1, погребение 11/12, 1938 г.; курган 3, погребение 9, 1946 г.). Это сходство отнюдь не говорит о каких-либо непосредственных связях района нижнего Днестра со степным Поволжьем. Вполне возможно, что эти явления в обоих местах даже и не одновременны. Однако в то время как в днепровских степях на Донце и в Приазовье погребения в катакомбах стали основным обычаем захоронения покойников, а процент ямных сильно уменьшился, в Поволжье ритуал захоронения покойников в катакомбах не привнес и до конца бронзового века сохранился

древнейший обычай погребений в простых прямоугольных или овальных ямах, покрытых сверху деревянным накатником.

Подытоживая сказанное, следует еще раз отметить, что по своему ритуалу полтавkinские погребения являются прямым продолжением ямных. И здесь мы имеем все основания предполагать, что могильное сооружение в той или иной мере повторяло жилище живых. Если это так, то естественно ждать, что рано или поздно с развитием строительной техники в погребальном ритуале отразятся новые приемы постройки жилищ. И действительно, вероятно, в конце полтавkinской культуры в могилах появляются «срубы» из круглых бревен или из плах, позволяющие судить о том, что в строительстве жилых помещений дерево могло применяться для облицовки стен землянок или полуземлянок.

С появлением в Поволжье срубной культуры устройство могил по существу своему не изменилось. В громадном большинстве срубных погребений повторяются обычаи полтавkinских, а через них и ямных погребений. Покойников все также хоронят в простых ямах, почти всегда сверху покрытых деревом. Устройство могил подобного рода держится в срубной культуре во все времена ее существования в Поволжье, т. е. до конца бронзового века. При сравнении ям срубной культуры с полтавkinскими трудно установить, какого рода отличия, связанные с появлением срубной культуры, отразились в них. Может быть, они сводятся лишь к тому, что стенки некоторых срубных могил отделаны не так тщательно, как это наблюдается в полтавkinскую эпоху. В известных случаях нарушается и точность форм, прямоугольность в плане могил (г. Энгельс, курган Е4, погребение 3; бывшее с. Прейс, курган Е14, погребение 1; в обоих случаях — парные захоронения)³⁰.

В срубное время окончательно установился появившийся в полтавkinских погребениях обычай положения покойников на боку в скорченном состоянии. Теперь, за редкими исключениями, покойники лежат на левом боку, обращенные головами на север, с некоторыми отклонениями к западу или востоку.

В предшествующую эпоху ориентировка менее устойчива, но по преимуществу

²⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 224

²⁸ Р. Каи. Ук. соч., стр. 51 и сл., рис. 16.

²⁹ Например, катакомбы на Маныче: * М. И. Арханов. Раскопки курганов на р. Ходань в С А, XI, 1949, стр. 329, рис. 26 и стр. 330,

Р. Яаи. Ук. соч., стр. 29, рис. 2 и стр. 36, рис. 6.

южная и юго-восточная. Посыпка покойников и дна могил красной краской наблюдается в срубной культуре довольно редко, и в таких случаях краски бывает насыпано мало³¹; куски краски отсутствуют вовсе. Надо думать, что наличие краски в могилах этого времени свидетельствует об их принадлежности к относительно раннему времени, к началу срубной культуры. Краска в погребениях срубной культуры, вероятно, является пережитком обрядов предшествующей эпохи. Зола и угли встречаются как в могиле, так и в насыпи кургана. В этом отношении сохраняются старые традиции, установившиеся еще во времена ямной культуры. Таким образом, представляется совершенно бесспорным, что погребальный ритуал в бронзовом веке Поволжья мало изменился со времени ямной культуры до конца срубной.

Несомненно, продолжал существовать, — а возможно, и распространялся шире, — обычай погребения в могилах, в которых были вставлены срубы. Правда, таких примеров мы встречаем в Нижнем Поволжье очень немного. П. Д. Рау³², а позже И. В. Синицын³³ подчеркивали, что погребения в срубах являются в этих районах распространения срубной культуры скорее исключением, а не правилом. В 1928 г. П. Д. Рау было известно только два погребения в срубах, происходящих из юго-восточной группы Покровского могильника (курган 7, погребение 3, 1924 г. и курган 15, погребение 3, 1925 г.). К этим двум погребениям И. В. Синицын прибавляет еще третье, раскопанное П. Д. Рау в 1929 г. (с. Макаровка, курган Д1, погребение 1)³⁴. Эти данные относятся к Саратовскому Поволжью, т. е. далеко не ко всей площади распространения срубной культуры на Волге. Значительные исследования погребений срубной культуры в Среднем Поволжье, начатые еще В. А. Городцовым в 1925 г. в Мелекесском районе, были продолжены за последние годы Куйбышевской археологической экспедицией Института

истории материальной культуры. Как при раскопках В. А. Городцова, так и при дальнейших исследованиях в курганах у хутора «Красная звезда» были встречены срубы, построенные из крупных, хорошо сохранившихся бревен³⁵. Это дает возможность судить о том, что в северной части области распространения срубной культуры на Волге обычай захоронения покойников в срубах сохранился в полной силе. Повидимому, здесь в этом отношении дело обстояло приблизительно так же, как на Донце и на Кальмиусе. Данные, извлеченные из отчетов В. А. Городцова об его раскопках в Изюмском и Бахмутском уездах³⁶, показывают, что и на Украине процент погребений в срубах по отношению ко всем погребениям с керамикой, близкой поволжской, тоже невелик. Попытаемся определить, к какому времени развития срубной культуры в Поволжье относятся известные в настоящее время погребения в срубах.

Начну с рассмотрения хорошо сохранившегося погребения в срубе из раскопок П. Д. Рау в 1929 г. близ с. Макаровка (1-я группа у южной и юго-восточной окраин села). Сруб был обнаружен исследователем в кургане Д1, в основном погребении 1, в почти квадратной могильной яме (2,35 x X 2,15 м). Покрытие ямы, как обычно, представляло собой дубовый накатник, частично обрушившийся в могилу. Здесь мы встречаемся с довольно редким явлением — со срубом, которым были облицованы стенки ямы до ее верхних краев. Сруб, построенный из дубовых полустволов, своей плоской поверхностью был обращен к стенкам ямы. Концы бревен были скреплены по углам поставленными вкось шпигами. Сруб очень интересен по своей конструкции и, несомненно, отражает строительное мастерство того времени. Горшок баночного типа из этого погребения принадлежит к наиболее характерной для срубной культуры керамике³⁷: абсолютное отсутствие шейки, слегка выпуклые бока и вертикально расставленные вдавления

³¹ Примером такого явления может служить погребение из кургана 14 юго-восточной группы Покровского могильника, где против лица и у левого плеча покойника были встречены слабые следы красной краски. Е5А, I, НеЫпИ, 1925, стр. 79.

³² Р. Каи. Ук. соч., стр. 10.

³³ И. В. СИНИЦЫН. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 9.

³⁴ Там же, стр. 9, 69—71.

³⁵ Доклад В. А. Городцова в ГИМ; Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Поволжья. МИА, № 42, М., 1954, стр. 130 и ел.

³⁶ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 220; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 279.

³⁷ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 70, рис. 43.

штампа вдоль края. Сосуды такого рода находились в употреблении на всем протяжении срубной культуры и датируемыми быть не могут.

Однако здесь погребение было совершенно по ритуалу, необычному для срубной * культуры. Покойник оказался сожженным, и мелкие кости — остатки сожжения — были рассыпаны по всему дну могилы. Погребения с сожжением в эпоху срубной культуры были распространены в Южном Зауралье, в северо-западных районах андроновской культуры, хронологически одновременной срубной. Здесь, в окрестностях Челябинска, в могилах, сопровождавшихся типичной андроновской керамикой раннего времени, во всех случаях встречались погребения с сожжением. Этот обряд характерен для варианта андроновской культуры — временного и территориального, — который был назван одним из его исследователей, К. В. Сальниковым³⁸, Федоровским. Наиболее типичными чертами весьма устойчивого погребального ритуала являются, кроме обряда сожжения покойников, наличие костей лошади (жертвенные части животного) и насыпка курганов над погребениями.

Проникновение андроновских обрядов в Поволжье представляется возможным. Приходится постоянно встречаться с различными отдельными элементами андроновской культуры, рассеянными в пределах срубной. С другой стороны, проникновение разных явлений срубной культуры в андроновскую уже не раз отмечалось в археологической литературе. Очевидно, сюда относится и обычай захоронения покойников в курганах. Вот почему считаю возможным погребение близ Макаровки рассматривать как проникновение андроновских обычаев в среду племен трубной культуры. Это подтверждается еще и следующим. В той же курганной группе, кургане О 2, было встречено второе погребение (№ 5) с сожжением³⁹. На дне узкой (88 м ширины) и длинной могильной ямы в корытообразном деревянном сооружении лежали пережженные кости человека, а рядом с ними, вдоль стенки могилы, — ребра лошади. Как известно, лошадь в качестве жертвы животного не встречается в погреб-

бальном обряде срубной культуры, но, кроме костей лошади, покойника сопровождали типичные для срубной культуры горшки и бронзовый нож; следовательно, и это погребение относится к срубной культуре, несмотря на явное наличие раннеандоновских черт. Это дает право отнести макардовское погребение в срубе к раннему времени срубной культуры, непосредственно следующему за полтавкинским. Наличие на дне погребения с сожжением в кургане О 2 красной краски тоже говорит о раннем времени. П. Д. Рау указывает на наличие сруба в единственном погребении кургана 14 юго-восточной группы Покровского могильника. В изданном отчете об этом могильнике⁴⁰ упоминание о наличии дерева внутри могилы отсутствует, и говорится только о деревянном покрытии. Как бы то ни было, красные пятна у левого плеча покойника свидетельствуют о принадлежности погребения к раннему времени срубной культуры. Инвентарь погребения, костяные ромбические в сечении стрелы с шипами и без шипов, а также оба сосуда⁴¹ не противоречат этому.

Срубы в курганах близ хутора «Красная звезда», судя по характеру керамики, также относятся к первому периоду срубной культуры, т. е., по видимому, одновременны другим известным в настоящее время срубам в Поволжье.

Рассмотрение имеющегося материала по срубам дает право прийти к следующему заключению. Обычай хоронить некоторых покойников в срубках, установившийся, вероятно, в конце полтавкинской культуры, продолжает существовать в первый период срубной культуры.

Большой интерес представляет погребение 3 в кургане 7 Покровского могильника, в котором П. Д. Рау и И. В. Силин отмечают наличие сруба. Однако, судя по его описанию⁴², конструкция внутренней отделки могилы была сложнее: по обеим ее продольным сторонам стояло по три столба, о которых свидетельствуют не только тлен дерева, но и расположение ям от этих столбов. Однако по остаткам столбов трудно решить, подпирали ли они покрытие могилы, или являлись каркасом для упора бревен сруба; но каково бы ни было их назначение,

³⁸ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Поволжья. МИА, № 21, М., 1951, стр. 109 и сл.

³⁹ И. В. Силин. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 80, рис. 54.

⁴⁰ Е5А, I, НеЫпИ, 1925, стр. 79.

⁴¹ Там же, рис. 23 (стрелы /—4, сосуды 5 и 6).

⁴² Там же, стр. 74.

все же они указывают на довольно сложную и, может быть, новую деревянную конструкцию внутренней отделки могилы. Это сооружение, очевидно, имитирует внутреннее устройство жилого помещения⁴³.

Известно, что в поселениях срубной культуры в Поволжье и в других местах ее распространения на полу землянок были обнаружены ямы от столбов, расставленных в продольном направлении. Не приходится сомневаться в том, что при таком расположении они назначались для поддержки покрытия жилища.

В конце ямной культуры на нижнем Днепре появляется новый обряд захоронения покойников в катакомбах. Судя по ранним катакомбам Никопольских курганов, он не сразу вошел в обычай и лишь постепенно был усвоен древним населением причерноморских степей.

Не разбирая вопроса о появлении катакомб на нашем Юге, отмечу лишь, что в конце III тысячелетия и начале II тысячелетия до н. э. этот погребальный обряд распространяется по всему Средиземноморью и особенно долго задерживается в степной полосе Восточной Европы. Восточные пределы его распространения — степное Поволжье, юго-восточные — Северный Кавказ, где, однако, встречаются катакомбы лишь позднего времени. Погребения в ямах на территории катакомбной культуры попадаются редко. С появлением катакомб был нарушен старый принцип сооружения могил по образцу жилого помещения живых людей. Нет никаких оснований предполагать, что жилища племен катакомбной культуры имели какие-нибудь подбои и были сходны с погребальными катакомбами. Также невозможно представить в условиях степей существование пещерных жилищ.

С появлением срубной культуры на Украине погребения в катакомбах совершенно исчезают и их заменяют захоронения повожского типа. В основном это все те же ямы, в большинстве случаев покрытые сверху накатником. Среди погребений много впускных. В некоторых, обычно основных, погребениях встречаются срубы, но количество их относительно невелико⁴⁴, хотя и больше, чем на Волге.

Характеризуя срубную культуру на Донце и на Кальмиусе, В. А. Городцов подчеркивал ее пришлый характер. Подобное же представление складывается при изучении погребений срубной культуры на нижнем Днепре. В частности, это особенно заметно под Никополем, где появление срубных погребений произошло, очевидно, много времени спустя после катакомбных погребений. Эти последние здесь своеобразны по своему ритуалу. В раннекатакомбных могилах никопольского варианта покойники лежали на спине, обычно в вытянутом положении. В могилах срубной культуры, впускных в те же курганы, покойники лежали в скорченном положении на левом боку. О появлении в Приазовье и Северном Причерноморье срубной культуры извне говорит и то, что между ней и катакомбной культурой не наблюдается никаких связующих звеньев. Перед нами два совершенно разных обряда. Ни в одной из катакомб не отмечается никаких предпосылок, указывающих на близкое появление могил со срубами или одновременных им простых могильных ям без срубов. С другой стороны, в формах могил срубной культуры отсутствуют пережитки, указывающие на происхождение срубных могил от катакомбных сооружений. Представляется вполне очевидным, что могилы срубной культуры и связанные с ними погребальные обряды полностью сложились еще в Поволжье и проникли в приазовские и причерноморские степи в уже вполне установившемся виде.

Керамика бронзового века в Поволжье, начиная от ямной культуры до конца срубной, в настоящее время представлена в полной мере. Еще недавно приходилось пользоваться только раскопками П. Д. Рау 1924—1929 гг., которым была собрана выразительная коллекция посуды этого времени, происходящая из могил. Представление же о керамике ямной культуры создавалось только по посуде, происходящей из Березняков. Эта небольшая коллекция включает в себе далеко не все формы повожской посуды и относится лишь к северным районам распространения ямной культуры. Раскопки И. В. Синицына и К. Ф. Смирнова в 1951—1952 гг. значительно дополнили керамический мате-

⁴³ См. также Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 139.

⁴⁴ На Донце и Кальмиусе по раскопкам

В. А. Городцова погребения в срубах составляют 21% к другим погребениям с той же самой керамикой.

риал раннего бронзового века на Волге и позволили не только проследить все разнообразие форм и орнаментации сосудов ямного и полтавкинского времени, но и отметить некоторые особенности керамики ямной культуры, свойственные только Поволжью.

Теперь, сопоставляя формы керамики срубной, полтавкинской и ямной культур, мы можем яснее проследить путь развития основных форм посуды срубной культуры, зародившихся здесь же, в Поволжье, еще в самом начале бронзового века.

Рассмотрим основные формы керамики ямной культуры Поволжья. Прежде всего надо выделить яйцевидные сосуды без шейки со слегка округлыми боками (рис. 1, 2, 3, 5), хорошо *тиже* известные и на Украине в погребениях ямной культуры. На Волге примером этой наиболее типичной формы являются горшки из Бородаевки (курган 4, погребение 5, 1939 г.)⁴⁵, из Иловатки (курган 2, погребение 2) и с. Политотдельского (курган 2, погребение 4). Наряду с подобными сосудами, так же как и на Днепре и на Донце, в Поволжье встречаются яйцевидные и круглодонные горшки с отчетливо выраженными плечиками и невысокой, иногда отгнутой шейкой. Горшки этого типа происходят из Березняковского могильника (рис. 1, /, 4). Однако этих сосудов на Волге значительно меньше; здесь преобладают сосуды первого типа, строго яйцевидные, со слабо выпуклыми боками. Этот тип сосудов довольно устойчив; различия в основном сводятся к более или менее удлиненному корпусу сосуда, к более прямым или несколько более выпуклым бокам, к заостренному или закругленному дну. Горшки первого типа и послужили основанием для дальнейшего развития юм керамики, которое привело к созданию наиболее характерных форм посуды полтавско-ямной, а вслед затем и срубной культур.

Начало производства посуды с уплощенным дном относится уже к концу ямной культуры. Это явилось решительным шагом к созданию новой основной формы, а именно к более распространенным в бронзовом веке баночным сосудам. Примером обожженных баночных сосудов такого рода является яйцевидный сосуд из парного березняковского погребения (рис. 1, 5). Перво-

начально он был сформован в обычном остродонном виде, затем его дно было слегка приплюснуто. Это сразу придало сосуду обыкновенную баночную форму. Дальнейшее ее развитие и появление плоского дна привело уже в полтавкинское время к наиболее употреблявшимся в хозяйстве простым баночным горшкам с более или менее прямыми стенками (рис. 1, 9, 10).

Таким образом, баночные сосуды являются первым и наиболее древним типом поволжской керамики бронзового века.

Второй тип посуды тоже зародился очень рано, вероятно в самом начале полтавкинской культуры. Это острореберный сосуд, сравнительно часто встречающийся в могилах и резе на селищах.

Ребро на подобных горшках выработалось не сразу; очевидно, к нему пришли постепенно, причем прототипы острореберных сосудов имели слабо выраженное, высоко расположенное ребро и по форме были близки баночным. Картина такого формирования хорошо прослеживается на пяти сосудах, происходящих из двух курганов (№ E25 и E26)⁴⁶ Старополтавкинской курганный группы. На первом из этих сосудов (рис. 1, //) ребро еле заметно, а на втором (рис. 1, 12) уже выражено значительно отчетливее. Третий сосуд (рис. 1, 13) можно назвать острореберным, но сохраняющим архаичность форм, т. е. удлиненность ямных яйцевидных сосудов. Последние два горшка (рис. 1, 16, 19) уже представляют собой разновидности вполне сформировавшейся острореберной посуды.

Наряду с появлением новых острореберных форм, все или почти все предшествовавшие им типы посуды не выходили из употребления; они продолжали жить и послужили основанием для выработки различных вариантов, тех колебаний в профилировке, которые особенно заметны в керамике срубной культуры. Древние жители Поволжья могли лепить одновременно разнообразные формы, приближавшиеся то к баночным, то к острореберным горшкам. Наряду с этим продолжают свое существование пережиточные формы, типичные для предшествующего времени. В полтавкинской керамике, судя по могильной посуде, они продолжают жить долго и представляют собой баночные

⁴⁵ И. В. Сеницын. Археологические раскопки в истории Нижнего Поволжья, стр. 119, рис. 79.

⁴⁶ Р. Капица. Ук. соч., стр. 40 и сл.

сосуды, которые, несмотря на плоское дно, сохраняют яйцевидность своих очертаний. К ним близок горшок из женского погребения в срубе (курган близ бывшей дер. Гёбель, погребение 3), описанном выше⁴⁷ (см. стр. 15), и в особенности горшок из погребения 2 кургана С17 у впадения речки Ямы в Белую Кубу⁴⁸ (рис. 1, 8). На этот раз и способ захоронения на спине, и обилие краски, и наложение узора на сосуд при помощи отступающей лопаточки — все говорит о том, что этот горшок относится к раннему времени полтавкинской культуры. Если можно отнести погребение в срубе к концу полтавкинской культуры, а погребение на речке Яме — к раннему, то следует предположить, что в полтавкинской керамике архаичные формы сохранялись на всем протяжении ее существования.

Подводя итог сказанному, отмечу, что в Поволжье, в полтавкинской культуре горшки, подобные катакомбным, не получили развития. Горшки с горизонтальными рядами отпечатков веревок, спускающихся довольно низко, встречаются уже в ямной культуре (Бородаевка, курган 4, погребение 5, 1939 г.)⁴⁹. Вероятно, к концу ямного и началу полтавкинского времени относятся сосуды с высокими прямыми шейками, подобные сосудам из Бережновки и из Иловатки. Однако посуды катакомбного типа здесь не выработалось. В настоящее время с территории полтавкинской культуры известно лишь несколько горшков, близких по форме и по узору к катакомбным. Территориальная близость донской катакомбной культуры позволяет предполагать проникновение таких керамических форм с запада.

В конце полтавкинской культуры и в древнейших селищах срубной культуры все чаще появляются остроорберные горшки, большинство которых имеет широкие и приземистые формы (рис. 1, 17, 18)⁵⁰. Варианты высоких остроорберных горшков попадают

редко и получают свое развитие уже во времена срубной культуры.

При изучении материала, известного в настоящее время, мы можем себе представить все основные формы погребальной керамики полтавкинской культуры. Хуже обстоит дело с керамикой, происходящей с поселений, так как до сих пор известны только два памятника, несомненно, относящихся к этой культуре. Один из них, нарушенный селищем срубного времени, дал хорошую и разнообразную по орнаментации коллекцию, собранную В. В. Гольмстен в 1921 г. на дюне Захар-Каллма, на берегу р. Самарки близ дер. Марычевки; другая небольшая коллекция происходит из ее же Сборов близ селения Подгоры, на урочище «Мордова поляна»⁵¹.

Керамика из Марычевки является ценным и важным материалом, позволяющим всесторонне осветить орнаментацию и отчасти формы полтавкинской посуды.

В. В. Гольмстен рассматривала марычевское селище как памятник, относящийся ко времени ранней бронзы, без более ясного хронологического определения⁵². Таким образом, до настоящего времени марычевская керамика стояла как-то обособленно. Для того чтобы доказать несомненную принадлежность этой керамики к раннему периоду полтавкинской культуры, необходимо сначала сопоставить ее орнаментику с узорами погребальных сосудов. После этого для определения относительно раннего времени Марычевского селища следует сравнить способы нанесения узоров на керамику этого селища с теми способами орнаментации посуды, которые встречаются на ранних селищах катакомбной культуры Днепровских порогов. Отсутствие материала с ранних поселений Донца и Дона не позволяет привести более близкие аналогии. Однако сопоставление керамики, происходящей из районов, территориально отдаленных друг от друга, дает возможность прийти к следующему заключению: формы и основные узоры посуды в эпоху ранней степной бронзы проходят пути обособленного развития, что приводит к своеобразию керамики отдельных культур; в противо-

⁴⁷ Р. Каи. Ук. соч., стр. 31, табл. II, рис. 2.

⁴⁸ Там же, стр. 57 и ел., табл. II, рис. 1.

⁴⁹ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 119, рис. 79.

⁵⁰ Горшок, изображенный на рис. 1, 17, происходит из впускного, вероятно детского (косяк не сохранился) погребения 2 кургана Е25 близ Старой Полтавки. Он отнесен П. Д. Рау к срубному времени. Типологически его можно отнести к концу полтавкинской культуры.

⁵¹ Бывш. Самарская губ., сборы 1922 г. Куйбышевский музей.

⁵² В. В. Гольмстен. Доисторическое прошлое Самарского края. Краеведение, ч. I, Самара, 1924 стр. 155 и ел.

положность этому способы нанесения узоров и отдельные элементы узоров общи для разных культур на широком пространстве.

Прежде всего сравним марычевскую посуду с некоторыми погребальными сосудами. Рассмотрим сосуд из аверьяновского погребения, относящегося к этому времени⁵³. Сохраняя архаичную яйцевидную форму, он имел совершенно плоское дно. Его можно было бы назвать баночным (рис. 1, 15), если бы не едва намеченная прямая шейка, отделенная небольшим уступом от слабо выпуклых плеч. Интересна орнаментация сосуда, распадающаяся на три зоны. Верхняя из них покрывает собой шейку и состоит из пяти горизонтальных линий, образованных путем вдавления простой веревки и характерных как для катакомбной, так и для полтавкинской культур. Непосредственно под шейкой следует зона, состоящая из рядов вертикальных вдавлений крупнозубчатого и мелкозубчатого штампов. Еще ниже тем же мелкозубчатым штампом нанесены зигзаги с острыми углами. Следует отметить способ нанесения этих зигзагов — так называемым шагающим штампом». Передвигая зубчатый штамп, гончар задерживал вдавленным з глину по очереди каждый его конец. Такой способ нанесения зигзагов, в Поволжье относительно редкий, встречается, однако, на черепках марычевской посуды (рис. 2, 7). Таким же образом нанесен узор на одном из -олтавкинских сосудов из Бережновки⁵⁴.

На марычевской керамике нередко отпечатки простой и толстой веревки, как на ям- и полтавкинской погребальной посуде (рис. 2, 9). Отпечатки перевитой веревки уже встречаются, но, повидимому, редки; на агычевке они встречены только раз (рис. 2, 5). Отпечатки тесмы не встречаются. Здесь нередко вдавления зубчатого штампа с крупными прямоугольными зубцами столь распространенные в орнаментации керамики полтавкинской и особенно гонимской культур (рис. 2, 2). Существенное значение для определения относительно раннего времени Марычевского селища имеет шейка с узором, нанесенным штампом, — из раковины (рис. 2, 11). Узор,

выполненный тонким нарезом и проведением борозд (рис. 2, 4, 10) встречается здесь нередко.

Особый интерес представляет выполнение зигзагового орнамента, полос и углов посредством отступающей лопаточки (рис. 2, 3—6). Этим узором, обычным для марычевской керамики, повидимому, особенно часто украшали посуду, употребляемую в домашнем быту. На погребальной керамике он был встречен пока всего только раз — на сосуде с речки Ямы (рис. 1, 8)⁵⁵. Этот вполне плоскодонный сосуд сохраняет яйцевидную форму, характерную для керамики предшествующей эпохи. Его зональный орнамент представляет собой чередование полос и зигзагов, нанесенных отступающей лопаточкой. Повидимому, этот горшок относится к раннему времени полтавкинской культуры. Такому определению не противоречат и форма погребения, и обилие красной краски в могиле.

Таковы основные элементы узоров, встречающихся на марычевской посуде. Мелкие черепки, входящие в эту коллекцию, не позволяют судить ни о форме горшков, ни о расположении на них орнамента, ни об узорах в целом. Все они прямые или почти прямые в вертикальном разрезе, редко слегка округлены (рис. 2, 1—11). Вероятно, хозяйственная посуда полтавкинской культуры, происходящая с Марычевского поселения, состояла преимущественно из баночных сосудов, а орнамент, покрывавший их стенки, соответствовал тому, что мы видим на погребальных полтавкинских горшках. Чаще всего он представляет собой горизонтально-елочный узор или опоясывающие сосуд полосы, заполняющие поверхность сосуда сверху донизу или до половины (рис. 1, 8, 13, 15, 16). Так же, как и на катакомбных горшках, свободной от узоров поверхности остается немного. Иногда по фону основного узора проходят более или менее крупные зигзаги или полосы (рис. 1, 12). В противоположность срубным у полтавкинских островерхих сосудов поверхность выше ребра часто оставалась свободной, а ниже покрывалась узором (рис. 1, 19). Привлекает особое внимание орнаментация дна одного из плоскодонных марычевских сосудов (рис. 2,

⁵³ В. В. Гольмстен 1921 г. в бывш. Бу-
велье «...»; уезде, курганная группа близ с. Аверья-
новского. * "Гжневский музей.

* "•-.-.-.-у/л И. В. Синицына 1951 г., курган 4,
юг. . . . Саратовский музей.

⁵⁵ Р. Каи. Ук. соч., стр. 57 и ел., курган С17,
погребение 2.

10). Узор, переходящий с боков на дно, характерен для наиболее ранней плоскодонной керамики степного бронзового века. Гончар, привыкший лепить остродонную и круглодонную посуду, сначала представлял себе и плоское дно легко обозримым и заполнял его узором. Узоры подобного рода встречались также на поселениях Днепроовских порогов этого времени (рис. 2, 20)⁵⁶. Переход узора с боков на дно наблюдается и на позднеафанасьевской посуде Юго-западной Сибири⁵⁷, и на ранних андроновских горшках⁵⁸.

Наличие подобного же сосуда в марычевском слое лишний раз заставляет отнести это селище к раннему периоду полтавкинской культуры.

Дальнейшие обоснования такой хронологии вытекают из рассмотрения орнамента раннекатакомбных поселений. Я не ставлю своей задачей в данном случае представить исчерпывающий анализ всех явлений, связанных с изучением этих поселений. Отмечу лишь, что значительная часть культурных слоев, исследованных в 20-х годах А. В. Добровольским в районе Днепроовских порогов, относится к раннему времени катакомбной культуры. Проводя же сравнение узоров днепровских сосудов с узорами марычевской посуды, укажу на следующее: отпечатки простой и перевитой веревки представляют собой на Днепроовских поселениях раннекатакомбной культуры рядовое явление. Ступенчатый узор, нанесенный отступающей лопаточкой, нередко встречается на селище Собачки (рис. 2, 18), точно так же как и орнамент, нанесенный вдавлениями зубчатого штампа, сделанного из раковины (рис. 2, 19).

Встречается еще один способ нанесения узора на сосуды из полтавкинских и катакомбных поселений (рис. 2, 17): это клиновидные вдавления острой палочкой. На Марычевском селище они неизвестны, но, несомненно, в то время входили в орнаментацию посуды. К этому соображению приводит то обстоятельство, что эти клинушки встреча-

ются на посуде более ранней и более поздней, чем марычевская. Мы их видим во времена ямной культуры, например на круглодонном сосудике из Березняков (рис. 1, 6). В более позднее время, когда уже выделялись острореберные сосуды, такие же клинья входят в состав орнамента сосуда полтавкинской культуры (рис. 1, 13) из погребения близ Павловского, на р. Малом Карамане (курган 6, погребение 8)⁵⁹. Встречаются узоры подобного рода и на керамике, происходящей из Подгор (рис. 2, 12, 13).

Подгоры являются более поздним селищем полтавкинской культуры, чем Марычевка. Их сближает ряд признаков, относящихся к выделке и украшению посуды. Прежде всего следует обратить внимание на состав глины, из которой лепились горшки на этих селищах. В большинстве случаев здесь употреблялась глина с большим количеством растительной примеси, выгоравшей при обжиге и придававшей пористость стенкам сосудов. В некоторых случаях в расслоившихся черепках были заметны отпечатки целых травинков (рис. 2, 5, 16). Позднее, во времена срубной культуры, этот технический прием перестает применяться. Вторым объединяющим признаком являются отпечатки веревок (рис. 2, 13, 14). Однако в Подгорах, помимо веревок, известны и отпечатки тесьмы (рис. 2, 15) и уже вполне отчетливо представлены отпечатки перевитой веревки. Это заставляет отнести селище ко времени развитой полтавкинской культуры.

Подводя итог обозрению полтавкинской керамики, прежде всего развитию ее форм, еще раз отмечу, что основные типы посуды срубной культуры, баночные и острореберные сосуды, уже были выработаны в эпоху полтавкинской культуры. При этом форма баночного горшка возникла раньше острореберной, еще во времена ямной культуры, вероятно в конце ее существования. Уже в полтавкинское время возникли многие варианты баночных и острореберных сосудов.

До открытия полтавкинской культуры, которая была осознана как самостоятельное явление лишь в середине 20-х годов, горшки острореберной формы связывались только со срубной культурой, и то главным образом

⁵⁶ На селище Собачки (№ 229 и 350), дважды — на селище Волчек (№ 1309 и 1439) и на горшочке с селища Перун (№ 1324). Коллекции, хранящиеся в ИА АН УССР.

⁵⁷ С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, стр. 72—74.

⁵⁸ М. Н. Комарова. Погребения Окунева Улуса. СА, IX, 1947, стр. 50, рис. 3.

⁵⁹ Р. Каи. Ёиёе Рипбе аиз Носкер^таберп сё\$ №0еас!еи18сёп Сёбё{з. Е5А, IV, №1зт1и, 1929, стр. 46, рис. 5.

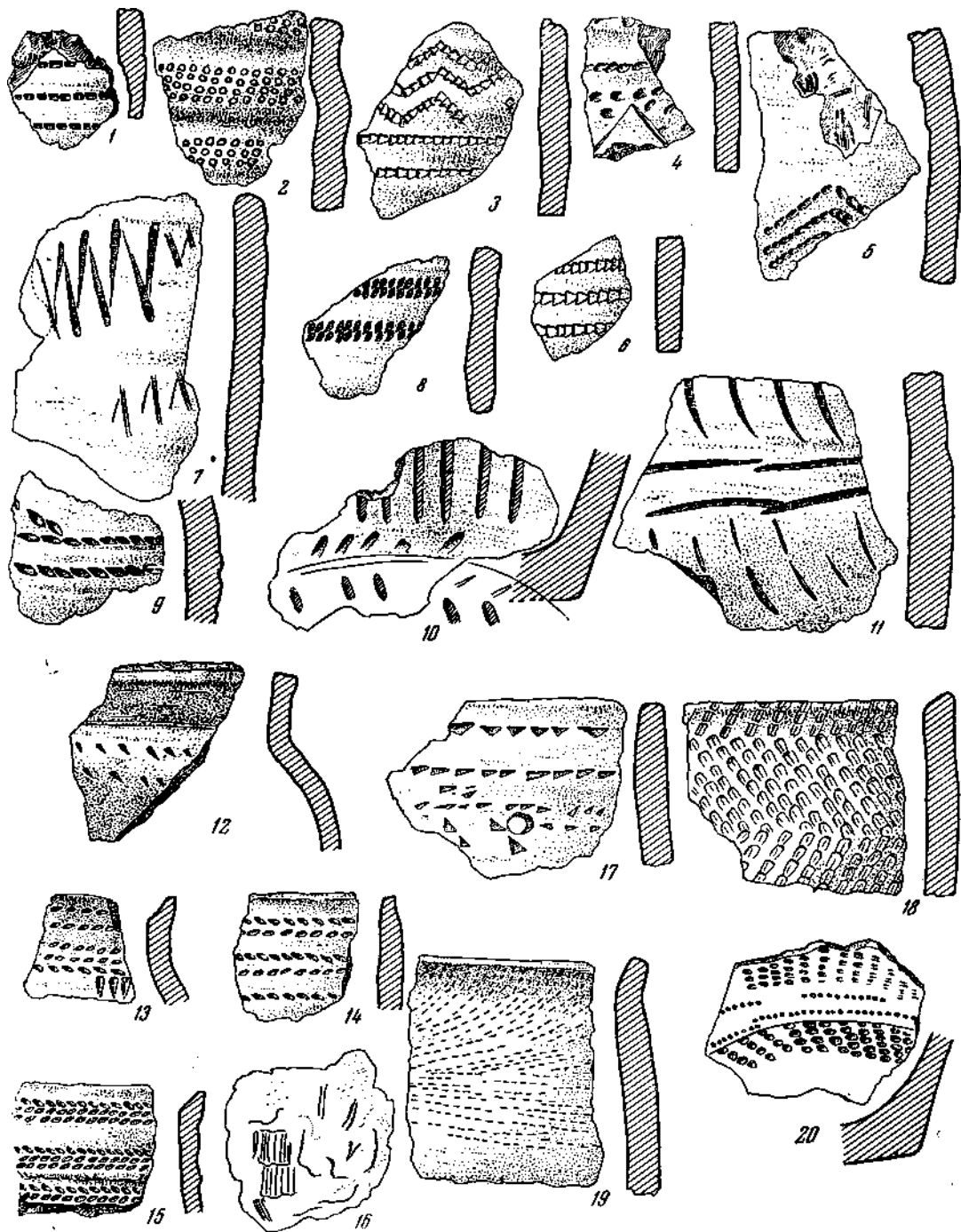

Рис. 2. Керамика с поселений полтавкинской и раннекатакомбной культур.

/—// — Марычевка на р. Самарке, Куйбышевской области; 12—16, — Подгоры, Куйбышевской области;
17—20 — селище Собачки, Днепропетровские пороги. Ок. */§ н. в.

с погребениями в срубах. В. А. Городцов, определивший срубную культуру на основании исключительно только могильного материала, считал погребения в срубах характерными для древнейшего времени этой культуры. К последующей эпохе он относил погребения в ямах главным образом впускные, расположенные в насыпях курганов и на горизонте, что особенно часто встречается в невысоких курганах. Для погребений подобного рода характерны преимущественно горшки баночной формы и близкие к ним, обычно слабо орнаментированные. Острореберные сосуды, покрытые в верхней части более или менее богатым и сложным орнаментом, встречаются в этих впускных погребениях относительно редко. Наблюдения такого рода над стратиграфией курганных погребений и над соответствующим распределением в могилах форм посуды, при отсутствии материала с поселений, неминуемо должны были привести В. А. Городцова к заключению, что острореберные горшки, почти всегда хорошо орнаментированные, представляют собой более древнюю форму посуды, лишь со временем сменявшуюся баночными, слабо орнаментированными горшками.

Обзор керамики полтавкинской культуры показывает, что в степном Заволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы развитие форм посуды проходило не так, как мы видим это на Донце, нижнем Днепре и в Приазовье. В результате развития яйцевидной посуды ямной культуры там появились горшки катакомбного типа; на Волге же развитие шло по другому пути, аналогичному тому, который наблюдается по остродонной керамике Юго-западной Сибири. Здесь, как и в Поволжье, в конце афанасьевской культуры появление плоского дна было связано с образованием баночных горшков, столь типичных для последующей посуды андроновской культуры. Однако такого рода процесс развития протекал в обоих местах не одновременно. В то время как переход от керамики ямной культуры к керамике полтавкинской культуры совершился около конца III тысячелетия и начала II тысячелетия до н. э., в Сибири, где остродонная и круглодонная керамика с хорошо выработанными и разнообразными формами задерживается на более длительный срок, появление баночных сосудов с плоским дном отодвигается ближе к середине II тысячелетия до н. э.

§ 2. КЕРАМИКА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Керамика из поселений является значительно более надежным материалом, чем посуда из погребений, для периодизации вообще и для периодизации памятников срубной культуры в частности. Посуда, употреблявшаяся в домашнем быту, разнообразна, в то время как для погребений использовались лишь определенные формы посуды. Подчиняясь потребностям развивающегося хозяйства, керамика должна была изменять свои формы, а вместе с ними менялись и способы ее украшения. Естественно, что весь этот процесс развития посуды полнее отражается именно в поселениях. Посуда из погребений значительно дольше сохраняет древнейшие формы керамики, прочно связанные с погребальным ритуалом. При определении времени погребений необходимо учитывать традиционность, которая свойственна обрядам захоронения. В могилы могли ставить посуду, которая в быту уже вышла или почти вышла из употребления. Явления такого рода наблюдаются довольно часто в конце бронзового века Северо-западного Причерноморья. В меньшей мере мы встречаем посуду с архаическими чертами в могильниках Поволжья.

Вот почему для классификации степного бронзового века, хорошо представленного керамикой из погребений, все же приходится ставить в основу керамику, происходящую из селищ. Особенно это необходимо принять во внимание для срубной культуры Поволжья, где почти все формы погребальной посуды встречаются на соответствующих поселениях. Но, кроме этой посуды и наряду с ней, в быту употреблялась и другая посуда, служившая только для хозяйственного обихода. Изучение именно этой керамики, — например, очажных горшков и горшков для хранения, — дает возможность проследить развитие керамического производства и разделить его на два основных периода.

Если сопоставить посуду из поселений срубной культуры с погребальной посудой из соответствующих курганов, то увидим, что в последней группе значительно больше тщательно выделанной и орнаментированной посуды, чем простых баночных горшков. Основная масса горшков, найденных в культурных слоях, представляет собой грубые, чаще ыеорнаментированные баночные сосуды с небрежно отделанной поверхностью. Эти со-

суды появились в результате прямого развития баночной посуды полтавкинской культуры; такая посуда известна из поселений (Марычевка, Подгоры) и из курганов.

Для характеристики керамики из поселений, относящихся к первому периоду срубной культуры, следует в качестве примера привести одно из них, заведомо однослойное, просуществовавшее относительно короткий промежуток времени. Хорошая коллекция черепков из Надеждинского селища позволяет ознакомиться со всеми основными вариантами форм посуды, бытовавшей в начале срубной культуры. Признаки, позволяющие отнести это селище к наиболее раннему времени срубной культуры, будут приведены ниже, здесь же следует обратить внимание лишь на основные формы керамики, представленные в уже вполне развитом виде.

Как на Надеждинском селище, так и на других поселениях первого периода развития срубной культуры громадное большинство баночных сосудов имеет в верхней своей части прямые или почти прямые стенки, заканчивающиеся закругленным, реже срезанным краем (рис. 3, 4). Совершенно очевидно сходство этой посуды с пряموстенными горшками Марычевки (рис. 2). Почти на каждом срубном селище раннего времени, помимо этих баночных сосудов, постоянно встречаются различные их варианты. Некоторые из них интересны тем, что по форме явно напоминают керамику предшествующей полтавкинской эпохи. Бока сосудов этого варианта (рис. 3, 2) сохраняют некоторую выпуклость, а края — вогнутость, то сближает их с баночными яйцевидными гормами полтавкинской культуры (рис. 1, 5). Между этими двумя основными вариантами баночных горшков наблюдаются колебания ту или иную сторону, например прямизны теньки в верхней части, выпуклость на краях (рис. 7, 4). Подобные колебания могли входить в процесс лепки произвольно, столько они мало нарушали основной тип баночного сосуда. Однако стоило гончару изменить бока несколько выпуклее, а верхнюю часть слегка отогнуть (рис. 7, 2), получить — новый вариант горшков, уже не баночный, но лишь приближающийся к баночным формам.

Такого типа посуды срубной культуры, так же как и полтавкинской, оста-

ются остросереберные сосуды. Такие сосуды полтавкинской эпохи известны по погребальной керамике, в поселениях же (Марычевка и Подгоры) они пока еще не были встречены. На поселениях срубной культуры эти сосуды тщательно выделаны и хорошо украшены; встречаются они относительно редко. Кроме того, надо заметить, что особенно редки горшки с резко выраженным, отчетливым ребром (рис. 3, 5; 7, 7), более часты — с тупым ребром (рис. 3, 6; 7, 5). При полном отсутствии шейки остросереберная посуда имеет более или менее отогнутый край, закругленный или срезанный (рис. 3, 7, 8). В одних и тех же слоях встречается посуда, по своему типу и назначению близкая к остросереберной, одинаковая по тщательности выделки и по орнаментации. Это горшки со слабо выраженным ребром или совсем без ребра, но с боками настолько выпуклыми, что по форме своей они приближаются к остросереберным. Орнаментированные горшки с ребром меньше известны по материалу селища; они встречаются чаще в богатых или основных погребениях. На селищах же значительно чаще были в употреблении их варианты с закругленными боками (рис. 3, 5, 5а).

Среди горшков этого последнего варианта и баночных имеется ряд промежуточных форм, несомненно, созданных одним или несколькими соседними мастерами. Бесполезно заниматься решением вопроса о том, который из этих вариантов баночных и остросереберных горшков появился раньше или позднее. Вероятно, большинство их уже выделялось населением позднеполтавкинского времени и вошло в срубную культуру в уже готовом виде.

Основное отличие форм керамики срубной культуры от форм керамики полтавкинской эпохи заключается в следующем. В посуде полтавкинского времени постоянно сохраняются древние традиции яйцевидных горшков ямной культуры; сохраняется яйцевидность формы не только баночных, но и некоторых сосудов с намечающимся ребром (рис. 2). В полтавкинское время остросереберные горшки приобрели, по мере развития их формы, приземистые, широкие очертания. В срубной культуре они имеют более стройные пропорции, хотя сохраняются отчасти и широкие полтавкинские типы. В полтавкинской культуре, в особенности в

начале ее существования, некоторые сосуды по форме своей высокой и прямой шейки, отделяющейся от плеч, напоминают, катакомбную керамику (рис. 2). Вся посуда срубной культуры, бытовая и погребальная, окончательно утратила какие бы то ни было черты форм катакомбного времени. Горшки срубной культуры не имеют четко выраженной шейки; у некоторых из них отмечается характерный только для керамики срубной культуры отогнутый край (рис. 3, 5, 8). В дальнейшем из горшков с отогнутым краем и выпуклыми боками создаются новые, позднесрубные формы посуды.

Остановимся на способах формовки днищ посуды первого периода срубной культуры. Уплощенное дно, возникшее при переходе от ямной культуры к полтавkinской, просуществовало, повидимому, до конца последней, потому что такое дно изредка встречается как пережиток даже у сосудов срубной культуры. Так, в могильной керамике раннесрубного времени, из Кайбел, дважды было встречено уплощенное дно. Однако большинство сосудов полтавkinской культуры уже имело обыкновенное плоское дно, но без выступов нижней части стенок. Оно обычно и для керамики срубной культуры, но здесь уже с раннего времени выработалось у сосудов различных форм дно со слегка выступающим краем (рис. 3, 3). Эту форму дна отнюдь не следует считать признаком позднего срубного времени. По наличию на посуде уплощенного дна мы вправе отнести могилу или однослойное поселение к раннему срубному времени, но плоское дно с выступающим краем является обычным на всем протяжении срубной культуры. По технике изготовления глиняной массы для формовки горшков и по лепке их посредством ленточной техники гончарное дело у населения срубной культуры мало отличалось от керамического производства у одновременных ему соседей. Однако такие отличия наблюдаются в некоторых случаях при сравнении с лепкой посуды в предшествующие, полтавkinские времена.

Выше говорилось о том, что большинство черепков из Марычевки и Подгор происходит от сосудов, при изготовлении которых в глину была введена примесь в виде травы или соломы. Эта растительная примесь

совершенно исчезает в посуде срубной культуры, даже на самых ранних ее поселениях. Наряду с примесью травы, при выделке марычевской посуды употреблялись также шамот и толченая раковина. Эти примеси удержались в срубной керамике на всем протяжении ее существования. Легкое лошение поверхности на марычевской керамике не повторяется в Подгорах и на погребальной посуде полтавkinского времени; оно совершенно отсутствует и на посуде всех срубных поселений, как ранних, так и поздних.

Несмотря на то, что все основные формы посуды срубной культуры были выработаны уже в полтавkinскую эпоху, заметно значительное различие в выделке керамики обеих эпох. Это различие позволяет уже только по одному керамическому материалу показать, что с наступлением периода срубной культуры у населения Поволжья совершились серьезные перемены в его экономической жизни. Эти перемены привели к тому, что человек стал по-новому относиться к производству своей посуды, количество и формы которой должны были отвечать новым потребностям его изменившегося хозяйства.

У гончаров срубной культуры способы выделки горшков приобрели известную стандартность, так как посуды стало производиться значительно больше. Исчезли та тщательность и вместе с тем неуверенность в формовке горшков, которые наблюдаются во всей полтавkinской керамике. При выделке посуды срубной культуры, несомненно, допускалась некоторая доля небрежности, что прослеживается почти на всех, — особенно баночных, — сосудах, происходящих из поселений этого времени. Но основное отличие керамики срубной культуры от полтавkinской заключается не столько в изменениях формы, сколько в способах орнаментации посуды. На украшение горшка полтавkinской эпохи затрачивалось значительно больше времени не только потому, что большая часть посуды этого периода покрывалась узором по всей или почти по всей поверхности; сами узоры были выполнены оттисками различных инструментов, тесьмы, простой веревки и перевитой веревки (рис. 1, II, 12, 13, 16). Узоры густо заполнили всю орнаментальную зону. Способы их выполнения были сложны и требовали внимательного и тщательного отношения к делу. Такого рода работа не могла производиться наспех и

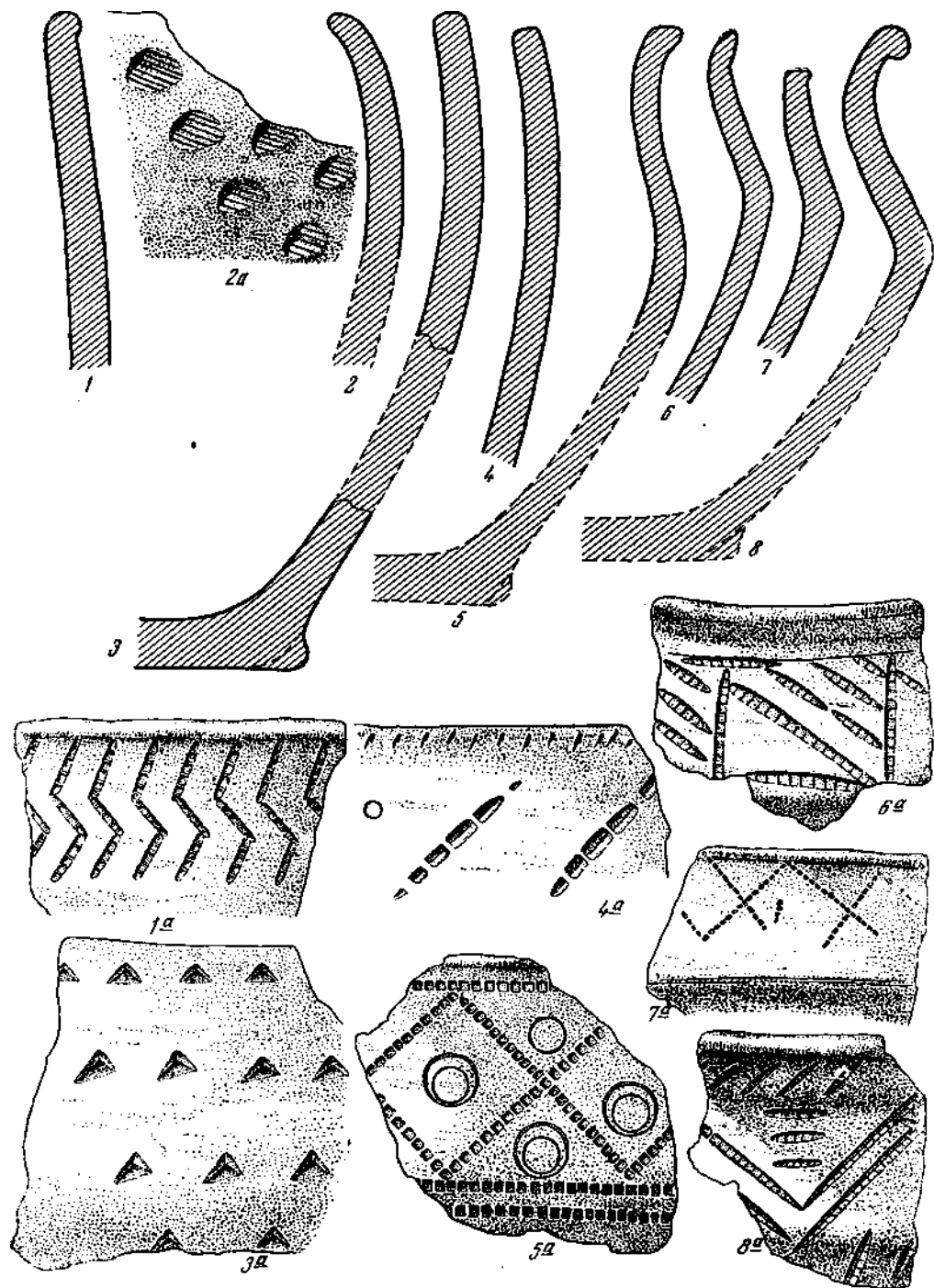

Рис. 3. Керамика с поселений первого периода срубной культуры.

1—8 — Надеждино-Куракино, Пензенской области, близ г. Сердобска. Ок. $\frac{1}{2}$ н. в.

требовала много свободного времени для изготовления даже ограниченного количества посуды.

Основной орнаментальный мотив в полтавкинской керамике — елочный узор — в керамике срубной культуры встречается реже и почти всегда сводится к полосе в верхней части сосудов (рис. 3, 1а; 4, 6, 7, 10). На полтавкинской же керамике елочный узор часто покрывал весь горшок от шейки до дна. Он встречается и на катакомбной керамике и повсюду наносился на поверхность сосудов путем вдавления зубчатого штампа, реже — перевитой веревки.

Те способы нанесения узоров, которые обычны для керамики полтавкинской культуры, особенно для Марычевского селища, а именно зигзаги, сделанные при помощи «шагающего» штампа, отпечатки кривого штампа из раковины, уступчатые вдавления, нанесенные маленькой лопаточкой («отступающая лопатка»), и, наконец, вдавления инструмента, образующего на поверхности сосудов мелкие клинушки, в эпоху срубной культуры исчезают вовсе, кроме зубчатого штампа, приобретшего здесь, однако, совершенно другой характер. Мелкозубчатый штамп употребляется редко (рис. 3, 7а). Этот обычный инструмент для нанесения узора на керамику андроновской культуры не вошел в широкое употребление у гончаров срубной культуры. Наиболее употребительным здесь является крупнозубчатый штамп (рис. 3, 4а, 5а; 4, 8, 11) с большими прямоугольными или квадратными зубцами. Во все времена срубной керамики широко распространен крупнозубчатый штамп, зубцы которого отделены друг от друга неглубокой и тонкой нарезкой (рис. 3, 6а, 8а; 5, 12, 17). Здесь мы имеем дело, вероятно, с имитацией оттиска перевитой веревки, со стремлением упростить выполнение подобного узора.

Не реже оттисков зубчатых штампов встречаются нарезки, нанесенные острым или тупым инструментом. В большинстве случаев они представляют собой довольно грубые и небрежно выполненные борозды. Но еще чаще, чем нарезки и зубчатый штамп, встречаются отпечатки различных ямок, которыми украшали преимущественно простую посуду баночной формы. Формы ямок и способы их нанесения в громадном большинстве случаев повторяются. Ямки с точностью наносятся

уверенной рукой. В основном они сводятся к двум типам. Чаще всего по краю сосуда наносится ряд овальных или близких к ним по форме ямок, поставленных вкось (рис. 4, 2, 5; 6, 2; 7, 3). Иногда они удлиняются и имеют вид короткой бороздки (рис. 7, 2). Такие ямки — наиболее распространенный и простейший способ украшения посуды. Довольно часто встречаются треугольные ямки, нанесенные путем вдавления прямого угла незубчатого штампа (рис. 3, 3а; 4, 1). В большинстве случаев в результате наклонного положения инструмента углубленными получаются лишь две стороны треугольника. Ямки такого рода характерны только для керамики срубной культуры на всей территории ее распространения.

Все эти приемы нанесения узора, выработанные древними гончарами, позволяли не затрачивать много времени на украшение посуды. Несложный узор из широко разбросанных крупных вдавлений заполнял лишь верхнюю часть сосуда. Даже наиболее сложный орнамент остросереберных и некоторых баночных сосудов почти никогда не спускается ниже ребра. Расположение орнамента в две или три зоны встречается редко.

В основе большинства орнаментов срубной культуры лежит зигзаг (рис. 6, 1, 8), различные комбинации которого более или менее усложняют узор. Размещение зигзага под горизонтальной линией или между двумя линиями дает возможность получить ряд треугольников, в большинстве случаев покрытых штриховкой (рис. 3, 6а; 4, 9\ 6, 11\ 7, 7). Ряды ромбов (рис. 3, 5а; 8, 2) и меандровые узоры на срубной посуде относительно редки (рис. 4, 11). Иногда в орнаменте срубной культуры Поволжья встречается крестообразный знак (рис. 5, 6; 6, 5), который имеет не столько орнаментальное значение, сколько, по видимому, является символом, может быть, символом солнца. Дальнейшее усложнение узоров сводится к комбинациям этих основных мотивов с различным образом размещенными ямками и полосами (рис. 4, 13; 7, 4). Иногда встречаются ряды треугольников, опущенных вершиной вниз, выполненные путем нанесения ямок (рис. 3, 2а, 3а; 4, /). Этот узор обычен для баночных горшков.

Резкие отступления от обычных узоров на керамике срубной культуры — косые заштрихованные треугольники, нанесенные мелко-

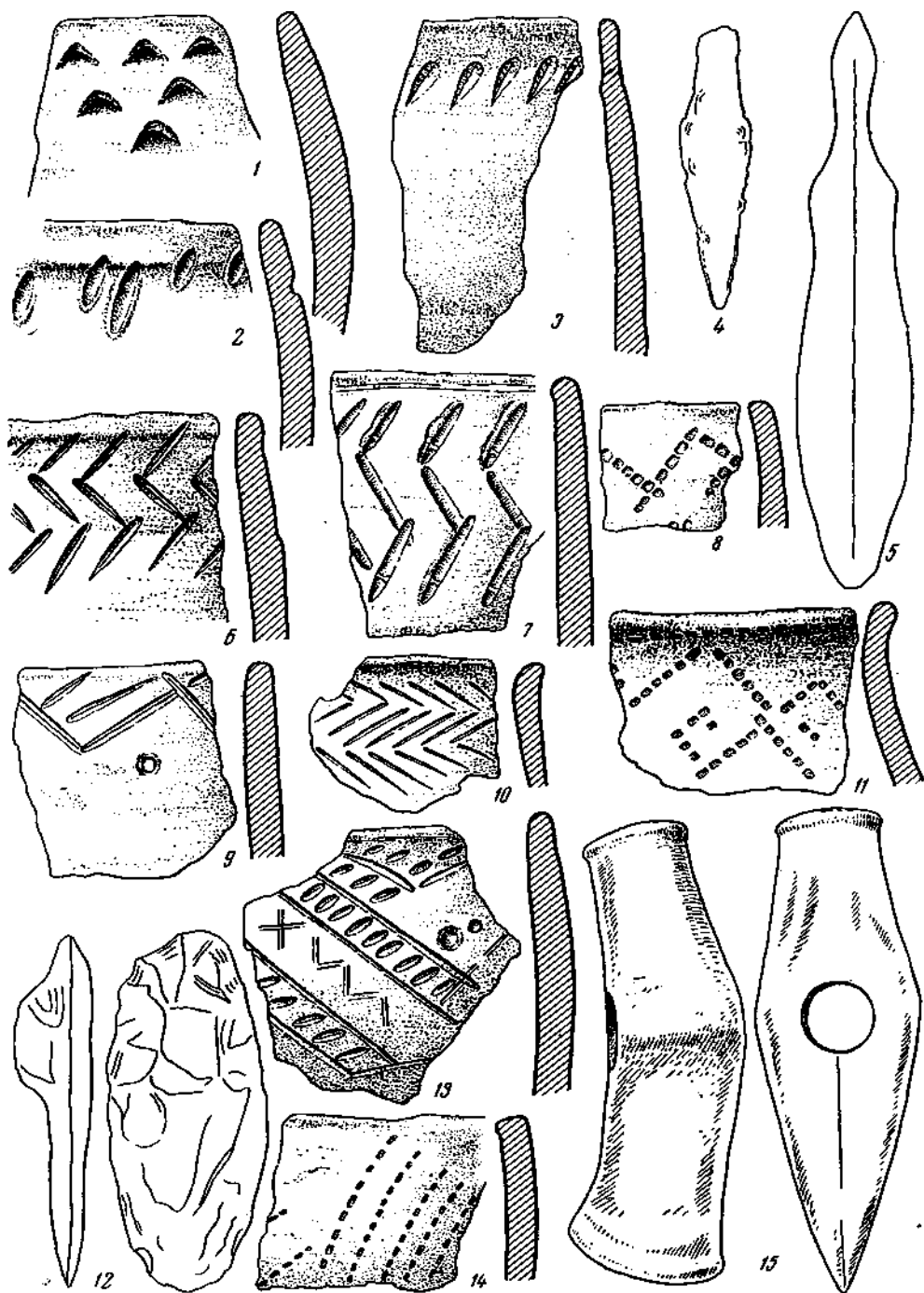

Рис. 4. Керамика, бронзовые и каменные орудия с поселений первого периода срубной культуры.

1—15 — Надеждино-Куракино, Пензенской области, близ г. Сердобска. Ок. $\frac{1}{2}$ в. в.

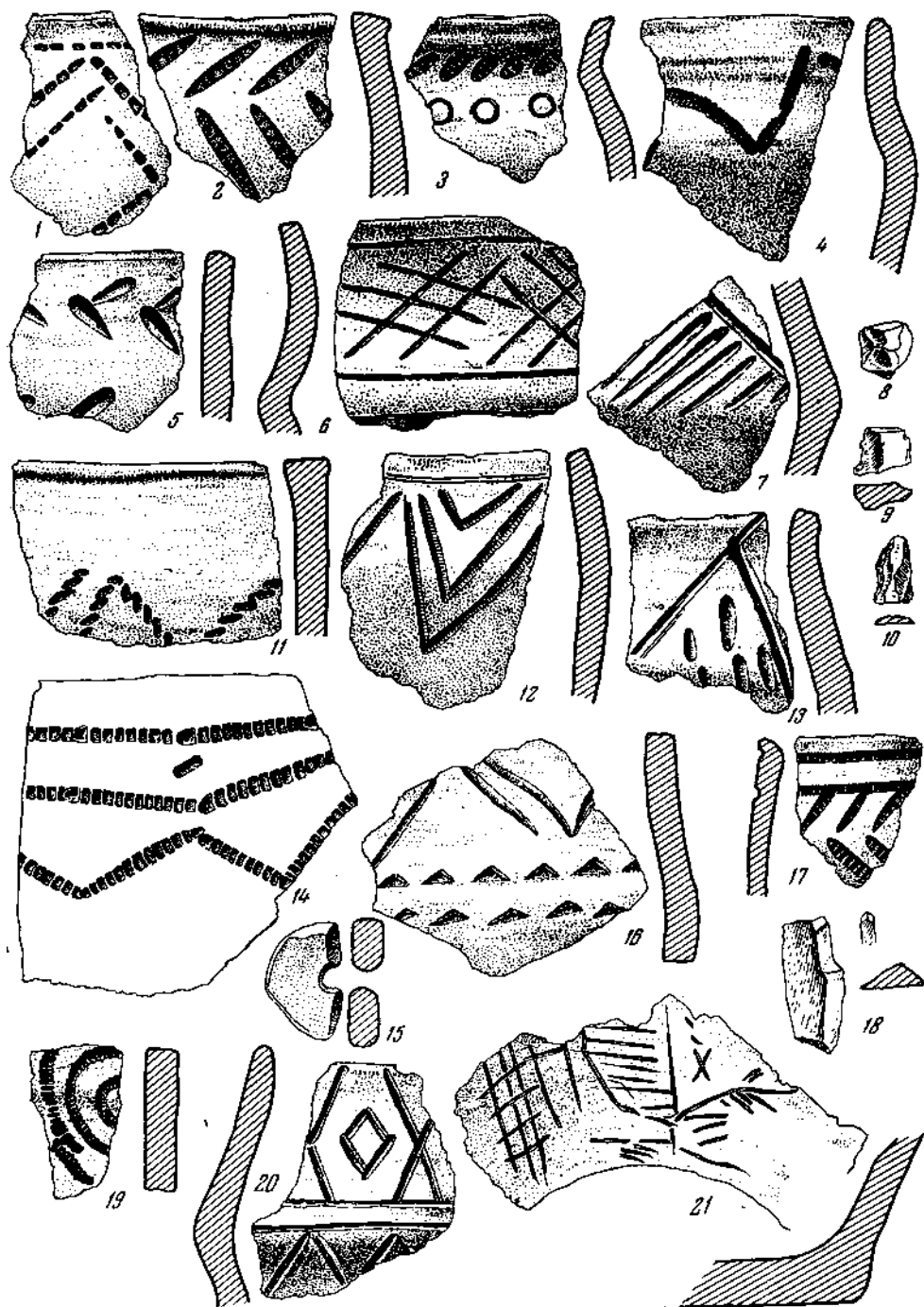

Рис. 5. Керамика и кремневые изделия с ранних поселений срубной культуры.
 1 — 4 — Егорьевка, Куйбышевской области (культурный слой №60); 5 — 13* — станция Безымянна*
 Сталинградской области; 14 — 21 — Кинель-Черкасы, Куйбышевской области. Ок. 1/4 н. в.

зубчатым штампом, и сложный меандр, круглые ямки, шишечки, кружки и некоторые другие способы нанесения узора, а также зональность в расположении узора, — почти всегда указывают на внедрение в орнаментацию керамики срубной культуры чуждых ей элементов.

Единство форм и орнамента посуды первого периода развития срубной культуры в Поволжье не дает никаких оснований для выделения более мелких территориальных вариантов. Однако не исключена возможность, что со временем, при проведении систематических раскопок в пределах бассейнов отдельных притоков Волги, будут выделены местные особенности, отличающие посуду одной группы населения от другой. Теперь же, при существовавшем материале, находку возможно говорить только о хронологических делениях этой культуры на два основных периода, а в пределах каждого из них отметить более ранние и более поздние поселения.

Изучение керамики поселений полтавской культуры, несмотря на их малочисленность, дает представление о характере ее орнамента и отдельных его элементах, о способе нанесения узора. На этом основании в Поволжье (и пока только в Поволжье) можно проследить переход от предшествующей эпохи к раннесрубной путем выделения поселений срубной культуры, сохранивших и в форме посуды, и особенно в способах нанесения орнамента элементы полтавского времени. К подобным селищам самого начала срубной культуры относятся следующие, происходящие главным образом из Куйбышевской области и из соседних районов.

Среди типичной для срубной культуры керамики (рис. 5, 1—4) из Егорьевского селища⁶⁰ находятся двз черепка от сосудов с юхаическим орнаментом. На одном из них гнамент нанесен кружками, расположенными: под рядом косых вдавлений двзубчатого "тампа (рис. 5, 3). Кружки сделаны посредством вдавления трубочки. Этот прием по-местно был распространен в степи во времена полтавской и катакомбной культур. Такой черепок орнаментирован одним рядом: простых зигзагов, характерных для срубной культуры того времени, но выполненных весьма древним способом, а именно путем вдавления пе-

ревитой веревки (рис. 5, 4). Наличие в слое черепков с подобным орнаментом дает право отнести поселение близ Егорьевки ко времени, непосредственно следующему за полтавской культурой.

Нижний слой поселения близ станции Безымянки, содержащий черепки чисто срубной культуры (рис. 5, 5—7, 11—13), можно отнести к тому же раннему времени. В состав небольшой коллекции черепков входит один, орнамента которого восходит к полтавской керамике (рис. 5, 10). Он принадлежал баночному сосуду, который был украшен рядом зигзагов, представляющих собой вдавления толстой неперевитой веревки. В том же слое были найдены мелкие кремневые орудия (рис. 5, 8—10), необычные для поселений развитой срубной культуры.

К тому же раннесрубному времени принадлежит и селище № 13 близ станции Кинель⁶¹. Об этом свидетельствуют: во-первых, наличие черепка, сохранившего часть орнамента в виде концентрических кругов или петель, выполненного путем вдавления перевитой веревки (рис. 5, 19); во-вторых, наличие фрагмента пряслица из черепка, отверстие которого просверлено с двух сторон конусообразным сверлом (рис. 5, 15). Такого рода просверливание черепков практиковалось только в катакомбной культуре и в культурах, ей одновременных, в данном случае — полтавской. В срубной культуре просверливание совершалось цилиндрическим сверлом, а сверление коническим сверлом могло иметь место только в раннесрубное время. В-третьих, об этом времени свидетельствует и наличие в коллекции относительно большого количества кремневых изделий, из которых особенно интересен резец (рис. 5, 18). Вся остальная керамика (рис. 5, 14, 16, 17, 20 и 21), входящая в эту коллекцию, вполне типична для обычных поселений срубной культуры.

Возможно, что к тому же раннему времени принадлежали и некоторые другие селища, но признаки, позволяющие отнести их к этому времени, не совсем отчетливы и ясны.

Переход от полтавской к срубной культуре длился недолго. Из общего числа поселений срубной культуры, известных в

⁶¹ Раскопки В. В. Гольмстен 1926 г., культурный слой № 13 у поселения Сопляки, близ станции Кинель. Куйбышевский музей.

⁶⁰ Культурный слой № 60. Куйбышевский музей.

*Бюлова—Гракова

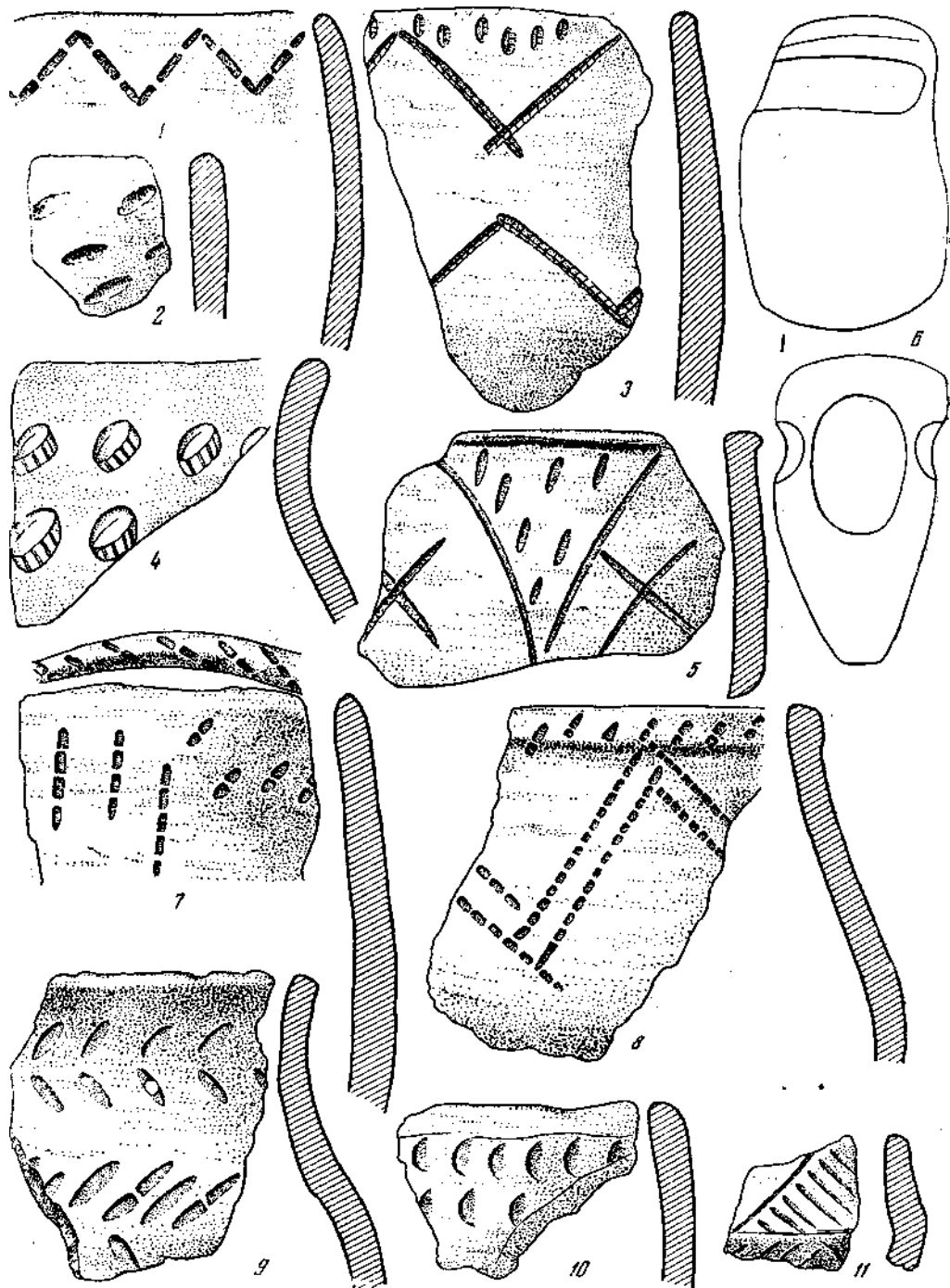

Рис. 6. Керамика и каменный топор с поселений первого периода срубной культуры.
1-6 — Елань, Саратовской области; 7-11 — Солонцовское селище Куйбышевской области. Ок. ⁴/₅ н. в.

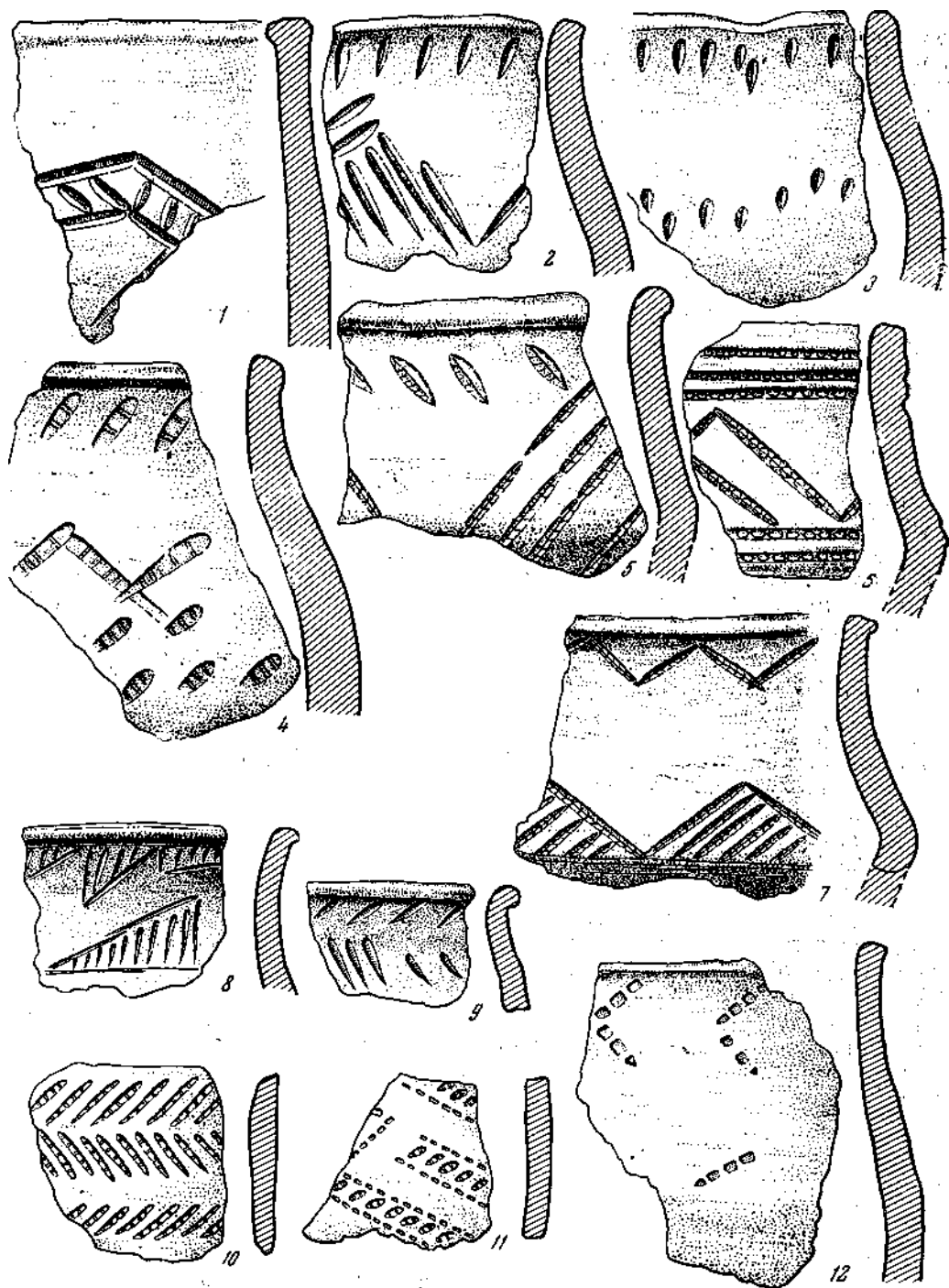

Рис. 7. Керамика с поселений первого периода срубной культуры.

-7 — Державинне хутор Гуров, Чкаловской области; 8—12 — Исаклы, Куйбышевской области. Ок. $\frac{1}{2}$ " - "

настоящее время, лишь очень немногие сохраняют в керамике черты предшествующей эпохи. И в погребениях срубной культуры мы встречаем малое количество посуды, сохранившей черты полтавкинской.

Почти во всех поселениях развитой срубной культуры первого периода ее существования в Поволжье пережиточные черты уже отсутствуют полностью. Исключением является селище близ Надеждина-Куракина⁶². Основные раскопки этого селища, давшие массовый керамический материал, были произведены в 1928 г. А. А. Кротовым. В 1929 и 1930 гг. эти исследования были продолжены другими сотрудниками Саратовского музея, причем была вскрыта небольшая площадь, давшая немногочисленную коллекцию. Надеждино-Куракино можно считать самым древним из поселений развитой срубной культуры. Некоторые из его сосудов, представленные только фрагментами, отличаются столь ранними чертами, что все селище можно было бы отнести к самому начальному этапу срубной культуры, непосредственно следующему за полтавкинским. Эти признаки сводятся к следующему. В культурном слое был обнаружен бронзовый нож (рис. 4, 4) небольших размеров, почти листовидной формы, с простым плоским и широким черешком без намечающегося перекрестья. Этот тип двулезвийного ножа характерен для культур, предшествующих срубной, и встречается в полтавкинских погребениях. Однако в Надеждинском селище этот древний тип ножа продолжал еще существовать. В том же слое был обнаружен другой нож (рис. 4, 5), значительно больших размеров, с отчетливо выраженным расширением у основания клинка, типичным для ножей срубной культуры. Несомненно, что во время существования поселения оба типа ножей находились в употреблении.

Помимо листовидного ножа, некоторые пережиточные явления мы видим и в орнаментации посуды Надеждинского селища. На одном хорошо орнаментированном сосуде (рис. 3, 5а) в узор, нанесенный крупнозубчатым штампом, входят кружки, выполненные приемом предшествующей эпохи — путем вдавления трубочки. На другом фраг-

менте баночного сосуда (рис. 4, 14) узор выполнен штампом из раковины, т. е. инструментом, исчезнувшим из употребления в срубное время. Но, несмотря на эти отдельные признаки, отводящие дату поселения в очень раннее время, все же следует считать на основании форм и орнаментации других сосудов (рис. 3 и 4), что селище относится ко времени уже вполне развитой срубной культуры, с совершенно выработанными различными вариантами как баночной, так и острореберной посуды.

Коллекция черепков посуды с поселения из-под Елани⁶³ обладает всеми признаками, позволяющими отнести ее к первому периоду срубной культуры. Это почти исключительно баночные сосуды (рис. 6, 1—3, 5), из которых многие по поверхности покрыты характерной, довольно небрежной штриховкой, получившейся при сглаживании посредством крупнозубчатого штампа. Некоторые из них орнаментированы одним или двумя рядами зигзагов (рис. 6, 1, 3), другие — довольно беспорядочно расставленными овальными ямками (рис. 6, 2), а иногда комбинациями того и другого мотива. Все эти узоры, — даже овальные ямки, — образованы при помощи вдавления зубчатого или незубчатого штампа. Один черепок (рис. 6, 4) принадлежит грубо выделанному толстостенному сосуду со слегка отогнутым краем, по форме приближающемуся к острореберным. Он украшен крупными ямками, нанесенными плоско положенным зубчатым штампом. Интересен узор на одном баночном горшке; на сохранившемся от него фрагменте мы видим один очень крупный треугольник (рис. 6, 5), заполненный овальными ямками; по обеим сторонам треугольника расположено по одному косому кресту. Очевидно, этот узор, выполненный широким нарезом, состоял весь из чередования треугольников и крестов.

Помимо керамики, из Елани происходит каменный молот (рис. 6, 6), по своей форме очень характерный для обоих периодов срубной культуры и для андроновской культуры. Он имеет относительно короткие и широкие пропорции и округлую поверхность, широкий и низкий обух. Особенностью этого молота, как и других ему подобных, является то, что

⁶² Село Надеждино-Куракино, бывш. Сердобского уезда, Саратовской губернии. Саратовский музей.

⁶³ Село Елань, Аткарского района, Саратовской области. Раскопки Шебалкина 1917 г. Саратовский музей.

для скрепления с **рукояткой** в нем не было просверлено отверстие, как бывало обычно на топорах и молотах предшествующей, катакомбно-полтавкинской эпохи. Со стороны, прилегающей к рукояти, он имеет овальное углубление, предназначенное для упора рукоятки. По бокам молота сделаны две выемки для привязи к рукоятке. Скрепления такого рода были, очевидно, значительно прочнее скреплений посредством сверлины. Поэтому топор-молот (рис. 4, 15) из Надеждинского селища следует считать пережитком.

В 1926 г. В. В. Гольмстен были произведены раскопки культурного слоя № 29 у хутора Гурова, недалеко от с. Державина, Чкаловской области, в бывш. Бузулукском уезде. На Державинском селище преобладают баночные неорнаментированные сосуды довольно больших размеров. Орнаментированные сосуды украшены несложным узором в виде зигзагов или неправильных рядов ямок. Один большой баночный сосуд с прямыми стенками был украшен широкой зигзагообразной полосой, заштрихованной широкими нарезками (рис. 7, 1). Два крупных остросереберных сосуда имеют более сложный орнамент, расположенный, как обычно, выше ребра (рис. 7, 6, 7).

К первому периоду срубной культуры можно отнести еще Солонцовское селище^ Красноярского района, Куйбышевской области (сборы К. Н. Муромцевой 1939 г.). Большинство происходящих отсюда горшков имеет вполне обычную баночную форму, с прямыми (рис. 6, 7, 10) или слегка выпуклыми боками (рис. 6, 8), на одном из которых край слегка отогнут (рис. 6, 9). На Солонцовском селище найдены черепки от двух сосудов с орнаментом по краю сосудов (рис. 6, 7) — явление, довольно редкое на керамике срубной культуры. Один из черепков (рис. 6, 11) принадлежит остросереберному сосуду, орнаментированному выше и ниже ребра заштрихованными треугольниками.

На фоне керамики срубной культуры, орнаментированной главным образом при помощи нарезок, ямок и крупнозубчатого штампа, сосуды, тщательно украшенные мелким зубчатым штампом, как уже говорилось, представляют собой исключение:

Этого нельзя сказать о керамике селища 7-й культуры, обнаруженного В. В. Гольмстен близ с. Исаклы, Куйбышевской

области (бывш. **Бугурусланского** уезда). Небольшая коллекция черепков, происходящая отсюда, свидетельствует о том, что на этом поселении была в употреблении посуда, украшенная не только крупным (рис. 7, 9, 12), но в значительной своей части и мелким зубчатым штампом. Ряд черепков и по тщательности выполнения узора, и по его характеру не типичен для срубной культуры. Примером такого исключения могут служить три черепка от хорошо обработанных и орнаментированных сосудов. Один из них (рис. 7, 11) покрыт меандровым узором, составленным из заштрихованных полос; второй, — от баночного сосуда (рис. 7, 10), — покрыт по всей своей поверхности елочным узором; третий представляет собой фрагмент почти прямой шейки, слегка отогнутой только у края (рис. 7, 3), весьма типичной для горшков андроновской культуры с уступчатым плечом. Его орнамент состоит из двух рядов косых заштрихованных треугольников, повернутых друг к другу вершинами. Этот горшок и по своей форме, и по орнаментике вполне совпадает с одним из наиболее распространенных типов сосудов андроновской культуры. Именно эти сосуды и на ранней, и на поздней ступени развития андроновской культуры бывают орнаментированы меандровым узором из заштрихованных полос. Весьма значительную роль в украшении этой посуды играет и елочный орнамент, который держится там долго, причем им бывает покрыта вся поверхность сосудов. Таким образом, совершенно очевидно, что на селище Исаклы существовала в употреблении посуда, сформованная и украшенная гончарами, которые были знакомы с формами и узорами андроновского гончарного производства. Примеры проникновения андроновских керамических форм и орнаментации мы видим и в Покровском могильнике (1-я группа, курган 7, погребение 4 и горшок из кургана 35). Если принять во внимание постоянные сношения населения Поволжья с Южным Приуральем и степями верхнего Тобола, то подобного рода явления вполне естественны. Они, несомненно, отразились и на формах некоторой андроновской посуды: в западных районах распространения андроновской культуры относительно часто встречаются остросереберные горшки, напоминающие аналогичные горшки срубной культуры.

КфШе упомянутых выше селищ, к первому периоду срубной культуры можно еще отнести следующие поселения Куйбышевской области: Крестово городище (культурные слои № 15 и 18), Никольское селище, Сорочинское селище на правом берегу р. Самарки, Елоховый Куст (культурный слой № 26) и Хрящевскук/ стоянку № 2⁶⁴. Керамика этих поселений в основном сходна с описанной керамикой: всюду преобладают баночные сосуды без орнамента или слабо орнаментированные. Наряду с ними в небольшом количестве постоянно встречаются разные варианты относительно хорошо орнаментированной посуды.

Во всех указанных селищах на посуде совершенно отсутствуют украшения в виде налепных валиков, что является одним из существенных признаков, позволяющих отнести эти селища к первому периоду срубной культуры.

Два селища, исследованные И. В. Сининым на реках Большом и Малом Иргизах, судя по посуде, тоже относятся к первому периоду срубной культуры⁶⁵.

Второй период срубной культуры в Поволжье является результатом дальнейшего развития культуры того же населения, а не связан с появлением новых племен в этих районах. Внешние сношения, и в особенности связи с приуральскими андроновскими металлургами, продолжают здесь поддерживаться в той же, а может быть, и в большей мере, чем в первом периоде. Хронологически это время следует ограничить последними столетиями II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э., т. е. довести его до начала железного века.

Одно время было принято называть всю срубную культуру Поволжья хвалынской культурой по первым раскопкам ее в с. Ивановке под г. Хвалынском. В. А. Городцов называл хвалынской лишь поздний период срубной культуры, связанный по времени с Сосновомазинским кладом. Разделяя срубную культуру Поволжья на два последующих

периода, я называю второй из них, следуя за терминологией В. А. Городцова, хвалынским периодом.

Территорией, на которой нам известны поселения и другие памятники хвалынского времени, являются средняя и северная часть Нижнего Поволжья, т. е. Куйбышевская и Саратовская области. Мы не знаем, в какой мере хвалынская керамика отразилась на формах посуды срубной культуры в бассейне среднего Дона, так как, за исключением его низовья, все немногочисленные поселения срубной культуры, исследованные на этой реке, относятся к первому периоду.

Основное и очень существенное отличие хвалынской керамики Поволжья от аналогичной керамики других районов (например, на поселениях Изюмщины и нижнего Днепра) заключается прежде всего в том, что здесь, даже на самых поздних поселениях (Грачевский сад на р. Самарке, Ивановское селище близ г. Хвалынска) наряду с новыми формами очень долго и в значительном количестве сохраняются древнейшие формы и орнаментация посуды вместе со старыми приемами ее изготовления. Объясняется это тем, что на Волге в течение ряда столетий протекало естественное развитие срубной культуры, не нарушенное проникновением сторонних влияний, кроме андроновского. К этому надо прибавить, что с предшествующей полтавкинской культурой срубная культура была связана своим происхождением. В Причерноморье в слоях поздней бронзы баночные горшки, — и особенно острореберные, — встречаются значительно реже, а формы их в это время вырождаются. В Поволжье баночная форма посуды доживает в довольно чистом виде до конца бронзового века.

Основным признаком, позволяющим отнести ряд поселений ко второму (хвалынскому) периоду срубной культуры и выделить его из многочисленных ранних поселений, является керамика. Формы ее, развиваясь из форм предшествующего периода, в известных случаях утрачивают некоторые старые черты. В результате же развития некоторых форм появляются совершенно новые, ранее неизвестные типы сосудов. Весь этот процесс развития срубной керамики протекает вполне закономерно и отражает в себе потребности все развивающегося и усложняющегося хозяйства. Возникновение

⁶⁴ Сборы В. В. Гольмстен. Куйбышевский музей.

⁶⁵ И. В. Синицын. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938—1939 гг. Саратовский государственный университет. Ученые записки, т. XVII, Саратов, 1947, стр. 135 и ел.; его же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, ОА, XI, М.—Л., 1949, стр. 195 и ел.

новых типов посуды является в значительной степени следствием интенсивного развития металлургии, в частности изготовления металлической посуды.

Старые формы сосудов, наиболее употребительные в хозяйстве первого периода срубной культуры, — простые, неорнаментированные или скудно украшенные баночные горшки, — продолжают свое существование на протяжении всего хвалынского периода (рис. 8, 6; 9, 11). Иногда на поселениях этого времени встречаются и остросереберные или почти остросереберные сосуды, украшенные более сложным узором, состоящим, как и прежде, главным образом из зигзагов и треугольников. Заштрихованные ромбы и меандры встречаются тут значительно реже. Таким образом, в известной мере сохраняются как старые формы, так и старые способы украшения сосудов. Однако по мере приближения к концу бронзового века на поселениях Поволжья начинает исчезать из употребления остросереберная посуда в ее различных вариантах.

Некоторые формы сосудов первого периода видоизменяются и приобретают в хвалынское время те отличительные черты, которыми характеризуется эта поздняя керамика. Так, например, в первом периоде края сосудов бывают или плоско срезанные, или закругленные. Эта их наиболее обычная форма в полной мере продолжает существовать и во втором периоде. Но наряду с ними в первом периоде в отдельных, довольно редких случаях встречались заостренные края; они представлены там лишь единицами, и то только в больших коллекциях (Надеждинское селище, рис. 3, 6). Во втором, Хвалынском периоде значительно увеличивается количество посуды с такими заостренными краями. Выработка такой посуды становится теперь обычным явлением и вместе с тем отличительным признаком для керамики второго периода (рис. 8, 18; 9, 6, Я 10, 12).

Существенное значение в образовании форм хвалынской посуды имеет развитие самой шейки и плеч, тоже ведущее свое начало от керамики первого периода срубной культуры. Следует особенно подчеркнуть, что уже в ту раннюю эпоху на различных вариантах сосудов с выпуклыми боками иногда наблюдается некоторая, не слишком сильная отогнутость шейки (рис. 3, 5, 8).

Однако явления такого рода здесь неустойчивы, а поэтому и не особенно характерны для керамики первого периода. Зато на хвалынских поселениях горшки с отогнутой шейкой, плавно переходящей в более или менее округленные плечи и бока, встречаются значительно чаще (рис. 8, 14; 9, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10).

В конце хвалынского времени, очевидно, отвечая на потребность хранения жидкой пищи или напитков, из этой посуды развивается совершенно новый тип сосудов. Шейки на них становятся все уже, плечи и бока — выпуклее. Это приводит к появлению сосудов с относительно узким горлом, выпуклыми плечами и боками, почти бомбовидной формы. Сосуды такого рода, очевидно, имели узко специальное назначение и употреблялись в хозяйстве редко. Их можно встретить только в больших коллекциях, происходящих из хорошо исследованных поселений.

В настоящее время процесс развития посуды этих типов значительно лучше прослеживается на андроновских селищах⁶⁶ и при этом он совершенно аналогичен тому, что мы видим в Поволжье. Малое количество в достаточной мере раскопанных хвалынских селищ и ограниченный керамический материал не позволяют проследить все фазы развития узкогорлых сосудов в Поволжье⁶⁷.

Однако следует заметить, что во всех памятниках поздней бронзы, как в степях Восточной Европы, так и в степном Приуралье, узкогорлые сосуды встречаются лишь в очень ограниченном количестве. Для Поволжья образцом такого сосуда является прекрасный экземпляр, обнаруженный А. А. Спицыным в кургане близ станции Норки, Камышинского района⁶⁸. Сосуд (рис. 10, 8) сохранился в совершенно целом виде. Его поверхность хорошо обработана

⁶⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 139 и сл., рис. 62.

⁶⁷ В настоящее время при раскопках Н. В. Трубиной в 1953 г. на Моечном озере, близ дер. Комаровки, Шегонского района, Куйбышевской области, в культурном слое хвалынского времени был найден сосуд, украшенный наlepным валиком с незамкнутыми и разведенными в стороны концами. Форма сосуда типична для посуды с относительно узким горлом. ГИМ.

⁶⁸ Раскопки А. А. Спицына 1895 г. ОАК, 1895, стр. 31, 32.

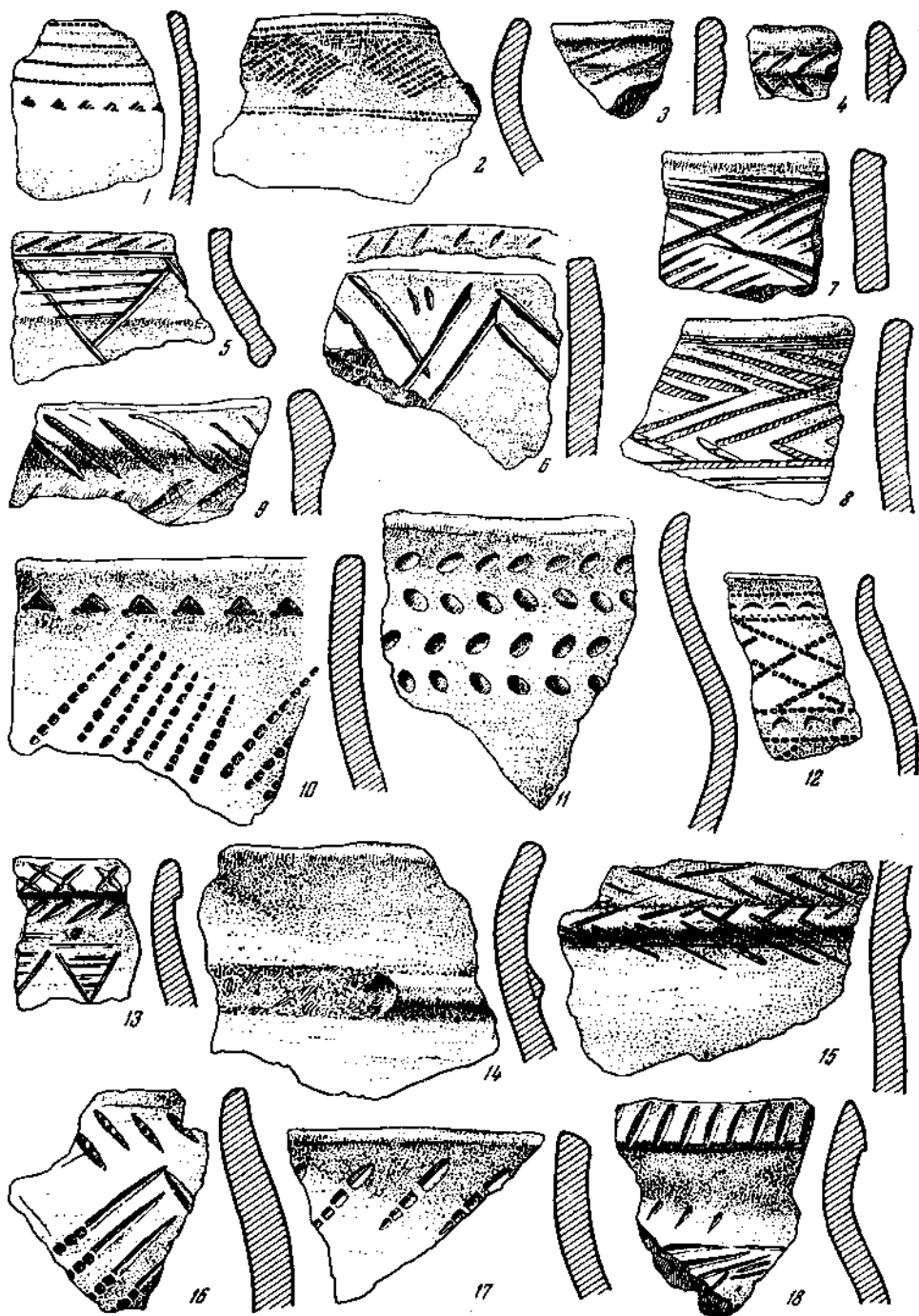

Рис. 8. Керамика**спуселений второго периода срубной культуры.

1—9 — Подбельщина, Куйбышевской области; 10—18 — Грачевский сад на р. Самарке, бли
г. Куйбышева. Ок. 1/1 "Б-

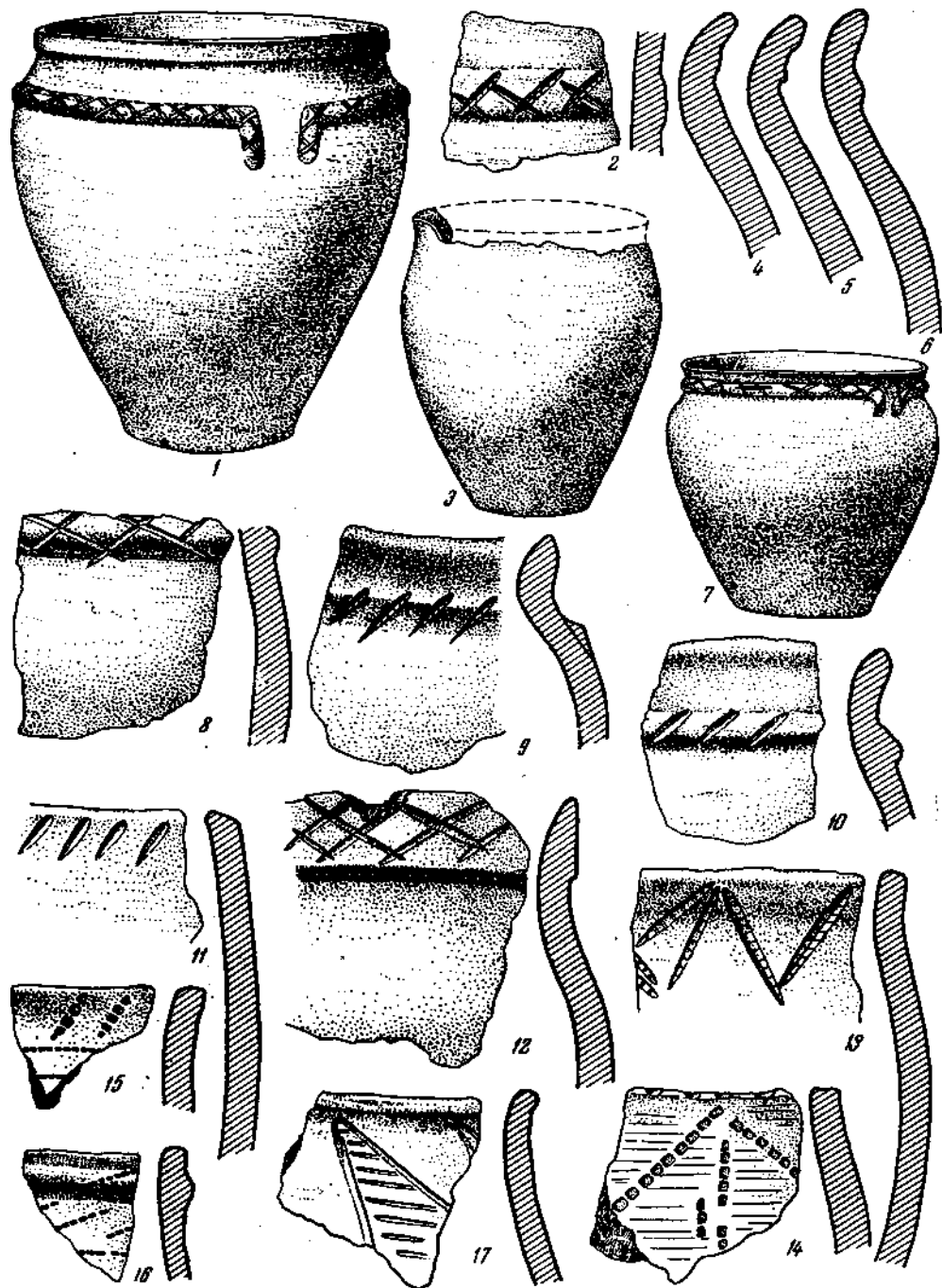

Рис. 9. Керамика с поселений второго периода срубной культуры.

1—14 — с. Ивановка, близ г. Хвалынского; 15—17 — Тургеневское селище, Куйбышевской области.

1, 3, 7 — ок. 1/2 н. в.; 2, 4—6, 8—17 — ок. 3/4 н. в.

при помощи черного лощения. По плечикам сосуд украшен широкой орнаментальной полосой. Тип узора вполне обычен для керамики подобного рода: он состоит из комбинации треугольников и зигзагов, прилегающих друг к другу; треугольники обращены то вверх, то вниз своими вершинами. По технике выполнения, по отделке поверхности и нанесению орнамента этот сосуд не схож с хвалынской керамикой. Во втором периоде срубной культуры здесь наблюдается такая же небрежность в отделке посуды, как и в первом. Есть основания предполагать, что данный сосуд появился на Волге в результате сношений местных племен с Кавказом. Однако, судя по развитию местной керамики и по наличию в погребении узкогорлого сосуда, мы можем предполагать, что в Поволжье существовала потребность в посуде такого типа, и эта посуда вошла в употребление.

Третья отличительная черта керамики, степной поздней бронзы, хорошо прослеженная на поселениях андроновской культуры, — это поддоны, встречающиеся на некоторых, обычно тщательно выделанных горшках. До сих пор выделить эту форму посуды в Поволжье не удалось, что, несомненно, является следствием недостаточной изученности селищ второго периода срубной культуры. Однако считаю вполне допустимым предполагать, что посуда на поддонах уже была известна в Хвалынском Поволжье. Мы видим ее у восточных соседей, в андроновских поселениях, где общий ход развития керамических форм был аналогичен срубно-хвалынскому. На западе она также обнаружена на нижнем Днепре, на селище Белозерского лимана у племен, родственных хвалынским.

Все признаки посуды позднесрубной культуры, основанные на изучении ее форм, несомненно, приходится принимать во внимание при определении времени поселений срубной культуры Поволжья. Если в коллекции черепков из поселений будут часто встречаться сосуды с заостренным краем, с отогнутой шейкой, плавно переходящей в выпуклый корпус, при отсутствии горшков с остро выраженным ребром, то поселения с подобной керамикой следует отнести ко второму периоду срубной культуры. Наличие поддонов или сосудов с узким горлом подтверждает это определение. Но основным при-

знаком, позволяющим без труда определить время срубного поселения, является наличие или отсутствие посуды, украшенной налепными валиками. Рельефные украшения подобного рода (рис. 8, 3, 4, 14, 15; 9, 1, 2, 6—10, 16) впервые появились на керамике хвалынских поселений и совершенно отсутствуют в первом периоде срубной культуры; они и являются основным отличием, позволяющим даже при ограниченном количестве черепков, полученных в результате сборов, отнести поселение к хвалынскому времени.

Рельефные украшения нигде и никогда не вытесняли полностью старые способы орнаментации посуды. В Поволжье, как и в других местах, с их появлением остаются приемы нанесения узоров, широко распространенные в первом периоде. На всех хвалынских поселениях встречаются различные варианты зигзагов (рис. 8, 6; 9, 13, 14) и треугольников (рис. 8, 5, 7, 10, 13; 9, 17), ряды косых вдавлений зубчатого штампа (рис. 8, 17; 9, 15) и овальные ямки (рис. 8, //). Узоры, состоящие из треугольных ямок, также встречаются нередко (рис. 8, 10). Широкий нарез (рис. 8, 5, 6; 9, 17) и крупнозубчатый штамп (рис. 8, 16; 9, 13, 14, 15) не меняют своего характера. Однако узоры становятся менее насыщены разнообразными орнаментальными мотивами, нанесены еще более небрежно и условно.

С появлением хвалынской керамики все более и более проникает андроновское орнаментальное влияние. Оно выражается в распространении елочного узора, столь характерного для андроновской посуды, узоров, нанесенных мелкозубчатым штампом (рис. 8, 8, 12), и вдавлений уголко-мелкозубчатого штампа (рис.* 8, 1).

Большинство сосудов, происходящих из погребений, орнаментировано узором, свойственным керамике первого периода. Посуда же с рельефными украшениями, с особенно плохо отделанной поверхностью и часто со следами нагара совершенно отсутствует в погребениях. По месту расположения такой посуды у очагов можно определить ее назначение. Это прежде всего очажные горшки, сосуды для хранения продуктов и других предметов домашнего обихода. В Ивановском селище (рис. 9, 1, 3, 7) группа крупных сосудов с налепными валиками вместе с неорнаментированными сосудами стояла около одного очага.

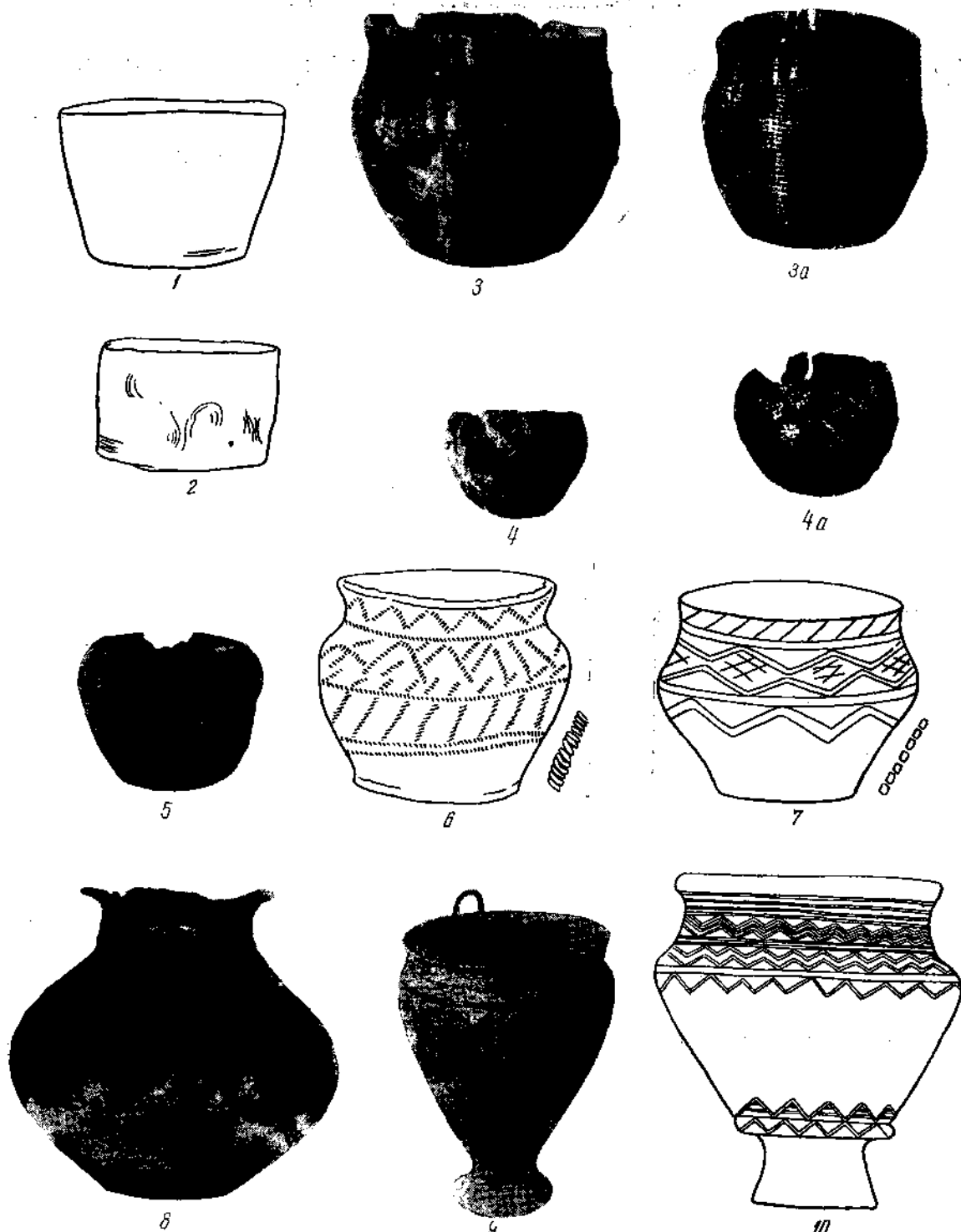

Рис. 10. Глиняные сосуды и бронзовый котел из погребений срубной культуры Поволжья.

/—7 — Кайбелы, близ г. Мелекесса (/ — курган 8, погребение 3; 2 — курган 7, погребение 9' 3 и 4а, тип гн 4, погребение 14; 4 и 4а — курган 4, погребение 1; 5 — курган 2, погребение 1; Т — курган 1, п. 2 г. и 4а, погребение 14; 7 — курган 4, погребение 5); 8 — станция Норки на р. Иловле, близ г. Камышина; 9 — Куйбышевская область (точнее неизвестно); 10 — Ждановский музей. /—7—ок. 1/3 н. в.; 8, 10—ок. 1/4 н. в.; ^ — ок. Т. н. в.

Что же представляли собой эти сосуды? По форме их следует причислить к горшкам с отогнутой шейкой и выпукло-округлыми плечами. Однако эта форма в одних и тех же керамических комплексах имеет некоторые различия, определяющие ее варианты. Они различаются по высоте шейки с тупым или острым краем, по выпуклости боков и плеч, по пропорциям (более стройные или более приземистые). В качестве примера этих колебаний следует привести три горшка из Ивановки (рис. 9, 1, 3, 7). Здесь следует отметить близость к баночной форме одного из них (рис. 9, 3), выпуклые плечи — у другого (рис. 9, 7), острый или срезанный край (рис. 9, 1, 5), различное расположение валиков, а все они могли происходить из одной мастерской. Выполнялся рельефный орнамент следующим образом. На гладкую, еще сырую поверхность уже сформованного горшка налеплялся валик или округло выпуклый, или, что чаще, имевший ребро, т. е. треугольный в поперечном разрезе. Этот валик помещался или несколько ниже края сосуда, приблизительно на середине шейки, или по линии, отделяющей шейку от плеч, т. е. всегда в верхней части сосуда. Особенно часто по ребру валика или по бортику вдоль края наносился ряд косых вдавлений зубчатого и незубчатого штампа (рис. 9, 9, 10) или орнамент в виде косой клетки (рис. 9, 1, 2, 7, 8, 12) и елочного узора (рис. 8, 15). Довольно часто валик оставляли неорнаментированным (рис. 8, 14). Обычно концы валика сходятся и замыкаются. Значительно реже встречаются сосуды с незамкнутыми и опущенными вниз концами валика, как мы видели на двух сосудах с Ивановского селища (рис. 9, 1, 7). Налепные шишечки, какие мы знаем на андроновской посуде, в Поволжье пока неизвестны.

Новые формы керамики и новая орнаментика представляют собой основной признак для определения новой эпохи. Они отражают не только развитие гончарного дела, но и значительный сдвиг в области металлургии и металлообработки. Именно в это время впервые появляется металлическая «посуда». Совершенно естественно, что бронзовая посуда срубной культуры дошла до нашего времени в исключительно малом количестве. В то время как керамический лом не может быть подвергнут дальнейшей переработке и подлежит выбросу, металлический лом, осо-

бенно медный и бронзовый, мог быть переплавлен и, таким образом, снова введен в употребление. Потребность в прочной металлической посуде могла быть уже в достаточной мере удовлетворена благодаря развитию металлообработки, о чем свидетельствует замечательная находка большого бронзового сосуда на поддоне, так называемого котла (Куйбышевская область)⁶⁹.

Как и все остальные немногочисленные образцы мастерства этого рода, куйбышевский сосуд был склепан из раскованных и горизонтально расположенных полос и в верхней своей части покрыт несложным чеканным орнаментом (рис. 10, 9). По комбинации мотивов этот орнамент в сущности ничем не отличается от подобных же узоров на глиняных горшках. И здесь мы видим прямую зависимость металлургов от того орнамента, которым в течение ряда столетий украшалась глиняная посуда. Верхний ряд украшений куйбышевского котла представляет собой обычные для глиняной посуды косые вдавления. Здесь, как и на глиняных горшках, они были нанесены извне, вследствие чего внутри образовались соответствующие выпуклости. Эти косые вдавления напоминают ряды косо поставленных овальных ямок, распространенных на баночных сосудах. Но этим не ограничивается влияние гончарного искусства на выработку металлической посуды. Не только орнаментальные мотивы и распределение их на поверхности сосуда ставят в связь изготовление металлической и глиняной посуды предшествующих времен, но и техника выполнения котла показывает, что порядок его клепки, — путем последовательного прикрепления друг к другу широких горизонтальных полос раскованной бронзы, — подражает ленточной технике формовки глиняных сосудов. Ниже косых вдавлений, идущих вдоль края куйбышевского котла, расположен ряд шишечек, выдавленных изнутри, а еще ниже, по плечикам котла, проходит опоясывающий чеканный валик, совершенно сходный с налепными валиками глиняной посуды. Непосредственно под ним помещается такой же рельефный ряд зигзагов.

Рельефный орнамент хвалынского време-

⁶⁹ В. В. Гольмстен, Археологические памятники Самарской губернии. Труды секции археологии. РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 133, рис. 46.

ни, т. е. налепные валики, возник в процессе выделки бронзовой посуды. Влияние бронзовых сосудов на глиняные не ограничивалось появлением на шейках и плечах налепных валиков. Несомненно, что выработка бронзовых сосудов на поддонах повлекла за собой появление поддонов и на глиняных горшках. Однако если отнять от куйбышевского сосуда поддон и обе ручки, прикрепленные к его краям, получится сосуд, по профилю своему близкий к обыкновенным глиняным горшкам больших размеров позднесрубной и андроновской культур. В раннюю эпоху подобные большие сосуды напоминали баночные и изготовлялись с относительно прямыми боками и шейкой и широким дном. Позднее же под явным влиянием металлической посуды, техника выделки которой допускала значительный отгиб шейки, и на глиняной посуде появилась отогнутость шейки. Таким образом, пользуясь старыми традиционными формами сосудов, изготовленными гончарами при помощи ленточной техники, металлург изменяет их, поскольку это ему позволяют свойства металла. Такое взаимодействие при выработке глиняной и бронзовой посуды привело к тому, что глиняные горшки в эпоху развитой металлургии приобрели специфические особенности. Есть примеры глиняных сосудов, имитирующих медные котлы (рис. 10, 10).

Селища хвалынского времени известны в большом количестве в пределах Куйбышевской области, где В. В. Гольмстен и другими производились обширные разведки, в меньшем — в Саратовской области, где одно лишь Ивановское селище, Хвалынского района, в 1914 г. было подвергнуто В. Ф. Ореховым значительным раскопкам. В результате этих раскопок собрана хорошая керамическая коллекция, в которую, кроме многочисленных фрагментов посуды, входят три больших сосуда, упомянутых выше. Именно вследствие того, что В. Ф. Ореховым была вскрыта довольно большая площадь Хвалынского поселения, а других, подобных этим, раскопок в Поволжье до сих пор не производилось, нахожу важным подробно рассмотреть материал, полученный в результате исследования Ивановского поселения.

Ивановское селище представляет собой значительный интерес и с другой точки зре-

ния. В том же Хвалынском районе в 1912 г. был открыт клад металлического лома, полуфабрикатов и в меньшей мере готовых изделий, зарытый древним бронзолитейщиком в местности, расположенной в настоящее время недалеко от железнодорожной станции Сосновая Маза. Этот клад, несомненно, относится к тому же самому времени, что и Ивановское поселение. В настоящее время такому хронологическому определению можно привести достаточно много доказательств. Самым существенным из них является то обстоятельство, что в пределах Куйбышевской области на р. Самарке, близости от Грачевского сада, в культурном слое, относящемся к тому же времени, что и Ивановское селище, были найдены два крупных фрагмента литейной формы для отливки косарей, подобных тем, которые в изобилии входят в состав Сосновомазинского клада. Если принять во внимание, что керамика, происходящая из Грачевского сада, носит все основные специфические черты посуды хвалынского времени, можно с полной уверенностью сказать, что его обитатели пользовались теми же самыми формами орудий, которые мы видели в Сосновомазинском кладе. Таким образом, Ивановское селище, Сосновомазинский клад и селище Грачевский сад с его литейной формой являются основными памятниками, характеризующими культуру позднебронзового века в Поволжье.

Ивановское селище расположено на правом берегу Волги, в шести с лишним километрах ниже г. Хвалынска. Обследования этого культурного слоя были начаты В. Ф. Ореховым в 1913 г. и закончены в 1914 г.⁷⁰ Для исследования этого селища были заложены два относительно небольших раскопа, расположенных у края берега. В первом же раскопе были обнаружены кремневые и кварцитовые орудия, техника изготовления которых, а также и их назначение заставляют предполагать, что до поселения человека поздне-срубной культуры в этом месте существовало небольшое поселение или мастерская более отдаленного времени, относящаяся, может быть, к концу ямной культуры. Это предположение подтверждается тем, что тут же,

⁷⁰ В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивановки, Хвалынского уезда, Саратовской губернии. Труды СУАК, вып. 33, Саратов, 1916, стр. 39.

у самого края обвала, В. Ф. Ореховым было обнаружено хорошо сохранившееся погребение. Положение покойника и другие детали ритуала позволяют без всякого сомнения отнести это погребение к ямной культуре. Покойник лежал на спине с поднятыми вверх коленями и был положен на подсыпку из красной краски. В. Ф. Орехов говорит о наличии при погребении круглодонного горшка и мелких пастовых бус в виде совершенно плоских кружочков, что полностью соответствует погребальному ритуалу ямной культуры. То обстоятельство, что погребение было совершено на площади одновременного ему поселения или в непосредственной от него близости, не представляет собой исключения⁷¹ и имеет место в различных культурах как неолита, так и бронзового века.

Основная масса находок на Ивановском селище относится все же ко второму, хвалынскому периоду срубной культуры. Несомненно, что к нему принадлежит землянка, или, вернее, полуземлянка, обнаруженная В. Ф. Ореховым во втором раскопе и представлявшая собой углубление, повидимому, обычного для срубной культуры типа. Жилище не было обширным помещением, подобным полуземлянкам на Успенском селище. По величине оно скорее подходит к углублениям Максютковского поселения.

В. Ф. Орехов указывает на «диаметр» углубления, который равен 6 м. Но так как раскопки углубления не были им доведены до конца, судить о его размерах мы не можем. Никаких подробностей об устройстве жилища из описания В. Ф. Орехова уловить невозможно, кроме того, что оно, повидимому, обладало сильно пологими стенками. Очаги, видимо, внутри жилища обнаружены не были, зато прекрасное представление дает описание очага, находившегося на том же раскопе, следовательно, поблизости от углубления землянки. Этот очаг был, несомненно, каменный, о чем можно судить по наличию кучи обожженных камней, лежавших в основании его остатков. Поверх камней и около них находилась груда «черепков и костей». Около очага компактной группой стояло несколько сосудов крупных и средних размеров. Они были найдены в виде кучи черепков. Впоследствии тщательной склейкой В. Ф. Орехову удалось почти полностью восстановить пять сосудов. В некоторых горшках находились кости животных.

Между сосудами и около очага лежали камни для растирания и полировальный камень.

Обнаруженное В. Ф. Ореховым углубление является едва ли не первой среди землянок бронзового века Восточной Европы. Методы раскопок жилищ подобного рода были по-настоящему разработаны только в советское время. Раскопки 1913—1914 гг. землянки на Ивановском селище не полностью отвечают установленным лишь впоследствии требованиям. Сам автор раскопок не признавал в этом углублении жилого сооружения, а потому и нам следует говорить о нем лишь предположительно⁷².

Наиболее ценным материалом, добытым В. Ф. Ореховым на Ивановском селище, является керамика/Здесь уже не только по черепкам, а по целым сосудам свободно можно судить о том, что все поселение относится к эпохе поздней бронзы. Особый интерес представляют два больших сосуда, украшенных простым рельефным орнаментом. Один из них, по описанию В. Ф. Орехова (№ 1)⁷¹, вероятно, был предназначен для хранения продуктов питания. Его высота — 38—39 см. Он является тем типом сосудов, которые существовали уже в самом начале срубной культуры и являлись промежуточной формой между баночными и остросереберными.

Этот сосуд имеет целый ряд признаков позднего времени. По краю сосуда проходит бортик, а самый край острый, как бы лезвиеобразный. Такого рода бортик, резко отделяющийся от невысокой шейки, в эпоху срубных поселений первого периода не встречается. Вторым признаком надо считать относительно узкое дно, придающее стройность пропорциям сосуда. Третьим признаком позднего времени является украшение в виде налепного валика, опоясывающего сосуд по плечам. Концы валика не сходятся между собой и почти под прямым углом опускаются вниз на 3—4 см. Валик покрыт несложным узором в виде сетки, вернее — ряда косых крестов, сделанных нарезом (рис. 9, 1). Валики, как то было показано выше, — наиболее характерный и распространенный признак керамики позднебронзового века, а валики с незамкнутыми опущенными вниз концами — явление редкое.

В Ивановском поселении, в той же самой группе сосудов, стоявших около очага, нахо-

⁷¹ В. Ф. Орехов. Ук. соч., стр. 46.

дился и второй подобный сосуд (рис. 9•• 7). По своим пропорциям и характеру профиля этот сосуд значительно более архаичен. Это горшок со слабо выраженным ребром, со срезанным округло краем и относительно широким дном, что делает его более приземистым, чем первый сосуд. Валик с незамкнутыми и спускающимися вниз концами расположен по линии, отделяющей шейку от плеч. Орнамент валика тот же, что и на первом сосуде; он также нанесен нарезом, только выполнен немного небрежнее⁷². На керамике Ивановского поселения встречается много валиков, орнаментированных таким же образом. В одних случаях они бывают покрыты косыми вдавлениями зубчатого или незубчатого штампа, в других — остаются совсем неорнаментированными. Эти способы украшения посуды употребляются наряду с зигзагами⁷³, треугольниками, ромбами⁷⁴, рядами косых нарезок и другими орнаментальными мотивами, свойственными посуде первого периода. Все это выполнено нарезом, отпечатками крупного зубчатого, реже мелкого штампа. Отделка поверхности ивановской посуды также сохраняет много прежних черт: преобладает то же сглаживание путем замывки и штриховки зубчатым штампом. Но все же при всех этих данных, указывающих на тесную связь с предшествующей эпохой, значительный процент ивановской посуды обладает новыми формами, совершенно особыми профилями, характерными для позднего времени бронзового века. Здесь с особенной четкостью проявляется отогнутость шейки при заостренном лезвиеобразном крае (рис. 9, 6, 9, 10), а в некоторых случаях — при наличии бортиков, иногда довольно широких, расположенных вдоль края (рис. 9, 12).

В результате сборов, проведенных у Грачевского сада⁷⁵ (культурный слой № 2), образовалась довольно большая керамическая коллекция, относящаяся к хвалынскому периоду. Отогнутость шейки, заостренность края, вдоль которого проведен резко выделяющийся бортик, наличие налипных валиков, покрытых орнаментом и неорнаментиро-

ванных, сочетаются здесь, как и на Ивановском поселении, с посудой древних форм и древней орнаментикой. Интересен фрагмент овального низкого блюдообразного сосуда со стенками, несколько загнутыми внутрь. Это тот же тип посуды, который был обнаружен И. В. Синицыным, судя по его описанию, на Успенском и Максютинском селищах⁷⁶. Как уже было отмечено выше, в культурном слое близ Грачевского сада были найдены два крупных фрагмента литейной формы для отливки косарей («серпов») сосновомазинского типа.

Сборы на Тургеньевском селище были произведены в 1939 г. К. Н. Муромцевой. Небольшая коллекция состоит исключительно из фрагментов керамики, типичной для позднебронзового века Поволжья. На это указывает и наличие налипного валика на одном из сосудов (рис. 9, 16), и отогнутый край шейки на другом. Интересен сосуд, орнаментированный узкими и длинными, поставленными вкось заштрихованными треугольниками (рис. 9, 17). На Подбельщине⁷⁷, где преобладает посуда древних типов (рис. 8, 5, 6), встречаются также украшения в виде налипных валиков, покрытых зигзагами, елками и рядами косых отрезков, нанесенных зубчатым и незубчатым штампом (рис. 8, 3, 4, 9). Эти признаки заставляют отнести все поселение к хвалынскому периоду срубной культуры, вероятно к его началу. В состав керамики Подбельщины входят сосуды, вылепленные, несомненно, по образцам андроновских гончаров. Особенно интересен сосуд, от которого сохранился достаточно большой черепок шейки с профилем, типичным для андроновских сосудов с уступчатым плечом (рис. 8, 2). Здесь, так же как и на андроновских горшках, орнамент из ряда заштрихованных, довольно крупных ромбов расположен в верхней части шейки совершенно обособленной полосой. В состав орнамента другого черепка (рис. 8, /), тоже нанесенного мелкозубчатым штампом, входит ряд вдавлений в виде мелких заштрихованных треугольников, нанесенных тем же штампом. Подобные узоры встречаются на посуде из Алексеевского поселения андроновской культуры.

⁷² В. Ф. Орехов. Ук. соч., стр. 47.

⁷³ Там же, табл. XXIII, 3, 6, стр. 79.

⁷⁴ Там же, табл. XVIII, 2, 5.

⁷⁵ В Куйбышевской области, на берегу р. Самары. Обследован В. В. Гольметен и ее сотрудниками между 1922 и 1927 гг. Куйбышевский музей.

⁷⁶ И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, стр. 201.

⁷⁷ Подбельщина, близ Чувашского-Якушкина, Куйбышевской области, городище 7, культурный слой № 25. Сборы В. В. Гольметен.

Поверхность этого черепка покрыта лошением. Лошение же было одним из обычных приемов обработки поверхности андроновской керамики, особенно на хорошо орнаментированных сосудах с уступчатым плечом. В пределах срубно-хвалынской культуры Поволжья лошение почти не встречается. К этому же времени относится и селище близ с. Кривая лука, на котором в 20-х годах производила сборы керамики В. В. Гольмстен.

Итак, обзор керамики поселений дает нам возможность разделить срубную культуру на два периода ее существования в Поволжье. По могильному керамическому материалу, несмотря на многочисленность погребений срубной культуры, это подразделение провести невозможно. Даже принимая во внимание не только посуду, но и все данные погребального обряда, трудно выделить из общей массы срубных погребений те, которые относятся к ее второму, хвалынскому периоду. Представляется возможным, опираясь на архаичные черты некоторой погребальной посуды, отнести сами погребения, в которых находится такая посуда, к относительно раннему времени, но определить основные признаки отличий ранней и поздней погребальной посуды при существующем материале до сих пор не удалось. В погребениях срубной культуры встречаются далеко не все виды посуды, входившей в хозяйственный обиход. Рассматривая керамику больших курганных групп, какими являются курганы близ Кайбел, Андреевки и «Красной звезды» из раскопок В. А. Городцова 1925 г., видим, что решительно все сосуды, баночные и острореберные, имеют прямые аналогии в посуде, происходящей из культурных слоев первого периода. В каждом раннем слое встречаются сосуды, полностью схожие по своей форме, орнаментации и обработке с погребальными. Очевидно, что в первом периоде не изготавливали специальной посуды для погребального обряда, а выбирали и ставили в могилу по возможности лучшие и наиболее украшенные экземпляры домашних горшков. К такого рода сосудам прежде всего относятся острореберные и близкие к ним по форме сосуды с округлыми боками, по большей части хорошо орнаментированные. Этот отбор лучшей посуды и привел к тому, что острореберная посуда редко встречается в слоях и чаще входит в инвентарь погребений.

Но, очевидно, далеко не во все погребения полагалось ставить хорошо орнаментированную посуду. Из могил срубной культуры, подобных Кайбелам, по большей части происходят разные варианты баночной посуды, или слабо орнаментированной, или вовсе лишенной орнамента. Обычно подобные горшки встречались во впускных погребениях. Эти формы посуды тоже постоянно встречаются на поселениях в одних комплексах с различными вариантами острореберных горшков. Однако баночные горшки из погребений отличаются от общей массы подобных же горшков из поселений относительно тщательной выделкой.

Следует выделить в отдельную небольшую группу маленькие баночные сосудики приземистой формы (рис. 10, 1, 2). Они довольно часто попадают в погребения и лишь в редких случаях — в культурных слоях. Это дает основание предполагать, что они могли изготавливаться специально для погребального ритуала.

С другой стороны, далеко не всякий баночный сосуд, употреблявшийся в быту, полагалось ставить покойнику. Часто на поселениях встречается керамика, представляющая собой крупные баночные горшки, толстостенные и грубо отделанные, с неровной поверхностью и следами нагара. Эта хозяйственная посуда, обычно происходящая с очагов, никогда не входила в инвентарь погребений срубной культуры. Подобные очажные горшки, или горшки для хранения, при дальнейшем изменении их формы и украшений выделялись в ту группу керамики, которая со временем становится характерной для второго, хвалынского периода поселений. Именно эту посуду было принято украшать рельефным орнаментом в виде налепных валиков.

К раннему периоду срубной культуры принадлежат могильники, которые были исследованы в 1925 г. В. А. Городцовым в Мелекесском районе Ульяновской области: два могильника около с. Кайбел — «Околица» и «Водянское поле», один могильник близ с. Андреевки и один возле хутора «Красная звезда». В. А. Городцов, насколько это можно судить по прочитанным им в свое время докладам, делил погребения, обнаруженные в этих могильниках, на две независимые друг от друга культуры — собственно срубную (погребения в срубах, преимущественно основные) и самарскую, к которой он относил все

впускные погребения в простых ямах, содержавшие преимущественно баночные сосуды. Такого рода деление вполне соответствовало его классификации погребений в бывш. Изюмском и Бахмутском уездах. Раскопки 1925 г. не были опубликованы, однако занумерованный керамический материал и прилагаемая к нему опись дают возможность разнести все сосуды по отдельным курганам и погребениям. Тщательное изучение коллекции приводит к заключению, что техника выполнения посуды, найденной в погребениях, одина. При сравнении погребений разных курганов, входящих в один могильник, тоже приходишь к выводу, что, несмотря на разнообразие форм и орнаментики, технические приемы формовки сосудов, состав массы, обработка поверхности, способы нанесения узоров и, наконец, обжиг остаются одинаковыми и настолько близкими между собой, что нет никакого основания предполагать длительный хронологический разрыв между разными группами погребений. Сосуды с одними и теми же орнаментальными мотивами попадают как в могилы со срубными, так и в простые ямы. Между отдельными формами сосудов наблюдаются промежуточные колебания, как на керамике культурных слоев. Сосуды имеют совершенно плоские днища, в некоторых случаях — с выступающими краями.

Большое значение для определения эпохи могильника имеют два сосуда с уплощенным дном, происходящие из одного кургана. Один из них⁷⁸ — маленький, баночный, неорнаментированный (рис. 10, 4, 4а), другой (рис. 10, 3, 3а) — с округлыми боками и довольно отчетливо выраженной шейкой, по форме своей напоминающий более раннюю керамику⁷⁹. Их не столько плоские, сколько уплощенные днища явно свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело с пережиточными явлениями, восходящими к полтавkinской культуре. Наличие этих двух сосудов дает возможность отнести оба погребения к первому периоду развития срубной культуры.

Не меньший интерес представляет сосуд (рис. 10, 6), найденный в Кайбелах в погребении 6 кургана 1. Он совершенно плоскодонен, хотя и близок по форме к сосуду из по-

гребения 14 кургана 4 (рис. 10, 3, 3а), Своим зональным орнаментом, покрывающим почти всю поверхность и выполненным перевитой веревкой, этот сосуд еще больше напоминает полтавkinскую керамику.

Горшок из погребения 4 кургана 5 тоже относится к раннему времени срубной культуры, на что указывает его довольно сложный узор в три зоны, спускающийся ниже ребра (рис. 10, 7).

Последним примером раннесрубной керамики может служить маленький плоскодонный сосудик (рис. 10, 5), сохранивший, как и многие полтавkinские сосуды, яйцевидность формы (Кайбелы, курган 2, погребение 1).

Таким образом, в итоге анализа форм керамики удастся выделить в курганах Кайбел погребения первого периода срубной культуры и отнести, повидимому, весь могильник к этому времени. Для второго, хвалынского периода нет данных, позволяющих обособленно охарактеризовать его могильную керамику. В погребальном ритуале того времени не наблюдается изменений. Все могилы срубной культуры, как первого, так и второго периода, имели, видимо, совершенно одинаковый погребальный ритуал, который сводится к соблюдению традиций, унаследованных от обряда полтавkinской культуры. В основном по устройству могилы это все та же подпрямоугольная яма, накрытая сверху накатником. Скорченное положение на левом боку и северная, северо-западная и северо-восточная ориентировка становятся устойчивыми на протяжении всей срубной культуры, а посылка красной краской встречается редко.

Новые формы керамики, свойственные хвалынскому периоду, не встречаются в погребениях. Точно так же, как и в первом периоде, горшки больших размеров, предназначенные для хранения и служившие в качестве очажной посуды, не было принято ставить в могилы. К этому времени, очевидно, установился прочный обычай вводить в погребальный обряд лишь ту посуду, которая сохраняет старые формы, освященные веками существования культуры. В основном это все те же баночные и острореберные сосуды, горшки с выпуклыми боками и их разнообразные варианты.

§ 3. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Появление и развитие металлургии в степях нашего Юга неизменно связывается с возникновением и развитием скотоводства,

⁷⁸ Кайбелы, курган 4, погребение 1. ГИМ.

⁷⁹ Кайбелы, курган 4, погребение 14. ГИМ. См. о керамике Кайбел Т. Б. Попова. Керамика Мелекесских курганов. Труды ГИМ, XXII.

различные формм которого лежали в основе хозяйства того времени.

Племена ямной культуры познакомились с металлом значительно раньше, чем племена лесных районов и, вероятно, северной полосы лесостепи. Этому, несомненно, способствовало появление более сложных форм хозяйства, чем охота и рыболовство, долго еще лежавшие в основе экономики племен, заселявших среднюю и северную зону Восточной Европы.

На Юге же, в пределах ямной культуры, животные были приручены, повидимому, еще в начале ее существования, т. е. до знакомства с металлом.

В эпоху, предшествовавшую ямной культуре, у охотников и рыболовов еще не возникла потребность в режущих орудиях с усовершенствованным лезвием и в инструментах для прокалывания, намного превосходящих по эффективности кремневые проколки.

Вероятно, уже со времени ямной культуры начались постоянные сношения населения степей с племенами Северного Кавказа, богатого медной рудой; в результате этого и последовало первое ознакомление населения степей с металлическими орудиями и металлообработкой.

В степях Причерноморья имеются данные, свидетельствующие об очень древнем проникновении металлических украшений в пределы ямной культуры — украшений, по технике изготовления, материалу и форме совершенно непохожих на те, которые находят в погребениях пол гавкинской и катакомбной культур. Уже на первой ступени ямной культуры при некоторых покойниках были обнаружены височные кольца из серебряной проволоки, согнутой в полтора оборота. Кольца подобного рода были найдены В. А. Городцовым в древних погребениях Бахмутского и Изюмского уездов. В 1938 г. такие кольца были найдены под Никоподем в женском погребении 3 кургана 1. Встречаются серебряные кольца, тоже сделанные из проволоки, круглой в сечении, но согнутые в три и в пять оборотов. Они близки никопольским: и проволока, круглая в сечении, и небольшой диаметр кольца, и прием изготовления в обоих случаях одинаковы. Место их нахождения довольно близко от Никополя: они происходят из кургана «Царева могила» близ Кривого Рога, исследованного В. И. Гошке-

вичем в 1907—1908 гг.⁸⁰ Курган был основан в раннюю эпоху ямной культуры, и первые его погребения относятся к этому времени, о чем прежде всего свидетельствует положение покойников в скорченном виде на спине. Однако височные кольца описываемого типа в ямных погребениях очень редки; они не представляли собой широко распространенных среди населения украшений. Насколько позволяет судить довольно ограниченный материал, находящийся в нашем распоряжении, можно предполагать, что эти украшения принадлежали покойникам, похороны которых были совершены с относительной пышностью. Эти* преимущественно серебряные изделия, вероятно, не являлись предметами местного изготовления. Здесь мы имеем дело с первыми металлическими украшениями, проникшими извне в Причерноморские степи. Кроме них, никаких других металлических изделий при покойниках раннеямной культуры еще не встречалось. Есть полное основание предполагать, что население этого времени лишь начало знакомиться с металлообработкой и пользовалось разнообразными кремневыми орудиями, в изобилии встречающимися на дюнных мастерских Изюмщины. На это время падает расцвет микролитической техники, которая в значительной мере служила для того, чтобы усовершенствовать — удлинить — лезвия режущих орудий, заменить сплошное короткое лезвие более длинным, составленным из отдельных кремневых вкладышей.

С появлением и развитием металлургии потребность в постоянных сообщениях между отдельными областями неминуемо должна была возрастать. Создавались пути, связывавшие между собой сырьевые базы с местами, бедными залежами руды. В результате всего этого возникает экономическая зависимость населения бронзового века отдельных районов, являющаяся прямым следствием богатства рудами в одних местах, относительной бедности — в других и полного отсутствия рудных месторождений — в третьих. Таким образом, племена ямной культуры и в еще большей мере полтавкинской и катакомбной культур, зависели от Северного Кавказа; племена срубной культуры Поволжья — в большей мере

⁸⁰ I. РаѢТШ и 8. Тхаре^а тоБПа. Е5А, IV, НеЫпкъ 1929, стр. 126, рис. 9; стр. 131.

от Южного Урала и приуральских степей, а может быть, до известной степени и от среднеуральской металлургии.

В Поволжье древнейший период знакомства человека с металлом пока освещен слабо. В эпоху полтавкинской культуры мы застаем здесь бронзовый век уже в довольно развитом виде: населению были известны не только разнообразные украшения, преимущественно литые, но и некоторые орудия, сделанные, повидимому, главным образом из меди. Украшения, изготовленные способом литья по восковой модели, являющимся сложным производственным процессом, свидетельствуют о довольно длительном опыте обращения человека с металлом. Такие украшения широко распространены в погребениях северокавказской культуры, а в степи встречаются только единицами. Повидимому, в пределах полтавкинской культуры подобные украшения были ввозными и свидетельствовали о длительных связях Поволжья с Северным Кавказом, являвшимся для этих мест металлургической базой. В могилах полтавкинской культуры встречаются простейшие формы ножей и шильев. Вполне вероятно, что способ изготовления их уже мог быть освоен местными мастерами еще в начале II тысячелетия до н. э.

Древнейшими формами медных орудий, встречающихся в могилах Поволжья и Причерноморских степей, являются небольшие кованые двулезвийные листовидные ножи с совершенно плоским черешком и кованые четырехгранные шилья. Листовидные ножи представляют собой первое звено в цепи развития ножей-кинжалов и кинжалов бронзового века Поволжья и Причерноморья. В результате этого развития в конце бронзового века появляются большие кинжалы или короткие мечи, о которых можно судить по одной из литейных форм Краснояцкого клада⁸¹. Начало металлургии с изготовления простейших форм, которые постепенно совершенствуются, мы видим только в степных районах и в южной части лесостепи; этим металлургия юга существенно отличается от металлургии лесных районов, куда значительно позднее проникли уже выработанные приемы металлообработки, а с ними — выработанные формы вещей.

⁸¹ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1. Киев, 1951, табл. XX, рис. 1.

Во II тысячелетии и начале I тысячелетия до н. э. процесс развития ножей-кинжалов протекал более или менее однородно во всей степной зоне, Восточной Европе и Юго-западной Сибири. Листовидные ножи, с которых началось это развитие, обычно встречаются в могилах единицами. Всюду они одинаковы как по форме, так и по технике их выполнения. На Северном Кавказе такие ножи представляют собой вполне обычное явление и широко распространены в эпоху ранней бронзы на Кубани и Тереке. В Поволжье и Причерноморских степях этим ножам сопутствуют литые бусы, подвески и другие бронзовые украшения кавказского происхождения, но, как и ножи, они попадаются редко. Совершенно подобные ножи и украшения были найдены в могилах степного Крыма⁸²; относящихся ко времени, переходному от ямной к катакомбной культуре. Находки вещей кавказского происхождения такого рода в Среднем и Нижнем Поволжье, на Донце и в Крыму свидетельствуют о радиальном распространении первичных форм металлических изделий из одного металлургического центра. На Кавказе были выработаны формы простейших режущих инструментов и переданы степному населению вместе с основными приемами металлообработки.

Все это свидетельствует о том, что в эпоху раннего бронзового века население степного Поволжья и Причерноморья находилось в значительной, — если не в полной, — зависимости от металлургии Кавказа. В середине II тысячелетия до н. э. на Волге положение довольно резко изменяется. Здесь ко времени образования и развития андроновской и срубной культур происходит все более и более широкое освоение степных путей, связующих основные места древних рудных разработок с районами, бедными рудой. Уже в древнейших погребениях срубной культуры (Мелекесский район, близ хутора «Красная звезда», например, курган 3, погребение 4) были встречены выпукло-вгнутые браслеты (см. ниже рис. 15, 20) и ребристые протезы (рис. 15, 5)⁸³, совершенно непохожие на украшения катакомбной «полтавкинской эпохи». И по форме, и по технике

⁸² Раскопки Н. И. Веселовского 1890 г. в Симферопольском уезде Таврической губернии в имении Нестроева и Генкеля. ОАК, 1890, стр. 21 ел.

⁸³ Т. Б. Попов а. Керамика Мелекесских курганов. Труды ГИМ, XXII, М, 1953, стр. 61, рис. 2, 7, 2.

их выполнения они не имеют аналогий среди кавказской бронзы. Основным центром их производства являются мастерские металлургов степей Южного Приуралья. Выбавывавшиеся здесь в большом количестве, эти украшения проникали в Поволжье и распро-

посредством далеких сношении и переездов по уже освоенным степным путям. Об этом можно судить по наличию в некоторых поселениях срубной культуры обоих периодов черепков с орнаментом, типичным для посуды андроновской культуры. В трех погребениях

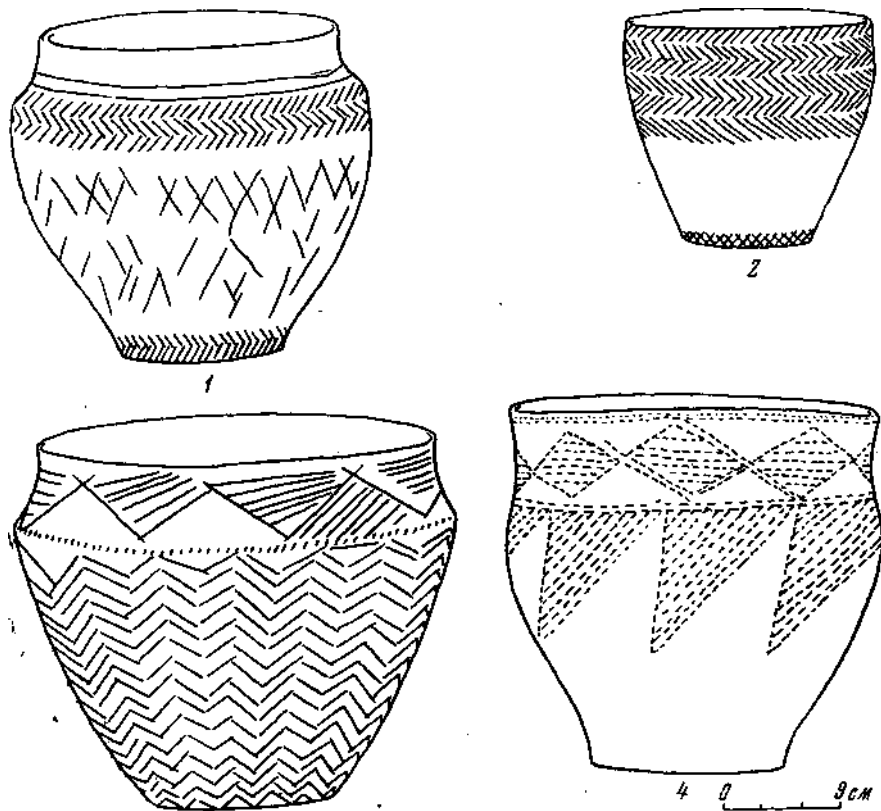

Рис. 11. Посуда андроновских типов из погребений срубной культуры Поволжья.

1—3 — Покровский могильник, близ г. Энгельса (1 — группа 1, курган 7, погребение 4; 2 — группа 1, курган 7, погребение 2; 3 — курган 35); 4 — с. Бережновка, Сталинградской области, курган 5, погребение 18. Ок. 1/4 в.

странялись среди племен срубной культуры. Очевидно, не только украшения проникали на Волгу. Однородные формы ножей на территории андроновской и срубной культур, а также и некоторых других орудий говорят о достаточно широких связях населения Южного Приуралья с Поволжьем, куда, помимо готовых изделий, очевидно, привозился и необработанный металл.

Возникает вопрос, каким образом совершалось это проникновение металла и металлических изделий от одного населения к другому: передачей от соседей к соседям или

Покровского могильника стояли типично андроновские сосуды (рис. 11, 1—3). Особенно интересен сосуд, очень близкий и по форме, и по узору к андроновским, найденный И. В. Синецким в кургане 5 (погребение 18) близ Бережновки (рис. И, 4)⁸⁴. Следует принять во внимание, что из того же кургана (погребение 9) происходят бронзовые обоймочки от ременного украшения андроновского типа; подобное же украшение

⁸⁴ И. В. Синецин. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, стр. 84, рис. 36, 4.

было найдено в Покровском могильнике (рис. 15, 4).

Выше говорилось о двух погребениях срубной культуры, совершенных по раннеандроновскому обряду (федоровский тип погребений путем сожжения). Очевидно, появление андроновских бронзовых предметов было связано с проникновением на Волгу отдельных, может быть, небольших групп населения андроновской культуры, задержавшегося здесь более или менее продолжительный срок.

Приведенные примеры говорят о передвижении населения из одних районов в другие, иногда довольно отдаленные. Помимо лошадей, служивших ездовыми животными, населению срубной и андроновской культуры был уже известен верблюд. Кости его были найдены на территории г. Воронежа в культурном слое селища⁸⁵, относящегося к первому периоду срубной культуры, а также на Алексеевском поселении⁸⁶ позднеандроновской культуры. В каждом случае костей верблюда было найдено немного. Едва ли здесь можно говорить о сколько-нибудь серьезном разведении этого животного, и все же наличие его свидетельствует о несомненной потребности в транспорте на далекие степные расстояния и о попытках введения в жизнь подобного транспорта, безусловно, уже знакомого в то время соседним племенам Передней Азии. При учете основных потребностей, побуждавших человека к столь отдаленным путешествиям, приходишь к заключению, что основным стимулом этих передвижений являлся недостаток в рудных богатствах в одних областях и относительный избыток их в других. Все остальные отрасли хозяйственной деятельности человека могли быть удовлетворены ресурсами или местными, или привозимыми из ближних районов, как, например, кремнем или глиной, пригодной для изготовления посуды (отсутствие глины, повидимому, ощущалось весьма редко). В конце ямной и начале полтавкинской культуры небольшие медные ножи листовидной формы, очевидно, не были предметом широкого употребления. Еще продолжают пользоваться кремневыми ножами, выделка которых в раннебронзовом веке достигла

большого совершенства. Основное преимущество медных инструментов по сравнению с кремневыми — упругость и отсутствие хрупкости — оказалось, однако, и недостатком, мешающим полностью заменить кремневые орудия. Для некоторых режущих инструментов потребовалась достаточная твердость, которую медные ножи, сделанные из относительно мягкого металла, не могли дать. По этой причине до появления бронзовых орудий кремневые продолжали употребляться и были вытеснены бронзовыми лишь в начале срубной культуры. На некоторых древнейших поселениях продолжают применяться еще кремневые резцы и другие кремневые изделия, которые совершенно отсутствуют на других селищах первого периода срубной культуры.

Древнейшие медные орудия, проникшие с Северного Кавказа в степи Поволжья, — ножи и четырехгранные шилья — уже встречаются в могилах ямной культуры. Так, например, в погребении 4 из кургана 9 в Бородаевке, кроме характерных костяных пронизей с винтообразной нарезкой, были найдены бронзовый нож с ромбовидным клинком и длинным, закругленным на конце плоским черенком (рис. 12, 1) и довольно крупное четырехгранное шило (рис. 12, 15). Ножи подобного рода, как это видно и в данном случае, не всегда имели строго листовидную форму, но в большей или в меньшей мере приближались к ней. Нож из Норок⁸⁷ (рис. 12, 2), черенок которого резко отделяется от клинка, заостренного до половины, по своей форме особенно близок к древнейшим северокавказским ножам и представляет собой второй тип ранних ножей Поволжья. По костяным пронизям с винтообразной нарезкой и плоским костяным бусам погребение с этим ножом тоже следует отнести ко времени, переходному от ямной к полтавкинской культуре. Мне известен только один нож, происходящий из заведомо полтавкинского погребения⁸⁸. Его плоский и узкий черенок, тупо скругленный на конце, вполне отчетливо отделен от широкого клинка (рис. 12, 3).

⁸⁷ Раскопки А. А. Спицына в Камышинском уезде 1895 г. ОАК, 1895, стр. 31, 32.

⁸⁸ Раскопки П. Д. Рау близ дер. Гёбель на р. Иловле, курган ЕЮ, погребение 3: Р. Каи Носкетгабер дер Чуол'азерре, стр. 31, табл. III, рис. 3.

⁸⁵ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 160.

⁸⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 102.

Мы имеем право предполагать, что листовидные ножи были хорошо знакомы населению Поволжья, во всяком случае во время полтавкинской культуры. Это предположение основывается на том, что во времена срубной культуры, особенно в ее ранних памятниках, нередко встречаются ножи или листовидные, или напоминающие их по форме (рис. 12, 4, 5)⁸⁹. Хорошим примером такого доживания листовидных ножей в раннесрубных поселениях является нож из Надеждина-Куракина (рис. 4, 4), где наряду с ним уже употреблялись типичные для срубной культуры йфкй с намечающимся перекрестием (рис. 4, 5). Вторым примером могут служить два ножа из Покровской юго-восточной группы (курган 35, погребение 2), оба листовидной формы (рис. 12, 9, 10). У одного из них (рис. 12, 9) заметно слабое расширение у основания клинка.

Ножи с намечающимся перекрестием встречаются в могилах срубной культуры Поволжья и, очевидно, впервые появляются в ее раннее время. При этом старые формы существуют наряду с новыми довольно долго. По целому ряду ножей можно судить о том; что расширение у основания клинка выработалось не сразу. Существуют некоторые экземпляры с едва заметными выступами у основания клинков, сохранившие листовидную форму в почти чистом виде (рис. 12, 6, 11)⁹⁰. Нож из с. Кротовки⁹¹ может служить примером вполне выработанной формы ножа с намечающимся перекрестием (рис. 12, 7). Повидимому, во втором периоде эта форма установилась прочно, и в конце хвалынского времени появились ее некоторые разновидности (например, нож неизвестного происхождения из Куйбышевской области; рис. 12, 8).

Назначение ножей не было однородным с самого начала их появления. Ножи катакомбно-полтавкинской эпохи неодинаковы: одни из них имеют более заостренные, другие — менее заостренные концы, одни — бо-

лее, другие — менее обработанные и заостренные лезвия. Одни из них использовались как колющие орудия, другие — как режущие. В большинстве же случаев такое орудие могли употреблять и как нож, и как кинжал. Но функции кинжала эти орудия приобретают только в конце полтавкинской и катакомбной культур, когда листовидные ножи увеличились в размерах. Ножи срубного типа с намечающимся перекрестием могли употребляться и как оружие, и как орудие труда. Лишь некоторые из них (рис. 12, 8), — вероятно, наиболее поздние, — становятся более похожими на кинжал, чем на нож. Обособленно от других ножей срубной культуры Поволжья стоит нож (рис. 12, 12), происходящий из Аткарского могильника⁹². По своей форме он напоминает однолезвийные ножи андроновской культуры, но в противоположность им этот нож не снабжен рукоятью, отделенной от его режущей части.

Непонятно назначение двух ножей (рис. 12, 13) из клада Царева кургана. Они двулезвийны, причем с одной стороны лезвие занимает почти всю длину орудия, с другой — доходит лишь до половины. Загнутый крючком конец рукояти, напоминающий рукояти некоторых серпов, заставляет предполагать, что ножи Царева кургана, как и серпы, относятся к земледельческим орудиям.

Наибольшее количество ножей срубного типа было найдено в Поволжье. В других районах распространения срубной культуры они встречаются реже. Относительно много их было найдено на Днестре. Помимо срубной культуры, подобные же ножи с расширением у основания клинка встречаются в андроновской и абашевской культурах. Однако с андроновскими могильниками связано лишь незначительное количество подобных ножей. В западных пределах распространения андроновской культуры, в Южном и Юго-восточном Приуралье, насколько мне известно, были найдены лишь три подобных ножа, из которых один происходит из Кожумбердинского могильника⁹³, другой — из Алексеевского⁹⁴.

⁸⁹ Покровский могильник, курган 16, раннесрубное погребение (Е5А, I, НеЫпкл, 1925, стр. 83, рис. 25), и Чардым, курган 2, погребение 7.

⁹⁰ А. З'бруева и А. Смирнов. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла. ВДИ, 1939, № 4, стр. 192; Покровская юго-восточная группа, курган 32, раскопки 1927 г.

⁹¹ Село Кротовка близ г. Куйбышева. Раскопки В. В. Гольмстен 1926 г., курган 3, погребение 1. Куйбышевский музей.

⁹² Город Аткарск, курган 27. Раскопки Н. К. Арзютова 1930 г. Саратовский музей.

⁹³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 165, рис. 74.

⁹⁴ О. Кг1у1зоу-Огакоу. Ше гошгаШе сГо^ехз ее Гаґе с1и Ыоґге йапз le ге^юп с1и пай* Тоґол. Е3А, IV, НеЫпкл, 1929, стр. 119, рис. 3.

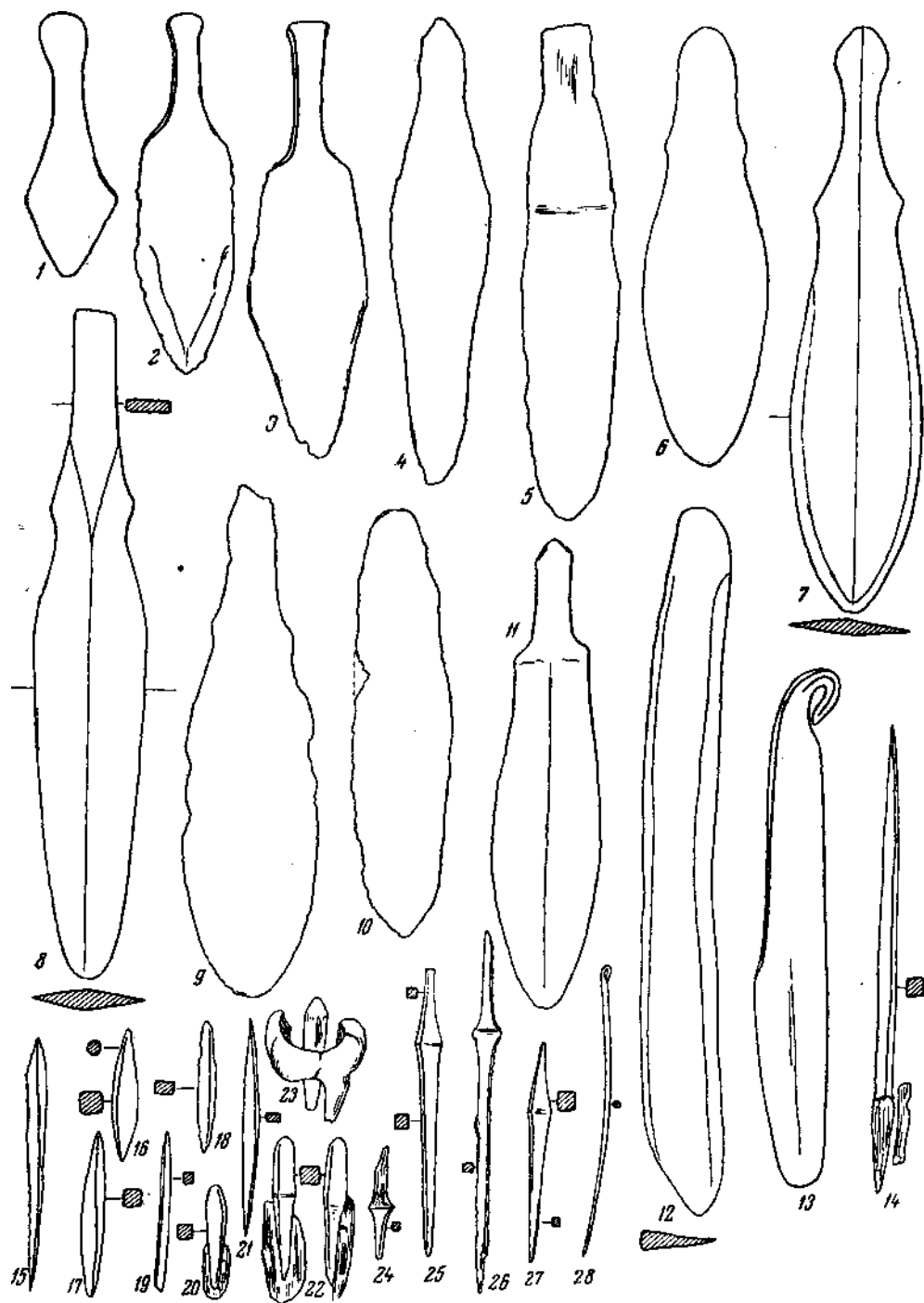

Рис. 12. Изделия из меди и бронзы в степях Поволжья и Причерноморья. Ножи и шилья.

1 и 15 — с. Бородаевка, Саратовской области, курган 9, погребение 4; 2 — станция Норки на р. Иловле, близ г. Камышина; 3 — бывш. дер. Гёбель на р. Иловле, курган ЕЮ, погребение 3; 4 — Покровский могильник, близ г. Энгельса, курган 16; 5 — г. Чардым, курган 2, погребение 7; 6 — из клада на Царевом кургане, близ г. Куйбышева; 7 — с. Кротовка, близ г. Куйбышева, курган 3, погребение 1; 8 — из Куйбышевской области; 9 и 10 — Покровский могильник, близ г. Энгельса, юго-восточная группа, курган 35, погребение 2; 11 — Покровский могильник, близ г. Энгельса, юго-восточная группа, курган 32; 12 — г. Аткарс, курган 27; 13 — из клада на Царевом кургане, близ г. Куйбышева; 14 — курганы «Три брата», близ г. Степного, группа 2, курган 33 погребение 3; 16 — там же, группа 1, курган 27, погребение 4; 17 — там же, курган 9; 18 и 19 — там же, «катакомба без покойника»; 20—22 — Покровский могильник, близ г. Энгельса, юго-восточная группа, курган 15, погребение 2; 23 — там же, курган 7; 24 — станица Новосвободная, Краснодарского края, курган 1, камера 2; 25 — станица Андрюковская, Краснодарского края; 26 — станица Константиновская, Краснодарского края, курган «Баба»; 27 — с. Селимовка, Харьковской области, курган 3, погребение 3; 28 — Покровский могильник, близ г. Энгельса, курган 15, погребение 1. Ок. *г н. в.

Основные находки ножей срубного типа абашевской культуры падают на ранний памятник этого времени, а именно на Сейменский могильник. На Северный Кавказ ножи с намечающимся перекрестием проникают из степных районов довольно редко.

Именно в средней и северной части Нижнего Поволжья наблюдается процесс образования и развития этой формы ножа из первичного листовидного. Мы имеем все основания предполагать, что в Поволжье уже в полтавкинской культуре было вполне освоено производство основных металлических орудий — листовидных ножей и, конечно, четырехгранных шильев. Об этом можно судить и по тому, что уже в самых ранних памятниках срубной культуры (Надеждинское селище), наряду с листовидными, встречаются крупные ножи нового, срубного типа — с расширением у основания клинка. Для того чтобы выработать эту уже довольно сложную форму, необходимо было обладать опытом обработки металла в течение некоторого времени, которое предшествовало началу срубной культуры.

Орудия для прокалывания, связанные преимущественно с изготовлением вещей из кожи, — медные и бронзовые четырехгранные шилья, — мало изменяют свою форму в течение всего бронзового века. Здесь мы имеем пример того, как однажды найденная целесообразная и совершенная форма орудия сохраняется надолго. Сохраняется и способ его выделки: громадное большинство шильев выработывалось путемковки; отлитые шилья представляют собой редкие исключения. Четырехгранные металлические шилья бронзового века продолжали бытовать почти в неизменном виде в железном веке и дошли до нашего времени. Во всех культурах бронзового века шилья сохраняют очень близкие формы, а если и встречаются отдельные локальные или временные варианты, то они обыкновенно бывают незначительными и неустойчивыми.

Основная форма шильев в виде четырехгранного заостренного стержня, появившись на Северном Кавказе, распространилась отсюда по всем степным культурам Поволжья и Причерноморья.

На Северном Кавказе шилья встречаются в самых ранних памятниках, сохранивших следы первоначальной металлургии. Здесь были известны два типа шильев. Один из них

представляет собой простой четырехгранный стержень, на концах заостренный; при этом один, более острый конец является рабочим, противоположный же конец — насадом для рукоятки. Второй тип — несколько усовершенствованный; его насад отделяется от рабочего конца более или менее отчетливо выраженным утолщением. На Северном Кавказе первый тип шильев встречается чаще. Так, с Кубани из станицы Андрюковской⁹⁵ происходит шило (рис. 12, 25) с длинным рабочим концом и коротким насадом, имеющим утолщение у основания. Подобное же шило, но малых размеров (рис. 12, 24) входит в состав инвентаря погребения из кургана 1 станицы Новосвободной⁹⁶.

В степных культурах шилья этого типа известны в погребениях катакомбной культуры и не только с нижнего Дона (рис. 12, 26)⁹⁷, но и на Изюмщине (рис. 12, 27)⁹⁸. Они были принесены сюда с Кавказа вместе с листовидными ножами и украшениями, отлитыми с утратой восковой модели.

В Поволжье шилья второго типа встречаются очень редко. На всем протяжении бронзового века здесь были в употреблении простые шилья с насадом, не отделенным от рабочего конца. Они были или очень больших размеров (рис. 12, 14), или короткие (рис. 12, 21), часто толстые (рис. 12, 16, 17, 18)". Шилья нормальных пропорций находились вместе с короткими шильями. Так, в «катакомбе без покойника» из курганной группы «Три брата» у г. Степного (рис. 12, 18, 19) были найдены два шила — одно толстое, другое тонкое, предназначавшиеся, повидимому, для разных целей.

Обычно в погребениях и полтавкинской, и срубной культур покойников сопровождают шилья небольших размеров (около 5—7 см) и не особенно толстые (рис. 12, 21)¹⁰⁰.

⁹⁵ Раскопки Н. И. Веселовского 1897 г. ГИМ-

⁹⁶ Бывш. станица Царская, раскопки Н. И. Веселовского 1898 г., курган 1, камера 2. ОАК, 1898, табл. IV, 54, 55.

⁹⁷ Шило из станицы Константиновской, из кургана «Бабь», раскопки Н. Е. Бранденбурга 1891 г. ГИМ.

⁹⁸ Село Селимовка, раскопки В. А. Городцова 1901 г., курган 3, погребение 3. Тр. XII АС, табл. ДШ, рис. 8.

⁹⁹ Город Степной, «Три брата», группа 2, курган 33, погребение 3 (рис. 12, 14); группа 1, курган 27, погребение 4 (рис. 12, 16); курган 9 (рис. 12, 17); курган 3, «катакомба без покойника» (рис. 12, 18, 19). Саратовский музей.

¹⁰⁰ Город Покровск (ныне г. Энгельс) юго-восточ-

В конце катакомбной культуры на Дону, Донце и на нижнем Днепре шилья второго типа совершенно вышли из употребления. Это, вероятно, произошло в связи с продвижением срубной культуры из Поволжья в область Нижнего Приднепровья.

В Покровском могильнике были найдены бронзовые орудия, по внешнему виду похожие на четырехгранные короткие и толстые шилья. Одно из них (рис. 12, 23) происходит из кургана 7, другие два (рис. 12, 20 и 22) — из кургана 15 (погребение 2). Однако назначение их должно быть совершенно иным. Их рабочие концы отнюдь не приспособлены для прокалывания. Они толсты, закруглены или же сведены в тупой конус. В обеих могилах при этих орудиях сохранились деревянные рукояти; одна из них (рис. 12, 23) имела паз, значительно более широкий, чем это требовалось бы для данного орудия, однако последнее помещалось в его центре; совершенно очевидно, что между бронзовым стержнем и обоймой находилась какая-то прокладка. Другие два орудия (рис. 12, 20 и 22) имели деревянную рукоятку, к ним плотно прилегающую. Последняя состояла из двух деревянных пластинок с продольными выемками на внутренней поверхности, предназначенными для вставки в них черешка. Назначение этих орудий неясно. Они могли служить в качестве чеканов для выбивания украшений в виде выпуклостей на металлической посуде. В культурах Северного Кавказа встречаются чеканные бляхи, большие и малые сосуды, украшенные иногда по всей поверхности иль шечками, выбитыми изнутри. Рабочие концы орудий, описанных выше, совершенно соответствуют по форме и величине ямкам на обратной стороне подобных чеканных предметов.

Иглы из меди или бронзы в бронзовом веке Поволжья встречаются редко, и все они относятся ко времени срубно-хвалынской культуры. Две иглы (одна из них с обломанным ушком) происходят из Покровского могильника (рис. 12, 28). Целая игла из кургана 15 (погребение 1) внешне очень напоминает андроновские иглы, известные по раскопкам 1948 г. Садчиковского поселения на верхнем Тоболе¹⁰¹. Она имеет такой же тон-

кий и длинный стержень (9 см длиной), в значительной мере острый. Противоположный конец также сведен на острие, загнут и, таким образом, превращен в петлю. Существенная разница между иглами Покровского могильника и садчиковскими заключается в том, что первые из них кованые в виде массивного стерженька, вторые иглы полые, сделанные из тонкой и узкой пластинки, свернутой в трубку. Обычно иглы происходят из женских погребений вместе с другими принадлежностями женского рукоделия (бронзовые шилья, пряслица). С такими вещами была найдена игла при двойном захоронении (женщина и ребенок) в кургане на левом берегу Волги¹⁰². Вторая игла принадлежит женскому же погребению близ с. Ровного (бывш. Зеельман)¹⁰³.

Клиновидные орудия, служившие в качестве тесел или топоров, подобные орудиям из гробниц станицы Нововосободной, встречаются в степных культурах нашего Юга относительно редко.

Кроме погребения близ Колтубанки, Куйбышевской области, явно связанного по формам своих вещей с Северным Кавказом, клиновидные орудия были встречены в некоторых могилах полтавкинской культуры. К ним относится большое тесло (рис. 13, 1), обнаруженное П. Д. Рау близ с. Ровного (бывш. Зеельман), в кургане Э37¹⁰⁴. Второе подобное же орудие (или, вернее, верхняя часть его) было им найдено в кургане Р6 близ с. Бородаевки (бывш. Боаро)¹⁰⁵. Эти предметы кованые и сделаны, вероятно, из меди.

Позднее, в эпоху срубной культуры, клиновидные бронзовые тесла были распространены в Поволжье вплоть до Чувашии. О них упоминает П. Н. Третьяков и справедливо относит их к абашевской культуре¹⁰⁶.

ское поселение, МИА, № 21, М., 1951, стр. 166, рис. 16, 1.

юг курган Е14, погребение 1, раскопки П. Д. Рау 1927 г.

юг курган АН, погребение 2, раскопки П. Д. Рау: Р. Каи. Носкергабер елг ЭДЫазлеппе, стр. 36, табл. IV, 5; стр. 60, табл. V, 8.

¹⁰⁴ Р. Каи. Носкергабер елг Шолазлеппе, табл. I, рис. 3.

¹⁰⁵ Р. Каи. Ыеие Рипеле аиз Носкергаберп ёез Шолазлеппе Оебелз, стр. 47—49, рис. 7 и 9.

¹⁰⁶ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 36 и 37, рис. 20.

ная группа, курган 15, погребение 2. Раскопки 1925 г. Саратовский музей.

¹⁰¹ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиков-

В Куйбышевском и Саратовском музеях в небольшом количестве мы находим подобные же орудия, которые по своей форме существенно отличаются от клиновидных тесел предшествующего времени. Они длинные и относительно узки; у некоторых концы лезвий оттянуты и отведены в стороны, о чем можно судить по экземпляру из Сталинградского кургана (рис. 13, 5)¹⁰⁷. Все известные мне орудия подобного типа отлиты из бронзы. В работах А. А. Иессена¹⁰⁸ о металлургии на Северо-западном Кавказе убедительно выделен самостоятельный очаг металлообработки в бассейне Кубани и прилегающих к ней районах. Для этого очага металлообработки характерен особый набор бронзовых орудий и вооружения. Среди инструментов, которыми пользовалось население Кубани во второй половине II тысячелетия до н. э., А. А. Иессен указывает на длинное клиновидное тесло как на обычное и характерное орудие в этом очаге бронзы. Подобные орудия были в употреблении также и в районах низовья Дона, с которым Прикубанье постоянно находилось в сношениях. Едва ли можно объяснить наличие таких тесел в Поволжье эпохи срубной культуры постоянными сношениями с населением Прикубанья. Вероятно, здесь это орудие развилось самостоятельно от относительно коротких и узколезвийных форм (рис. 13, 2) до более поздних с расширенным лезвием (рис. 13, 5). Различные варианты этого орудия, очевидно, употреблялись в первом периоде срубной культуры, а ведут свое происхождение от тесел полтавкинского времени.

В настоящее время на территории Поволжья мне известно только семь таких тесел, причем два из них происходят из клада Царева кургана. Наиболее простой по типу экземпляр (рис. 13, 2), несколько напоминающий формой полтавкинские, происходит из погребения в кургане 35 Покровского могильника. Он короче других (длина — 12 см), у обуха относительно широк, а у лезвия узок. Его стороны почти параллельны между со-

бой. Еще одно тесло, более удлиненное и несколько расширяющееся к лезвию, происходит из того же могильника (курган 12, погребение 5). Оно было найдено вместе с каменным топором-секирой и тремя кремневыми стрелами листовидной и подтреугольной формы¹⁰⁹. Один такой топор-тесло (без паспорта) хранится в Саратовском музее и, очевидно, происходит из Саратовской области; другой (рис. 13, 4) был найден близ г. Сорочинска Чкаловской области, в верховьях р. Самарки.

Проушные бронзовые топоры лишь в небольшом количестве известны в Среднем и Нижнем Поволжье. Обычно они происходят из случайных находок, как отдельные вещи. Значительная часть этих находок относится к территории бывшей Казанской губернии, о чем позволяют судить коллекции этих предметов, хранящиеся в ГИМ и в Казанском музее. Проушные топоры Поволжья можно подразделить на два типа.

Топоры первого типа, характерные для досрубного времени, совершенно схожи с топорами станицы Новосвободной и по времени совпадают с распространением в Поволжье полтавкинской культуры. К ним относятся топор из Колтубанского погребения (рис. 14, 1) и топор, хранящийся в Саратовском музее и найденный близ с. Труевой Мазы (рис. 14, 2)¹¹⁰. Наибольшее сходство с топорами станицы Новосвободной проявляется именно в этом последнем; он не расширяется, а скорее несколько сужается к лезвию, имеет совершенно прямую, не вислообушную форму и ребро на верхней части обуха. Обух деформирован еще в древности. Особенно сближает этот топор с одним из топоров Новосвободной наличие шишечек, расположенных по обуху. Связи степного Поволжья с населением Северного Кавказа в первой половине II тысячелетия до н. э. подтверждается этой находкой особенно убедительно.

Топоры второго типа, повидимому, тоже связаны своим происхождением с Кавказом. К ним относятся вислообушные топоры, из которых древнейшие встречаются в фатьяновских могильниках ярославской группы.

¹⁰⁷ Ф. П. Чернов. Раскопки кургана в г. Царицыне. Труды СУАК, вып. 24, Саратов, 1908, стр. 14.

¹⁰⁸ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, М.—Л., 1951, стр. 91, 92, рис. 20, 21; его же. К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, М.—Л. 1950, стр. 173 и 199, табл. II и III.

¹⁰⁹ Е5А, I, НеЪТЫ, 1925, стр. 78, рис. 21. Это погребение П. Д. Рау относит к полтавкинской культуре. Наличие подобного клиновидного орудия дает возможность отнести его к началу срубной культуры.

¹¹⁰ А. М. Tall ^ г е п. Ёа РопШе ргёзсутт^ие аргёз Пптослслюп без тёлаих, рис. 99, 2.

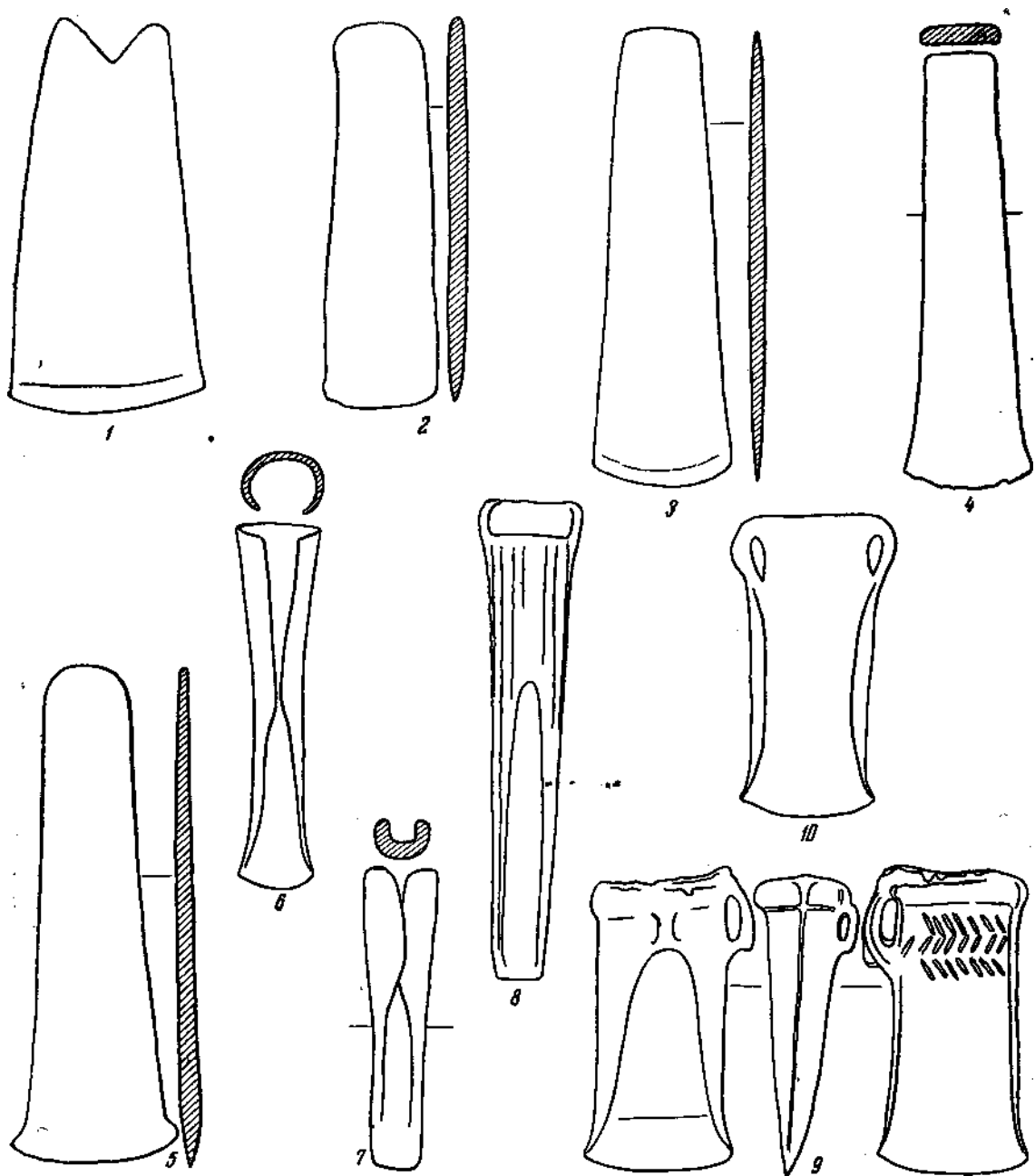

Рис. 13. Тесла, долота и кельты срубной культуры Поволжья.

1 — Ровное, Саратовской области, курган Д37; 2 — Покровский могильник, близ г. Энгельса, курган 35; 3 и 6 — Царев курган, близ г. Куйбышева; 4 — г. Сорочинск, Чкаловской области, верховья р. Самарки; 5 и 7 — курган в Сталинграде; 8 и 9 — станция Сосновая Маза, близ г. Хвалынска; 10 — между селами Стригослом и Старой Жуковкой, Саратовской области. Ок. $\frac{1}{2}$ н. в.

Впоследствии,— вероятно, во времена абашевской культуры,— в Верхнем Поволжье вырабатываются местные формы, выраженные прежде всего в удлинении втулки. Топоры подобного рода встречаются и на территории срубной культуры, только значительно реже, чем в районах абашевской, где они восходят к Сейменскому могильнику.

Нам известны только четыре вислообушных топора, которые можно отнести к срубной культуре. Два из них напоминают топоры с территории Татарской республики и Чувашии, изданные П. Н. Третьяковым¹¹¹. Топоры второго типа, повидимому, тоже связаны своим происхождением с Кавказом. У топора из с. Дурасовки, Аткарского района, лобная часть на клинке отделена гранями (рис. 14, 6)¹¹². Этот топор, как и топор из с. Старой Яблоньки (рис. 14, 5)¹¹³, отлит из сплава красноватого цвета. К иному типу принадлежат два других топора¹¹⁴ с изогнутым клинком и вислым обухом. Несмотря на округлую выпуклость на верху обуха у одного из них (рис. 14, 4) и относительную ширину второго орудия (рис. 14, 5), они все-таки напоминают древнейшие вислообушные топоры фатьяновского типа; Очевидно, на всем пространстве бассейна Волги первоначальные формы вислообушных топоров в дальнейшем своем развитии распались на различные варианты. Массивный и широкий топор {шшОй, *" &} Царева кургана (рис. 14, 3) похож на ¹¹⁵Этот клад и территориально и по времени может относиться к срубной культуре.

Топоры-кельты встречаются на Волге очень редко. Создается впечатление, что если они и были в употреблении у местного населения, то в очень ограниченном количестве и не ранее, чем на хвалынской ступени развития срубной культуры.

Нам известны только четыре кельта, от-

носящихся к этому времени. Три из них входят в состав Сосновомазинского клада (рис. 13, 9), четвертый был найден между селами Стригослом и Старой Жуковкой б. Вольского уезда, Саратовской области (рис. 13, 10). Последний из них особенно интересен тем, что совершенно совпадает по типу с поздними кельтами, которые в изобилии встречаются на среднем и нижнем Днепре. Это двуухий кельт с хорошо откованным лезвием, расширяющимся в обе стороны. Характерным отличием подобных кельтов являются боковые грани в виде узкого листа, расположенного между петлями и краями лезвия. Кельты из Сосновомазинского клада (рис. 13, 9) асимметричны: с одной стороны — уплощены, с другой — трехгранны, причем боковые грани здесь, как обычно, отведены к уголкам лезвия. Кельты из Сосновой Мазы имеют одну петлю, расположенную на выпуклой стороне, и одну — боковую. Этот тип кельтов, возможно, был занесен в Поволжье из Западной Сибири. Кельты сейменского типа в срубной культуре неизвестны. Их распространение, повидимому, была ограничено более северными лесными областями. Втульчатые желобчатые долота в пределах срубной культуры Поволжья известны в количестве трех. Одно из них происходит из Царева кургана (рис. 13, 6), другое — из Сталинградского кургана (рис. 13, 7) и третье входит в состав Сосновомазинского клада (рис. 13, 8). Первые два имеют втулку, образованную путем отковки двух лопастей, согнутых в трубку. Этот тип желобчатых долот является до известной степени датирующим. Подобные долота никогда не встречаются в комплексах вещей конца бронзового века и вместе с тем совершенно отсутствуют в катакомбно-полтавкинское время, т. е. в первой половине II тысячелетия до н. э. Повидимому, время их распространения ограничивалось второй половиной II тысячелетия до н. э., т. е. первым периодом срубной культуры и, может быть, лишь началом второго периода. Более поздний тип представлен долотом Сосновомазинского клада. Это обычный тип литого долота, распространенный и в Причерноморье. Здесь все части предмета — рабочий конец, клинок и втулка — были заранее предусмотрены при выделке литейной формы и, таким образом, все части вполне доработаны в процессе литья, в то время как предшествующий тип долот производился

¹¹¹ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 37, рис. 20, 3, 4.

¹¹² Саратовская область, Аткарский район, в 4 км с небольшим к северо-западу от с. Дурасовки, на левом берегу р. Медведицы. Находка 1909 г.; передана в Саратовский музей А. Н. Минхом.

¹¹³ Саратовская область, Хвалынский район, с. Старая Яблонька, Липовый овраг. Случайная находка. Саратовский музей.

¹¹⁴ Один — из Царева кургана, другой — из с. Подетенного, Саратовской области. Публикацию этого клада см. прим. 20 на стр. 55.

¹¹⁵ Курская область, близ станции Касторной. ГИМ.

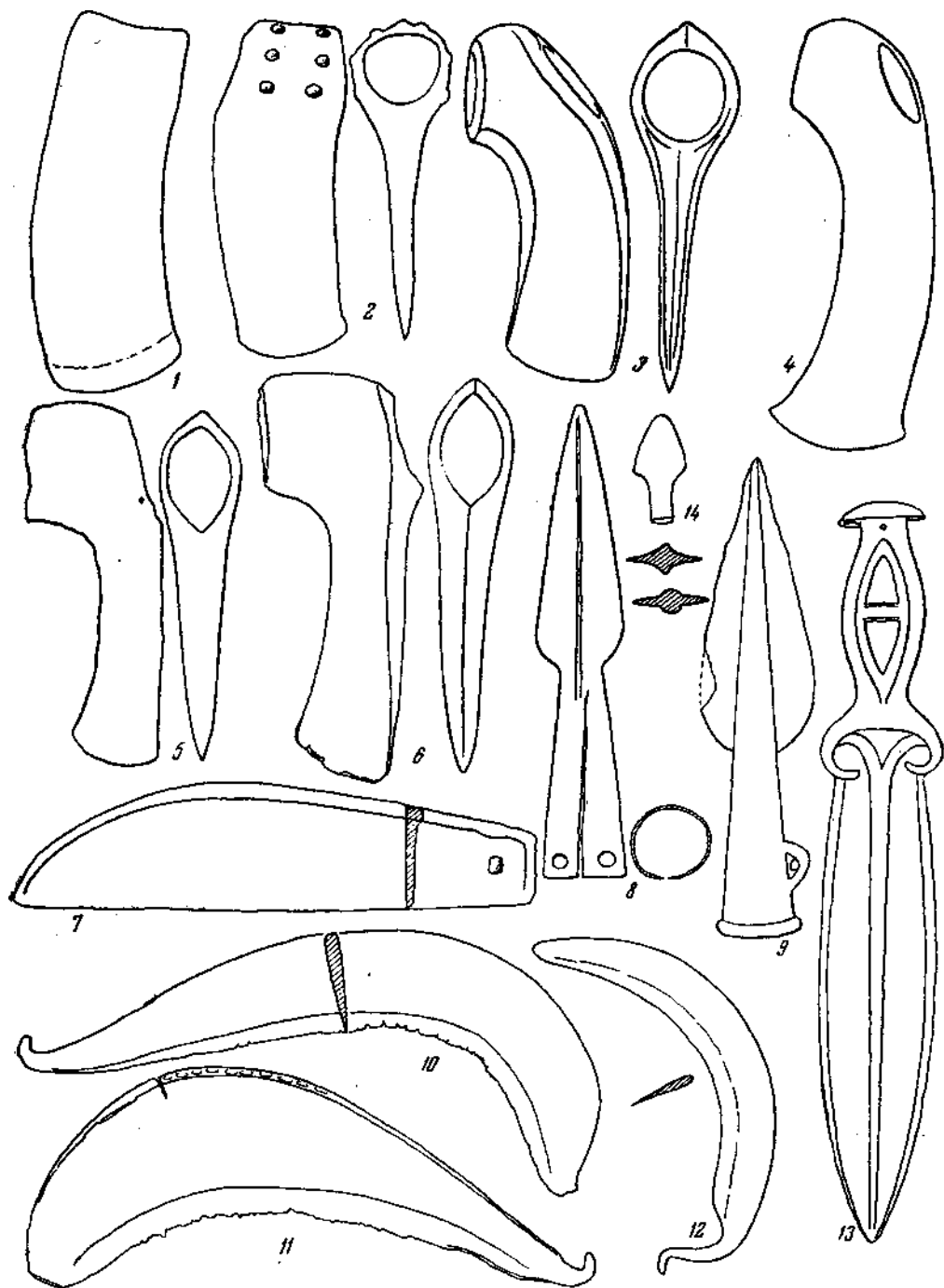

Рис. 14. Бронзовые топоры, наконечники копий, кинжал, косарь и серпы срубной культуры Поволжья.

1 — Колтубанка, Бузулукского района, Чкаловской области; 2 — Труевая Маза, близ г. Вольска; 3 и 12 — Царев курган, близ г. Куйбышева; 4 — Подетенное, Новоузенского района, Саратовской области; 5 — Старая Яблонька, Хвалынского района, Саратовской области; 6 — Дурасовка, Аткарского района, Саратовской области; 7 и 13 — станция Сосновая Маза, близ г. Хвалынска; 8 — Покровский могильник, близ г. Энгельса, юго-восточная группа, курган 15, погребение 2; 9 — там же, курган 8; 10 и 11 — Овсянки, Бузулукского района, Чкаловской области; 14 — окрестности г. Куйбышева. Ок. $\frac{1}{4}$ н. в.

при помощи и литья, и дальнейшейковки. Долота типа Сосновой Мазы обычно встречаются в комплексе вещей, которые относятся к концу бронзового века.

Руководствуясь такой последовательностью развития формы втульчатых долот, клад Царева кургана можно датировать первым периодом срубной культуры, т. е. в промежутке от XVI до XII в. до н. э. Принимая же во внимание форму тесла с относительно узким лезвием (рис. 13, 3), датуклада можно уточнить серединой первого периода и отнести его ко времени, предшествующему погребению в Сталинградском кургане. Это подтверждается и формами долот¹¹⁶: в Царевом кургане — более древний тип с незамкнутыми лопастями (рис. 13, 6), в Сталинградском кургане — с прилегающими друг к другу лопастями (рис. 13, 7)¹¹⁷.

Развитие мотыжного земледелия, приобретшего во второй половине II тысячелетия до н. э. большое значение в экономике населения срубной культуры, определяется прежде всего наличием развитых форм бронзовых серпов, которые вошли в употребление уже в первом периоде срубной культуры. К этому времени относится серп вполне развитой формы из землянки поселения близ Костенок на Дону. Серпы срубной культуры по своей форме мало отличаются от тех, которые мы видим на Кубани и в других местах Причерноморья, и вместе с тем резко отличаются от серпов андроновской культуры. Последние уже восточноевропейских, меньше изогнуты, при этом изгиб равномерно дугообразен. Главное же их отличие заключается в наличии у андроновских серпов плоского и широкого черешка для скрепления с рукоятью, в то время как рукоять восточноевропейских серпов имеет на конце крюк. Совершенно ясно, что развитие обоих типов происходило самостоятельно и независимо друг от друга. Другое орудие, также применявшееся в земледелии, по В. В. Гольмстен, — косарь (рис. 14, 7) для расчистки площади от мелкого кустарника и бурьяна («серп сосновомазинского типа»), совпадает по форме с соответствующим орудием, употреблявшимся

населением Южного Приуралья. Очевидно, это орудие проникло в Поволжье от восточных соседей, но не распространилось в пределы Дона.

Отсутствие на Волге серпов андроновского типа может быть объяснено тем, что земледельцам срубной культуры серп с крюком был уже известен к тому времени, когда к ним начали проникать уральские, преимущественно андроновские формы вещей. Если дело обстояло именно так, то приуральский серп, даже в виде его лучших экземпляров, не мог вытеснить уже усвоенную населением, несомненно более совершенную форму орудия. Преимущество причерноморских и поволжских серпов перед андроновскими заключается в значительном изгибе орудия, обуславливающим большую полезность действия. Андроновские серпы более похожи на ножи с вогнутым лезвием, а поволжские уже напоминают современную форму серпов. Изгиб лезвия у поволжских серпов расположен обычно не в середине орудия, а несколько* ближе к его концу. У сильно изогнутых поволжских серпов зазубрины находятся у сгиба серпа, а в тех случаях, когда серп бывает менее изогнут, зазубрины занимают собой почти все лезвие. Зазубренность на андроновских серпах до сих пор не была замечена.

В пределах срубной культуры Поволжья в настоящее время известно не менее семи серпов с крюками, более или менее однородных. Некоторым исключением является серп, хранящийся в музее г. Энгельса¹¹⁸. Этот прекрасно обработанный экземпляр со значительным изгибом рабочей части вместо крюка у рукояти имеет совершенно прямую откованную пластинку, что* особенно сближает его с прикубанскими серпами изклада Костромской станицы¹¹⁹.

Интересен клад (?) серпов, найденный крестьянином Тарасовым во время раскопок им кургана у Крыловского хутора (близ дер. Овсянки, Бузулукского района, Чкаловской области): Клад состоит из четырех целых и одного обломанного серпа с зазубренными лезвиями. Степень изогнутости орудий не одинаковая. Один из серпов (рис. 14, 11) несколько шире других (рис. 14, 10) и с менее

¹¹⁶ А. А. И е с с е н. К хронологии больших кубанских курганов, стр. 172, табл. III и IV.

¹¹⁷ Ко времени Царева кургана относится клад литейщика из Верхнего При донья, найденный близ с. Скакун в районе станции Касторное, в северо-западной части Курской области. ГИМ.

¹¹⁸ Точное его происхождение неизвестно.

¹¹⁹ А. А. И е с с е н. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, стр. 118, рис. 54.

вогнутым лезвием. В результате отковки этот серп имеет очень сильный продольный изгиб.

Вероятно, серпы с крюками специальных рукоятей не имели, а места около крюка могли обертываться кожей. Крюк же мог служить упором для руки.

Земледельцы срубной культуры Поволжья имели разнотипные серпы, отличающиеся друг от друга и по форме, и по величине. Они применялись, возможно, для жатвы разных растений. Об этом свидетельствуют три серпа, происходящие из Царева кургана (рис. 14, 12). Они малы размерами, узки, их лезвия имеют правильную дуговидную форму, а крюки своеобразно изогнуты. Серпы Царева кургана находились в длительном употреблении: на одном из них сохранились следы повторной заточки. Если принять во внимание относительно раннюю дату Царева кургана и вполне выработанную форму его серпов, не имеющих в соседних культурах прямых аналогий, можно предположить, что самостоятельная выделка серпов началась в срубной культуре очень рано и быстро развивалась с возрастающим значением земледелия.

В Средней и Южной Европе втульчатые копья появляются в середине II тысячелетия. Судя по раскопкам Б. А. Куфтина в Триалети¹²⁰, копья с литой втулкой (курган XV) были известны в это время и на Кавказе, а копья с втулкой, сделанной путем отковки, появились несколько раньше¹²¹. Нет основания полагать, что это оружие в Поволжье относится к более позднему времени. В начале существования срубной культуры копья с откованной втулкой уже были известны населению. В погребении из кургана близ с. Мазурки, Воронежской области, среди других бронзовых вещей имеется наконечник копья с откованной втулкой. Это погребение по всем признакам, — прежде всего по остро-реберным сосудам с архаическим орнаментом из оттисков перевитой веревки, — относится к самому раннему времени срубной культуры. Копья с литыми и коваными втулками входят в инвентарь Сейменского могильника. Копье с кованой втулкой было найдено в одном из погребений Бала-

новского могильника фатьяновской культуры. Естественно предполагать, что копья с коваными втулками предшествовали копиям с литыми втулками, точно так же как это наблюдается и у втульчатых долот.

На территории срубной культуры Поволжья основные находки копий были сделаны при раскопках Покровского могильника. В трех могилах было найдено по втульчатому копыю. Литое копые с петлей на втулке и продольным ребром, переходящим на втулку, найдено в погребении 3 кургана 7. В кургане 8 лежало подобное же копые (рис. 14, 9); оно снабжено литой петлей, но продольного ребра не имеет. Совсем другого типа копые из кургана 15 и погребения 2 (рис. 14, <§). Следов литья на нем незаметно. Повидимому, вещь была изготовлена исключительно путем отковки. Перо на копьях подобного рода не достигает такой ширины, как на литых копьях. Втулка имеет продольную щель, обычную у кованых втулок; у ее края, по обе стороны щели, пробито два круглых отверстия для скрепления наконечника с древком копья.

Кованые копья такого типа и близкие к ним появляются у населения Кавказа несколько раньше литых. В культурах степной полосы, вероятно, не произошло полного вытеснения кованых копий литыми. Во всяком случае в Сейменском могильнике встречаются оба типа копий, точно так же как и в Покровском. Наконечники копий обоих типов встречаются на верхней Волге, повидимому, не только в сейменскую эпоху, но и несколько позднее, в пределах уже вполне сложившейся абашевской культуры¹²². Так, кованое копые найдено в составе Верхне-Кизелскогоклада.

В пределах андроновской культуры копья сейменско-покровского типа встречаются только на ее северных окраинах, примером чего может служить небольшой клад, найденный под Омском. Он состоит из вильчатого копья, кельта сейменского типа и клинка кинжала сейменско-галичского типа.

По имеющимся данным можно прийти к заключению, что развитие форм рассмотренных здесь литых копий происходило в северной части степной полосы и в южной части лесостепной полосы Поволжья.

¹²⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, табл. СУ1.

¹²¹ А. А. Ие сен. Прикубанский очаг металлургии и металл обработки в конце медно-бронзового века, стр. 82, рис. 4.

¹²² П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 36, 37 рис. 12, 13.

Металлические наконечники стрел в Поволжье, как и в других областях, начали вырабатываться только в конце бронзового века и при этом еще не могли вытеснить кремневых и костяных стрел, продолжавших находиться в употреблении в значительно большей мере. Памятники, в которых встречаются литые бронзовые стрелы, должны быть отнесены к позднему времени хвалынского периода.

Переходя к литью бронзовых стрел, металлурги пользовались опытом, накопленным в течение столетий при изготовлении бронзовых втульчатых наконечников копий. Черешковых металлических наконечников стрел в срубно-хвалынской и андроновской культурах неизвестно.

Ранние втульчатые стрелы и по форме, и по технике своего выполнения подражают бронзовым копьям. В связи с этим литые бронзовые стрелы в культурах бронзового века степной полосы не пошло дальше изготовления двуперых экземпляров, хотя уже племенам срубной и раннеандоновской культуры были известны хорошо разработанные типы трехгранных костяных стрел с шипами и без шипов. Прекрасные экземпляры костяных наконечников подобного рода происходят из Саратовской и Куйбышевской областей¹²³. Они находятся в комплексах вещей, позволяющих судить о том, что костяные трехгранные стрелы входили в состав вооружения уже в раннее время срубной культуры. Однако только в конце бронзового века усовершенствованные приемы литья, употребление литейных форм, состоящих не только из двух, но и из трех створок, привели к выделке посредством литья из бронзы давно уже известных форм трехгранных стрел. Новые технические приемы изготовления бронзовых наконечников стрел привели к полному вытеснению из употребления кремневых наконечников, а вслед за тем и костяных.

Для выделки бронзовых стрел посредством литья делалась лишь заготовка с уже достаточно хорошо сформованной втулкой, перья же стрел такого рода дорабатывались путем оттяжки и отковки. Стрела подобного рода была найдена на правом берегу р. Самарки в культурном слое у «Монашеского

сада» в 1923 г. (рис. 14, 14). Такой же наконечник был обнаружен в андроновском культурном слое на верхнем Тоболе при раскопках 1948 г. Садчиковского поселения в землянке 2¹²⁴.

В хозяйственном обиходе населения хвалынского времени, как можно предполагать, уже значительную роль играла бронзовая посуда. Однако о ней в настоящее время мы имеем весьма ограниченное представление, так как известен лишь один экземпляр бронзового котла из Куйбышевской области (рис. 10, 9), который описан выше в разделе о керамике.

Обзором медных и бронзовых орудий, предметов вооружения и посуды не исчерпывается набор металлических вещей бронзового века в степном Поволжье. К ним же относятся разнообразные украшения, происходящие почти исключительно из погребений. Изучение их представляет особый интерес, так как украшения, наряду с орнаментикой посуды, являются особенностями, позволяющими выделить отдельные этнические группы. Выделяя местные украшения а также и те, которые попали в пределы срубной культуры от соседних племен, можно дополнить картину связей местного населения с окружающими их соседями.

Бронзовые украшения можно разделить на две основные группы. В первую группу, превосходящую вторую по разнообразию вещей, входят украшения, которые и по своим формам, и в особенности по технике изготовления совпадают с андроновскими. Во вторую, небольшую группу входят украшения неандоновского происхождения. Сходство первых с андроновскими столь значительно, что наиболее* вероятным представляется проникновение этих украшений в район Волги от мастеров Приуралья в уже готовом виде. Во всяком случае первоначальную выработку подобных вещей мы встречаем в пределах андроновской культуры. В настоящее время известно не менее 30 видов андроновских украшений, и вполне вероятно, что при дальнейших раскопках могильников андроновской культуры количество их возрастает. В некоторых могилах андроновской культуры покойницы были с

¹²³ Покровский могильник. Е5А, I, НеЫпИ, 1925, стр. 80, рис. 23, 1—4.

¹²⁴ О. А. Кривцова - Гракова. Садчиковское поселение, стр. 167, рис. 17, 2.

головы до ног покрыты пастовыми и бронзовыми чеканными и литыми бусами и разнообразными чеканными украшениями. В женских могилах срубной культуры украшения встречаются редко и в незначительном количестве. До настоящего времени, несмотря на множество исследованных могильников, в погребениях срубной культуры известно не более семи отдельных видов украшений андроновских типов. К ним принадлежат височные кольца, серьги, подвески для кос, нагрудные бляхи, бусы, ребристые пронизи и браслеты. Если отдельные из них, как, например, ребристые пронизи и височные кольца, отличаются некоторыми особенностями, то большинство их почти полностью совпадает с аналогичными андроновскими украшениями. Вероятно, эти украшения привозились вместе с другими бронзовыми вещами и металлическим сырьем; возможно также допустить проникновение отдельных групп населения андроновской культуры в Поволжье, которые и приносили с собой свои установившиеся формы украшений. Наличие в формах и в орнаментации срубной посуды андроновских элементов, ярко выраженных лишь на некоторых поселениях, указывает на то, что в состав поволжских родовых групп входили гончары, для которых андроновская посуда не являлась чужой.

Андроновские украшения с древнейших времен срубной культуры встречаются в могилах Поволжья. По ним с полной определенностью можно судить о том, что СВЯЗИ между населением андроновской и срубной культур начались очень рано. Все эти украшения были чеканены из тонких пластин. Очевидно, при чеканке употреблялся инструмент с округлым рабочим концом, так как почти все украшения имеют те или иные выпукло-вогнутые формы. К украшениям прежде всего относятся височные кольца, согнутые в полтора оборота, и желобчатые браслеты. Хорошо известна серия височных колец из погребений Покровского могильника¹²⁵. Здесь они совершенно одинаковы, округло загнуты, широки и сильно выпуклы.

Кольцо из погребения 19 (курган 7), в достаточной мере сохранившееся (рис. 15, 1), дает возможность судить об остальных, по большей части сильно фрагментарных. Мы, повидимому, имеем здесь дело с особенностями этих украшений, вероятно свойственными какой-то небольшой группе населения срубной культуры, может быть, происходящей из одного рода, оставившего обширный Покровский могильник. В других районах пока не встречено совершенно тождественных височных колец. Кольца, происходящие из Чардымских курганов, были сделаны из узкой пластины; они менее выпуклы и имеют удлинненную форму (рис. 15, 2).

Подвески для кос (рис. 15, 3) были найдены в Поволжье в двух экземплярах, только при одной покойнице. Обломок от третьей подвески, происходящий из той же могилы, свидетельствует о том, что их могло быть больше. Возможно, что, как и в андроновской культуре, их носили по две пары, причем каждая из подвесок прикреплялась к концам тесемок-косоплеток, вплетавшихся в две косы. По своей форме они полностью совпадают с андроновскими и представляют собой узкую листовидную пластинку, закованную у основания в плоскую обойму с чеканным елочным узором.

О нагрудном украшении из Покровского могильника¹²⁶, сделанном из ряда ремешков (рис. 15, 4), на которые были надеты выпуклые кованые обоймочки, говорилось при описании женских украшений из Алексеевского могильника¹²⁷.

Аналогичное нагрудное украшение найдено на карасукской покойнице из погребения близ Уйбата¹²⁸.

Центром производства таких нагрудных украшений является Южное Приуралье. Из этих мест они могли распространяться и к востоку, в пределы карасукской культуры, и к западу, в Поволжье.

Остатки второго, очевидно, подобного описанным украшениям, были обнаружены И. В. Синицыным близ Бережновки р 1951 г.¹²⁹ От него сохранились лишь не-

¹²⁶ Курган 6 юго-восточной группы. ГИМ.

¹²⁷ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 112.

¹²⁸ Раскопки С. В. Киселева 1937 г. в Хакасии. Улус Уйбат, погребение 3. ГИМ.

¹²⁹ И. В. Синицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, стр. 84, рис. 36, 3 (курган 5, погребение 9).

¹²⁵ Курган 15, погребение 1, раскопки 1925 г. в юго-восточной группе; курган 7, погребение 19, раскопки 1924 г.; курган 35, основное погребение 2, раскопки 1927 г. Е5А, 1, НеЫпк1, 1925, стр. 75, рис. 18; стр. 80, рис. 22, 2.

многочисленные бронзовые обоймочки. Однако они лежали близ кисти левой руки и могли принадлежать не нагрудной бляхе, а какому-нибудь другому украшению, выполненному той же техникой.

В том же погребении Покровского могильника, где было найдено нагрудное украшение, обнаружена чеканная ребристая пронизь, сделанная из тонкой пластинки с волнистой поверхностью. Концы этой пронизи, каждый в отдельности, загнуты в трубочки (рис. 15, 4). Вторая пронизь из того же погребения имеет такую же ребристую поверхность и представляет собой несколько сдвоенную короткую трубочку (рис. 15, 4). Три пронизи, близкие к покровским, происходят из раскопок В. А. Городцова 1925 г. в Мелекесском районе, Куйбышевской области, близ хутора «Красная звезда» (курган 8, погребение 2). Одна из них тоже представляет собой чеканную ребристую пластинку, долевые края которой были загнуты в две параллельные трубочки (рис. 15, 5). В погребениях андроновской культуры выделанные совершенно подобным же образом ребристые трубкообразные пронизи встречаются довольно часто.

В Алексеевском могильнике такие пронизи были найдены на покойнице из погребения 13¹³⁰. Здесь они были обнаружены тесно прилегающими друг к другу своими боковыми сторонами; очевидно, они были таким образом нашиты на какую-нибудь ткань. Пронизи подобного рода, выполненные чеканной техникой, совершенно отсутствуют в абашевской культуре. Там их заменяют трубочки, сделанные из закрученной в спираль проволоочки. Как и андроновские, они в могилах тесно прилегают друг к другу боковыми сторонами. В Абашевском могильнике эти пронизи встречались главным образом около черепов. Очевидно, ими были обшиты женские головные уборы. Приведенные выше пронизи из Покровского могильника и из могильника близ хутора «Красная звезда», наверное, также служили нашивками на одежду. При этом они были заранее приготовлены в виде поставленных параллельно и прилегающих друг к другу трубочек.

Относительно часто в женских погребениях

срубной культуры встречаются браслеты. Почти половина из них имеет желобчатую, выпукло-вогнутую поверхность и незамкнутые округлые концы. Такого вида украшения часто встречаются в могилах андроновской культуры. В кургане 35 Покровского могильника при основном, — очевидно, женском, — погребении 2 были найдены два таких браслета (рис. 15, 6, 7), отличающиеся от других притупленными концами и круглыми отверстиями на концах. Вероятно, через эти отверстия продевался шнурок, связывающий концы между собой. Среди андроновских украшений браслеты с дырочками на концах не встречались. Однако таким образом связывалась желобчатая гривна, происходящая из погребения 13 Алексеевского могильника¹³¹. В большинстве случаев в могилах срубной культуры бронзовые браслеты встречаются по одному. Повидимому, в Поволжье не существовало обычая носить браслеты на обеих руках, а тем более по два браслета на каждой руке, как это наблюдается у населения андроновской культуры. Не привился здесь, очевидно, и вкус к столь обычным в андроновской культуре желобчатым браслетам с загнутыми в спираль концами. Только в одном погребении из раскопок П. Д. Рау¹³² был обнаружен браслет, до некоторой степени напоминающий андроновский. Здесь в спираль закручен только один его конец; второй конец лишь слабо загнут.

Население срубной культуры носило далеко не все типы андроновских браслетов; на Волге были распространены только браслеты без спиралей на концах, а это заставляет предполагать, что украшения этого рода не все поступали в Поволжье в готовом виде. Возможно, некоторые формы андроновских украшений производились местными мастерами. Таким образом, если вначале андроновские украшения поступали в Поволжье в готовом виде, то со временем местные мастера могли самостоятельно воспроизводить андроновские формы вещей, причем, естественно, в большей мере те, которые соответствовали вкусам местного населения. О том, что в районах срубной культуры техникаковки была вполне освоена,

¹³¹ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 111, рис. 38, /.

¹³² Р. Наи. Носкеггабер клер ^oi^azleppe^ габл. V, рис. 8, А.

¹³⁰ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 111, рис. 38, 3.

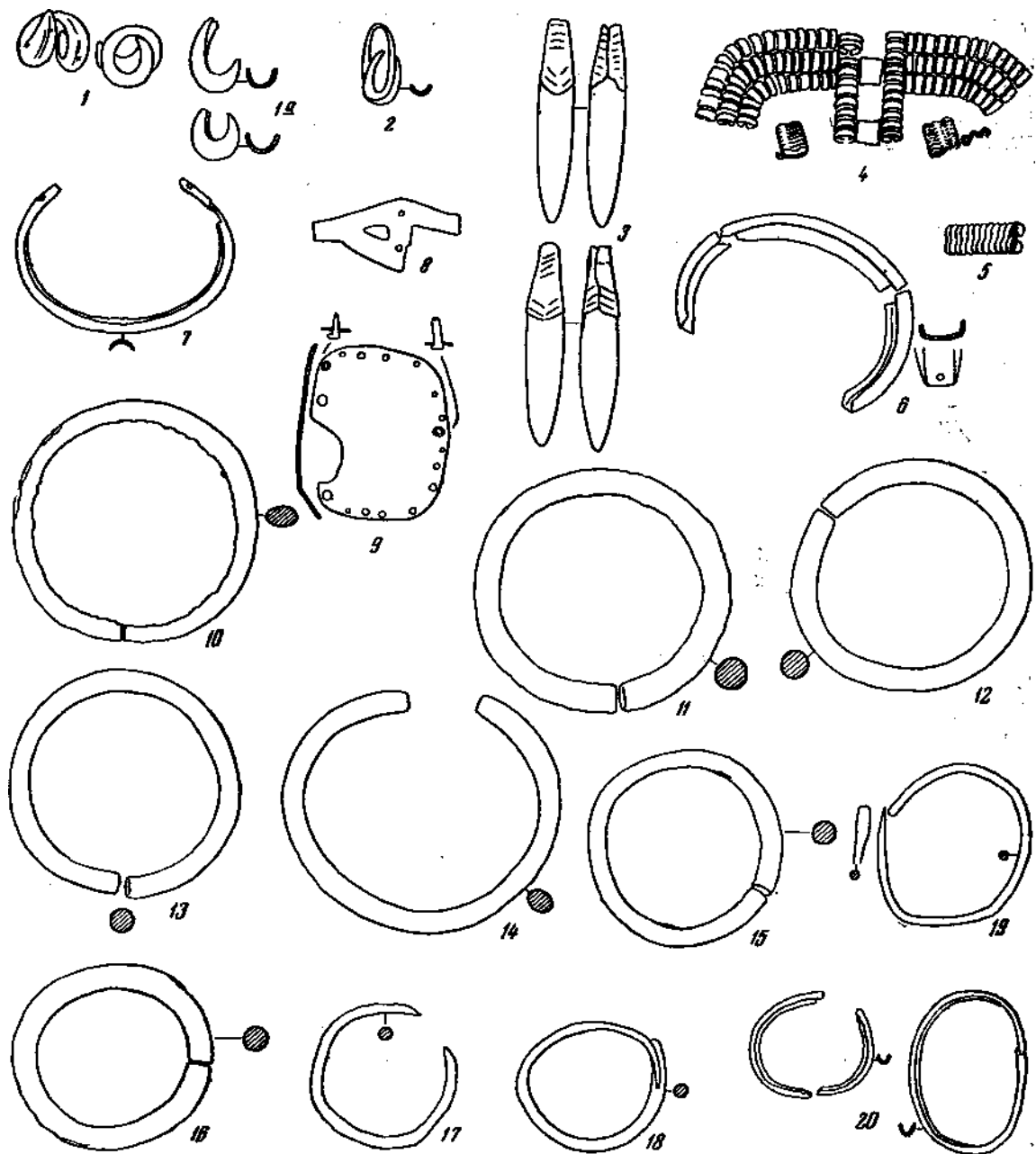

Рис. 15. Бронзовые украшения Поволжья.

1, 4, 6, 7, 10, 11, 12 а. 18 — Покровский могильник, близ г. Энгельса (1 — группа 1, курган 7, погребение 19; 4—юго-восточная группа, курган 15, погребение 3; 6, 7 и 12—юго-восточная группа, курган 35, погребение 2; 10 и 11 — юго-восточная группа, курган 15, погребение 1; 18—курган 35, впускное погребение); 2 и 3—г. Чардым, курган 12; 5 и 20— «Красная звезда», близ г. Мелекесса (5—курган 8, погребение 2; 20—курган 3, погребение 4); 8— Бутурлинские выселки, Самарской области, курган 2; 9 — Кротовка, Саратовской области, курган 1, погребение 1; 13 и 19 — Царев курган, близ г. Куйбышева; 14 и 17 — г. Аткарс (14 — курган 27; 17 — курган 23); 15 и 16 — курган «Три брата», близ г. Степного. Ок. */г н. в.

свидетельствует ряд кованых предметов, по преимуществу различных бляшек, которые, повидимому, набивались на дерево¹³³ (рис. 15, <§). Некоторые из этих бляшек могли служить в качестве заплаток при ремонте различных деревянных предметов (рис. 15,9)¹³⁴. Подобные же пластины, предназначенные по большей части для починки различных предметов, встречались и в других местах Поволжья. Все они представляли собой различные раскованные пластины.

Второй тип браслетов, встречающийся в Куйбышевской и Саратовской областях не реже, чем первый, до настоящего времени неизвестен в пределах андроновской культуры. Не менее десяти этих браслетов было найдено как на левобережье, так и на правом берегу Волги. Они относительно велики размерами (от 7 до 8 см в диаметре) и в неповрежденном виде представляют собой почти правильный круг, согнутый из массивного прута с тупо срезанными и замкнутыми концами. Такого рода браслеты происходят из Покровского могильника (рис. 15, 10—12), из Царева кургана под Куйбышевом (рис. 15, 13), а также из курганов в Аткарске (рис. 15, 14) и близ с. Политотдельского, Сталинградской области. Они были найдены в некоторых, очевидно, более поздних погребениях близ г. Степного (рис. 15, 15, 16). Все эти браслеты первоначально были юлиты, потом откованы. Пруты на всем протяжении имеют одинаковую толщину и круглое сечение. Лишь в двух случаях (Покровский могильник, курган 15, погребение 1 и Аткарский могильник, курган 25) они овальны в сечении.

Возникает вопрос, где и когда могла выработаться эта форма браслетов. Они совершенно отсутствуют у андроновского и абашевского населения. В погребениях Кавказа близкие им формы встречаются позднее¹³⁵. До сих пор неизвестна эта форма и на Дону. Эти браслеты были найдены только в погребениях и совершенно отсутствуют на

поселениях, а потому представляется затруднительным определить время их появления. Однако они входили в состав клада Царева кургана, что дает возможность отнести их появление уже к первому периоду развития срубной культуры.

То обстоятельство, что область распространения такого рода браслетов почти повсюду совпадает с территорией срубной культуры, а за ее пределами эти браслеты или совсем не встречаются, или встречаются очень редко, дает нам возможность прийти к заключению, что они принадлежали населению срубной культуры, среди которого была выработана их форма, а также установилась техника их производства.

Кроме этого основного типа браслетов, имеются некоторые его разновидности, которые, очевидно, были распространены преимущественно в Среднем Поволжье. Это кованые браслеты, сделанные из относительно тонких прутьев и известные лишь в нескольких экземплярах. Один из них происходит из Куйбышевской области и представляет собой совершенно правильное несомкнутое кольцо с заостренными концами; в поперечном сечении он круглый. В известной мере ему близки браслет из Аткарского могильника¹³⁶ (рис. 15, 17) и браслет из впускного погребения в кургане 35 Покровского могильника (рис. 15, 18). Один из браслетов, входящих в состав клада Царева кургана (рис. 15, 19), тождественен последним двум экземплярам, но имеет один острый, а другой уплощенный конец. Второй браслет из этого же клада, деформированный и сломанный, был сделан из пластины, линзовидной в поперечном разрезе; один из ее концов был сужен и уплощен.

Аналогии таким браслетам в большом количестве встречаются среди украшений абашевской культуры. Проникновение некоторых форм абашевских украшений в область срубной культуры, в частности браслетов, представляется вполне естественным.

Сильная зависимость от металлургов Приуралья в области создания форм различных женских украшений наблюдается только в Поволжье. На Дону андроновских украшений совсем не найдено, и вообще в погребениях срубной культуры этого района

¹³³ Раскопки В. П. Мизияевой 1926 г. близ г. Куйбышева, у поселка Бутурлинского, курган 2. Куйбышевский музей.

¹³⁴ Раскопки В. В. Гольмстен 1926 г. близ с. Кротева, Куйбышевской области, курган 1, погребение 1. Куйбышевский музей.

¹³⁵ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского с. Тарки. МИА. № 23, Ж—Л., 1951, стр. 253, рис. 4; стр. 255, рис. 1, 2.

¹³⁶ Курган 23, раскопки В. Глазова 1909 г. Саратовский музей.

почти нет никаких украшений, так что говорить об их форме и производстве за пределами Поволжья в настоящее время не представляется возможным. Повидимому, сношения с металлургами районов андроновской культуры у населения срубной культуры Дона или совершенно не существовали, или были слабы. Вероятно, племена Дона очень рано, — может быть, вскоре после их переселения с Волги, — во многих отраслях своего производства шли путем, совершенно независимым от племен Поволжья и Южного Приуралья.

§ 4. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Керамика является единственным в достаточной степени сохранившимся материалом, позволяющим проследить непрерывную цепь развития с древнейших времен полтавкинской культуры вплоть до конца срубной. Ограниченное количество обнаруженных и достаточно исследованных памятников полтавкинской культуры не дает возможности изучить непрерывное развитие других явлений хозяйственно-общественной жизни населения. Об основах экономического уклада полтавкинской эпохи в Поволжье можно судить лишь отчасти и то главным образом при помощи весьма приблизительных аналогий между полтавкинской и более изученной катакомбной культурой в причерноморских степях.

Для характеристики хозяйства и общественной организации населения материал по ямной и катакомбной культурам, происходящий главным образом из могильников, может быть использован лишь с целым рядом оговорок. По костным остаткам, сохранившимся в ямных, катакомбных и полтавкинских могилах, можно создать только приблизительное представление о тех основах, на которых покоился экономический строй общества. Эти представления в настоящее время сводятся к тому, что в эпоху ямной культуры развилось, а в катакомбную уже получило значительное распространение скотоводство и прежде всего овцеводство и разведение коров. Первое утверждение покоится на том, что в могилах ямной культуры были обнаружены кости овцы. Примером этого может служить игра в виде набора копытных косточек овцы из могилы с левобе-

режья нижнего Днепра из раскопок Н. Ф. Брауна под Серогозами¹³⁷. О наличии прирученной коровы у населения ямной культуры можно судить по остаткам деревянной кибитки, найденной А. И. Тереножкиным в 1949 г. в одной из могил этого времени¹³⁸. Несомненно, что тягловой силой для ее передвижения мог служить только уже прирученный крупный рогатый скот.

Вторым указанием на то, что корова уже была приручена в раннюю эпоху ямной культуры, может служить остаток кирки или мотыги, сделанной из лопатки коровы и обнаруженной на горизонте под древнейшей насыпью кургана, покрывавшей основное раннеямное погребение (раскопки Б. Н. Гракова 1940 г. близ Никополя, курган 1). Но, несмотря на все эти данные, явно указывающие на наличие скотоводства у населения ямной культуры, в ямных погребениях кости коровы до сих пор еще не были обнаружены, в то время как при погребениях катакомбной культуры они встречаются в достаточной мере часто. Очевидно, в эпоху ямной культуры корова еще не входила в состав животных, приносившихся в жертву при погребальном обряде. Повидимому, в это время обычай класть жертвенные части животных в могилы вообще не был еще распространен. Кости овцы в могилах ямной культуры попадают редко и бывают представлены главным образом играми, сделанными из астрагалов или из копытных костей.

Поэтому составить более или менее полное представление о стаде в ямно-катакомбную эпоху можно лишь в результате раскопок поселений. Этот вопрос выяснится после публикации Е. Ф. Лаговойской Михайловского селища на Нижнем Днестре. Действительно, мы не могли бы судить о характере скотоводства у населения срубной культуры, если бы пришлось основываться исключительно на могильном материале. Как известно, количество костей лошади в слоях поселений срубной культуры довольно велико и в некоторых случаях почти равняется количеству костей коровы. Однако в могилах Поволжья кости лошади встречаются редко. Очевидно, это животное, разведение которо-

¹³⁷ Н. Ф. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 81 — 116.

¹³⁸ О. И. Тереножкин. Курган Сторожова могила. «Археология», т. V, КиТв, 1951, стр. 183 и ел.

го началось позднее других, на протяжении всей срубной культуры не приносилось в жертву при погребениях.

Как уже было отмечено выше, переход от полтавкинской культуры к срубной совершился в Поволжье относительно быстро; при этом, несомненно, не произошло никакой смены населения. Сама срубная культура Поволжья непосредственно происходит от предшествующей ей полтавкинской. Нами были выделены, правда немногочисленные, поселения, относящиеся к раннему времени, срубной культуры. Это выделение было йройзведено -главным образом на основании керамического материала, позволяющего судить о том, что в древнейшие времена срубной культуры в гончарном производстве сохранились приемы формовки и украшения сосудов, практиковавшиеся в эпоху полтавкинской культуры.

Что же легло в основу того непродолжительного процесса, который привел к сложению срубной культуры, сменившей в Поволжье полтавкинскую? Основные сдвиги, послужившие стимулом к возникновению и дальнейшему развитию срубной культуры, были прежде всего заложены в развитии скотоводческого хозяйства и росте мотыжного земледелия.

В ямную эпоху» как и в последующую полтавкинскую, удельный вес земледелия в хозяйстве был, повидимому, невелик. Уже вполне развитые формы земледельческих орудий, каменных мотыг (одна из селища у с. Пустынь Пензенской обл., другая — случайная находка под г. Пугачевом) и бронзовых серпов, связываются с памятниками срубной культуры первого периода ее развития. Клад, происходящий из Царева кургана под Куйбышевом, датируется этим временем И содержит набор бронзовых серпов в достаточной мере совершенных форм. Прежде чем достичь такого совершенства, эти орудия должны были пройти длительный путь развития, начало которого восходит если не к концу полтавкинской, то к самому началу срубной культуры. Но независимо от того, примем ли мы те или иные положения, земледелие в Поволжье должно было существовать значительно раньше появления таких земледельческих орудий, как металлические серпы.

Нам точно неизвестно какого рода злаки культивировались земледельцами в эпоху

полтавкинской и срубной культур. Более или менее уверенно можно говорить о том, что земледельцы этой эпохи были знакомы с культурой пшеницы, которая, несомненно, была уже известна их юго-восточным соседям¹³⁹.

Серьезные изменения в хозяйстве населения полтавкинской культуры, надо думать, произошли не столько в области мотыжного земледелия, сколько в скотоводстве, которое в конце этого времени могло приобрести совершенно новые формы. Помимо разведения мелкого и крупного рогатого скота, появилась новая отрасль скотоводства — разведение лошадей, отразившаяся как на экономике населения, так и на его исторических судьбах, тесно связанных с экономикой. Когда и как появились в Поволжье первые прирученные лошади, — пока можно только предполагать. Этот вопрос может быть окончательно выяснен лишь в результате массовых исследований поселений полтавкинской культуры. В настоящее время для построения тех или иных предположений мы располагаем материалом из двух источников.

Первым из этих источников являются уже в достаточной мере исследованные селища первого периода срубной культуры. На них всегда встречается довольно много костей лошади, которые почти во всех случаях имеют одно и то же, — очевидно, уже вполне установившееся, — соотношение с костными остатками других животных. Обычно большую часть этих остатков составляют кости коровы; в процентном отношении кости лошади приближаются к ним, но никогда не превышают их. Количество костей овцы на поселениях срубной культуры приблизительно в три раза меньше костей лошади и костей коровы. В еще меньшем количестве встречаются почти в каждом культурном слое остатки свиньи. Повидимому, мы имеем здесь дело только с зарождающимся свиноводством. Таким образом, мы видим, что уже в начале срубной культуры коневодство приобрело вполне устойчивый характер, а из этого следует, что потребности населения могли быть удовлетворены лишь значительным и вполне определенным количеством лошадей. Это дает возможность предполагать, что возникновение коневодства в Поволжье относится не ко времени срубной культуры,

¹³⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 73.

а к более раннему времени, непосредственно «ему предшествовавшему.

Вторым источником, подтверждающим это последнее предположение, является материал могильников афанасьевской и ранней андроновской культур Западной Сибири и степей Южного Приуралья. Он свидетельствует о том, что в этих районах уже в эпоху полтавкинской культуры существовало разведение лошадей, которые были приручены не позднее чем в начале афанасьевской культуры. Об этом мы можем прежде всего судить по находкам костей лошади в погребениях афанасьевского могильника¹⁴⁰.

О том, что в Приуралье коневодство должно было возникнуть еще в доандроновскую эпоху, свидетельствует инвентарь раннеандроновских могильников, например Федоровского¹⁴¹.

Характерно, что в этих древнейших памятниках андроновской культуры принесение в жертву лошадей при совершении погребального обряда было явлением, вполне установившимся и постоянным. Совершенно очевидно, что для населения андроновской культуры лошадь не являлась животным, которое только недавно было введено в состав стада и представляла собой известного рода новшество. Повидимому, разведение лошади естественно перешло к андроновцам от предшествующих им поколений и было освящено долголетней традицией, связавшей это животное с ритуальными обычаями страны.

Мы не имеем данных, позволяющих судить о том, в какую эпоху полтавкинской культуры коневодство появилось в Поволжье. По всей видимости, его население ознакомилось с прирученной лошадью не раньше, чем в конце полтавкинской культуры. Возникает вопрос, произошло ли приручение лошади в Поволжье самостоятельно или в результате сношений с восточными соседями местное население могло получить от них уже прирученную лошадь. Последнее представляется более вероятным. Отсутствие лошади при погребальном ритуале срубной культуры подтверждает это предположение.

Для населения полтавкинской и срубной культур лошадь была не только новым домашним животным, недавно введенным в стадо, но и животным чуждым, полученным извне от восточных соседей, ритуальным животным других племен.

Все костные остатки лошади на поселениях срубной культуры представляли собой отбросы мясной пищи человека. Рост поголовья рогатого скота и появление прирученной лошади привели к тому, что скотоводство стало вполне удовлетворять потребности населения в мясе.

Охота никогда не занимала видного места в хозяйстве срубной культуры. Об этом можно судить по полному отсутствию костей диких животных в большинстве селищ срубной культуры. Вплоть до конца бронзового века скотоводческое население Поволжья не занималось и рыболовством. По крайней мере ни в могилах, ни на поселениях нет никаких признаков, указывающих на эту хозяйственную отрасль.

Ограничивалось ли использование прирученной лошади только употреблением ее мяса в пищу? Есть основание предполагать, что коневодство у населения срубной культуры могло иметь и другое назначение. По некоторым данным мы можем судить, что уже в срубно-андроновскую эпоху могла быть использована и тяговая сила лошади.

В настоящее время имеются данные о том, что население бронзового века Восточной Европы в первой половине II тысячелетия до н. э. было знакомо с двухколесной повозкой, в которую оно могло впрягать быков. Выше говорилось, что в еще более раннюю пору население, оставившее ямные погребения, знало четырехколесную повозку. Как здесь, так и в фатьяновской и северокавказской культурах, а также в Северо-западном Прикаспии колеса изготовлялись из сплошного куска дерева и не имели спиц. Этот древнейший способ выработки колес, который в Двуречье восходит к такой же глубокой древности, оказался распространенным в степных и лесостепных районах Восточной Европы. Известны глиняные модели деревянных колес в Балановском могильнике поздней фатьяновской культуры¹⁴². Они были обнаружены попарно в детских

¹⁴⁰ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 66, 75.

¹⁴¹ К. В. Салынский. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, № 1, М.—Л., 1940, стр. 66.

¹⁴² О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии. СА, VI, М.—Л., 1940, стр. 73, рис. 14; стр. 78, рис. 5, 6.

погребениях. Очевидно, повозочки, которым принадлежали эти колеса, «представляли собой игрушки и были сделаны из дерева или другого материала, истлевшего полностью. Подобного же рода двуколка, сделанная целиком из глины, была найдена Н. И. Вееловским на Кубани, в кургане 5, Ульского аула¹⁴³. Эта глиняная модель представляет собой крытую повозку с прочерченными на ней колесами без спиц, вероятно, склепанными из отдельных досок.

Наконец, следует упомянуть интересную находку в курганный группе «Три брата» близ г. Степного¹⁴⁴. Здесь в погребении была найдена модель двухколесной кибитки, сделанной из глины. Колеса, изготовленные из другого материала, не сохранились. Над этим погребением были обнаружены остатки кибитки, от которой сохранились лишь отпечатки в земле четырех больших деревянных колес, сделанных из сплошного дерева и напоминающих по форме фатьяновские.

Таким образом, уже в III тысячелетии и в первой половине II тысячелетия до н. э. существовала потребность в тягловой силе для передвижения повозок. Едва ли, однако, эти повозки, запряженные быками, могли служить для далеких передвижений по степным пространствам Причерноморья, Поволжья и Приуралья. При этом в середине II тысячелетия до н. э., на исходе полтавкинской культуры, должны были появиться новые потребности к освоению степных путей. Одной из главных причин, заставивших население Поволжья раннебронзового века обратиться на восток и на юго-восток, была необходимость поддерживать постоянные связи с Южным Приуральем, где как раз в ту эпоху интенсивно развивалась местная металлургия. Очевидно, в результате этого процесса и неизбежно связанного с ним роста скотоводства и мотыжных земледелия в приуральских степях сложились новые формы материальной жизни, возникла андроновская культура со всем своеобразием ее керамического производства и производства металлических изделий.

¹⁴³ А. М. Тагдгеп. ЁЫёёз зиг Ie Саисазе <И погел. Е5А, IV, Hel\$Inli, 1929, стр. 24, рис. 9 (курган 5, погребение Д).

¹⁴⁴ И. В. С и н и ц ы н. Памятники пред скифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, М.—Л., 1948, стр. 143 и ел.

Следует отметить, что, несмотря на все различия в керамике андроновской и срубной культур с самого начала их существования, наблюдается и немало сходного, что могло произойти лишь в результате постоянных сношений населения бронзового века степных районов Южного Приуралья и Поволжья. Эти связи более древние, чем срубно-андроновская эпоха, и, очевидно, восходят к началу II тысячелетия до н. э. Они привели к тому, что в Юго-западной Сибири и, видимо, в Южном Приуралье, а также в степном Поволжье развитие керамических форм шло по одному пути. Те же самые причины лежали в основе развития некоторых орудий. Прежде всего к ним следует отнести развитие из листовидных ножей ножа-кинжала с намечающимся перекрестием так называемого срубного типа. Целый ряд фактов дает возможность проследить взаимоотношения основных металлургических центров и их потребителей 3 эпоху, предшествующую срубной культуре, и в срубно-андроновское время.

Как уже было сказано выше, в первой половине II тысячелетия до н. э. возникновение и развитие металлообработки у населения катакомбной и полтавкинской культур всецело зависело от металлургов Северного Кавказа, которые выработали основные формы простейших бронзовых и медных орудий. Около середины II тысячелетия до н. э., в конце полтавкинской культуры, металлургический центр на Северном Кавказе, очевидно, перестал играть для Поволжья прежнюю роль. С этого времени источником получения металлургического сырья и, вероятно, отчасти готовых изделий из меди и бронзы становится Южное Приуралье.

По имеющимся в настоящее время данным мы не можем выяснить причин, побудивших население бронзового века Поволжья ослабить связи с Себёлым Кавказом и перенести их в Южное Приуралье и в прилегающие к нему степи. Однако те возможности, которые способствовали осуществлению длительных передвижений по степным пространствам, до известной степени выявляются. Следует отметить, что все эти события в истории племен срубной культуры совпадают или почти совпадают с распространением коневодства на Волге. О том, что потребность в транспортных средствах существовала в срубно-андроновскую эпоху,

свидетельствует наличие костей верблюда на поселениях этого времени.

Для ответа на вопрос, могла ли в бронзовом веке лошадь быть транспортным животным, необходимо еще принять во внимание, что в могилах поздней бронзы Причерноморья встречаются уже вполне выработанные бронзовые удила. Они свидетельствуют, что лошадь как упряжное и верховое животное была уже известна несколько раньше.

Могли ли лошадь быть в раннесрубное время транспортным животным? Для ответа на этот вопрос имеют существенное значение исследования И. В. Оиницыным поселений первого периода срубной культуры в бассейне р. Иргиза. Особенно интересны результаты изучения костей лошади, происходящих с Успенского селища. Эти кости принадлежали преимущественно молодым экземплярам. И. В. Синицын приходит к заключению, что взрослые лошадей, которые не шли в пищу человека, могли беречь как животных, предназначенных для езды¹⁴⁵. К сожалению, статистический материал, касающийся этого вопроса, далеко не достаточен, и мы пока не можем сделать общих выводов, тем более что кости, происходящие с других одновременных поселений, свидетельствуют о том, что там употреблялась в пищу также и взрослая лошадь. Все же это не исключает возможности, что здесь, на Успенском селище, дело могло обстоять именно так: взрослые лошади служили в хозяйстве только в качестве ездовых животных. Свидетельством того, что лошади в эпоху срубной культуры использовались в качестве транспортных животных, служат находки костяных псагив в некоторых погребениях Поволжья¹⁴⁶.

Не только развивающееся коневодство способствовало изменению материального быта в степном Поволжье. Появлению срубной культуры непосредственно предшествовало также и усиление в хозяйстве роли

крупного рогатого скота, который мог давать населению, помимо мясной, и молочную пищу. С некоторых селищ Пензенской области, датированных первым периодом срубной культуры, происходят кости коровы, позволяющие судить о том, что в состав стада этого времени входила порода низкорослой молочной коровы¹⁴⁷. В стадах позднеандроновского Алексеевского поселения были разные породы коров — и низкорослая, и крупная. Вероятно, это является следствием обмена андроновского металла на крупный рогатый скот. Возможно, что здесь, как в бронзовом веке других мест, крупный рогатый скот являлся эквивалентом денег.

Итак, развитие скотоводства, которое усиливалось параллельно с постоянно возrastавшей обработкой металла, являлось основным стимулом тех коренных изменений, которые совершались в степном Поволжье в середине II тысячелетия до н. э. Выше мы рассматривали, в какой мере отразились эти изменения на производстве посуды, в результате развития которого основные типы полтавкинской посуды были заменены срубными.

Далеко не все стороны хозяйственного и общественного быта населения полтавкинской и срубной культур в Поволжье мы имеем возможность осветить на основании археологического материала, известного в настоящее время. Довольно слабо изучены поселения срубной культуры; так, например, до сих пор неизвестно, что представляли собой поселения срубной культуры в целом. Лишь немногочисленные данные позволяют выяснить характер жилых сооружений. Основным источником, дающим возможность судить о домах-полуземлянках Поволжья, является материал, полученный в результате раскопок двух поселений на реках Большом и Малом Иргизе, близ г. Пугачева.

На р. Большом Иргизе, недалеко от с. Успенского, еще в 1928 г. были произведены небольшие работы А. И. Тереножкиным. В осыпи берега им был обнаружен культурный слой, в котором замечены следы полуразрушенной землянки. В результате полной расчистки этого жилища, интересного по своей конструкции, была собрана хорошая коллекция керамики. В 1939 г.

¹⁴⁵ И. В. Синицын. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938—1939 гг. Саратов, 1947, стр. 152.

¹⁴⁶ Курган бус. Комаровки. Шигонского района, Куйбышевской области, раскопки А. Е. Алиховой в 1952 г.: А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, стр. 97, рис. 38. Курган 05 у с. Усатова, раскопки П. Д. Рау: И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье. Саратов, 1947, стр. 99, табл. 6, /.

¹⁴⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь, стр. 85.

работы на Успенском селище были продолжены И. В. Синицыным, который раскопал еще два хорошо сохранившихся жилища такого же полуземляночного типа. Работы А. И. Тереножкина еще не опубликованы, но, судя по типам керамики, происходящей из его раскопок, можно утверждать с полной уверенностью, что все поселение относится ко времени первого периода срубной культуры. Данные, которые представлены И. В. Синицыным в его публикации раскопок на Успенском и Максютловском селищах¹⁴⁸, подтверждают эту датировку. Баночные сосуды разнообразных пропорций и величины с профилями, обычными для этого времени, были или совсем не орнаментированы, или скудно украшены теми же узорами, которые встречаются на ранних поселениях срубной культуры Среднего и Нижнего Поволжья. Немного сложнее орнаментация остросерберных и «близких к ним по форме сосудов, вполне характерных для этого времени. В. И. Синицын выделяет в особую группу некоторую часть керамики, орнаментированной при помощи мелкозубчатого штампа, и сравнивает ее с посудой Западного Казахстана, т. е. с андроновской посудой. Это сходство не является исключительным. Выше было отмечено, что в результате постоянных сношений между населением Поволжья и Южного Приуралья в первом периоде срубной культуры на некоторых селищах появляется посуда, чрезвычайно близкая андроновской¹⁴⁹.

О принадлежности Успенского селища к столь раннему времени можно судить и по одному довольно крупному фрагменту сосуда, орнаментированного по всей поверхности узором, сплошь состоящим из кружков, полученных в результате вдавливания трубочки¹⁵⁰. Подобный кружковый орнамент характерен для полтавкинской эпохи и в данном случае, возможно, представляет собой пережиток относительно недавнего прошлого.

На Успенском и Максютловском селищах,

¹⁴⁸ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратовский государственный университет. Ученые записки, т. XVII, Саратов, 1947 г.; его же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 194.

¹⁴⁹ См. селища Исаклы и Подбелыцина, Куйбышевской обл., рис. 7, 8 и 11.

¹⁵⁰ И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, стр. 219, рис. 28.

судя по материалам А. И. Тереножкина и И. В. Синицына, отсутствует керамика последнего периода срубной культуры. Здесь совсем нет сосудов с характерной отогнутостью шейки, переходящей в выпуклые плечи, и посуды с заостренным в виде лезвия краем. Полностью отсутствуют украшения в виде налепных валиков. И, напротив, мы видим решительное преобладание баночных и остросерберных сосудов архаических форм, типичных для керамики первого периода срубной культуры.

Большой керамический материал с Успенского и Максютловского селищ дает возможность учесть и те виды посуды, которые употреблялись в хозяйстве лишь в весьма ограниченном количестве. Это глиняные крышки и невысокие плошки, нечто вроде блюд, до сих пор известные в Поволжье лишь на одном позднем селище на р. Самарке, недалеко от Грачевского сада; они представляют собой ту бытовую посуду, которую не было принято ставить в могилы.

О раннем времени обоих селищ можно судить и по костному материалу. Количественное соотношение костей лошади и коровы на этих селищах не совсем обычно для срубных поселений первого периода. Как уже было сказано, коневодство в срубной культуре очень рано достигает настолько большого развития, что процент костей лошади на поселениях становится близким к проценту костей коровы. На Успенском же и Максютловском селищах количество костей лошади исключительно невелико, в то время как кости овцы представлены в значительном количестве.

Это можно объяснить тем, что оба селища относятся к древнейшему времени срубной культуры, когда коневодство еще не достигло полного развития и в хозяйстве попрежнему видное место занимало овцеводство. Неоспоримая принадлежность Успенского и Максютловского поселений к первому периоду срубной культуры дает право использовать все данные, касающиеся землянок, обнаруженных на этих Поселениях, для характеристики жилых сооружений раннего срубного времени. Третье поселение, давшее некоторые сведения о жилищах срубной культуры, расположено на правом берегу р. Зимницы близ с. Мокшан, Пензенской области. Здесь в 1928 г. небольшими раскопками на уцелевшем краю культурно-

то слоя¹⁵¹ были вскрыты остатки двух полуземлянок». Несмотря на то, что р. Зимница входит в бассейн Хопра, а следовательно, водными путями может быть связана с Доном, вся посуда, найденная на поселении, и по форме, и по технике ее выполнения, а в особенности по узорам и по способам их нанесения совершенно сходна с керамикой поселений срубной культуры Поволжья первого периода. Это позволяет пополнить материал по жилищам и объединить данные всех трех поселений.

Раскопки Успенского селища 1928 и 1939 гг. и Максютковского 1928 г., а также второго поселения на р. Зимнице показали,¹ что землянки имели правильные прямоугольные очертания в тех случаях, когда они были вырыты в плотном глинистом грунте. Отвесные или почти отвесные стенки углубленной части жилища обычно сохраняются хорошо и дают возможность учесть форму и размеры этих жилищ-полуземлянок. Как правило, все подобные сооружения бывают углублены в землю в среднем на 1 м. Их плоские полы, лишь незначительно углубленные в своей центральной части, дают возможность предполагать наличие хотя бы невысоких наземных стен. Без них, даже при двускатной крыше, помещение было бы слишком низким. Размеры землянок колеблются от 9 X 6 м (Максютковское селище, землянка 1) до 18 X 8,5 м (Успенское селище, землянка 3). Особенностью конструкции жилищ этого времени является наличие нар, достигающих до 3 м в ширину (землянка 2 Успенского селища, землянка 1 Максютковского селища и землянка 1 во втором поселении на р. Зимнице). Хорошая сохранность поверхности стен, вырытых в глине, объясняется не только прочностью грунта. Эти стены, вероятно, имели деревянную обшивку; возможно, что в них вставлялось нечто вроде сруба. Накопившийся в землянках культурный слой в поперечном разрезе всегда отделяется от глины резким контуром. Судя по сохранившимся деревянным конструкциям в погребальных камерах, можно думать, что дерево играло значительную роль при постройке жилищ людей. Иначе и не могло быть, так как во времени срубных полуземлянок бронзовые деревообде-

лочные инструменты в своем развитии достигли большого совершенства. Уже к началу срубной культуры можно отнести вилобушные топоры (рис. 14,4) и близкие к ним топоры (рис. 14, 3, 5, 6) и долота в ступицу из двух загнутых лопастей (рис. 13,6). Наконец, в могилах срубной культуры сохраняются хорошо выделанные деревянные рукоятки шильев и футляры для ножей, свидетельствующие о том, что обработка дерева была уже вполне освоена населением.

Иное устройство имела землянка 2 Максютковского селища. Очевидно, ее стенки не были обложены бревнами или плахами, ничем не были изолированы от постепенно накапливавшегося слоя отбросов, и в то время, когда жилище было обитаемо, они могли подвергаться частичным разрушениям. По-видимому, это привело к тому, что в противоположность другим землянкам, облицованным деревом, рассматриваемое сооружение дошло до настоящего времени с оплывшими, плохо сохранившимися стенками.

Принимая во внимание двускатное покрытие некоторых могильных ям (например, Водянское поле у с. Кайбелы, курган 3, большое погребение), а также и продольное расположение ямок, которые проходят по средней части углубления землянок, можно достаточно уверенно говорить о том, что покрытие полуземлянок Поволжья в первом периоде срубной культуры было двускатным. Остатки мелких сучьев и коры от тонких бревен были обнаружены И. В. Синециным на полу максютковской землянки 1 и, по его наблюдениям, являлись следами обвалившейся крыши. Наличие у жилищ покрытия такого рода подтверждается и могильным материалом¹⁵². Все землянки довольно однообразны по своему плану и лишь землянка 3 Успенского селища имела ниши, расположенные по обеим длинным сторонам, размерами около 16 и 18 м². По предположению И. В. Синецины, эти ниши могли служить помещением для скота.

Далеко не во всех случаях прослеживались входы, ведущие в помещения. В землянке 3 Успенского поселения и в землянке 1 на Зимнице II они представляли собой пологие покатоности. Никаких ступенек не

¹⁵¹ О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь, «стр. 85.

¹⁵² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. Тр. XIII АС. т. I, стр. 262 и сл., рис. 97, 98 (курган 7, погребение 1).

сохранилось, и лишь можно предполагать, что они были деревянными.

В землянках нет единства в расположении очагов, обычно сложенных из более или менее крупного камня. Некоторые из них сооружались у входа (землянка 2 на поселении Зимница II), другие, наоборот, помещались в глубине жилищ, у стенки, противоположной входу. В землянке 3 Успенского селища были обнаружены два очага, расположенные один у входа, другой в глубине помещения. В землянке 1 на поселении Зимница II очаг был устроен на нарах, а в землянке 1 Максютковского селища для очага была сделана специальная довольно обширная ниша с полом, несколько возвышающимся над уровнем пола землянки. Один из двух очагов (очаг 2), расположенных в глубине помещения землянки 3 Успенского селища, предназначался главным образом для различных производственных целей. Он представляет собой небольшое углубление с сильно прокалившейся поверхностью. Обнаруженные на нем застывшие капли металла свидетельствуют о том, что здесь производилось литье предметов из бронзы. Кроме того, различные обработанные и полуобработанные костяные вещи были найдены в горшке, стоявшем возле очага. Вся обстановка дает возможность И. В. Синецину говорить о резбе по кости и о предварительном распаривании кости на очаге. Таким образом, в землянках очаги имели далеко не одинаковое назначение. Очаг 2 представляет большой интерес и по своему устройству. Возле него был обнаружен глиняный конус, который дает возможность представить себе весь очаг в целом. «Около очага найден глиняный предмет пирамидальной формы — 9 см высоты и 6 см у основания, сильно обожженный», — так описывает его автор раскопок¹⁵³.

И. В. Синецин ссылается на определение предметов такого рода, как грузиков от ткацких станков. Подобный же сильно прокаленный конус был найден около одного из очагов Алексеевского селища. Сравнивая эти конусы с такими же конусами, из которых были сложены своды древнейших русских печей Готчевского городища, я прихо-

жу к заключению, что и на поселении первого периода срубной культуры мы имеем дело с остатками древнейшего печного свода, сооруженного над небольшим углублением. На то, что при устройстве очагов на ранних андроновских селищах применялись конструктивные части, сделанные из глины и имевшие форму кирпичиков, указывает и К. В. Сальников¹⁵⁴.

Со слов А. А. Потапова известно, что на селищах скифского времени Харьковской области в зольниках были обнаружены сильно прокаленные глиняные конусы, подобные алексеевским. Очевидно, традиция устройства небольших печных, вернее очажных, глиняных сводов ведет свое происхождение со времен бронзового века. Ниже будет приведено описание одного из очагов селища на Белозерском лимане а Каменке-Днепровской, Запорожской области. На нем было обнаружено множество многогранных и сильно прокаленных комочков глины, из которых был сложен этот очаг.

Таковы основные сведения, которые можно привести о древнейших жилищах родового общества Поволжья срубного времени. На основании изученного в настоящее время материала можно предполагать, что каждая из этих землянок принадлежала одной большой семье. При дальнейшем исследовании отдельных поселений: срубной культуры в целом, можно надеяться, что и здесь, как и на андроновских поселениях, будут обнаружены различные по назначению помещения с большим количеством находок, разных по своему характеру. Вполне вероятно, что в поселениях срубной культуры, как и на андроновских, некоторые из землянок окажутся предназначенными главным образом для жилищ, другие — для различных хозяйственно-производственных целей.

Та степень развития общества, которую мы видим у населения срубной культуры, дает нам возможность предполагать, что не все жилища были заселены одинаковыми в правовом отношении членами родовой общины, которой принадлежали отдельные поселения. Наличие патриархального рабства прослеживается уже в начале ката-

¹⁵³ И. В. Синецин. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, стр. 214.

¹⁵⁴ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного* Зауралья, стр. 104.

комбно-полтавкинского времени и тем более оно вполне возможно для общества Поволжья во времена срубной культуры.

Каждое срубное поселение обычно тянется вдоль берегов рек и речек, главным образом по их надпойменным террасам. Размеры поселений в среднем не превышают 200 м в длину и 100 м/в ширину. По незначительным углублениям, в некоторых случаях заметным на поверхности селищ и всегда соответствующим углублениям землянок, можно составить приблизительное представление о том, что количество отдельных жилищ в таких поселках не превышало восьми — десяти.

Такая небольшая величина поселений зависела от способа, ведения скотоводческого хозяйства и характера земледелия. Население этих поселков, существовавших, очевидно, в течение ряда поколений, могло использовать для кормления своих относительно небольших стад лишь окрестные пространства, в частности заливные луга речных пойм. Едва ли можно ставить вопрос о зарождении кочевого скотоводства уже в первом периоде развития срубной культуры. Земледелие, при существовавших тогда условиях, могло быть сосредоточено в заливных поймах. Каменными мотыгами, которыми рыхлили участок под посевы, было трудно обрабатывать плотную почву близлежащих степных пространств. Очевидно, и эта область хозяйства, ограничивавшаяся лишь небольшими посевами, тоже заставляла население не распространяться за пределы илистых речных долин, обладавших рыхлой почвой, поддававшейся возделыванию посредством каменных орудий.

Естественно, что при увеличении родовой общины поселения должны были расти, распространяясь вдоль берега и не углубляясь в степь далеко от речных долин. Однако в эту эпоху не наблюдается значительного роста отдельных поселков. Низкий уровень производительных сил ограничивал возможность использования всех пищевых ресурсов, в частности корма для скота в окружавших поселки степных пространствах. Вероятно, не практиковалось и слишком большое расширение посевных участков, всегда сосредоточенных близ поселения. При увеличении населения в отдельной родовой общине могла выделяться большая

семья — основательница нового рода, которая поселялась недалеко от родного поселка выше или ниже по реке. Таким образом, могла возникнуть новая родовая община. Примером такого явления могут служить два селища на Волчьем овраге, близ с. Пустынь, Пензенской области. Одно из них, обнаруженное в полуразрушенном виде, первоначально занимало довольно большое пространство недалеко от истоков ручья, протекавшего по дну оврага. Соседний культурный слой совершенно такого же содержания, как и первый, был расположен в стороне на одном из отрогов оврага. Этот последний поселок, очевидно, прекратил свое существование, достигнув лишь незначительных размеров, о чем свидетельствует малая площадь культурного слоя, оставшегося после него.

Уже на первой ступени развития срубной культуры образование новых родовых поселков и заселение больших и малых рек протекало очень интенсивно. В местах, где производились тщательные археологические разведки, примером которых могут служить исследования А. И. Тереножкина и И. В. Синицына в бассейне Большого и Малого Иргиза, населением срубной культуры были заняты сплошные массивы. Поселки этого времени занимали здесь все берега больших и малых речек, какими являются Большой и Малый Иргизы с притоками¹⁵⁵.

Поселения предшествующей полтавкинской эпохи в этих хорошо исследованных районах или совсем не обнаружены, или попадаются редко. Это дает нам право говорить о том, что с развитием экономики, ростом скотоводческого хозяйства и мотыжного земледелия и, следовательно, с улучшением питания прирост населения в Среднем и Нижнем Поволжье существенно увеличился. Разведкой В. В. Гольмстен в Куйбышевской области обнаружено значительное количество поселений бронзового века, среди которых огромное большинство принадлежит к срубной культуре и относится главным образом к ее первому периоду.

Небольшие, ничем не защищенные поселения этого времени, расположенные поблизости друг от друга, свидетельствуют об

¹⁵⁵ И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, стр. 197, рис. 1.

относительно мирном характере жизни населения. Однако имеются все основания предполагать, что уже в первом периоде срубной культуры бывали военные столкновения, количество которых должно было увеличиваться с повышением благосостояния внутри отдельных родовых общин. Такие войны могли происходить между отдельными родами, как и между племенными объединениями. Уже в первом периоде срубной культуры сильно увеличилось количество ценностей, которыми обладало население родовых поселков. К этим ценностям прежде всего относится скот. Увод скота, в особенности крупного рогатого скота, вероятно, представлявшего собой меновую ценность, мог практиковаться не только в позднебронзовом веке. Уже упоминалось о довольно разнообразном составе стада с различными породами коров в позднеандроновских поселениях. Если такой состав стада мог возникнуть в результате все возраставшего обмена, то в известной мере он обязан своим существованием и захвату скота при военных столкновениях. Хорошо развитые формы бронзового оружия (рис. 14, 8, 9), костяных и кремневых наконечников стрел в первом периоде срубной культуры свидетельствуют о том, что межродовые и межплеменные столкновения начались уже довольно рано. В эту эпоху, когда охота в хозяйстве не играла почти никакой роли, изготовление весьма совершенных наконечников стрел из кремня и из кости, очевидно, было предназначено для войны. Войны способствовали развитию патриархального рабства, которое, вероятно, возникает и у скотоводческого населения бронзового века Поволжья, хотя по археологическим материалам срубной культуры это проследить пока не удастся. Вполне вероятно, что у населения срубной культуры ценность раба как рабочей силы при неразвитых формах рабства возросла настолько, что принесение раба в жертву при погребении могло считаться слишком непроизводительным расходом.

Характер хозяйства родовых общин первого периода срубной культуры, достаточно развитое скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота и коневодства, привлекающее за собой накопление богатств и военные столкновения, свидетельствуют о том, что мы имеем здесь дело с развитием отцовского рода. Вероятно, уже на первой

ступени развития срубной культуры положение военачальника в обществе становится все более и более значительным. Мы не имеем археологических данных, которые позволили бы предполагать, что женщина играла сколько-нибудь существенную роль во главе родовой общины. Относительная пышность основных мужских захоронений, появление погребений воинов,— может быть, военачальников,— указывают на то, что если материнский род и сохранился в Поволжье, то только в пережиточной форме.

По данным археологического материала мы имеем уже некоторую возможность судить о существовании в первом периоде срубной культуры племен, охватывавших ряд родственных между собой родов. Об этом прежде всего свидетельствует орнаментация посуды, которая, несмотря на ее большое сходство во всех районах срубной культуры, обнаруживает все же и некоторые локальные отличия. Они заключаются не столько в различных узорах, сколько в особенностях тех орнаментальных мотивов, из которых составлены эти узоры. Правда, при существующем материале удастся наметить только некоторые отличительные черты, и то лишь для довольно значительных областей. Так, в бассейне среднего Дона, в отличие от Поволжья, особенно часто встречаются узоры, представляющие собой ряд треугольников, опущенных вершинами вниз. Каждый из этих треугольников образуется вследствие вдавления неглубоких овальных ямок.

На Дону подобного рода треугольники также входят как отдельные элементы и в другие, более сложные узоры. В узорах погребальной керамики из различных могильников андроновской культуры преобладание того или другого орнаментального элемента прослеживается значительно лучше. Вполне возможно, что здесь, как и в Поволжье, различные элементы орнамента принадлежали отдельным родовым общинам и отличали производство керамики одной общины от производства соседних общин. Различные комбинации этих элементов могли принадлежать и отдельным племенным объединениям.

Отсутствие настоящих исследований жилищ хвалынского времени не позволяет учесть те изменения, которые могли про-

изойти в хозяйстве в конце срубной культуры. Сведения, полученные в результате раскопок Ивановского селища, неполны. Никаких статистических данных они не дают. В статье В. Ф. Орехова говорится лишь о том, что в состав стада входили коровы, лошади и свиньи. Станным образом отсутствуют указания на наличие овец, столь обычных во всех известных нам костных коллекциях из поселений срубной культуры. Существовала прирученная собака, череп которой был найден поблизости от очага.

Мы не имеем сколько-нибудь удовлетворительных данных и о конструкции хвалынских жилищ; о существовании землянки на Ивановском селище можно только догадываться. Однако, насколько можно судить по раскопкам Ляпичева хутора, расположенного в относительной близости от Поволжья, серьезных сдвигов в строительстве жилищ на Волге во втором периоде срубной культуры не произошло.

В хорошо обследованных В. В. Гольмстен районах Куйбышевской области и отчасти в Саратовской можно приблизительно учесть количественное соотношение поселений первого и второго периодов. Создается впечатление, что повсюду число поселений первого периода преобладает над числом поселений хвалынского времени. Из этого пока еще рано делать определенные выводы. Можно лишь высказать предположение, что уменьшение поселений в позднее время могло явиться следствием значительного увеличения площади некоторых из них. Примером разросшегося поселения может служить Ивановское селище на правом берегу Волги. Неоднократно обследованное В. Ф. Ореховым и некоторыми другими, это селище в целом, однако, пока еще не получило подробного описания. Насколько можно судить, оно состоит из ряда смежных или слившихся между собой поселений, которые тянутся непрерывной цепью вдоль берега реки. Повидимому, в хвалынскую эпоху в этом месте создались такие условия хозяйственной жизни, которые повлекли за собой не расселение отдельных вновь выделившихся родов, а разрастание каждого родового поселка в отдельности. Такое расширение границ небольших прибрежных поселений могло привести к слиянию их и образованию одного большого поселка. Однако

в настоящее время все эти соображения не имеют твердой почвы, и для проведения сравнений между поселениями первого и второго периодов срубной культуры необходимы новые раскопки, в частности, всестороннее исследование Ивановского селища под Хвалынском.

Остается сказать о дальнейших судьбах населения Поволжья хвалынского этапа. В разных районах они были неодинаковы, ^ зависимости от того, в каких условиях протекало развитие племен срубной культуры. Большое значение в этом могла иметь и смена климатических условий. Так, в северо-западных районах Правобережья степи, к середине I тысячелетия до н. э. отступившие к югу, сменились лесостепью. В Левобережье и в южной части правобережья в это время сохранился степной характер местности. Большое значение в сложении судеб населения срубной культуры играли окружающие их соседние племена и различные отношения с ними. На северо-западе в течение ряда веков племена срубной культуры должны были соприкасаться с охотниками и рыболовами, заселявшими лесные и лесостепные районы. В домашнем быту этого населения употреблялись по преимуществу разные варианты остродонной и круглодонной посуды, украшенные оттисками зубчатого штампа, ромбическими ямками и другими узорами. Представляется вполне вероятным, что в течение всего этого времени связи между степным населением Верхнего Поволжья и Окского бассейна непрерывно поддерживались в большей или меньшей мере. Острореберные широкие и низкие сосуды Окуловского могильника на Оке¹⁵⁶ со своеобразной зональной орнаментацией напоминают некоторые позднеполтавкинские или раннесрубные сосуды. О том, что могильник датируется именно этим временем, свидетельствуют и другие находки. В состав инвентаря могильника входит бронзовый нож листовидной формы, характерный для эпохи полтавкинской и катакомбной культур.

Тамбовская область в это досрубное время была заселена племенами, культура, которых характеризуется археологическим

¹⁵⁶ А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы С А, IX, 1947, стр. 199 и сл.

материалом Теньгушевского селища¹⁵⁷. О населении Пензенской области в конце первой половины II тысячелетия до н. э. можно судить по раскопкам нижнего слоя на селище близ Озимёнок, произведенным А. В. Збруевой¹⁵⁸. И в Теньгушеве, и в Озименках керамика по своим формам совершенно отличается от полтавкинской, однако наблюдаются отдельные элементы орнамента, характерные для полтавкинской и катакомбной культур. От времени до времени здесь повторяются отпечатки перевитой веревки, зубчатого штампа, сделанного из раковины, узор, нанесенный отступающей лопаточкой, кружковый орнамент. Следовательно, население степных районов не было изолировано от охотников и рыболовов лесостепной зоны. По данным орнаментики можно судить о том, что пути на север были проложены уже в первой половине II тысячелетия до н. э., в катакомбную и полтавкинскую эпоху.

В эпоху срубной культуры мы имеем право говорить не только о связях, но и о проникновении отдельных групп степного населения на территорию нынешних Тамбовской и Пензенской областей. Места, расположенные в непосредственной близости от исконных районов срубной культуры, повидимому, подвергались сплошному заселению продвигавшегося в их пределы населения срубной культуры. Это время отличается особым ростом населения Среднего Поволжья. Территория Тамбовской области, очевидно, была охвачена срубной культурой еще в первый период существования последней. Об этом свидетельствуют курганы с погребениями срубной культуры на территории бывшего Моршанского уезда, исследованные Тарасовым¹⁵⁹. Пензенская область была хорошо обследована разведкой Н. И. Спрыгиной¹⁶⁰. Эти работы дают довольно полное представление о том, что в южных районах Пензенской области селища срубной культуры представляют собой вполне обычное явление. Работы на р. Зимнице и на Волчьем овраге тоже свидетельствуют о том, что в бассейне верхнего Хоп-

ра поселения первого периода срубной культуры располагались по речкам, довольно часто в непосредственной близости друг от друга. Раскопки верхнего культурного слоя близ Озимёнок, в керамике которого попадались и черепки с налепными валиками, указывают на то, что на территории нынешней Пензенской области племени срубной культуры продолжали жить и в хвалынский период.

Итак, племена степного Поволжья уже в начале срубной культуры далеко перешли границы территории, занимавшейся ими в предшествовавшее полтавкинское время. Для выяснения причин этого явления следует помнить, что в районах Нижнего Поволжья количество поселений срубной культуры, а также и мощность слоев в этих поселениях сильно возросли по сравнению с полтавкинской эпохой. Этому соответствует и количественное соотношение погребений полтавкинской и срубной культур.

Как уже было отмечено, рост населения срубной культуры был связан с развитием скотоводческого хозяйства. Известную роль в этом играло и развивавшееся мотыжное земледелие. Вследствие низкого уровня производительных сил во времена бронзового века и поэтому весьма ограниченных возможностей использования природных ресурсов население срубной культуры, из-за его постоянного прироста, не могло не распространиться за свои первоначальные пределы. Естественно, что оно заняло области, вероятно, слабо заселенные охотниками и рыболовами. Возможно, что в некоторых случаях последние могли быть оттеснены племенами срубной культуры.

Повидимому, проникновение поволжских племен за пределы своей первоначальной территории совершалось постепенно, в форме относительно медленного освоения соседних пространств, а не в виде единовременных массовых передвижений.

Существуют данные, позволяющие судить о том, что некоторые, очевидно, небольшие группы населения проникали далеко на север и северо-запад за пределы своей первоначальной области. Здесь, окруженные чужим населением, они не могли сохранять формы и внешний облик своей материальной культуры. Керамический материал позволяет говорить о том, что отдельные группы населения срубной культуры,

¹⁵⁷ Раскопки Е. И. Горюновой 1939 г. близ с. Теньгушева, Темниковского района.

¹⁵⁸
¹⁵⁹ ГИМ
МАЭ.

¹⁶⁰ Карта памятников, составленная Н. И. Спрыгиной, хранится в ГИМ.

попавшие в чуждую им среду, ассимилировались местным населением. Повидимому, в результате именно этого процесса могли появиться поздняя культура и Подборное селище. В керамике этой культуры сильно проявляются элементы керамики срубной культуры, в некоторых случаях — в довольно чистом виде. Особенно устойчивыми оказались формы баночных сосудов. Так, из Старшего Волосовского могильника происходят баночные горшки, и по форме, и по пропорциям своим сильно напоминающие поволжские. Иногда посуда срубной культуры в Верхнем Поволжье и на Оке подвергалась значительной местной переработке; например, найденные в могилах абашевских курганов острореберные и баночные сосуды уже Приобрели специфические формы. Здесь мы имеем пример того, каким образом происходил процесс ассимиляции пришельцев — носителей срубной культуры населением, стоявшим не ниже их по своему культурному уровню.

Связи населения срубной и абашевской культур представляют собой совершенно особый интерес. По данным разведок В. А. Городцова 1925 г., который продвигался по левобережью Волги вниз от Ульяновска, памятники степного характера, т. е. курганы с погребениями срубной культуры, стали встречаться лишь в Мелекесском районе Куйбышевской области. Распространение же могильников абашевской культуры относится, главным образом, к лесным и лесостепным районам. Раскопки Н. Я. Мерперта 1950—1951 гг. в Ставропольском районе Куйбышевской области¹⁶¹ подтверждают то положение, что граница между абашевской и срубной культурами на Волге могла проходить в северной части Куйбышевской области. По данным этих исследований племена той и другой культуры, входя друг с другом в непосредственное соприкосновение в пограничных районах, могли жить одной жизнью. Это подтверждается различным материалом, происходящим с поселения и из могильников, и хорошо отражается в погребальных обрядах кургана 4 близ с. Хря-

шевки¹⁶². В основании кургана лежал небольшой грунтовой могильник, засыпанный одной курганной насыпью, — явление, характерное для абашевской культуры. Однако большинство погребений было совершенно по ритуалу срубной культуры и сопровождалось типичной для этой культуры керамикой; лишь немногие могилы с повторным захоронением и своеобразной раннеабашевской посудой свидетельствуют о том, что родовая община, оставившая этот могильник, была этнически неоднородна. (В раскопанных Н. Я. Мерпертом курганах содержатся погребения, несомненно, одновременные, из которых одни были совершены по срубным, другие — по абашевским обрядам захоронения. Каждый курган в отдельности представлял собой общую усыпальницу для этих разноплеменных соседей.)

Не следует, однако, думать, что племена срубной культуры не продвигались по Волге выше этого пограничного района. Маклашеевский могильник под Казанью, исследованный А. В. Збруевой¹⁶³, содержит почти исключительно посуду, типичную для погребений срубной культуры, — преимущественно баночные горшки. По всем данным можно предполагать, что здесь хоронила своих покойников какая-то группа населения, продвинувшаяся вверх по Волге далеко за пределы своей основной области.

Территория, заселенная племенами срубной культуры, повидимому, не обладала какими-либо определенными и устойчивыми границами. В различных местах к области сплошного населения срубной культуры примыкали обширные зоны с этнически разнородным населением. Такого рода явления наблюдаются и в восточных пределах срубной культуры, например в Чкаловской области, где срубные и андроновские памятники соприкасаются друг с другом.

Как уже говорилось выше, расселение племен срубной культуры в северном и северо-западном направлениях должно было привести их к постоянным связям с населением территории нынешних Пензенской и Тамбовской областей. Это положение не изменилось и в конце бронзового века. Образование в; северо-западных районах

¹⁶¹ Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у с. Хряшевки. КСИИМК, Б, 1953, стр. 43 и ел.; его же. Курганы эпохи бронзы у с. Ягодного. КСИИМК, ХІЛУ, М., 1952, стр. 30 и ел.; А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Археологические работы в районе строительства Куйбышевской ГЭС. Вестник АН СССР, 1951, № 11, стр. 33.

¹⁶² Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у с. Хряшевки, стр. 46 и ел.

¹⁶³ ГИМ.

срубной культуры небольших укрепленных городищ на местах поселений наблюдается довольно часто. Трудно согласиться с тем, что городища с рогожной керамикой появились в этих районах лишь в результате естественного хода развития экономики населения срубной культуры в определенных географических условиях. Повидимому, здесь протекал более сложный исторический процесс, основанный на взаимоотношениях местного населения с теми соседями, которыми были созданы городища дьяковской культуры и разных вариантов городецкой культуры. На территории Правобережья керамика этих городищ носит черты предшествующей хвалынской посуды, а вместе с тем и сетчатой керамики, широко распространенной на Оке и верхней Волге с конца II тысячелетия до н. э. О довольно раннем проникновении сетчатой посуды в Поволжье, относящемся к концу бронзового века, можно судить по наличию ее в некоторых хвалынских селищах. Так, например, сетчатые черепки были обнаружены В. Ф. Ореховым на Ивановском поселении.

Но не сетчатая керамика является характерной особенностью этих городищ в Среднем Поволжье. В конце бронзового века и в начале железного здесь сложился особый вариант городецкой культуры, одной из особенностей которого является наличие рогожной керамики. В свое время саратовскими археологами было доказано, что такого рода орнамент дают отнюдь не отпечатки рогожи, а вдавления тесно поставленного зубчатого штампа с очень крупными прямоугольными зубцами. Тогда же была установлена связь рогожного орнамента с некоторыми узорами на посуде поздних хвалынских селищ. Это хорошо наблюдается на керамике, происходящей с Хрящевского селища, Куйбышевской области¹⁶⁴. Здесь в состав посуды довольно строгих форм и орнаментации срубной культуры входит один черепок, вероятно, от баночного горшка, украшенного тесно размещенными отпечатками крупно-зубчатого штампа. В данном случае мы имеем дело с первичной формой рогожного орнамента. Единственное его отличие от аналогичного узо-

ра городецкой культуры заключается в том, что он не покрывал всю поверхность сосуда, а входил в состав какого-то орнамента.

Итак, в настоящее время можно говорить с достаточной уверенностью о том, что при создании посуды юго-восточного варианта городецкой культуры керамика срубной культуры играла немаловажную роль. Однако главная роль здесь принадлежала лесному населению, которое в течение ряда веков непосредственно соприкасалось с племенами срубной культуры.

Те поселения бронзового века, расположение которых позволяло укрепить их валами, продолжали существовать довольно долго. В отдельных случаях в нижних слоях городецких селищ встречаются следы жизни хвалынского времени, свидетельствующие о том, что поселения эти были основаны еще во времена срубной культуры и первоначально не имели укреплений. В большинстве же хвалынских поселений, расположенных на незащищенных местах, жизнь прекратилась довольно рано. На таких поселениях культурный слой с рогожной керамикой никогда не достигал достаточной мощности.

Мы не знаем, каковы были судьбы населения позднесрубной культуры в степных районах Заволжья. В VI в. до н. э. там уже вполне оформилась культура сарматов¹⁶⁵. Пока нет прямых указаний на генетическую связь этой культуры с предшествующим населением бронзового века. На основании исследований Г. Ф. Дебеца¹⁶⁶, раннее сарматское население степного Поволжья по антропологическому типу является близким андроновскому. На всем протяжении бронзового века наблюдается постоянное проникновение племен андроновской культуры в степные районы Поволжья, занятые племенами срубной культуры. Вполне вероятно, что в начале железного века в силу каких-то, пока нам неизвестных причин переселение андроновских племен по направлению к Волге стало более значительным и сыграло немаловажную роль в формировании антропологического типа сарматского населения.

¹⁶⁵ Б. Н. Г р а к о в. О пережитках матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 100.

¹⁶⁶ Г. Ф. Д е б е ц. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии, т. IV. М.—Л., 1948, стр. 83, 102.

¹⁶⁴ Сборы В. В. Гольмстен. Культурный слой № 5. Куйбышевский музей.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА В ВАСЕЙНВ ДОНА

§ 1. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ
НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Период энеолита и ранней бронзы степных и лесостепных пространств между Волгой, с одной стороны, средним Доном и северной частью нижнего Дона, — с другой, в настоящее время изучен слабо. Несколько лучше обстоит дело с изучением памятников этого времени в прикаспийских степях и в бассейне р. Маныча. Однако материал из предкавказских степей играет лишь второстепенную роль в рассмотрении вопроса о первоначальном заселении Дона племенами срубной культуры. Наиболее ранние, известные нам на Дону, памятники срубной культуры связаны главным образом с лесостепной зоной, с бассейном среднего Дона. Повидимому, исследования, проводимые именно в этих районах, дадут возможность проследить те смены культур, которые здесь протекали в середине II тысячелетия до н. э. При существующем материале едва ли можно выделить с достаточной точностью территорию первоначального населения срубной культуры на Дону и время, к которому оно относится. Прежде всего этому препятствует то, что, в противоположность Среднему Поволжью и северной части Нижнего Поволжья, Дон в течение весьма длительного промежутка времени был заселен этнически разнородными, часто между собой неродственными племенами. Отрывочные сведения о них, которыми мы располагаем, уводят вглубь II тысячелетия до н. э. В бассейне среднего Дона разнородность культур продолжала существовать вплоть до скифского времени.

Пестрота населения среднего Дона в эпоху бронзового века, повидимому, определялась тем значением, которое имел Дон как водный путь, связывающий между собой лесные районы с приазовскими степями и Кавказом. При развитии металлообработки у степного населения ранней бронзы, в особенности полтавкинской и катакомбной культур, этот путь должен был играть немаловажную роль. Есть основания предполагать, что северокавказские украшения, отлитые по восковой модели, проникали в саратовские степи не столько через Волгу, сколько именно с Дона. В низовьях Волги и у населения прикаспийских степей украшения такого рода распространены не были; во всяком случае они не встречаются в погребениях этого времени. Зато подобные кавказские украшения были хорошо известны донецкому населению катакомбной культуры, погребения которого встречаются и по течению Дона.

В 1947 г. А. Л. ф. Рогачев обнаружил в верхних слоях Костенок IV своеобразную керамику, в украшении которой основную роль играли тесно расположенные неглубокие ямки¹. Поселения такого рода известны и в других местах среднего Дона. Так, например, Н. В. Валукинским был обнаружен культурный слой в пределах г. Воронеж² с гребенчато-ямочной остродонной керамикой и разнообразными кремневыми и костяными изделиями. Не говоря о том,

¹ МАЭ.

² Н. В. Валукинский. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. С. А., Х, М., — Л., 1948, стр. 293 и сл., рис. 3.

принадлежат ли подобные поселения к одному времени, или к одной культуре, следует лишь отметить, что уже в довольно раннее время население лесных зон, лежащих к северу от Дона, очевидно, тоже стремилось к водному пути, связывавшему основные районы распространения ямочной керамики с районами распространения катакомбной культуры, а может быть, и с Приазовьем.

Катакомбная культура на среднем Дону имеет ряд характерных местных особенностей, в основе которых лежат, во-первых, относительно позднее время ее появления в этих местах; во-вторых, те культурные связи, которые установились в результате соприкосновения населения катакомбной культуры этого района с соседями, в частности с населением полтавкинской и раннесрубной культур Поволжья середины II тысячелетия до н. э.

Едва ли можно считать катакомбную культуру исконной на среднем Дону. Здесь до сих пор еще не установлены следы предшествующей ей ямной культуры и совершенно отсутствуют ранние формы погребений и керамики катакомбной культуры. Вполне вероятно, что в этих местах катакомбная культура появилась в уже вполне сформировавшемся виде. Здесь нет надобности касаться вопроса, связанного с возникновением и развитием катакомбной культуры и с появлением ее различных локальных вариантов. Отмечу лишь, что сходство донской керамики катакомбной культуры с наиболее поздней донецкой заставляет предполагать проникновение этой культуры с запада.

Рассмотрим немного после^ый керамический материал катакомбной культуры среднего Дона с точки зрения его принадлежности к раннему или позднему времени развития этой культуры.

Единственный сосуд из курганов близ с. Кондрашовки³, и по своей форме и по характеру елочного орнамента, покрывающего всю его поверхность, напоминает раннекатакомбные сосуды с невысокой шейкой, не вполне отделенной от плеч. Однако подобные сосуды, распространенные по всей территории катакомбной культуры, дожи-

вают до ее позднего времени, а потому дотирующими быть не могут. В данном случае, по видимому, он связан с позднекатакомбным погребением, как и остальная керамика этой культуры из Кондрашовки.

Наибольший интерес для датировки представляет посуда из катакомбного погребения кургана 10 той же курганный группы⁴. Один сосуд (рис. 16, 1) имеет слабо намеченное ребро, выраженное главным образом налепным валиком. Выше ребра, по неорнаментированным плечикам расположен ряд шишечек, а по прямой шейке — опоясывающие ее валики. Весь корпус сосуда ниже ребра покрыт своеобразным елочным узором, типичным для воронежской группы посуды катакомбной культуры. Это крупные вертикально поставленные елки с прочерченными стволками, отделенные друг от друга линией. Такой же узор покрывал по бокам и второй горшок с ушком и без шейки (рис. 16, 2). Третий сосуд — круглодонный, с невысокой шейкой — был без орнамента (рис. 16, 3). Из насыпи кургана 10 происходит верхняя часть сосуда (рис. 16, 4) того же типа, как и первый сосуд из погребения. Вероятно, в целом виде сосуд из насыпи представлял собой такой же горшок удлиненной формы, но с более четким ребром. По его плечам были прочерчены треугольники, а между ними размещены шишечки. Шейку опоясывал отпечаток веревки.

Известны остросеберные сосуды катакомбной культуры с рельефными украшениями и из других погребений среднего Дона. Так, верхняя часть высокого сосуда с хорошо выраженным ребром, орнаментированного ямками и шишечками, происходит из двойного погребения близ Россоши (рис. 16, 5)⁵. Подобный же сосуд с ребром, по которому проходит валик, был найден близ с. Хренового, Воронежской области (рис. 16, 6). Выше ребра он был покрыт заштрихованными треугольниками, а ниже, по бокам — елочным узором, обычным для сосудов этого типа.

⁴ Село Кондрашовка, курган 10. Раскопки М. П. Юргенон 1913 г. Двойное погребение взрослых. Покойники лежали в скорченном положении на левом боку, головами на север. Между ними стояли большой горшок (рис. 16, 1) и два меньших у ног. Архив Воронежского музея.

⁵ Раскопки С. Н. Замятнина 1925 г., курган 2.

³ Село Кондрашовка, Воронежской области. Курганный комплекс на правом берегу р. Землянки, притока Дона. Раскопки Языкова. Воронежский музей.

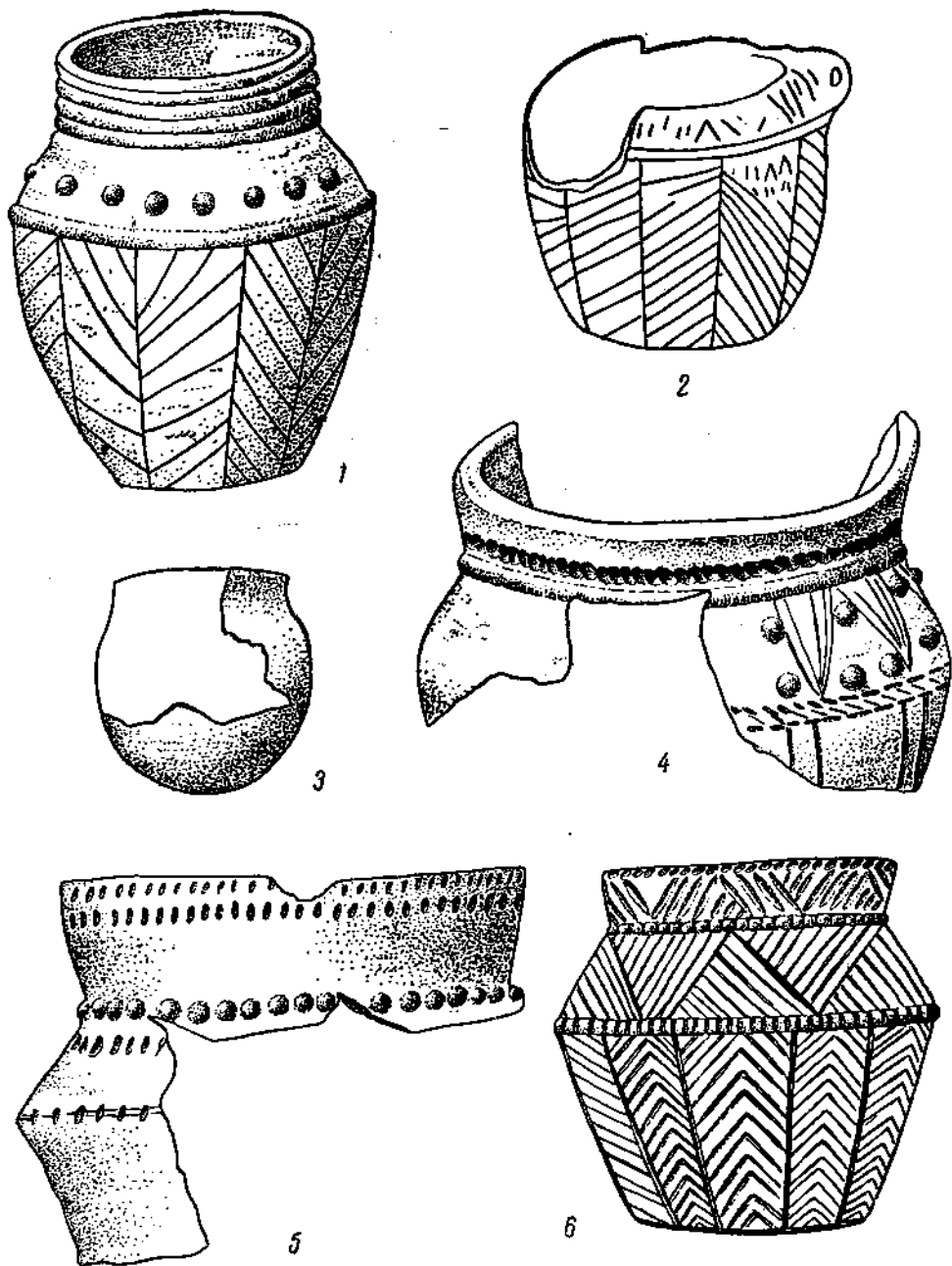

Рис. 16. Керамика из курганов

1-3 — с. Кондрашовка Воронежской обл., р. Землянка. Курган № 10. Погребение катакомбной культуры;
 4 — из насыпи того же кургана; 5 — из кургана № 2 близ г. Россоши; 6 — близ с. Хренового, Воронеж-
 ской обл. Рисунки сосудов уменьшены в разной пропорции.

Такое появление острореберной посуды в катакомбной керамике среднего Дона не могло быть случайным. Не приходится сомневаться в том, что при изготовлении этой не совсем обычной посуды местные гончары уже были знакомы с острореберными горшками Поволжья позднеполтавкинской или срубной культуры и в своем производстве подражали им. Это приводит к следующему соображению: тесные связи, установившиеся между племенами катакомбной культуры бассейна среднего Дона и населением Поволжья, способствовали слиянию местного населения с пришлым и восприятию культуры последнего.

В пограничном районе, отделявшем катакомбную культуру от полтавкинской и, вероятно, прилегавшем к левобережным районам среднего Дона, смешение населения обеих культур могло совершаться по крайней мере в течение всего позднего периода их существования. О проникновении поздней полтавкинской культуры на Дон можно судить на основании керамики из одного курганного погребения близ Воронежа. Здесь, в северном предместье города, в урочище «Попова дача», в 1940 г. был раскопан курган, в котором при костяке в «блюдеобразной» яме стояло 9 сосудов; из них пять, опубликованных Н. В. Валукинским⁶, дают представление о том, к какому времени и какому населению принадлежит это погребение.

Несмотря на то, что все 5 сосудов по форме более или менее отличаются друг от друга, принадлежность их к одной культуре едва ли может подлежать сомнению. Особый интерес возбуждают два баночных сосуда, орнаментация которых заставляет отнести все погребение к полтавкинской культуре. Выше было указано, что ряды клинообразных вдавлений, покрывающих сплошь поверхность сосудов, характерны для керамики полтавкинской культуры. На керамике срубной культуры этот способ орнаментации исчезает совершенно. Второй баночный сосуд, судя по его изображению, был покрыт тоже по всей поверхности орнаментом, образующим четыре самостоятельные зоны. Зональный орнамент наблюдается главным образом на керамике полтавкинской культуры. Характерен для полтавкинской керамики и

крестообразный орнамент, покрывающий дно этого сосуда. Орнаментированное дно на керамике бронзового века в степях Восточной Европы является показателем относительно раннего времени. Третий сосуд украшен зигзагообразной полоской, точно такой же, которую мы видим на втором сосуде. Формы двух последних сосудов Могут одинаково встречаться как в срубной культуре, так и в конце полтавкинской. Кроме того, в пределах Воронежа, на улице Громова, в курганном погребении Н. В. Валукинским был найден еще один баночный сосуд⁷, по всей поверхности и по дну покрытый рядами клиновидных вдавлений и сходный с одним из сосудов с Поповой дачи⁸.

Керамика, собранная Н. В. Валукинским, в урочище «Попова дача» и на улице Громова, свидетельствует о том, что первоначальное проникновение населения Поволжья в районы среднего Дона произошло не в первый период срубной культуры, а еще в эпоху, ему предшествующую.

Но можно ли подобрать прямые аналогии к керамике с Поповой дачи и с улицы Громова в известных нам коллекциях посуды полтавкинской культуры из Заволжья? Пока на этот вопрос следует ответить отрицательно. Все признаки, позволяющие отнести эту посуду из курганов Воронежа к полтавкинской культуре, основаны прежде всего на ее сходстве с ранней керамикой срубной культуры и вместе с тем на наличии в ней ряда ранних черт досрубного времени. Вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с местным, западным и вместе с тем поздним вариантом полтавкинской культуры, который в силу своего географического положения мог первым распространиться на средний Дон.

Проникновение населения с Поволжья в пределы Дона, повидимому, не представляло собой какого-нибудь единовременного потока, а протекало постепенно как в полтавкинскую эпоху, так и в первый период срубной культуры. Эти первые переселенцы, развивая свою культуру на далеких окраинах, могли в условиях новой обстановки создать в своем производстве те особенности, которые, в частности, отрази-

⁶ Н. В. Валукинский. Ук. соч., стр. 292 и ел., Зис. 2.

⁷ Н. В. Валукинский. Ук. соч., стр. 299 и ел., рис. 4.

⁸ Там же, стр. 293, рис. 2, /.

лись в орнаментации их посуды. Повидимому, этими причинами приходится объяснять то явление, что при полном сохранении по-волжских форм керамики и основных принципов орнаментации посуда срубной культуры на Дону обладает некоторыми местными отличительными признаками.

Гончары племен срубной культуры или «одного племени, начало образования которого могли положить переселенцы с Поволжья, украшали свою посуду значительно более сложными узорами, чем родственное население на Волге. Примеры тщательно выработанной и хорошо орнаментированной керамики не единичны и происходят не только из погребений.⁹ В повседневном быту, который представлен материалом из ранних поселений, богато орнаментированная посуда употреблялась значительно чаще, чем у того же населения в Поволжье. Особенно выделяются своей сложной и тщательно выполненной орнаментацией сосуды из курганных погребений близ Владимировки¹⁰, которые представляют собой наиболее совершенные произведения гончаров срубной культуры. Острореберные широкие и низкие горшки здесь были покрыты узорами, в основании которых по большей части лежали различные варианты одного и того же орнаментального мотива (рис. 17, /—7). Он представлял собой крестообразный знак. Различные композиции, в которых крест играл основную роль, были заключены в ромбы, треугольники, а иногда бывали расположены параллельно с рядами меандров. Часто отдельные мотивы узоров или отдельные орнаментальные зоны были обведены по контуру ямками или точками.

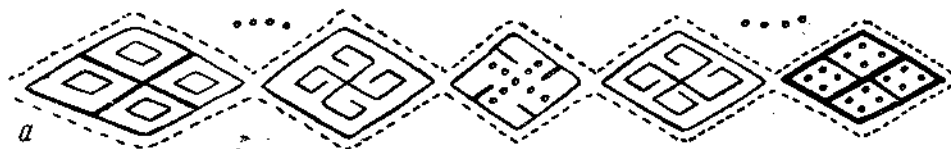
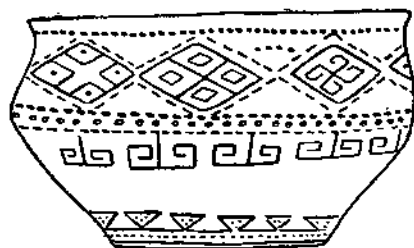
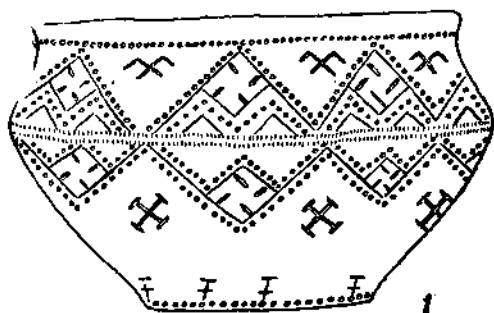
Таким образом, представляя собой редкое исключение по сложности орнамента и тщательности его выполнения, посуда из Владимировки в области орнаментальной символики по существу ничем не отличается от обычной посуды срубной культуры на всей территории ее распространения. Зигзаги, треугольники и ромбы мы встречаем во всех более или менее значительных коллекциях керамики этой культуры. При этом, как правило, зигзаги и треугольники в значительной мере преобладают над ромбами и меандрами. Но основным орнаментальным мо-

тивом, который особенно выделяется на керамике из Владимировки, является крестообразный знак, поставленный в косой. Из пяти сосудов, происходящих из кургана 1 Владимировской группы, три сплошь покрыты различными узорами, в которых центральной фигурой является крест. По всему Поволжью, а также в Пензенской и Тамбовской областях фигура креста на сосудах срубной культуры повторяется постоянно, или совершенно изолированно, или, что чаще, входит в те или иные, иногда очень несложные узоры. Таким образом, несмотря на некоторые особенности в способах и тщательности выполнения узоров, содержание их у населения срубной культуры повсюду осталось единым. На керамике из поселений, исследованных в настоящее время на Дону, крестообразный знак встречается довольно часто. Мы его видим на сосуде селища, исследованного Г. В. Подгаецким, на территории Воронежа в 1936 г.¹⁰, на Костенковском селище и на весьма своеобразной керамике поселения близ Лукьяновки. Повсюду он комбинируется с основными орнаментальными мотивами — с зигзагами, треугольниками, меандрами и ромбами.

Выше не раз отмечалось, что в селищах Поволжья постоянно приходится встречаться с посудой, в формах и узорах которой в большей или меньшей мере отражены черты андроновской керамики. На Дону явления подобного рода обычно не встречаются. Андроновская посуда, как и бронзовые изделия, очевидно, редко достигали районов Дона. Тем неожиданнее представляются форма и орнамент одного из 5 сосудов, происходящих из владимировского кургана 1. По профилю и пропорциям этот сосуд напоминает андроновские горшки с уступчатым плечом раннего периода их развития. Зональное расположение узора по шейке сосуда тоже сходно с размещением орнамента на андроновской посуде. Характерно, что здесь по шейке проведены прямые и зигзагообразные заштрихованные полосы, свойственные андроновскому и в значительно меньшей мере срубному орнаменту. В основе орнамента, покрывающего бока и плечи сосуда, тоже лежат андроновские орнаментальные мотивы.

⁹ Раскопки В. Н. Тевяшова близ г. Острогосжа Воронежской области. Воронежский музей.

¹⁰ Отчет Г. В. Подгаецкого о работах в г. Воронеже. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 156.

3

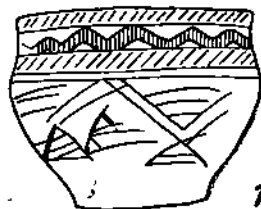
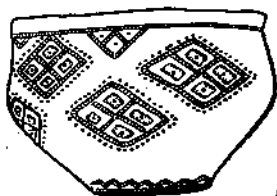

Рис. 17. Керамика из с. Владимировна близ Острогжска.

1, 2, 4, 6, 7 — из кургана № 1; 5 — из кургана № 12; 3a и 3b — развернутый орнамент верхней части сосуда 2. Рисунки сосудов уменьшены в разной пропорции.

вы, хотя они выполнены гончаром срубной культуры не вполне удачно.

В качестве аналогии к узорам из ВладимировTM, следует привести материал из отдельных районов Северо-западного Причерноморья, а именно узоры на втулках серебряных наконечников копий Бессарабского клада. Связь между этим кладом и памятниками срубного времени в Поволжье не вызывает сомнения, настолько сходны формы бессарабских копий с копьями Покровского и Сейменского могильников. Ромбы, зигзаги и треугольники, из которых была составлена большая часть узоров на серебряных копьях, широко распространены в бронзовом веке Восточной Европы. Ряд треугольников, расположенных в верхней части орнаментальной полосы на втулке сломанного копья, очень похож на узоры владимировских сосудов¹¹: совершенно одним и тем же способом в треугольники были вписаны крестообразные значки; узоры окаймлены точками.

По времени оба памятника близки между собой. Если формы копий Бессарабского клада могли быть распространены в XIV—XII веках до н. э., а может быть, и несколько раньше, то время владимировских сосудов определяется на основании их широкой приземистой формы и орнаментации, спускающейся ниже ребра и покрывающей большую часть их поверхности, тем же самым временем, т. е. первым периодом срубной культуры.

Таким образом, все данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что на среднем Дону срубная культура появилась уже на самом раннем этапе своего развития. В пределах среднего и нижнего Дона было обнаружено довольно много мест поселений, относящихся к срубной культуре. Однако этот разведочный материал почти не подвергался публикации. Раскопки проводились лишь на немногих из этих селищ.

В основных формах хозяйства в первом периоде развития срубной культуры не было существенных отличий между районами Дона и Поволжья. И тут, и там жизнь населения была сосредоточена в небольших поселениях, основной хозяйственной базой кото-

рых являлось скотоводство и, повидимому, в меньшей мере — мотыжное земледелие. Состав стад в донских поселениях этого времени мало отличается от того, что наблюдается в Поволжье. Здесь тоже значительно преобладает разведение крупного рогатого скота над овцеводством. Количество лошадей, по всем имеющимся данным, уступает количеству коров, но в значительной мере превышает в процентном отношении число и овец, и свиней.

Донские жилища срубной культуры точно так же, как и в Поволжье, представляли собой просторные полуземлянки прямоугольной или почти прямоугольной формы. Об их конструкции и о расположении внутри них очагов дают нам возможность судить раскопки культурных слоев близ с. Костенок¹² и на р. Осколе, недалеко от с. Лукьяновки¹³.

На первом селище было обнаружено жилище, в северном конце которого находились довольно широкие нары. В каждом жилище имеются один или два очага, вполне сходных с очагами поволжских землянок. Так же как и там, крыша покоилась на столбах, проходящих или в центральной части построек, или ближе к стенам. Таким образом, мы видим, что характер и конструкция жилищ в срубной культуре на Дону были сходны с поволжским.

То же самое наблюдается и в керамике, происходящей с «поселений, которая в основе своей сходна с глиняной посудой поволжских селищ срубного времени (рис. 18, 1—7; 19, 1, 2, 4—8). Однако, судя по материалу из трех, в настоящее время хорошо известных поселений, точно так же как по посуде курганов, в этой керамике есть ряд отличительных черт, позволяющих наметить донской вариант посуды срубной культуры. Формы посуды с поселений полностью совпадают с поволжскими, так же как отдельные орнаментные мотивы.

В особенности хорошо это сходство прослеживается на посуде из раскопок Г. В. Подгаецкого на территории Воронежа. Посуда с

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. Труды ГИМ. Памятники культуры, вып. I, М., 1949, стр. 10, табл. I, рис. 2; стр. 25, табл. XVIII, рис. 1.

¹² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество в степях Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, стр. 124; В. И. Равдоникас. Первобытно-коммунистическое общество. ИГАИМК, вып. 99, стр. И—14; его же История первобытного общества, т. I, изд. ЛГУ, 1947, стр. 14, 15.

¹³ Отчет Г. В. Подгаецкого о работах в г. Воронеже. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 164 и сл.

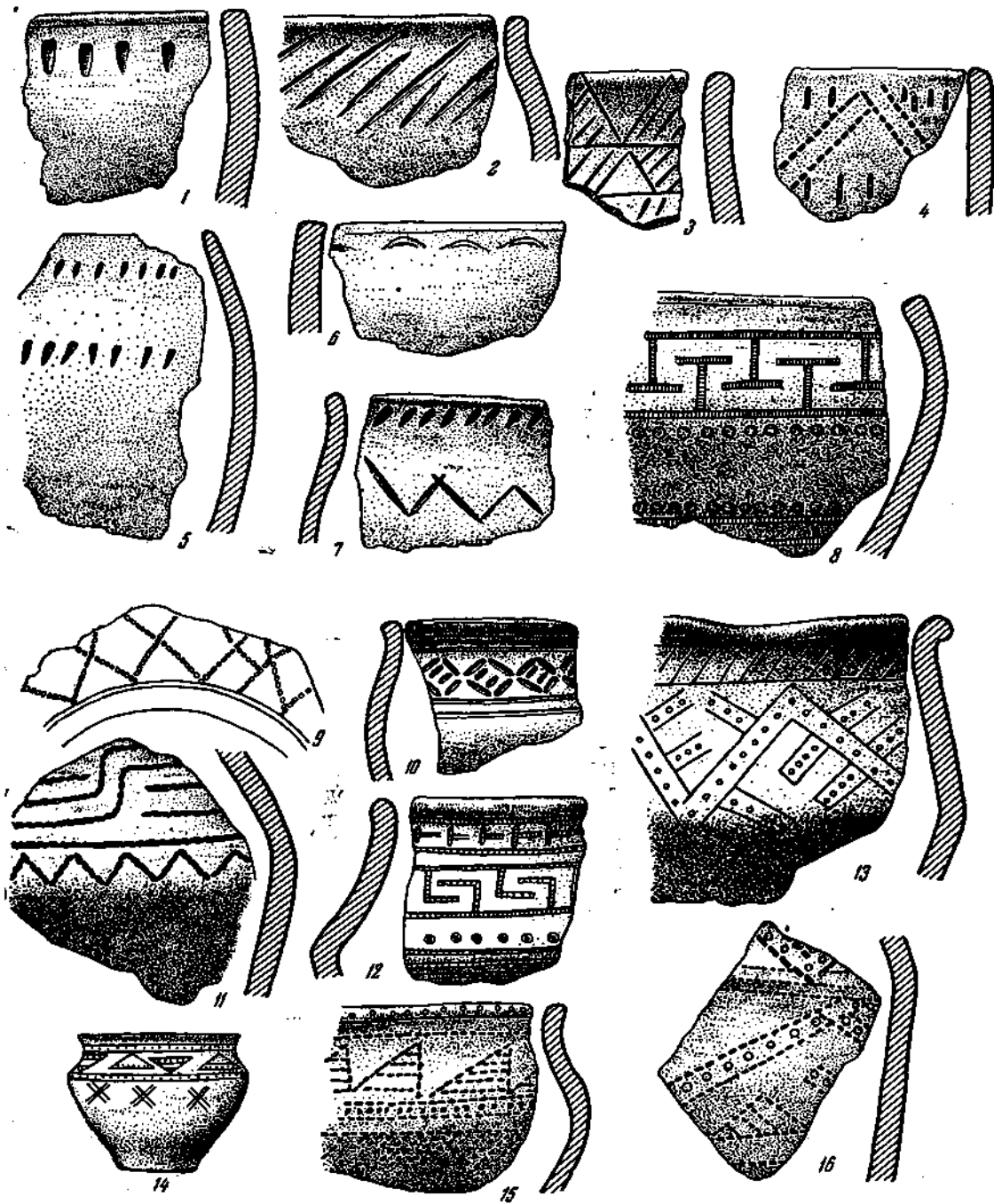

Рис. 18. Керамика с поселения Лукьяновка. 14—ок. $\frac{5}{6}$ н. в.; остальные ок. $\frac{1}{2}$ н. в.

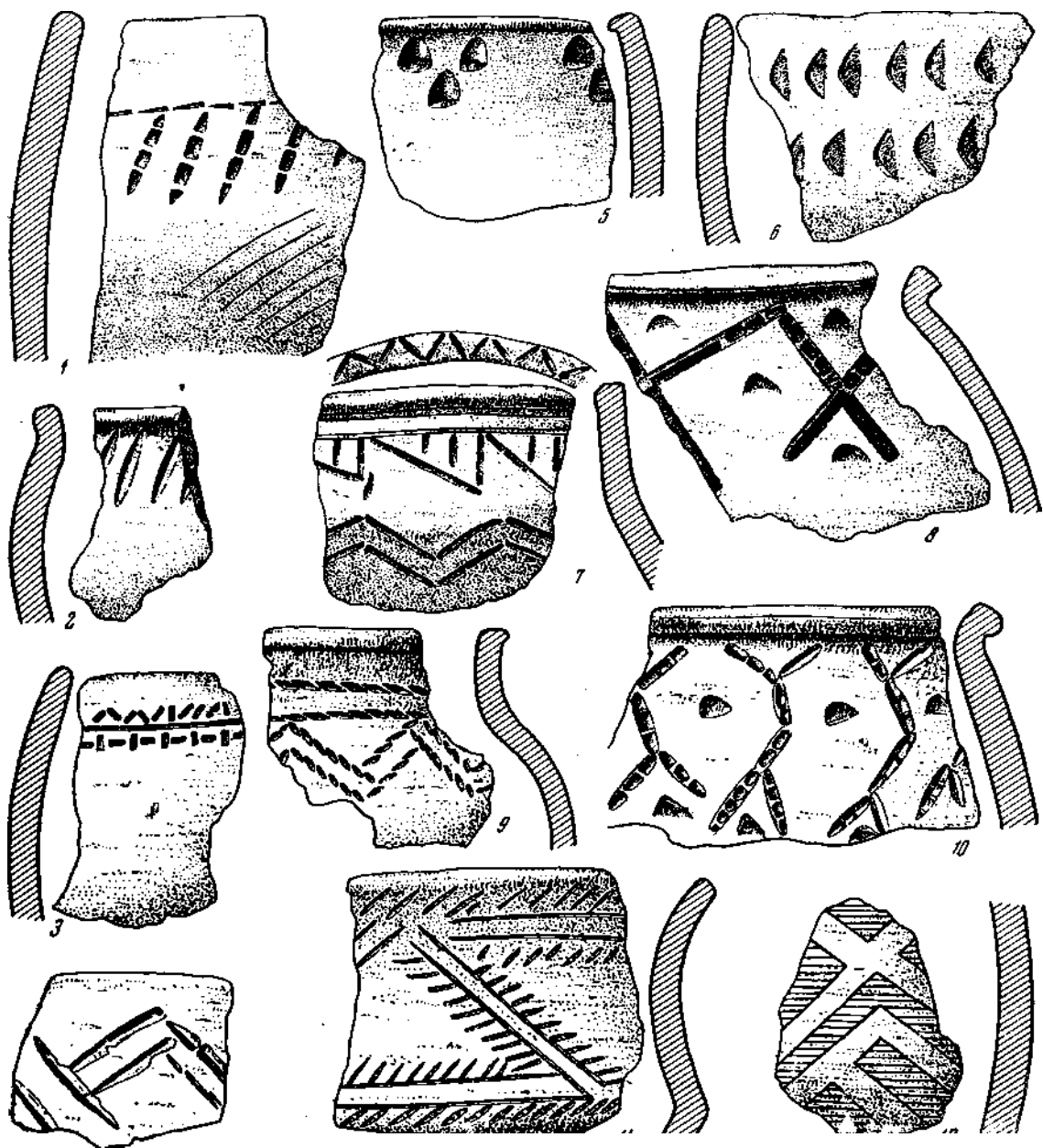

Рис. 19. Керамика с поселения Костенки. Ок. $\frac{1}{2}$ г н. в.

Костенковского поселения выполнена со значительно большей тщательностью, а рисунок ее узоров гораздо богаче (рис. 19, 10, 11, 12). Еще больше отличий мы встречаем на посуде из Лукьяновского селища. Они заключаются не столько в форме и характере относительно сложного орнамента (рис. 18, 8, 11—16), сколько в своеобразной технике изготовления этой посуды. Очень многие найденные здесь фрагменты принадлежат сосудам с темной, иногда почти черной лошенной поверхностью. Их довольно сложные узоры нанесены зубчатым штампом, реже — при помощи оттисков простой веревки. Наряду с заштрихованными косыми и равнобедренными треугольниками, часто расположенными в два ряда (рис. 18, 15), здесь можно встретить довольно сложные меандровые узоры (рис. 18, 8, 12, 13, 16), украшающие верхние части преимущественно остросеребряных сосудов. Некоторые сосуды были орнаментированы и внизу, по краю, у дна (рис. 18, 9), что редко встречается в Поволжье. На одном из подобных сосудов замечен низкий поддон, представляющий собой обод, отчетливо выступающий по краю дна. Отличительной чертой керамики с Лукьяновского селища является один из приемов нанесения рисунка, встречающихся в Поволжье лишь в исключительных случаях. Он сводится к заполнению белой пастой углублений узора, полученных в результате вдавления штампов, веревок и нарезов (рис. 18, 9—11, 15). Украшения такого рода придавали сосудам особенно нарядный вид. Сосуды с узорами, заполненными белой пастой, на Дону пока известны только в Лукьяновке. Поблизости от территории срубной культуры подобных приемов орнаментации в это время неизвестно. В районе же Дона и Донца, — правда, не на площади поселения, а в курганном погребении, — был найден черный лошенный остросеребряный горшок, украшенный выше ребра полосой, состоящей из заштрихованных четырехугольников, нанесенных нарезом, заполненным белой пастой¹⁴.

Подводя итог сказанному, еще раз отмечу, что условия развития племен срубной культуры в лесостепном Придонье несколько

отличались от того, что мы находим в Поволжье. Культура населения этих мест в раннебронзовом веке не была однородной, и лишь только позднее мы видим здесь единую срубную культуру. Такое прошлое не могло не отразиться на керамике срубной культуры среднего Дона, в развитии которой наблюдаются всевозможные особенности. Далеко не все они могут быть объяснены при настоящем уровне знаний. В дальнейшем, при накоплении нового материала, в решении этого вопроса следует учесть и различные локальные варианты полтавкинской культуры, в особенности на территории, расположенной к востоку от среднего Дона.

Материал из Воронежской области (вернее, из пределов бывшей Воронежской губернии) лежит в основе наших представлений о срубной культуре на Дону. Но этим ее распространение в северном направлении не ограничивается. Как уже было сказано, памятники срубной культуры известны и в Пензенской, и в Тамбовской областях, а также в Орловской области. В этих районах лесостепи посуда сохраняет довольно строгие формы керамики срубной культуры. Примером срубной культуры в Тамбовской области являются курганы на территории бывшего Моршанского уезда. При сравнении их керамики¹⁵ с воронежской посудой можно убедиться, что в этих удаленных от среднего Дона районах посуда срубной культуры еще сохраняет свои основные формы, сходные не столько с поволжской, сколько с донской керамикой. Особенно отчетливо это сходство выражается в орнаментации нарядной посуды. Ее узор относительно сложен и представляет собой комбинацию крестообразных знаков с треугольниками. Далее к северу в районах Оки в керамике срубной культуры, — как в ранней, так и в поздней, — встречаются признаки, позволяющие судить о все большем и большем смешении срубной культуры с местными. Выше говорилось о возникновении вследствие этого так называемой «поздняковской культуры», представление о которой, однако, до сих пор еще не совсем сложилось. Несмотря на слабую изученность районов северного расселения племен срубной культуры, есть все основания предполагать, что

¹⁴ Сосуд хранится в Харьковском музее. Обнаружен в 1931 г. экспедицией Харьковского музея близ станции Борки в кургане 1, во впускном погребении 5 вместе с сосудом, изображенным на рис. 17, 9.

¹⁵ Из раскопок Тарасова в бывш. Моршанском уезде. Фототека ИИМК, № 5078.

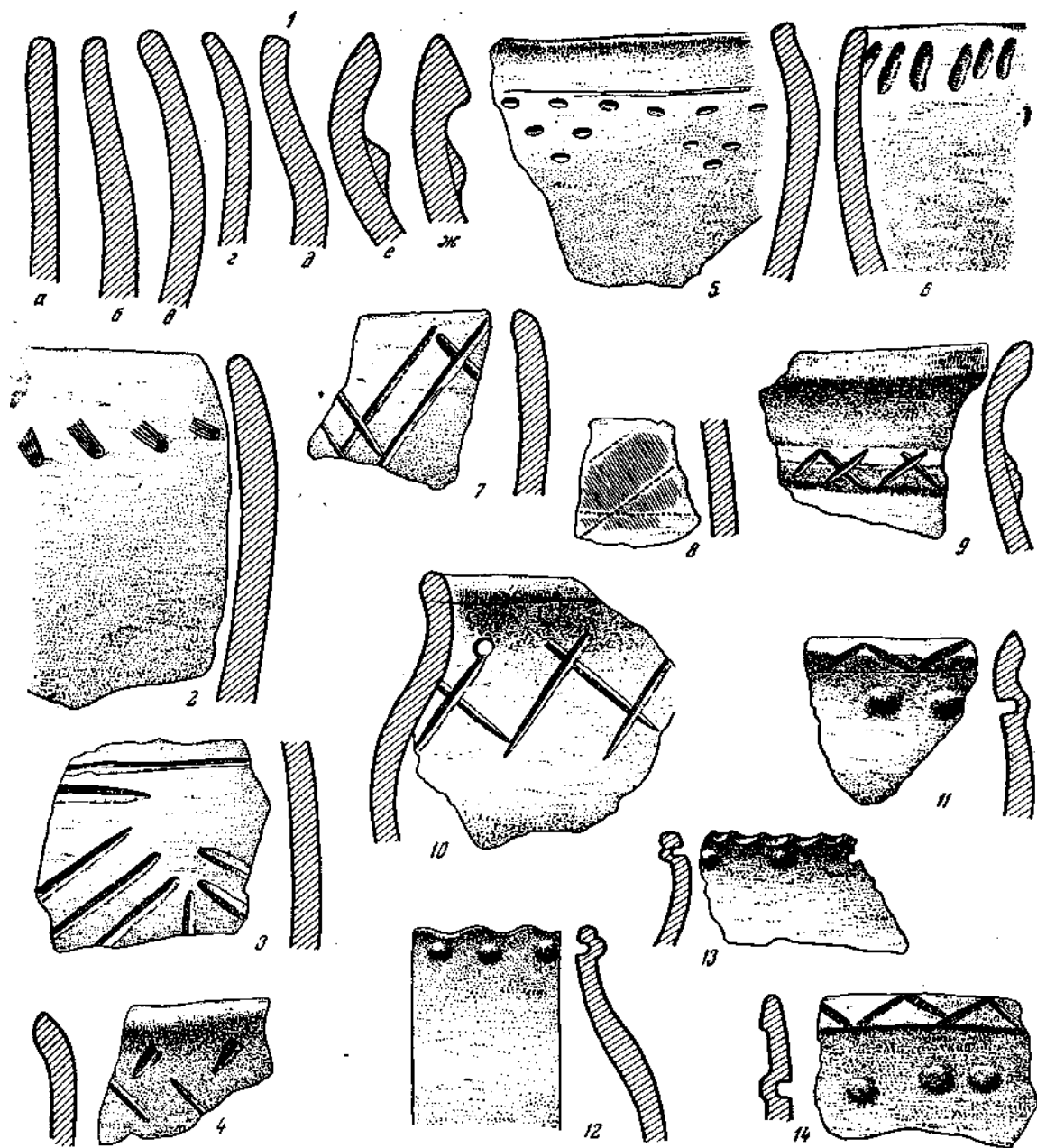

Рис. 20. Керамика с поселения Васищево. Ок. $\frac{1}{4}$ Г " - " «

резких границ между собственно срубной культурой и культурами средней и нижней Оки провести невозможно. В результате все увеличивавшегося проникновения в срубную культуру сторонних элементов она постепенно теряет устойчивые формы своей посуды и в районах Оки распадается, на отдельные местные варианты, более или менее удаленные друг от друга по времени. Дальнейшее их изучение должно привести к выделению обособленных групп населения бронзового века в бассейне Оки.

К юго-западу от Воронежской области, в районах лесостепной Харьковщины, поселения срубной культуры первого периода еще не были встречены, но керамика с белой пастой, сходная с лукьяновской, как уже отмечалось выше, была обнаружена в курганах близ станции Борки.

При хронологической классификации срубной культуры на Дону, как было показано для Поволжья, в основном следует принимать во внимание развитие форм и орнамента керамики. Изучение этого массового материала, полученного в результате раскопок поселений, дает возможность по ряду признаков отделить ранние селища от поздних. На этих основаниях все три известных на среднем Дону поселения — Костенковское, Лукьяновское и Воронежское — были нами отнесены к первому периоду срубной культуры. По имеющимся в нашем распоряжении данным, пока мы должны отметить отсутствие на среднем Дону поселений срубной культуры второго периода. Следует ли это отнести к недостаточной изученности районов среднего Дона, или предположить, что керамика второго периода с налепными валиками и другими ее особенностями была здесь освоена относительно поздно, — пока сказать трудно.

§ 2. ВТОРОЙ ПЕРИОД СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДОНУ

В селищах второго периода, изученных пока довольно слабо, отчетливо выступают отдельные черты керамики, чуждые посуде Среднего и Нижнего Поволжья. Об этом можно судить по черепкам, происходящим из разрушенного слоя близ с. Васищева в окрестностях Харькова¹⁶. На месте обвалов была собрана большая коллекция черепков

и других предметов, свидетельствующая о том, что здешний весьма мощный культурный слой содержал в себе два разновременных горизонта. Нижний слой, образовавшийся, очевидно, в продолжение более длительного времени, принадлежал поселению поздней катакомбной культуры. Второй, верхний слой, относился, несомненно, к срубной культуре второго периода.

Здесь, как в подобных же других коллекциях, большинство черепков принадлежит баночным сосудам. Они или совсем лишены орнамента, или орнаментированы все теми же овальными и подтреугольными ямками, рядами косых нарезов и вдавлений и различного рода зигзагами (рис. 20, 1а—д, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 14); встречаются и треугольники, обращенные вершинами вниз, составленные из ямок, расположенных соответствующим образом (рис. 20, 5). В этой коллекции нет остросереберных сосудов, но есть небольшое количество сосудов с закругленными боками, орнаментированных зигзагами. Довольно много сосудов с округло отогнутой шейкой и острыми, лезвиеобразными краями (рис. 20, /, е, ж, 9, 10). Есть черепки, украшенные вдоль края валикообразным утолщением. Зато налепных валиков чисто орнаментального значения, опоясывающих сосуд по шейке, ниже края, или отделяющих шейку от плеч, здесь можно встретить довольно много (рис. 20, /, е, ж, 9).

Все эти данные, взятые вместе, позволяют судить о том, что близ с. Васищева в начале I тысячелетия до н. э. существовало поселение с вполне четко выраженными поздними формами посуды. Важно отметить, что здесь, в отличие от всех хвалынских селищ Поволжья, а также и тех донских, которые известны в настоящее время, появился новый тип посуды, обычно обладающей выпуклыми боками и слегка отогнутой шейкой, но украшенной совершенно новым способом. По ее краю наблюдается гофрировка (рис. 20, 12, 13), а немного ниже края, вдоль него, идет ряд шишечек, выдавленных изнутри. Ямки, образующиеся при этом с внутренней стороны, остаются незамазанными (рис. 20, 11—14). О том, что такая посуда органически связана с керамикой срубной культуры этого селища, а не принадлежит к какому-

весное описание слоя было дано мне А. А. Потаповым и И. Н. Лункевичем.

¹⁶ Сборы сотрудников Харьковского музея. Сло-

либо более позднему горизонту, можно судить не только по профилям сосудов с отогнутой шейкой и выпуклыми боками, но и по фрагментам двух сосудов: один из них имеет острый, другой — островатый край с бортиком, украшенным простым зигзагом, нанесенным зубчатым штампом, обычным для керамики позднесрубной культуры с этого селища.

На нижнем Дону, наоборот, совершенно неизвестны селища первого периода. Ко второму же периоду здесь относится селище, расположенное на правом берегу р. Донской Царицы, недалеко от Ляпичева хутора¹⁷.

Для изучения керамики Ляпичева хутора мной были использованы коллекции из раскопок 1932 г. Особое внимание обращено на комплексы посуды, происходящей из отдельных землянок 1 и 2 (рис. 21 и 22), причем замечено, что количественное соотношение горшков разных типов в каждой из них оставалось одинаковым.

Большинство сосудов этого селища представляет собой те формы керамики, которые особенно характерны для первого периода срубной культуры. Они сводятся к различным вариантам главным образом баночных и, в меньшей мере, остросеребряных горшков (рис. 21, /—9; 22, /—7) с довольно бедной орнаментацией, преимущественно состоящей из ямок, расположенных рядами или в виде треугольников, обращенных вершинами вниз. На остросеребряных сосудах преобладают зигзаги (рис. 21, 8; 22, 7). Узоры выполнены посредством проведения борозд (рис. 22, 3) крупным (рис. 22, 7), реже мелким (рис. 21, 10) зубчатым штампом, иногда — путем отпечатка простой веревки (рис. 21, 8).

Таким образом, мы видим, что общая масса посуды с Ляпичева хутора архаична и близка к керамике первого периода срубной культуры. Однако ее выделка и в особенности несложность и однообразие ее узоров напоминают не столько посуду первого периода срубной культуры среднего Дона,

сколько посуду Поволжья. Вполне вероятно, что население Ляпичева хутора ведет свое происхождение из близлежащих районов Поволжья и не было связано родством с племенами срубной культуры лесостепной Воронежской области, достигшими в развитии своего гончарного дела значительной высоты. Время селища у Ляпичева хутора определяется не той керамикой, в которой преобладают старые формы. На ее фоне отчетливо выделяется посуда, основные черты которой характерны для керамики второго периода срубной культуры. На некоторых сосудах наблюдается отогнутость шеек (иногда — с заостренным краем; рис. 21, 2, е, ж, з), плавно переходящих в округлую выпуклость плечей. Налепные валики, которые нередко встречаются на посуде Ляпичева хутора, покрыты обычным для Поволжья узором: косыми вдавлениями (рис. 21, 11, 22, 10), елочкой (рис. 21, 12), клеткой (рис. 21, 10; 22, 8); некоторые валики не орнаментированы (рис. 22, 9). Баночные сосуды удлинённых пропорций, как и большие остросеребряные с относительно узким дном и валиком по краю¹⁸, тоже характерны для хвалынского времени. Последние напоминают не только посуду Ивановского селища Поволжья, но и горшки позднеандроновских селищ.

Все эти новые керамические формы, как и на других селищах второго периода, здесь связаны с древними и представляют собой лишь различные варианты, развившиеся из основных форм керамики срубной культуры. Однако количество новой посуды здесь сравнительно невелико; преобладают первоначальные типы, а это дает право отнести все селище к раннему времени второго периода срубной культуры.

Раскопки селища у Ляпичева хутора ценны не только по своему керамическому материалу, позволяющему поставить вопрос о позднем продвижении срубной культуры в южных районах ее распространения с Поволжья на Дон; они, кроме того, дают общую картину поселения с жилыми сооружениями — полуземлянками, соединенными между собой проходами. Наблюдения, проведенные М. П. Грязновым, позволили ему реконструировать крышу в виде шатрового покрытия, засыпанного землей. Сравнивая

¹⁷ Раскопки 1932 г. под руководством М. И. Артамонова; М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 51—55; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, стр. 120—124. Вторые раскопки в 1951 г. под руководством М. П. Грязнова; М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, Б, 1953, стр. 137.

¹⁸ М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 141, рис. 61, 2, 5, 4.

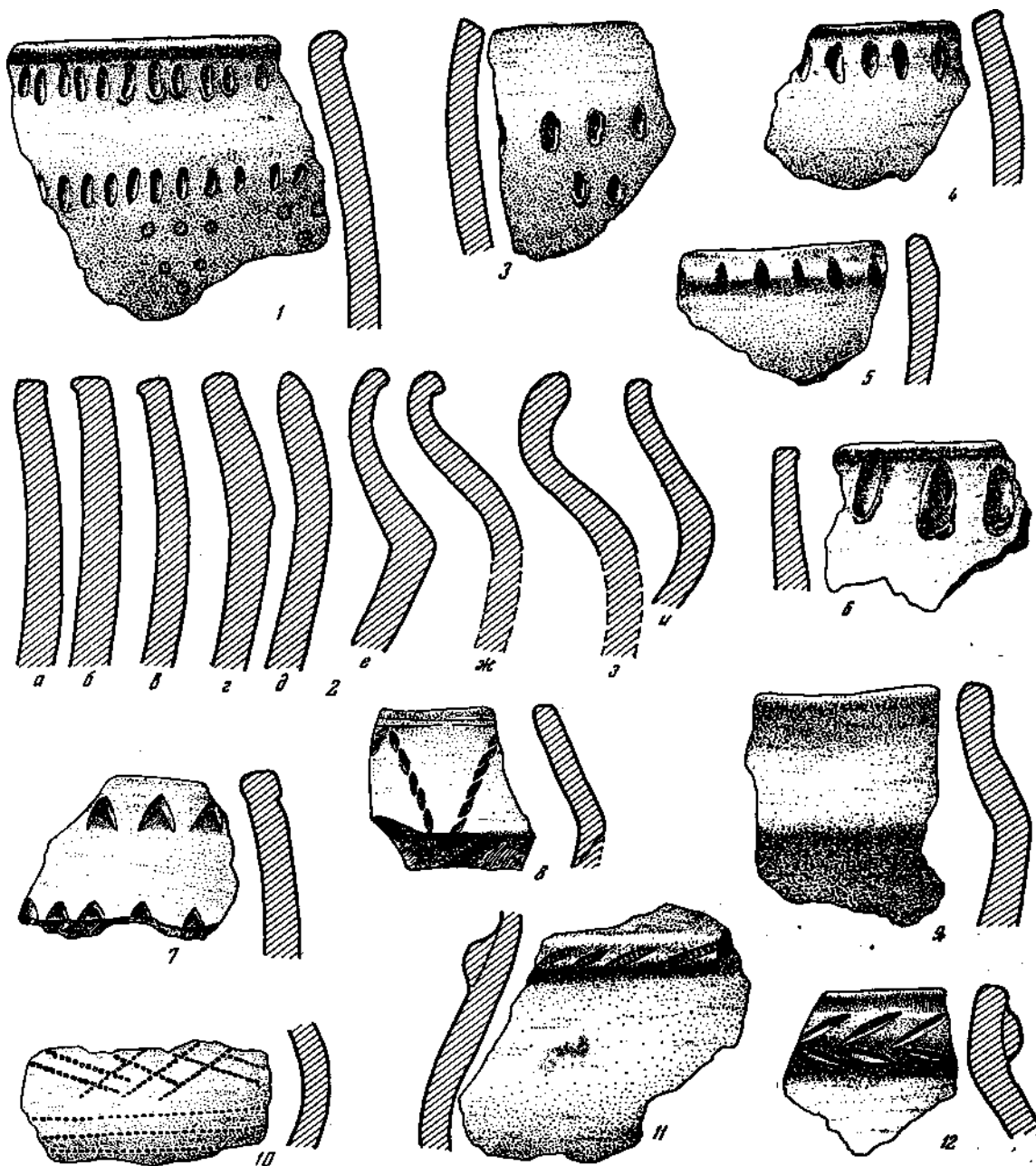

Рис. 21. Керамика с поселения близ Ляпичева хутора. Землянка 1. Ок. */г

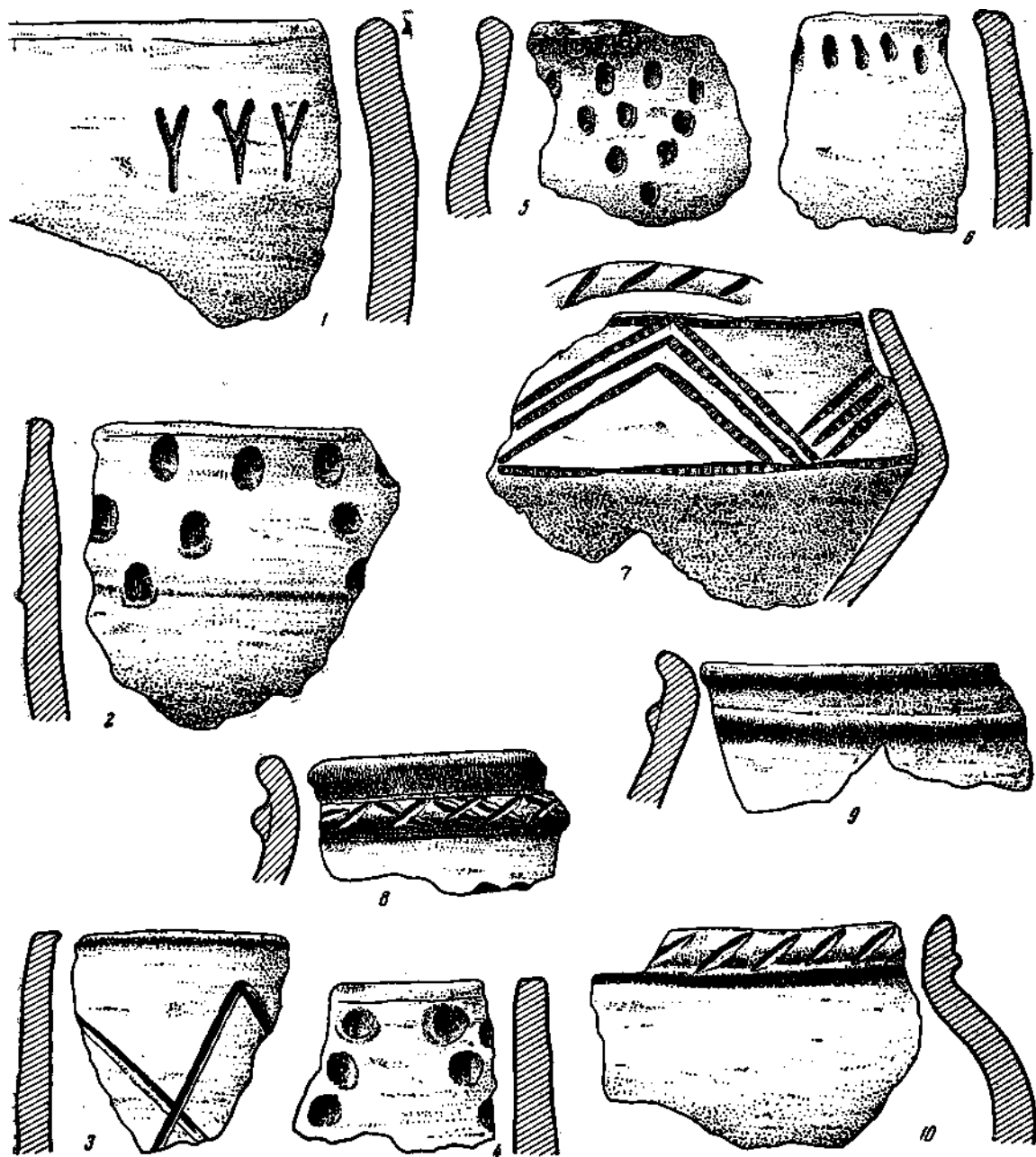

Рис. 22. Керамика с поселения близ Ляпичева хутора. Землянка 2. Ок. $\frac{1}{2}$ н. в.

устойчивые формы жилищ и в первом, и во втором периодах срубной культуры с полуземлянками лесостепных и лесных районов¹⁹, можно предположить, что покрытие в виде двускатной крыши было далеко не обязательно в строительстве жилищ бронзового века. К этому заключению также приводят и наблюдения над андроновскими землянками верхнего Тобола, иногда разделенными на два помещения. В большинстве случаев при их раскопках не удавалось выделить ямки от столбов, предназначенные для поддержки двускатной крыши, а те из них, которые шли вдоль стен (Садчиковское поселение, землянка 2), скорее могли служить для их укрепления или, может быть, служили упором для нижних венцов шатрового покрытия.

В степях Приазовья также совершенно не обнаружено поселений срубной культуры первого периода. Самые древние из них одновременны селищу близ Ляпичева хутора. Тщательные разведки, неоднократно производившиеся на нижнем Дону и на Маныче в связи со строительством Волго-Донского и Манычского каналов, а также обследования прибрежной полосы Азовского моря дают право сделать следующие выводы: во-первых, срубная культура в этих районах не исконна и не является следствием разлития местных культур бронзы; во-вторых, она распространилась здесь в результате расселения племен срубной культуры в относительно позднее время, уже во втором периоде.

Кроме племен позднекатакомбной культуры, степи Волго-Донского междуречья, а также и окрестности г. Степного, долгое время были заселены племенами, керамика которых по своим типам ближе всего стоит к северокавказской посуде бронзового века и совершенно не сходна ни с полтавкинской, ни со срубной посудой. О том, что эти племена, вероятно, довольно продолжительное время находились в соседстве с населением

Нижнего Поволжья, свидетельствуют массивные бронзовые браслеты (рис. 15, 13—15, стр. 61), распространенные в погребениях Поволжья и в меньшей мере — в районе г. Степного. Однако в целом вещи, типичные для срубной культуры, встречаются довольно редко в прикаспийских степях. Керамика срубной культуры здесь представлена слабо, вероятно, вследствие того, что население срубной культуры не проникало в эти районы на продолжительное время. Лишь один баночный горшок из погребения 1 кургана 22 первой курганной группы «Три брата» у г. Степного имеет типичную форму сосудов срубной культуры; второй же горшок из кургана 21 той же группы покрыт своеобразным узором, не характерным для срубной посуды. Здесь же, в кургане 25, погребении 6, был найден сосуд, по форме близкий баночным, но его зигзагообразный узор заполнен мелкими ямочками, что совершенно несвойственно орнаментации сосудов срубной культуры.

Судя по впускным погребениям позднего типа, срубная культура на р. Маныче появилась лишь в последнем периоде своего существования. Для определения этого времени большое значение имеет опубликованный М. И. Артамоновым материал двух курганов (№ 2 и 3) из раскопок 1937 г. близ хутора Веселого²⁰. В этих курганах ряд впускных погребений (курган 2, погребения 1, 2 и 3 и курган 3, погребения 1, 2 и 4) имел один и тот же, весьма характерный обряд захоронения. Все покойники лежали на левом боку в сильно скорченном состоянии. В сущности, погребения такого рода ничем не отличаются от некоторых, — обычно впускных, — погребений,*которые распространены по всему Причерноморью и Приазовью. Повидимому, р. Маныч является наиболее восточным пределом их территории. При обычном положении в сильно скорченном состоянии на левом боку захоронения сопровождаются баночными горшками или другими вариантами погребальной посуды срубной культуры. В тех случаях, когда в курганах встречаются подобные погребения, почти всегда в их насыпи попадают горшки той же культуры, представляющие собой или остаток тризны, или следы совершенно истлевшего погребения. Один такой горшок,

¹⁹ А. В. Збруева. Камская экспедиция в 1946 г. КСИИМК, XX, 1947, стр. 50; ее же. О результатах работ Камской экспедиции. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 59; ее же. Камская экспедиция. КСИИМК, 1949, стр. 40; ее же. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 70 и сл.; Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской. КСИИМК, Ь, 1953, стр. 23, рис. 8; А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье. КСИИМК, Ь, стр. 34, рис. 15.

²⁰ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 309 и 316.

несомненно относящийся к срубной культуре, был обнаружен и у хутора Веселого в насыпи кургана 2. Он подобен баночному сосуду из погребения 3 того же кургана²¹.

В Приднепровье такие погребения, несомненно, относятся ко второму периоду срубной культуры, в поселениях которого встречается керамика уже вполне установившихся поздних форм с налепными валиками. Так, на Никопольском курганном поле, в особенности в группе у полустанка Серко, исследовано около двух десятков таких погребений. Здесь все без исключения костяки позднесрубной культуры встречены только в насыпях курганов. Почти всегда эти погребения сопровождаются баночными и слабо острореберными горшками, иногда с налепными валиками. В окрестностях г. Ногайска, на Кальмиусе и на Донце широко распространены погребения подобного рода. К их числу следует отнести и те 6 погребений, которые были исследованы Г. В. Подгаецким и М. И. Артамоновым на р. Маныче близ хутора Веселого. Помимо погребений, в низовьях Дона в настоящее время известно лишь одно поселение, керамика которого ведет свое происхождение от посуды срубной культуры, — это нижний слой Кобякова городища. Все поселения Приазовья — от ст. Буденновки до устья р. Молочной — содержат керамику, несомненно более поздних типов, чем посуда Ляпичева хутора. К этому же позднему времени относятся и появления племен срубной культуры на территории Восточного Крыма, о чем свидетельствуют исследования поселений в Киммерике, близ Феодосии и в некоторых других местах.

§ 3. ПОЗДНЕБРОНЗОВЫЙ ВЕК В ДОНСКОЙ ДЕЛЬТЕ И В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В степных районах Поволжья селища хвалынской культуры были заменены памятниками кочевой савроматской культуры. Переход такого рода мог совершиться лишь в условиях степного хозяйства, обеспечивавшего достаточное количество пастбищ для все возрастающих стад и в особенности табунов лошадей. Совершенно другого рода быт сложился в низовьях Дона, в непосредственной близости от его дельты и в ее

²¹ М. И. Артамонов. Раскопки кургана Е на р. Маныче, стр. 309, рис. 5, /, 5.

пределах. Болотистые берега рукавов и проливов, покрытые зарослями, не могли в достаточной мере обеспечить население кормом для скота. Здесь совершенно отсутствовали степные просторы, на базе которых и появились возможности дальнейшего перехода к кочевьям. Как раз в те времена, когда в других районах наблюдается подъем коневодства, здесь, в донской дельте, оно, повидимому, падает. Правда, в настоящее время это можно заключить только на основании материала, который дают раскопки Кобякова городища, расположенного на возвышенном правом берегу Дона, поблизости от его разветвления на отдельные рукава. Раскопки дали представление о том, что в этом сравнительно небольшом районе сложился совершенно особый вариант культуры бронзового века с высококачественной керамикой, в образовании форм которой главную роль сыграли племена позднесрубной культуры.

Раскопки Кобякова городища производились А. А. Миллером в 1924 и 1925 гг.²², когда им был вскрыт слой необыкновенной для поселений бронзового века мощности. Мощность слоя бронзового века достигает в раскопках 1924—1925 гг. 5—7 м, а площадь, вскрытая на этом уровне, равняется приблизительно 258 кв. м²³. Весь культурный слой относится к двум последовательным периодам жизни поселения, о чем можно судить по отсутствию между обоими слоями стерильной прослойки и по сходной керамике. Действительно, наблюдается постепенный переход от нижнего слоя к верхнему, а керамика является примером постепенного развития посуды в период всего существования поселения.

Мощность нижнего культурного слоя (Кобяково I) равняется 3 м, верхнего (Кобяково II)—2,5—2,7 м. Отличительный признак первого слоя — интенсивная песчанистость, представляющая собой наносы с соседних песчаных холмов²⁴. В этих песчаных наносах и находились прослойки культурного слоя, являвшегося кухонными

²² А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, I, 1926, стр. 71 и сл.

²³ Расчеты были произведены мной по плану, приведенному в СГАИМК, I, стр. 117, рис. 21.

²⁴ По А. А. Миллеру (ук. соч., стр. 140): «...Песок, как основной материал, намытый, вероятно, действием эрозии с соседних холмов».

отбросами. Повидимому, в силу каких-то новых условий, ко времени Кобякова II заносы поселения песком прекратились. Во всяком случае в верхнем слое, относящемся к этому времени, песчанность исчезает. Он сплошь состоит из весьма массивных отложений кухонных отбросов и золистей толщи, расположенной примерно на 30 см выше нижнего песчаного слоя.

Никаких остатков жилых сооружений ни в Кобякове I, ни в Кобякове II не найдено. Между площадями раскопов 1924—1925 гг. в Кобякове II была обнаружена куча камней, настолько бесформенная, что признать в ней остаток стены можно лишь предположительно и только потому, что в Приазовье ив особенности на нижнем Днепре в эпоху поздней бронзы уже существовали строения, стены которых были сложены из камней. А. А. Миллер указывает на то, что встретившийся ему в различных местах тростник в виде тлена и в обугленном виде мог принадлежать покрытиям домов. Надо полагать, что общий характер слоя, состоящего из золы и массы отбросов, и его расположение у края поселения свидетельствуют о том, что здесь находилось место свалки всякого мусора. Думаю, что этому не противоречит и тот факт, что уже некоторое время спустя, после насыпки зольника Кобякова II, выше его, на том же месте было совершено погребение, статиграфически относящееся ко времени Кобякова II. Очертания могильной ямы выяснить не удалось, но, по предположению А. А. Миллера, она имела овальную форму размером 1,2 X 0,8 м. Непосредственно над могилой лежала куча камней. Покойник был положен на левом боку в скорченном состоянии головой на восток. Одна из его рук почти касалась черепа. На черепе с обеих сторон находилось по бронзовому височному кольцу из согнутой проволоки.

Совершенно особый интерес представляют костные остатки, из которых состоит основная масса кухонных отбросов. Содержание и процентное соотношение костных остатков совершенно иные, чем в эпоху поздней бронзы Поволжья, на среднем Дону и Днепре. Громадное большинство костей принадлежит здесь рыбам, причем относительное преобладание их над другими костями в Кобякове I оказалось выше, чем в Кобякове II. Кости рыбы находились и в разрозненном виде, и

иногда целыми скелетами. Кроме рыбьих костей, в обоих слоях было найдено много рыбьей чешуи. Насколько мне известно, рыбы кости и раковины не были подвергнуты определению. Остальные кости, которых в сумме было значительно меньше, принадлежали млекопитающим и были определены В. И. Громовой. Их соотношение (в процентах) сводится к следующему:

Кобяково I (раскопки 1924 г.)	Кобяково II (раскопки 1924 г.)
Собаки. 36,5	Собаки. 27
Овцы и козы . . . 27,5	Овцы и козы . . . 34
Коровы. 12	Коровы. 15
Лошади. 12	Лошади. 7,5
Дикие животные . . 12	Дикие животные . . 16,5

В перечне костей млекопитающих прежде всего обращает на себя внимание значительный процент костей собаки. К сожалению, нам неизвестна ее порода. Неизвестно также, была ли здесь одна порода, или несколько пород, как это наблюдается в почти одновременном Кобякову Алексеевском поселении андроновской культуры. По костным остаткам диких животных мы видим, что охота играла весьма значительную роль в хозяйстве, несомненно, возросшую ко времени Кобякова II. Если в Кобякове I коровы, лошади и дикие животные в одинаковой мере составляли мясную пищу населения, то в Кобякове II дикие животные употреблялись в пищу в большем количестве, чем коровы, и в два с лишним раза больше, чем лошади. Представляется вполне естественным, что в заболоченной местности охота без охотничьих собак была бы затруднительна, а может быть, и совсем невозможна. Но даже на тех поселениях нашего Севера и средней полосы, где охота являлась главной основой хозяйства, до сих пор нигде не было встречено такого количества костных остатков собак.

На всем протяжении существования поселения овцы разводились в большом количестве. Число костных остатков мелкого рогатого скота в Кобякове I несколько меньше, чем в Кобякове II, и приблизительно равно количеству костей собаки. Остатков свиньи совсем не было обнаружено. Причины этого, может быть, являлись местные природные условия. Болотистые, покрытые порослями берега Дона, особенно у его устья, и обширные водные пространства, всегда богатые рыбой, не способствовали

полному развитию скотоводства в этих районах.

Выше мы пытались показать, что быстрое развитие в начале срубной культуры коневодства было вызвано не только потребностью в дополнительной мясной пище, но, повидимому, главным образом необходимостью создать новые средства передвижения. Возникшие в это время связи с Южным Приуральем привели к образованию путей, большей частью сухопутных, по которым могли осуществляться связи преимущественно путем конного сообщения и лишь в незначительной мере при помощи выючных животных — верблюдов. Низовья Дона не дают признаков связей с далекими андроновскими степями. Повидимому, вся потребность в металлическом сырье на Кобяковом поселении удовлетворялась или путем эксплуатации местных ресурсов, или посредством обмена с ближайшими областями Северного Кавказа.

По одному только материалу Кобякова городища можно судить о том, что слабое развитие коневодства на низовьях Дона зависело прежде всего от отсутствия потребностей в конном транспорте и необходимости в овладении степными путями. Очевидно, все внимание населения донской дельты было направлено на водные пути, связывавшие территорию Дона с Кавказом и Крымом. Признаков мотыжного земледелия на площади Кобякова городища, вскрытой раскопками А. А. Миллера, обнаружено не было. Быть может, это произошло вследствие того, что не были обследованы жилые сооружения, на полу которых обычно сохраняются обломки зернотерок. Зато обнаружены отходы бронзолитейной мастерской, состоящие из кусков шлака, руды и обломков тиглей, представляющих собой чашеобразные сосудики на довольно высоких поддонах²⁵.

Несмотря на несомненное наличие на Кобяковском поселении местного производства металлических изделий, здесь были в употреблении некоторые кремневые орудия: круглые и концевые скребки, ножи и наконечники стрел, а также и ретушеры. Обработка кремня, сланца и других пород

камня на селищах позднебронзового века известна и в других местах. При этом повсюду процент подобных находок очень невелик и по составу однообразен. К ним относятся прежде всего наконечники стрел, бывшие в употреблении наряду с костяными стрелами вплоть до железного века. Значительно реже попадаются ножевидные пластины, ножи и скребки. Но на поселениях степной полосы обработка кремневых орудий заметно подходит к концу, а в начале железного века камень, как материал, употребляется только для выделки зернотерок, курантов и других подобных предметов. В Кобяковом же городище признаки вырождения техники обработки камня заметны значительно меньше. И несмотря на то, что кремневые орудия здесь немногочисленны, формы их вполне определены, а техника выполнения все еще довольно совершенна.

К другим изделиям из камня относятся каменный молот без сверлины, предназначавшийся, вероятно, для дробления руды. Он имел типичное для этой эпохи крепление с рукоятью, для которого были сделаны овальные углубления и по обеим сторонам желоба²⁶. Кроме того, в слоях были найдены массивные грубо обработанные грузила для сетей. Эти орудия уплощенной формы имеют двусторонние выемки, а на некоторых из них были сделаны желоба для привязи их к сетям.

Перейду к рассмотрению наиболее существенной категории вещей — к керамике Кобякова городища. А. А. Миллер подразделяет ее на две основные группы, по слоям. Думаю, что нет принципиального различия между формами и орнаментом посуды обоих слоев. Даже в самых ранних слоях могли уже существовать и самые развитые формы посуды, которые А. А. Миллер выделяет как характерные для верхнего слоя. Во всяком случае, керамический материал Кобякова показывает, что в первом слое уже начали развиваться те формы посуды и украшавших ее узоров, которые мы встречаем в несколько более изощренном виде во втором слое.

Древние формы керамики срубной культуры, которые, как правило, встречаются и в поселениях хвалынского времени, имеются* в Кобяковом городище лишь в небольшом количестве; при этом в первом слое их так

²⁵ Подобные тигли были обнаружены К. В. Сальниковым в абашевском культурном слое Баланбаш близ Стерлитамака, относящемся к тому же времени. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 131 и ел., табл. XII.

²⁶ А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 128, рис. 33.

же мало, как и во втором (рис. 23, 12). Просмотр кобяковской керамической коллекции убедил меня в том, что основная форма посуды (по А. А. Миллеру, группа первая), характерная для Кобякова II (рис. 23, 3, 4) встречается в не меньшем количестве и в Кобякове I (рис. 23, 5). При учете керамики обоих слоев необходимо принимать во внимание относительное количество, а не исчислять все ее формы в абсолютных числах. Дело в том, что керамики в Кобякове I, несмотря на большую мощность слоя, найдено меньше, чем в Кобякове II. Однако это происходило не оттого, что в Кобякове I производство керамических изделий и их употребление были ниже, чем в Кобякове II. Это является следствием разных условий, при которых накапливались и залегали керамические остатки обоих слоев. Первый слой, несмотря на свою массивность, представляет в основной своей части песок лишь с прослойками культурного слоя; зольник в нем отсутствует совершенно. Второй же слой интенсивно насыщен культурными остатками и содержит в себе довольно массивный зольник. Значительное количество черепков происходит из этого зольника. Судя по раскопкам других поселений позднебронзового века, можно убедиться в том, что именно зольники дают наилучшие керамические коллекции. Таким образом, по своему характеру второй слой был именно таким, в котором, естественно, могло скопиться большое количество остатков посуды. Поэтому второй слой несколько разнообразнее и по формам сосудов и по их узору. Надо еще отметить, что крупные фрагменты посуды были встречены главным образом во втором слое, а это дает возможность легче восстановить и классифицировать формы его керамики. Все это вместе взятое, а также отсутствие принципиальной разницы между формами посуды первого и второго слоев, заставляет прежде всего обратиться к керамике второго слоя, а затем перейти к первому.

Рассмотрению керамики Кобякова городища следует предпослать ее анализ, приведенный А. А. Миллером, который в своей работе дал подробную характеристику ее основных форм. Со своей стороны, я постараюсь привести некоторые дополнения к его классификации и, что мне кажется особенно важным, сопоставить керамику Кобякова

городища с формами степной керамики, характер развития которой близок развитию посуды Кобякова городища. Керамический материал со степных поселений, который в середине 20-х годов еще не был доступен для изучения и который в настоящее время мы можем использовать для широких сравнений, свидетельствует о том, что, несмотря на все кажущиеся отличия от посуды Поволжья и Причерноморья, кобяковская посуда имеет в своем прошлом одинаковый с ним путь развития, а основные ее отличия являются лишь чисто локальными.

А. А. Миллер разделяет все формы кобяковской посуды на четыре основные группы, из которых первая характеризуется горшками относительно больших и средних размеров с более или менее отогнутой шейкой, плавно переходящей в не слишком выпуклые плечи и бока (рис. 23, 4, 6—10). По месту соединения плеч и шейки сосуды подобного рода часто бывают опоясаны наlepным валиком²⁷. Эта посуда, представляющая собой основную массу керамики, выполнена относительно небрежно. Ее узор состоит большей частью из ряда коротких отрезков или ямок (рис. 23, 6, 11, 12), расположенных по низу горла или по плечу. Ямками иногда бывает покрыта вся поверхность подобных сосудов. Большинство же горшков первой группы совершенно не было орнаментировано. Эта серия посуды является наиболее употребляемой в хозяйстве.

Вторую группу посуды А. А. Миллер называет кувшинами. Это сосуды с несколько более узкой, чаще отогнутой, реже прямой, более или менее высокой шейкой. Их корпус раздут, плечи сильно выпуклы и округлы (рис. 23, 13, 14)²⁸. Посуда подобного рода встречается значительно реже. Она приготовлена очень тщательно, поверхность ее обработана путем лощения и имеет или естественный охристый цвет, или бывает окрашена в красный или розоватый цвет. Орнамент на этих сосудах гораздо богаче, чем на сосудах первой группы (рис. 23, 15; 24, 1—3).

Третья группа представлена лишь единичными экземплярами (рис. 24, 4). Это так называемые чаши, являющиеся, в сущности, лишь разновидностью второго типа²⁹. Они

²⁷ А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 128, рис. 24.

²⁸ Там же, стр. 129, рис. 25.

²⁹ Там же, стр. 130, рис. 26.

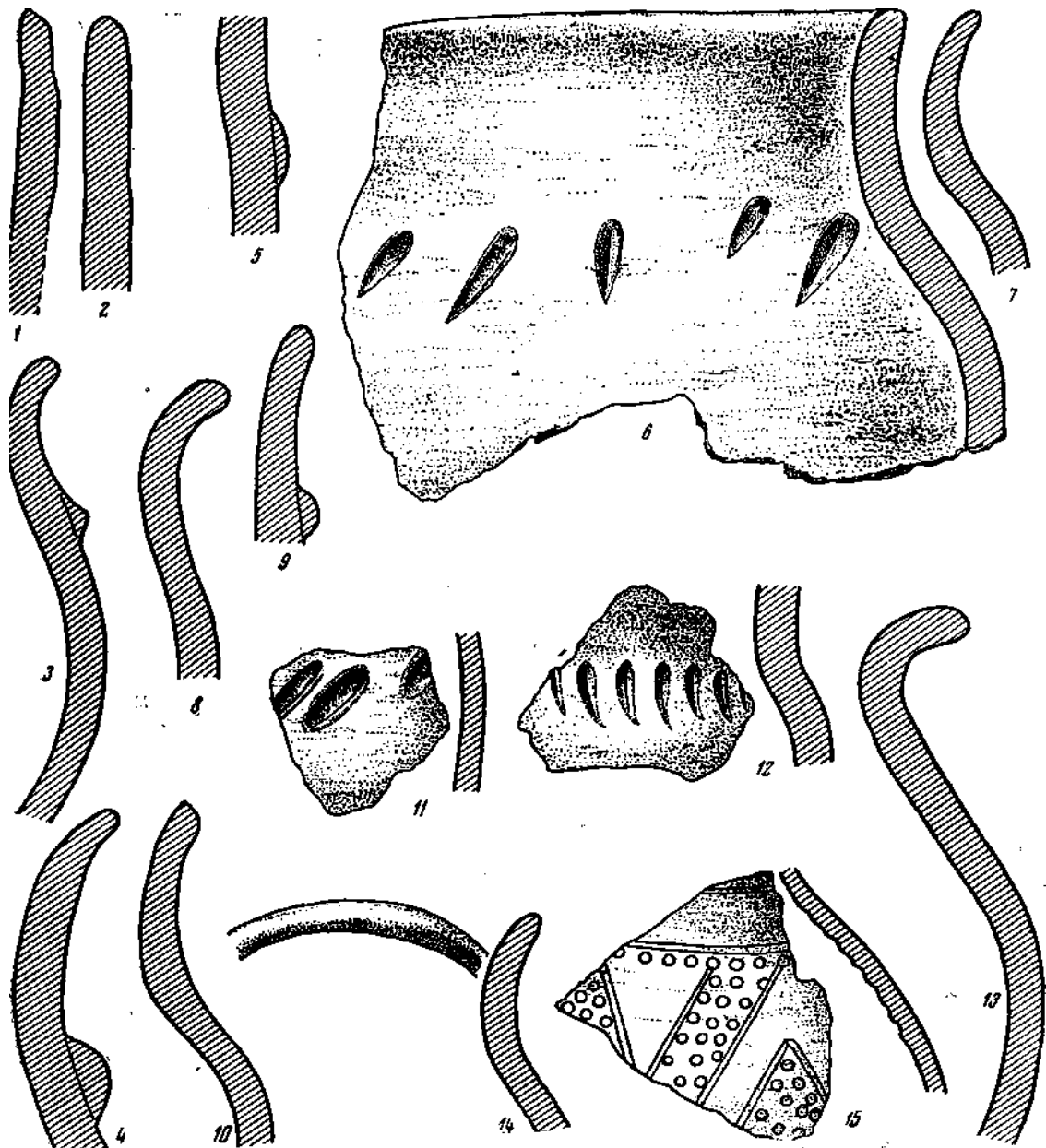

Рис. 23. Керамика с поселения Кобяково. Ок. $\frac{1}{2}$ н. в.

низки, сильно округлы в плечах и боках и тоже технически хорошо выполнены. Поверхность их покрыта лощением, а орнамент не менее богат, чем на посуде второй группы. Черное лощение можно встретить только на этих чашах.

О четвертой группе посуды можно судить только по некоторым, правда довольно крупным, фрагментам. Это, по А. А. Миллеру, «бомбообразные» сосуды с узким горлом, которые тоже имеют лощеную поверхность, покрытую богатым узором³⁰. Автор раскопок особенно подчеркивает то, что всем четырем группам сосудов свойственны различные колебания, сближающие их между собой и создающие промежуточные смежные формы посуды. Иными словами, здесь наблюдается то явление, которое прослеживается в керамике срубной культуры во всех районах ее распространения.

Среди подобных разнообразных вариантов керамических форм Кобякова II встречаются изредка еще два, сохранившиеся как реликтовые с глубокой древности. Это острореберные сосуды, которые А. А. Миллер сопоставляет с острореберными горшками посуды срубной культуры. Считаю возможным упомянуть и о втором типе посуды срубной культуры, а именно о баночных горшках, которые все еще находились в употреблении в хозяйстве Кобякова городища.

Рассмотрим теперь те сходные явления, которые сближают посуду степных районов с посудой Кобякова поселения.

Прежде всего к ним надо отнести тот общий процесс развития форм, который наблюдается тут и там и заключается в появлении в известное время все более и более усиливающейся тенденции к отгибу шейки, плавно переходящей во все более и более выпуклые плечи и бока. На примере кобяковской керамики мы видим, как в конце бронзового века сосуды с более или менее отогнутой шейкой уже доминируют над древними формами, почти совершенно вышедшими из употребления. Резкое колебание от слабо округлых плеч до очень выпуклых и от широких устьев сосудов до сильно суженных наблюдается именно здесь, и это является не столько отличительным местным признаком, сколько показателем определенной эпохи. Здесь мы имеем дело с последней

ступенью развития общих для Поволжья и Причерноморья форм керамики срубной культуры. В донской дельте постепенно уменьшается употребление острореберной и баночной посуды, что наблюдается, хотя и в меньшей мере, в хозяйстве степных поселений.

Таким образом, во всех или почти во всех типах кобяковской керамики усматривается органическая связь со степными формами посуды. Общий характер развития степной посуды проявляется в отдельных элементах: орнаментации и в наличии реликтовых форм. Простейшие элементы узоров, входившие в состав орнамента срубной культуры, и несложные способы их нанесения тоже сохраняются на протяжении всего второго периода; они известны и на керамике Кобякова городища. Примеры такой орнаментации обычно встречаются здесь на более грубой, наиболее употребительной посуде. Это ряды косо поставленных неглубоких овальных ямок (Кобяково II, рис. 23, //). Такой же, но не совсем ровный ряд клиновидных крупных ямок расположен на одном из фрагментов (рис. 23, б), происходящих из того же слоя; подобным же образом орнаментирован черепок, изображенный на рис. 23, 12. Более крупные неглубокие ямки наносились концом пальца, иногда с отпечатком ногтя (рис. 24, 5). Продолжают сохраняться нарезные зигзаги (рис. 24, 6)³¹ и простейший елочный узор (Кобяково I, зольник, рис. 24, 7)³².

Еще более роднят керамику Кобякова городища с посудой поздних степных селищ срубной культуры широко распространенные и здесь и там украшения в виде налепных валиков, обычно опоясывающих шейку сосудов в ее нижней части (рис. 23, 4, 9; 24, 8). * В одном случае в Кобякове наблюдается валик с незамкнутыми и свисающими вниз концами (рис. 24, 9).

Для третьей группы, т. е. для чаш, в степной керамике этого времени аналогий пока неизвестно. Эти сосуды, хотя и редкого употребления, являются первым отличительным признаком кобяковской керамики. Очевидно, они играли в быту ту же роль, как и хорошо выделанные чаши с ручками с Сабатиновского селища. Вторым отличием кобяковской посуды от степной керамики является то, что

³⁰ А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 132, рис. 28, 1, 2.

³¹ А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 141, рис. 36, 5

³² Там же, стр. 141, рис. 36, 1, 4.

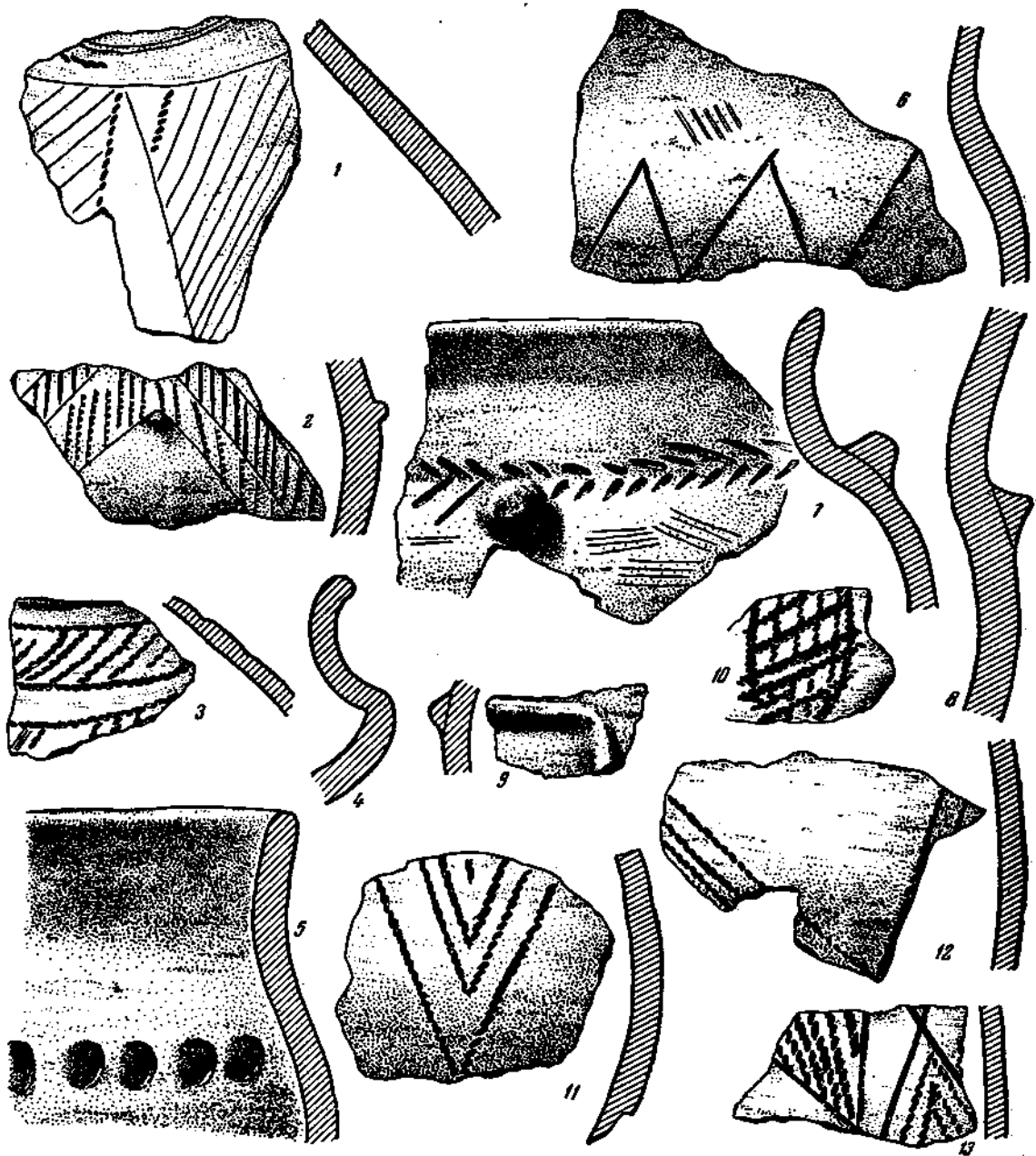

Рис. 24. Керамика с поселения Кобяково. Ок. $\frac{1}{2}$ г н. в.

поверхность многих сосудов подвергалась разного рода лощению, среди которого особенно следует отметить лощение по окрашенной поверхности.

В Кобякове II была обнаружена, — правда, лишь в небольшом количестве, — посуда, поверхность которой орнаментирована путем раскраски. Несложный узор этой посуды сводится лишь к нанесению парных полос.

Третьей отличительной особенностью кобьяковской посуды является ее богатая и необыкновенно искусно выполненная орнаментация. Она прекрасно выражена на черепках Кобякова II и хуже — на относительно небольших и малочисленных фрагментах Кобякова I. Принципы и приемы нанесения орнамента на керамике в обоих слоях сходны, но комбинация мотивов, разнообразие и сложность узоров в Кобякове II выше. Здесь довольно часто узор бывает расположен в две, а иногда и в три зоны, причем одна от другой отделяется самостоятельной орнаментальной полосой. Отдельные элементы узоров сводятся к треугольникам, часто сильно вытянутым, повернутым вершинами вниз и заштрихованным разными способами, а также к зигзагам из заштрихованных полос. Иногда узор бывает составлен из полос, заполненных мелкими ямками (рис. 23, 15), в других случаях ямки заполняют пространства между отдельными орнаментальными мотивами. Некоторые зигзаги и треугольники были окаймлены бахромкой из коротких черточек или точек.

Особенно интересен способ нанесения этих узоров, представляющий собой одну из отличительных черт кобьяковской керамики. Столь распространенный в степной полосе зубчатый штамп в Кобьяковском городище редок (рис. 24, 2). Здесь преобладают тонкий нарез и отпечатки веревки. Нанесение этих отпечатков выполнено с большой аккуратностью и тщательностью (рис. 24, 1, 3, 10, 11, 12, 13). Именно на технику нанесения веревочного узора следует обратить особое внимание.

Таким в настоящее время представляется кобьяковский вариант позднейшей срубной культуры. Кобьяково городище не является единственным поселением этой культуры в дельте Дона. А. А. Миллер указывает на наличие подобного же слоя в станице Гниловской*, где этот слой, однако, не был так широко исследован.

Т. Н. Книпович³³ сообщает о поселении типа Кобякова, существовавшем на месте * более позднего Елисаветовского греко-скифского поселения. Здесь была обнаружена керамика, совершенно подобная кобьяковской; слои, в которых она залегала, тоже состояли из сплошных костей и чешуи рыб. В обоих случаях исследование слоев кобьяковского времени затрудняют массивы культурных наслоений, оставленные более поздними поселенцами. Район донской дельты был в свое время довольно плотно заселен племенем, оставившим нам своеобразный вариант культуры поздней бронзы.

Помимо этих поселений, обнаруженных на территории донской дельты, ни к востоку, ни к западу от нее в степных низовьях Дона, несмотря на все разведки, селища, подобные Кобякову, не были встречены. Отсутствуют они и во всей прибрежной полосе Азовского моря от станицы Буденновки до Утлюгского лимана. Долгое время Кобьяково городище не связывалось ни с какими другими памятниками, что не давало возможности решить вопрос, в каких условиях развивались некоторые типы ее керамики, в особенности керамики, украшенной веревочным орнаментом.

С 1948 г. начались исследования селищ бронзового века в восточной части Крыма. Так, А. Я. Брюсовым были произведены раскопки поселения на горе Челки близ с. Шибетовки Судакского района, и в том же году начались раскопки И. Б. Зеест и И. Т. Кругликовой под Керчью, на месте древнего Киммерика. Эти первые исследования на месте Киммерика дали лишь ограниченный материал из слоя бронзового века, который состоял из кремневых орудий и из керамики, близкой к катакомбной. Однако это дало возможность судить о том, что на Керченском полуострове, как и во всем степном Крыму, в свое время бытовала катакомбная культура. Последующие работы И. Т. Кругликовой 1950³⁴ и 1951 гг. на Киммерике позволили ознакомиться с керамическими коллекциями, на основании которых можно судить и о характере этой керамики

³³ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской по находкам экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104—«Из истории Боспора», стр. 111.

³⁴ И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, ХГЛИ, 1952, стр. 108.

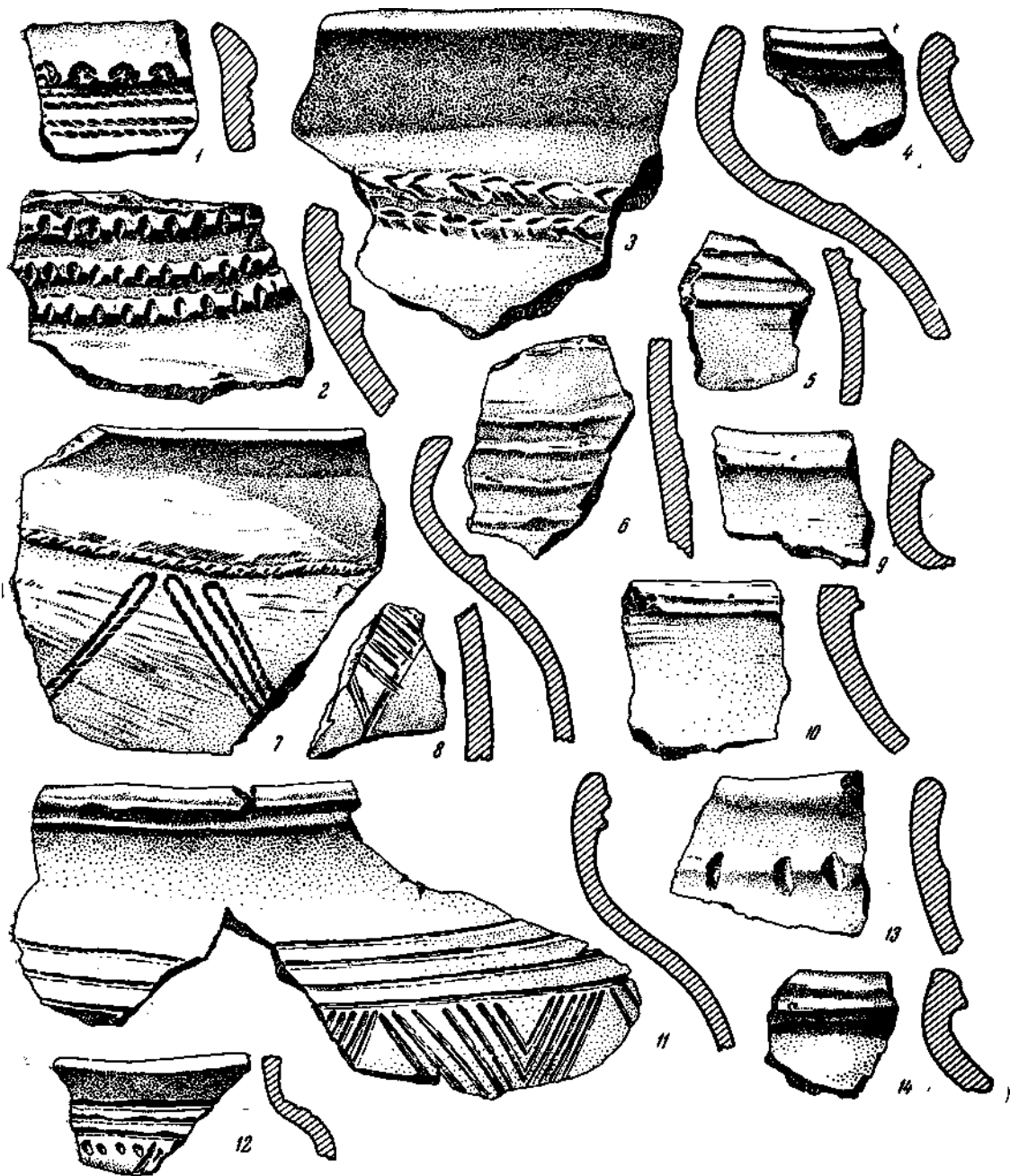

Рис. 25. Керамика с поселения Челки. Ок. V в. н. в.

и о ее месте среди других типов посуды селища. Помимо раскопок в этом пункте Киммерика (Береговой раскоп), И. Т. Кругликовой был обнаружен на восточном склоне горы Опук подобный же слой, относящийся ко второму одновременному селищу.

Рассмотрение керамики обоих поселений приводит И. Т. Кругликову к выводу, что при образовании форм керамики, помимо посуды позднесрубной культуры, значительную роль еще продолжала играть и катакомбная посуда.

Такими же признаками характеризуется и керамика, происходящая с селища на горе Челки близ Шебетовки (рис. 25), с тем лишь отличием, что элементы катакомбной керамики (рис. 25, /, 2) на ней встречаются реже. Здесь явно преобладают сосуды вполне отчетливых позднесрубных типов, находящие аналогии в керамике Поволжья второго периода. К ним относятся горшки с более или менее отогнутой шейкой, плавно переходящей в округло выпуклые плечи и бока (рис. 25, 3, 7, 11, 12), орнаментированные косыми зарубками, небрежно нанесенными ямками (рис. 25, 12, 13) и елочным орнаментом (рис. 25, 3). Преобладают неорнаментированные валики, проведенные вдоль самого края (рис. 25, 9, 10, 14). Есть случаи, когда валик бывает расположен под самым бортиком сосуда (рис. 25, 4, 9, 10—14). Встречаются фрагменты сосудов (рис. 25, 5, 6), покрытые узкими и низкими параллельными валиками, напоминающими рельефные украшения позднекатакомбной керамики, пережитком которой они, повидимому, здесь и являются. К типично срубным узорам следует отнести зигзаги и треугольники разного рода (рис. 25, 7, 8, 11, 12).

Следует отметить, что при количественном преобладании на Шебетовском селище посуды срубных типов пережитки катакомбной керамической техники иногда проявляются в способах орнаментации. Примером этого служит сосуд, изображенный на рис. 25, 7, с профилем, вполне типичным для керамики срубной культуры второго периода. Его простой узор в виде зигзагов нанесен весьма архаическим способом: вдавливанием простой веревки. Возможно, что и прием обработки его поверхности — нанесение штриховки крупнозубчатым штампом — сохранился со времен катакомбной культуры.

Таким образом, и здесь, в Шебетовке,

элементы керамики катакомбной культуры проявляются в посуде срубного типа. Именно эти условия ее развития и привели к созданию в Восточном Крыму своеобразного варианта посуды позднесрубной культуры, во многом отличающейся от аналогичной керамики степного Поволжья и Приазовья.

Основываясь на керамических данных, можно следующим образом представить смену событий в Восточном Крыму во времена бронзового века. В эпоху ранней бронзы, т. е. в первой половине II тысячелетия до н. э., степной Крым, как и всё приазовские степи, был занят населением, оставившим памятники катакомбной культуры. Вероятно, в Крыму, — и в особенности в восточной его части, — эта культура просуществовала относительно долго и исчезла лишь в связи с проникновением в районы Крыма срубной культуры. Последняя появилась в низовьях Дона и на территории Крыма только в конце второго периода и принесла с собой посуду уже вполне развитых поздних форм. Следует отметить, что в обоих селищах Киммерика и в Шебетовке древнейшие типы керамики срубной культуры, баночные и острореберные сосуды, почти не были встречены. Таким образом, первое появление племен срубной культуры в пределах Крыма должно было совершиться до возникновения селищ в Киммерике, где уже, повидимому, давно протекал процесс смешения керамики катакомбной и срубной культур. Трудно себе представить возникновение и развитие этого процесса в условиях враждебных отношений обеих этнических групп населения. Очевидно, с появлением племен срубной культуры в Крыму отношения между пришельцами и населением катакомбной культуры были относительно мирными, иначе не могло бы возникнуть смешения керамических форм разных этнических групп.

На селищах Киммерика элементы керамики катакомбной культуры выступают еще довольно отчетливо; позднее они постепенно должны были исчезнуть, уступив место посуде более развитых и удобных в хозяйстве форм. На этом основании мы вправе датировать Шебетовское селище, на котором преобладает керамика срубной культуры, более поздним временем, чем Киммерик. Такая датировка подтверждается и находками кремневых изделий. Очевидно,

здесь еще долго жили традиции хозяйства населения катакомбной культуры, сохранившего до своего конца разнообразие, прекрасно выделанные кремневые орудия. Помимо наконечников стрел, на поселениях Киммерика продолжали употребляться скребки разных форм и серпы с кремневыми вкладышами. В Шебетовке изделий из кремня мы не находим, отсутствуют там также какие бы то ни было следы их изготовления, если не считать немногих бесформенных осколков, которые едва ли можно связать с более или менее значительным производством кремневых орудий. Совершенно несомненно, что ко времени Шебетовки они перестают играть прежнюю роль в хозяйстве населения Восточного Крыма. Единственное каменное орудие, найденное на Шебетовском селище, представляет собой интерес, поскольку происхождение его связано с катакомбной культурой. Это •обушная часть сверленного полированного топора одного из катакомбных типов, сделанного из плотного мелкозернистого серого камня. В Киммерике был обнаружен второй обломок топора того же типа⁵⁵ (топор переломился на месте сверлины).

Наше знакомство с селищами Восточного Крыма, керамика которых сохраняет значительные пережитки катакомбного времени, ограничивается пока Киммериком и Шебетовкой. Но и этот материал дает возможность судить о том, что в степном Крыму развитие культур поздней бронзы в основном шло по тому же пути, что и в степных районах Донца, Приазовья и нижнего Днепра. Здесь повсеместно срубная культура, продвигаясь с Поволжья в юго-западном и южном направлениях, входила в пределы катакомбной культуры, в результате чего последняя так или иначе прекращала свое существование. В керамике отдельных районов, занятых позднесрубной культурой, наблюдаются некоторые следы керамики катакомбной культуры, правда, лишь в виде отдельных черт. Наиболее отчетливо эти следы керамики катакомбной культуры проявляются, как мы видим, в Восточном Крыму, что очевидно, было связано с поздним появлением на его территории срубной культуры и относительно высоким уровнем развития местной катакомбной культуры.

⁵⁵ И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 109, рис. 35, 12.

В результате дальнейшего развития элементы катакомбной культуры и в крымской керамике становятся лишь пережитками.

Поселением,, близким по своей керамике Шебетовке, за пределами Крыма является Кобяково городище, как его первый, так и второй слой. Почти вся посуда этого селища сохраняет профилировку позднесрубной керамики и весьма при этом сходна с шебетовской посудой. Но здесь, как в первом, так и во втором слое, профили катакомбной посуды отражаются слабо, и вообще черты катакомбной керамики проявляются лишь в технике нанесения орнамента путем вдавливания веревок. При составлении узоров традиции, выработанные во времена катакомбной культуры, уже не соблюдались. В огромном большинстве случаев веревками нанесены все те же срубные узоры в виде более или менее сложных треугольников и зигзагов. Некоторое сходство с катакомбной керамикой имеет сосуд (рис. 24,7), происходящий из зольных слоев раскопа 1925 г., и то не столько по профилю, сколько по украшениям в виде наклепных шишечек в комбинации с елочным узором.

На Кобяковом городище, особенно в его нижнем слое, было найдено небольшое количество кремневых изделий, по преимуществу скребков. И в этом отношении Кобяково селище примыкает к группе памятников Восточного Крыма, а не к степным селищам позднебронзового века.

Если принять во внимание почти полное отсутствие в слоях Кобякова селища посуды, сохранившей черты катакомбной керамики, и обилие развитых форм позднесрубной посуды, хронологически можно отнести этот памятник к более позднему времени, чем поселение близ Шебетовки.

Остается неразрешенным вопрос, когда и как поселения типа Киммерика и Шебетовки появились в Донской дельте, географически в достаточной мере удаленной от Крыма. Ограниченность материала, находящегося в данное время в нашем распоряжении, не позволяет хотя бы отчасти осветить его. Только новые разведки по восточному берегу Азовского моря помогут разяснить этот вопрос.

По наблюдениям И. Т. Кругликовой, все известные поселения этой группы были расположены поблизости от морского берега и не заходили вглубь страны.

ПОЗДНЕБРОНЗОВЫЙ ВЕК НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ И В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

§ 1. ПРОДВИЖЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ К ДНЕПРУ

Выше было высказано предположение о наиболее вероятном продвижении срубной культуры к западу через степную зону, по пути, пролегающему от Нижнего Заволжья и Дона через азовские степи к Днепру. Это продвижение, однако, не следует представлять в виде более или менее стремительного переселения племен срубной культуры, совершившегося в приазовских степях в конце II тысячелетия до н. э.; для этого у нас нет данных. Связанное с постепенным заселением Приазовья продвижение срубной культуры происходило, очевидно, в течение довольно длительного времени. Об этом свидетельствуют более или менее ранние селища срубной культуры, а также и впускные погребения в курганах, открытые близ с. Преслав разведками 1949—1951 гг.¹ Естественно, что три наиболее ранних поселения следует отнести к первоначальным этапам переселения племен срубной культуры, отодвигавших постепенно границу занятой ими территории все более и более на запад. Одно из них* находится в восточной части северного побережья Азовского моря. Оно было найдено недалеко от Буденновки близ поселка Гусельщи-

кова², другое — в устье Покосной балки, впадающей в Азовское море в 10 км к востоку от устья р. Берды. Третье поселение — на р. Куцей Бердынке, к западу от г. Осипенко. Повидимому, все три поселения относятся к началу второго периода срубной культуры, т. е. ко времени поселения у Ляпичева хутора на Дону. Во всех этих селищах, наряду с наличием посуды с налепными валиками, сохраняются баночные и острореберные сосуды, характерные для первого периода срубной культуры. Особенно это отчетливо наблюдается на Куцей Бердынке.

Значительно лучше изученные в археологическом отношении степные районы нижнего Днепра не дают, однако, представления о селищах срубной культуры, которые возникли в этих местах в начале ее появления. Зато нам известны уже довольно многочисленные поселения типа селища у Белозерского лимана. Одно из них — **Вовниги**, по высказанному в беседе со мной мнению А. В. Добровольского, можно даже выделить как наиболее раннее; однако и оно мало отличается от группы подобных поселений. Как дальше будет показано, резких отличий между материальным бытом поселения у Белозерского лимана и одновременных ему селищ Поволжья не наблюдается. Но все же ряд признаков,—пре-

¹ Экспедиция ИИМК 1949—1951 гг. под руководством Б. Н. Гракова.

² Разведки 1949 и 1951 гг. той же экспедиции.

имущественно технические приемы выделки керамики и усвоение некоторых новых форм бронзовых орудий, — указывает на то, что продвижение племен срубной культуры и первоначальное заселение района нижнего Днепра потребовало немало времени.

Все же не исключена возможность и более быстрых продвижений отдельных групп срубного населения, может быть, отдельных племен. Но подобные явления едва ли возможно проследить по археологическим данным, потому что такого рода исторические события в большинстве случаев не могли оставить какой-либо след в материальной жизни населения. Таким образом, пока нам следует ограничиться лишь общей картиной характера переселения племен срубной культуры на запад.

Еще труднее представить условия продвижения племен срубной культуры в лесостепной зоне. Выше было отмечено раннее проникновение срубной культуры с Поволжья на средний Дон, где ее самостоятельное развитие привело к возникновению своеобразного местного варианта. Не совсем ясно, как совершалось дальнейшее расселение племен на запад. Продвигалось ли при этом только население Дона, или в этом движении принимали участие и новые волны переселенцев с Поволжья? Вполне вероятно, что последние играли в нем основную роль, так как керамика харьковских и изюмских селищ скорее сходна с поволжской, чем со среднедонской. Следует отметить, что керамика, происходящая с этих селищ, относится ко второму периоду срубной культуры и что в первом периоде своего существования срубная культура вообще не проникала в бассейн Донца. Селища, подобные среднедонским, здесь совершенно отсутствуют точно так же, как и другие поселения первого периода срубной культуры.

Осевшие в донецких лесостепных районах племена срубной культуры, повидимому, скоро подверглись воздействию соседнего населения, что в известной мере отразилось на орнаментации их керамики. Появляются отдельные элементы узоров и среди них шишечки, выдавленные изнутри (рис. 20, 12—14), не встречающиеся на посуде с Волги и Дона. В настоящее время еще невозможно охарактеризовать ту культуру, которая занимала территорию, расположенную к северу или северо-западу от селищ

позднесрубной культуры верхнего Донца. Представляется вполне вероятным и естественным, что и здесь точно так же, как и на Дону и в Поволжье, племена срубной культуры проникали вглубь лесостепных районов, поддерживая длительную связь с населением этих областей.

Продвижение племен срубной культуры от Дона к западу, по направлению к Донцу и далее к Днепру, прежде всего прослеживается на материале, относящемся к погребальному ритуалу. В конце катакомбной культуры на всей территории ее распространения наблюдается резкая смена катакомбных обычаев захоронения покойников новыми погребальными обрядами, характерными для курганных могильников Поволжья. С появлением населения срубной культуры в причерноморских степях возрождается старый обычай захоронения покойников в простых ямах, почти исчезнувший в этих местах во времена перехода от ямной культуры к катакомбной.

Как уже упоминалось, переход от захоронения в простых ямах к сооружению погребальных камер в виде подбоев прослеживается на никопольских катакомбных погребениях, сопровождающихся ранней катакомбной керамикой. В противоположность этому нигде не прослеживается переход от могильного сооружения в виде катакомбы к могилам срубного времени, представляющим собой или простые ямы, или ямы, обложенные деревом и перекрытые сверху накатником. О времени распространения погребений срубной культуры между Донцом, Азовским морем и Днепром пока* еще можно говорить лишь предположительно. Повидимому, в этих районах появление населения срубной культуры произошло относительно поздно — или в самом конце первого периода срубной культуры, или, что более вероятно, в начале второго периода. Даже такие классические погребения срубной культуры, примером которых может служить одно из открытых В. А. Городцовым на территории бывш. Бахмутского уезда, содержали керамику, украшенную на лепными валиками. Это — погребение в срубе, обнаруженное под насыпью кургана 7 близ с. Камышевахи. Из 7 сосудов, расположенных и в насыпи, и над шалашом, воздвигнутым над могилой, и в самой могильной яме, два были украшены налепными

валиками: «...Два сосуда имели на шейке лепные ободки, покрытые косыми насечками, придававшими ободку форму веревочки...»³

Нельзя сомневаться в том, что все 7 сосудов относятся именно к этому погребению. В кургане было обнаружено только одно погребение, и курганная насыпь была возведена только для него.

Смена керамики катакомбной культуры баночными и острореберными сосудами, характерными для Поволжья, как мы увидим, подтверждает продвижение племен срубной культуры с Волги и Дона по направлению к Днепру.

Население позднекатакомбной культуры воспринимало формы и орнаментацию посуды срубной культуры; отсюда мы можем прийти к заключению, что продвижение новых племен и здесь не было стремительным — совершалось медленное проникновение на территорию катакомбной культуры нового, едва ли враждебного населения, однако полностью подчинившего себе старые местные формы быта.

Вспомним, что появление и развитие керамики срубной культуры хорошо прослеживается только в Поволжье. Там оно полностью связывается с развитием посуды предшествующего этапа бронзового века, а именно полтавкинской культуры. Выше неоднократно указывалось на то, что баночные и острореберные горшки восходят уже к началу полтавкинской культуры, а первые из них — к еще более отдаленному времени, т. е. к концу ямной культуры. Во всех культурах, в которых совершался переход к плоскодонной баночной посуде, ей непосредственно предшествовали баночные же горшки с уплощенным дном, связанные своим происхождением с древними яйцевидными остродонными формами. Наряду с этим могли появляться и другие параллельные формы посуды, но баночный горшок, всегда наиболее распространенный в хозяйстве, всюду развивался из яйцевидного сосуда, не имеющего или почти не имеющего плеч и шейки.

По-иному развиваются формы древней посуды в Приднепровье. Здесь впервые уплощенное дно появляется на остродонных сосудах ямной культуры с уже намечающейся шейкой и вполне определенными, хотя и не

очень выпуклыми плечами. Дальнейшее развитие плоскодонной посуды, совершившееся уже в период перехода от ямной к катакомбной культуре,⁴ пошло по линии увеличения высоты шейки и отделения ее от все более и более выпуклых плеч. Нигде первоначальные формы керамики катакомбной культуры не сопровождаются баночными горшками; они совершенно отсутствуют в посуде и более позднего времени; их нет и в керамике из погребений и с поселений катакомбной культуры.

Употребление баночных горшков как основной в хозяйстве посуды сразу широко распространилось в Приднепровье вместе с появлением в его пределах срубной культуры. Однако к этому времени здесь уже давно совершенно исчезли те формы яйцевидных горшков, которые обычно предшествуют баночной посуде. Керамический инвентарь катакомбной культуры в настоящее время хорошо изучен. Поэтому можно утверждать, что в нем совсем отсутствуют признаки, которые позволяли бы генетически связать баночную посуду срубной культуры с керамикой катакомбной культуры. И все же в настоящее время представляется возможным выделить группу сосудов, острореберных или почти острореберных, появившихся в конце развития катакомбной культуры. К ним относятся и воронежские сосуды, о которых говорилось при рассмотрении катакомбной керамики Дона. Помимо Дона, подобного рода посуда была прослежена Г. В. Подгаецким в Орловской области⁴ и на нижнем Днепре⁵. Он усматривает в ней особый вариант катакомбной керамики, находимый в периферийных районах этой культуры.

Кроме этих острореберных горшков, нам известны и другие, распространенные в центральных местах катакомбной культуры. Узор этих сосудов тоже напоминает орнаментацию срубной керамики.

Возникает вопрос, явилась ли эта посуда следствием естественного хода развития местной керамики, или ее формы и орнаментация были заимствованы у соседнего населения надвигавшейся с востока срубной культуры?

Если рассмотреть внимательно технику

³ В. А. Г о р о д ц о в. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 23.

⁴ Доклад на конференции в ИА АН УССР в январе 1940 г.

⁵ Обнаружена мной в коллекциях из раскопок на Днепрогэсе, 1929—1930 г. ИА АН УССР.

изготовления некоторых остросереберных сосудов катакомбной культуры, окажется вполне правдоподобным, что они являются результатом воздействия гончаров срубной культуры на керамическое производство населения катакомбной культуры. Примером этого может служить сосуд (рис. 2С, 9) из могильника близ селения Кичкас у Днепровских порогов⁶. Этот сосуд правильно остросереберной формы имеет шейку, резко отделяющуюся от плеч и расширяющуюся в виде раструба. Совершенно ясно, что эта форма для гончара, его слепившего, являлась новой и непривычной. Обычно остросереберные горшки, как и громадное большинство другой посуды бронзового века, лепились при помощи так называемой «ленточной техники», когда края каждой полосы последовательно накладывались друг на друга. Этот способ лепки издавна был распространен у населения как катакомбной, так и полтавкинской культур. В керамической промышленности последнего времени появились остросереберные сосуды; при формовке, ребра нижний край ленты глубоко подводился «, плотно примазывался к верхнему краю нижележащей ленты. Иногда верхняя лента налегала сверху на нижнюю/ что несколько не меняло дела, так как и в этих случаях она примазывалась довольно плотно. На некоторых остросереберных горшках ребро помещалось выше стыка лент. На горшке же из Кичкаса этот обычный способ формовки остросереберной посуды не наблюдался; очевидно* он не был известен гончару, лепившему горшок. Здесь для того, чтобы сформировать ребро, верхняя часть сосуда уже в готовом виде была приложена к нижнему краю таким образом, чтобы нигде края обеих частей не налегали друг на друга. В одних местах они были пригнаны довольно плотно, а в других оставалась щель, для устранения которой гончару пришлось наложить специальную заплатку и придать ей форму ребра. Такой способ изготовления остросереберного горшка привел к тому, что внутри его под ребром проходило бороздообразное углубление, естественно, придающее сосуду хрупкость.

Интересен способ орнаментации этого горшка. Выше ребра горшок украшен одним рядом крупных заштрихованных треугольни-

ков, т. е. совершенно так же, как это обычно бывает на подобных горшках срубной культуры. Однако выполнение узора произведено способом, чуждым срубной культуре того времени и свойственным позднекатакомбной культуре. Узор горшка рельефен и состоит из налепленных на его поверхность узких треугольников... в сечении валиков. Очевидно, элементы узора, а именно заштрихованные треугольники, были плохо усвоены гончаром, и для того, чтобы правильно налепить валики, ему пришлось предварительно прочертить на поверхности сосуда всю схему узора. И в нижней части, и по шейке этот горшок был покрыт горизонтально налепленными валиками. На некоторых из них имеются характерные для катакомбной керамики защипы, а по краю — гофрировка. Это стремление заполнить узором свободную поверхность сосуда тоже свидетельствует о том, что скупое и подчас небрежно орнаментированные сосуды срубной культуры были восприняты населением Приднепровья не сразу.

• • Влияние керамического производства населения срубной культуры на керамику катакомбной культуры можно проследить и в других случаях. Большой интерес в этом отношении представляет погребение на р. Кальмиусе с инвентарем катакомбного времени и позднекатакомбной керамикой⁷. При этом погребении находились каменный сверленный топор (рис. 26, 5) катакомбного типа с рельефным орнаментом, листовидный бронзовый нож (рис. 26, 6) и фрагменты от двух остросереберных сосудов (рис. 26, 4), покрытых узорами, напоминающими орнаментацию керамики срубной культуры. На одном из них изображены треугольники и зигзаги, на другом — ромбы. И в том и в другом случае узоры выполнены посредством вдавливания перевитой веревки, т. е. тем способом, который особенно был распространен у гончаров катакомбной культуры. Воспринятые здесь, таким образом, керамические формы и орнамент уживались со старыми техническими приемами нанесения керамических узоров и формами оружия, типичными для катакомбной культуры.

Третьим примером керамики с явными признаками влияния керамики срубной культуры являются два сосуда — баночный и

⁶ Кичкас II, погребение 6. Раскопки А. В. Добровольского, 1928 г.

⁷ Раскопки В. А. Харламова на р. Кальмиусе близ с. Каракуб. ГИМ.

острореберный, — происходящие из раскопок Е. Ф. Лагодовской. В 1946 г. на Днепровских порогах, на острове Таволжаном⁸, ею была расчищена, помимо каменных вымосток, содержащих погребения, вымостка, в центральной части которой был зарыт каменный ящик. В нем оказались жертвоприношения, совершенные в разные эпохи. Одно из них было совершено в небольшом остродонном горшочке (рис. 26, 1), типичном для ямной культуры, — слабого обжига и весьма грубой выделки. Совершенно не похожи на него ни по технике изготовления, ни по форме оба других горшка, относящихся к другой эпохе, значительно более поздней. Повидимому, эти горшочки были опущены в ящик, когда он уже был заполнен землей, а не одновременно с остродонным. Возможно, что первое жертвоприношение времен ямной культуры было потревожено последующими: остродонный горшок испорчен и находится не на дне ящика. Оба других горшка, несомненно, относятся к одному времени, о чем можно судить и по их формам и по одинаковой манере их формовки. Принадлежность их к позднему периоду катакомбной культуры бесспорна. Это то время, когда сношения и связи между племенами катакомбной и срубной культур были особенно оживленными, что столь наглядно

отражается на керамическом «производстве. Формуя первый горшок (рис. 26, 1/1), — тот, который был найден на дне каменного ящика, — гончар стремился придать ему вид баночных горшков срубной культуры, что ему,

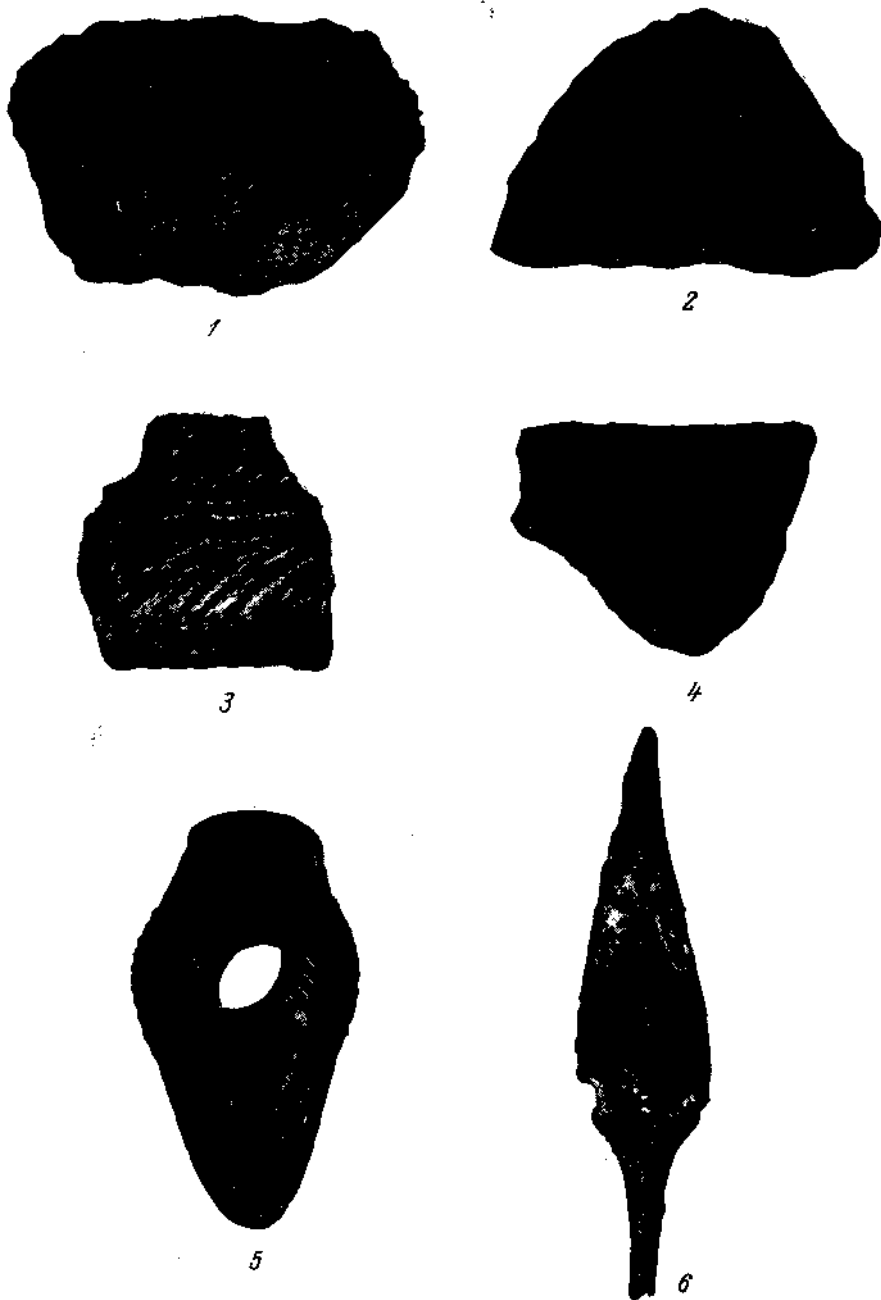
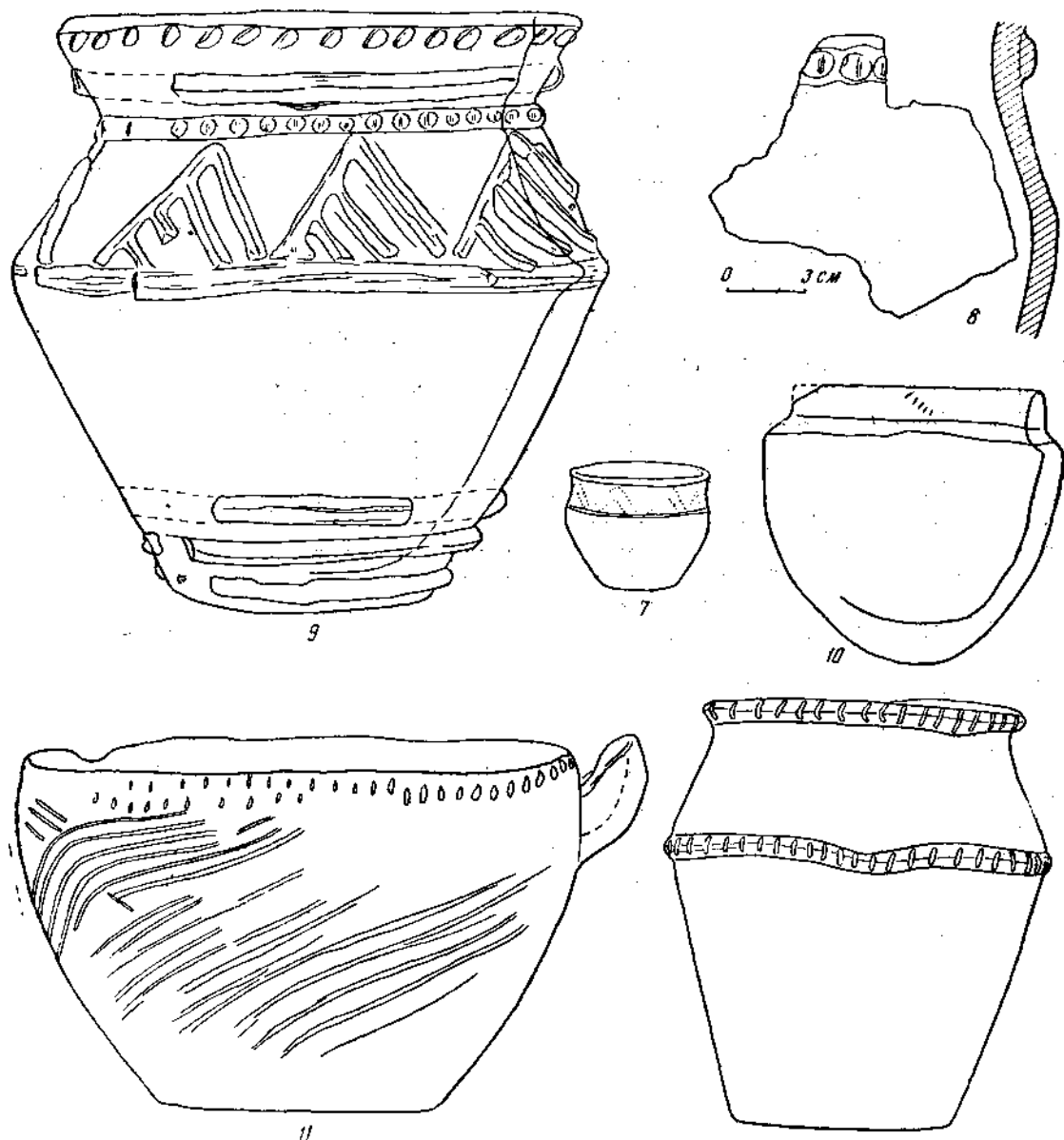

Рис. 26. Керамика, каменный топор и бронзовый нож из позднекатакомбных
1—6 — р. Кальмиус, с. Каракубы, с ' Бешево; ок. 1/4 н. в.

⁸ О. Лагодовська. Кам'яни закладки Надпорі*жжя. Археолопчш пам'ятки УРСР, т. II, Кшв, 1949, стр. 170 и ел., табл. II, рис. 3 и 5.

пожалуй, и удалось бы, если бы не приземистые пропорции, придающие горшку сходство с чашей, и небольшая ручка, форма которой продолжает жить в керамике катакомбной культуры. Орнамент — ряд ямок,

расположенный вдоль края сосуда, — тоже является подражанием несложным украшениям баночных горшков срубной культуры. Второй горшок (рис. 26, 12), происходящий из этого ящика, острореберный, довольно

погребений. Керамика из погребения срубной культуры на Нижнем Днестре.

7 и 8 — Никополь, курган 1, погребение 2 (1940 г.); 9 — нижний Днестр, Кичкас II, погребение 6; 10-12 — Днепропетровские пороги, остров Таволжаний, закладка 2. 7—сильно уменьшено; 8-12—ок. 1/2 н. в.

стройных удлиненных пропорций. Наличие ребра подчеркнуто налепным валиком с вертикальными ногтевыми зарубками.

Такого рода усвоение чуждых форм посуды и, — что особенно важно, — ее ornamentации могло произойти только в условиях медленного передвижения племен срубной культуры с востока на запад. Надо было иметь большую привычку, укоренившуюся, может быть, в течение смены ряда поколений, а возможно, и установившиеся родственные отношения, чтобы воспринять орнамент, символизирующий понятия чужих племен.

Как уже было сказано, археологическое обследование Нижнего Приднепровья, производил ось неоднократно, весьма тщательно и на значительном пространстве. Однако, несмотря на это, до сих пор еще не было обнаружено мест поселений первого периода срубной культуры. Надо думать, что это явление — не случайного порядка и что относительно поздние поселения срубной культуры появились на Днестре много времени спустя после ее рождения в пределах Поволжья. Во всяком случае те теперь уже довольно многочисленные днепровские поселения, которые нам известны, содержат керамику, украшенную налепными валиками. Теперь уже трудно рассчитывать на то, что поселения более древнего времени с керамикой более строгих архаических форм, не имеющей валиков, могут быть найдены в Приднепровье и притом в значительном количестве.

Следует отметить, что многочисленные баночные и острореберные горшки происходят из курганов, расположенных обычно неподалеку от поселений с прздней керамикой. Это и здесь объясняется тем, что для обряда погребения выбирались наиболее древние формы посуды.

Большинство этих могил относится к тому же времени, что и близлежащие поселения с валиковой керамикой. Многолетние разведки в излучине Днестра близ Никополя не обнаружили ни одного поселения первого периода срубной культуры. Зато значительное количество баночных и несколько меньшее количество острореберных сосудов происходит из курганных могильников этих мест. Интересно, что при одном впускном погребении стоял небольшой острореберный горшочек с узором, выполненным путем вдавливания простой веревки, с виду весьма архаичный (рис. 26, 7). Однако он был накрыт крышкой,

представляющей собой крупный черепок от большого очажного горшка, грубо вылепленного и по краю украшенного налепным валиком (рис. 26, 8). Это определяет дату острореберного сосуда и вместе с тем всего погребения, которое могло быть совершено не ранее конца II тысячелетия до н. э., т. е. в эпоху валиковой керамики.

Продолжу рассмотрение позднекатакомбной керамики, известной в настоящее время не только по материалу могил, но и из поселений. Приведенные примеры позволяют судить о том, что основными способами нанесения орнаментики являются нарезки, проведение более или менее широких борозд и налепные валики.

Способ нанесения налепных узоров совершенно не сходен в керамическом производстве племен срубной и катакомбной культуры и в том и другом случаях имеет разное происхождение. Пока еще не совсем ясны происхождение и развитие валиков катакомбной посуды; можно лишь сказать с уверенностью, что они возникли и развились независимо от валиковых украшений сосудов срубной культуры. Также не подлежит сомнению, что ко времени появления срубной культуры на нижнем Днестре катакомбные налепные узоры уже прошли довольно значительный путь своего развития.

При рассмотрении смены керамических форм бронзового века на нижнем Днестре следует учитывать, что по своему происхождению, по форме и характеру прикрепления валиков к стенкам сосуда срубной-культуры совершенно не похожи на катакомбную посуду с рельефными украшениями. Сравнение обоих способов ornamentации приводит к следующим заключениям. — Во-первых, валики катакомбной керамики уже и более уплощены; во-вторых, значение их в ornamentации совершенно другое. В то время как более или менее массивные валики горшков срубной культуры в громадном большинстве случаев не составляют сложного орнамента, а опоясывают в один ряд шейку или плечико сосуда, из валиков катакомбной керамики составляется довольно сложный узор, которым иногда бывает покрыта вся поверхность сосуда. Мы видим ряды валиков, опоясывающих высокие стенки горшков, елочный орнамент, выполненный тонкими валиками, заштрихованные треугольники (подражание орнаментальным мотивам срубной керамики) и, —

что особенно характерно для изощренной керамической техники гончаров катакомбной культуры,— имитацию штриховки зубчатым штампом по внешней поверхности горла. Как мы отмечали выше, в керамике срубной культуры валики или совсем не украшались, или по ним наносились косые зарубки, иногда косые же вдавления зубчатого штампа, реже — узор в елку или в клетку. Валики катакомбной посуды в одинаковой мере встречаются неорнаментированные или густо и тщательно покрытые вдавлениями пальцев при обязательном отпечатке ногтей; в результате получается впечатление, что весь валик представляет собой ряд прилегающих друг к другу маленьких, четырехгранных, низких пирамидок.

Последней "особенностью валиковой керамики катакомбной культуры является свойство техники ее производства. Здесь обычно валики наклеивались очень непрочны. Они легко отваливаются, и под ними обнаруживается поверхность, в достаточной мере прокаленная; значит, к моменту обжига валик держался неплотно, и между ним и поверхностью сосуда находилось свободное пространство. Валики горшков срубной культуры крепко примазаны, составляют со стенкой сосуда единое целое и очень редко отваливаются. По этим основным признакам почти всегда можно отличить валиковую керамику этих двух различных периодов. Сложный и кропотливый способ выделки катакомбной валиковой керамики исчез или почти исчез с появлением посуды срубной культуры. Позднее он встречается лишь в отдельных, редких случаях и то в сильно измененном виде. Явления подобного рода в Северо-западном Причерноморье могут быть объяснены только как пережитки предшествующей культуры. Смена форм и приемов изготовления глиняной посуды была связана не с развитием местной техники керамического производства, а с появлением нового населения, с новыми, более совершенными формами материального быта.

§ 2. ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ. БЕЛОЗЕРСКИЙ ЭТАП

В срубной культуре Поволжья, как было показано в первой главе, четко выделяются ее ранний вариант и, повидимому, более длительный поздний. Мы не можем пока подверг-

нуть подробному хронологическому расчленению второй, хвалынский период срубной культуры Поволжья. Возможно, отчасти это происходит от недостаточных исследований поселений, относящихся к позднему бронзовому веку. В противоположность этому большинство известных аналогичных памятников в Нижнем Приднепровье и в Побужье подверглось значительным раскопкам. На основании этих исследований, большая часть которых принадлежит А. В. Добровольскому, в настоящее время есть полная возможность подразделить весь поздний бронзовый век Приднепровья на две группы памятников, последовательно сменявших друг друга.

Старшая из этих двух групп, особенно в ее керамическом материале, имеет ряд архаических черт, связывающих ее по происхождению со срубной культурой; с другой стороны, старшей группе присуще множество черт, аналогичных тем чертам, которые характерны для памятников хвалынского периода Поволжья. Это сходство прежде всего определяется их единым происхождением от ранней срубной культуры. Младшая группа памятников Приднепровья сохраняет лишь слабые черты этого архаического времени. Ее керамика становится все менее похожей на хвалынскую керамику Поволжья. Обособленный путь развития, наблюдавшийся в более позднее время, приводит к выработке других керамических форм и оригинальной орнаментики, свойственной только Северо-западному Причерноморью.

К старшей группе поселений относится ряд культурных наслоений, большинство которых было исследовано А. В. Добровольским⁹ в пределах порожиистой части Днепра. Им же выделена эта группа и отнесена ко времени, предшествующему такого рода памятникам, как Сабатиновка, Волошское и Змиевка. В результате тщательного изучения всего материала, в особенности керамического, а также после проведения в 1947 г. раскопок в Каменке-Днепровской на Белозерском лимане, я не могу не согласиться с хронологией днепровских поселений, предложенной А. В. Добровольским. Все ее основания постараюсь подкрепить анализом

⁹ А. В. Добровольский. Матер! а ли' до археолопчно! карти Дншровского надпор!жжя в межах Запор!зької області, «Археолопя», VII, Київ, 1952, стр. 83.

керамики, происходящей с селищ этого времени.

Весь первый период развития позднебронзового века в Северо-западном Причерноморье можно назвать белозерским, а следующий за ним — сабастиновским, сообразуясь с наибольшей изученностью этих двух селищ, подвергшихся ко времени написания этой работы значительным раскопкам.

Культурные слои, относящиеся к ранней, белозерской группе поселений и вместе с тем наиболее из них значительные, расположены в следующих местах.

Самое древнее из всей группы поселение находится на Виноградном острове; следующие, более или менее одновременные, расположены у сел. Вовниги, близ Божкова хутора, около Донской балки и на острове Хортице. С острова Хортицы происходит курганный погребение с керамикой позднебронзового века, в число которой входит горшок ла поддоне. Вполне возможно, что погребение это относится ко времени поселения.

Наиболее детальному изучению мной было подвергнуто поселение, расположенное на северном берегу Белозерского лимана, в сел. Каменке-Днепровской Запорожской области¹⁰. Здесь в 1947 г. в саду усадьбы дома № 54 по улице Дзержинского была раскопана площадь размерами около 400 кв. м, на которой обнаружены остатки большой полуземлянки. О том, что нижняя часть этого помещения действительно была выкопана в земле, свидетельствует ряд несомненных фактов. Помимо того, что в профилях раскопов углубление землянки было заметно — совершенно отчетливо, — хотя во многих местах ее дно и стенки оказались разрушенными, — существенны и другие признаки, позволявшие судить о том, что пол помещения был расположен ниже древнего горизонта. У стенок в разных местах в неразрушенном виде сохранились ведущие вниз уступы, а четыре очага жилища были расположены на разных уровнях: из них два находились на полу землянки, в наиболее углубленной части, один — на уступе и один — на древнем горизонте, вне углубления землянки, недалеко от ее края. Такого рода устройство помещений нисколько не противоречит тому,

что наблюдается в ту же эпоху в аналогичных поселениях на Дону, в Поволжье и далее к востоку в памятниках Южного Приуралья.

Едва ли можно согласиться с А. В. Добровольским, полагающим, что для позднебронзового века Днепра и Буга характерны постройки исключительно наземные. Действительно, им были неоднократно обнаружены круглые и прямоугольные сооружения, стены которых были построены из камней¹¹. Тщательность раскопок и наблюдательность исследователя дали ему возможность хорошо выяснить способы возведения этих стен. Так, на поселении близ Божкова хутора им были обнаружены остатки сооружений с каменными стенами. Нижняя часть каждой стены, собственно фундамент, была сложена целиком из камня. На ней возводилась глинобитная стена с отдельными включениями камней. Остатки подобных построек были найдены и в других поселениях старшей группы памятников, причем некоторые из построек оказались круглыми в плане, другие — прямоугольными. Никаких землянок в этих поселениях ни А. В. Добровольским, ни другими исследователями обнаружено не было. Однако окончательной уверенности в том, что они там отсутствуют, у меня нет.

Сочетание землянок с наземными постройками имеет место на скифских поселениях, расположенных в тех же районах. В течение ряда лет раскопками на Каменском городище обнаруживались следы наземных сооружений, основания которых были укреплены в хорошо сохранившихся канавках, а в 1940 и 1949 гг. поблизости от них были найдены остатки больших землянок, может быть, представлявших собой более теплые зимние помещения, одновременные наземным¹². То же известно и на р. Суле, на Басовском городище Полтавской области (раскопки В. А. Ильинской)¹³.

Таким образом, жилые сооружения подобного рода, несомненно, свойственны городищам скифского времени. Наличие же зем-

¹¹ А. Добровольский. Кам'яни спорудження в Надпоріжжї. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 200 и сл.

¹² Б. Н. Граков. Каменское городище. МИА, № 36, М., 1954, глава II, стр. 60 и сл.

¹³ В. А. Ильинская. Доклад о Басовском городище (на заседании сектора скифо-сарматской археологии Института истории материальной культуры Академии Наук СССР в марте 1948 г.).

¹⁰ Более подробное изложение см. О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 76 и сл.

лянок в скифское время заставляет предполагать их и в предшествующем бронзовом веке, культуры которого генетически были связаны со скифской.

Изучение керамики с селища на Белозерском лимане дает возможность определить форму и орнаментацию сосудов и выделить все или почти все характерные особенности посуды старшей, белозерской группы поселений на Днестре.

Посуда поселения у Белозерского лимана еще очень тесно связана с формами посуды срубной культуры, с баночными и остроереберными горшками и их различными вариантами, из которых развились более поздние формы посуды степного бронзового века. Один баночный очень грубо сформованный горшок (рис. 27, 7) свидетельствует о том, что такого рода посуда в почти неизменном виде еще продолжала употребляться в белозерском хозяйстве. Фрагменты орнаментированных остроереберных горшков встречаются относительно редко на селищах срубной культуры. На Белозерском лимане был найден только один черепок (рис. 27, 7) от горшка со слабо выраженным ребром и древним орнаментом в виде заштрихованных треугольников, нанесенных зубчатым штампом. Орнамента подобного рода единицами еще сохраняется на керамике этого селища. Есть даже черепки, узоры которых были выполнены весьма архаичским способом — путем вдавления простой веревки. Ряды косых вдавлений, т. е. обычное украшение простых баночных сосудов первого периода срубной культуры, тоже встречаются на черепках этого селища (рис. 27, 8). Кроме признаков, несомненно указывающих на родственную связь белозерской керамики с керамикой срубной культуры, со времен ранней бронзы сохранились некоторые технические приемы обработки поверхности — сглаживание <поверхностей зубчатым штампом (рис. 27, 4, 12, 13).

Таким образом, мы видим, что здесь, на Белозерском лимане, так же как и на других подобных ему поселениях на Днестре, еще были живы традиции, установленные гончарами срубной культуры. Проявляются они совершенно таким же образом, как и в хвалынских селищах Поволжья. Формы посуды и ее орнаментация появлялись и сменяли друг друга с одинаковой последовательностью как на Днестре, так и в Поволжье и,

повидимому, на всем пространстве между ними. Это может быть объяснено и несомненными межплеменными связями, и, — вероятно, в большей мере — родством всего степного населения срубного времени. Вследствие этого керамика, происходящая с селища Грачевского сада и из Ивановки, и своеобразная по формам и орнаментике посуда Кобякова городища, описанная выше, и керамика Нижнего Приднепровья содержат несомненные признаки, свидетельствующие об их общем происхождении.

Остановлюсь на том, в какой форме эти признаки выражаются в керамике Белозерского лимана. В первой главе, при описании формирования керамики хвалынского периода, были приведены все те новые формы профилей и орнамента посуды, которые в целом настолько изменили общий облик керамики срубной культуры этого времени, что, основываясь почти исключительно на анализе форм посуды, можно говорить о появлении нового этапа в культурном развитии племен Поволжья. К ним относится тенденция придавать плечикам и бокам сосудов все большую и большую выпуклость, а не отделенную от плеч шейку несколько отгибать наружу. Иногда это приводит к появлению посуды с относительно узким горлом и сильно выпуклым, почти шарообразным корпусом. Формовка дна неизменно остается прежней, но в редких случаях появляются поддоны, всегда встречающиеся единицами в больших керамических коллекциях, относящихся к этому времени.

Последним и наиболее существенным отличительным признаком керамики хвалынского периода в Поволжье является новый способ орнаментации налепными валиками, опоясывающими обычно сосуды в нижней части шейки. Почти всегда концы этих валиков замкнуты, и лишь в редких случаях они не сходятся и спускаются вниз.

Значительная часть керамики Белозерского лимана сформована таким же образом. Здесь, как и в Поволжье, встречаются аналогичные формы посуды и ее украшения в виде валиков, или не покрытых узором, или с косыми зарубками (рис. 27, 2, 3), зигзагами, с узором в косую клетку. На некоторых сосудах Белозерского лимана были встречены валики с незамкнутыми и спускающимися вниз концами, то загнутыми в разные стороны, то направленными вкось под

острым углом (рис. 27, 4, 5, 9). Украшения такого рода на нижнем Днестре характерны именно для производства посуды селищ белозерского типа. Несколько выше исследованного нами в 1947 г. поселения по Белозерскому лиману, почти перед впадением в него р. Белозерки, летом 1952 г. было обнаружено еще одно поселение, несомненно, того же времени. Среди керамики есть фрагменты острорезберных и баночных сосудов. На одном из черепков имеется незамкнутый валик со свисающим и направленным вкось концом.

Все характерные признаки поздней профилировки посуды встречаются на первом из этих двух селищ постоянно. Мы видим и отогнутые шейки (рис. 27, 8, 13), края которых, как и у хвалынской посуды, иногда заострены и снабжены бортиками (рис. 27, 5), и выпуклые округлые бока и плечи (рис. 27, 70—13), и даже узкогорлые сосуды. Здесь, на Белозерском лимане, были найдены особые варианты баночных сосудов, встречающиеся очень редко и только в слоях поздней бронзы: это овальные миски с почти прямыми, невысокими стенками. Подобные им миски входят в состав керамики зливкинского культурного слоя, близ сел. Хайлрвщины, Изюмского района¹⁴. В Поволжье хвалынского периода такой же овальный сосуд был найден на селище близ Грачевского сада на р. Самарке¹⁵. Таким образом, следует полагать, что эти овальные сосуды, вопреки ранее высказанному мною мнению о том, что они могут являться специфической особенностью днепровской поздней бронзы¹⁶, тоже представляют собой общее явление для эпохи развития бронзового века на обширной степной территории.

На Белозерском лимане, так же как и на других днепровских селищах этого времени, до сих пор еще не было найдено сосудов с характерным полым внутри поддоном. Оба поддона, происходящие с Белозерского лимана, оказались массивными и, вероятно, принадлежали каким-то не совсем обычным толстостенным сосудам. Однако сосуды на поддонах, происходящие из погребений, известны и в Нижнем Приднепровье. Один из них был обнаружен на острове Хортице в погребении 1, относящемся, повидимому, ко

времени, близкому селищам белозерского типа¹⁷. Такой же сосуд происходит из позднесрубного слоя сада Шевченко в Днепропетровске¹⁸.

Чем же отличается посуда Приднепровья от другой керамики этого времени, в частности от хвалынской посуды Поволжья, с которой ее приходится особенно часто сопоставлять? Даже самый поверхностный обзор белозерской керамики создает впечатление, что здесь гончарное искусство отличалось от хвалынского в значительной мере. Основное отличие заключается не столько в формах сосудов и их узорах, сколько в технике изготовления. Так, например, штриховатость поверхностей, наблюдающаяся здесь на многих черепках, имеет совершенно особый характер. Штамп, которым она наносилась, обладал частыми, тонкими и острыми зубцами, создававшими довольно глубокие и узкие борозды на поверхности сосудов. Надо заметить, что в хвалынской керамике, сохранившейся значительно больше архаических черт, чем керамика на Днестре, штриховка на поверхности сосудов почти исчезает, а если и сохраняется, то в совершенно другом виде: почти всегда — это небрежное заглаживание поверхности штампом с широкими и тупыми зубцами.

Другой отличительной особенностью днепровской посуды является степень ее обжига, которая на Днестре выше, чем в Поволжье, по крайней мере у некоторой части посуды. Вообще здесь посуда формовалась тщательнее и подвергалась значительно большей внешней обработке, чем это наблюдается у гончаров племен хвалынской культуры.

Старшая группа поселений белозерского типа хорошо известна в настоящее время в Приднепровье и весьма плохо изучена на Нижнем Буге и Днестре, где пока обнаружены главным образом поселения позднего сабакинского типа. Из памятников, исследованных в районе порожиистой части Днестра, судя по керамике, особенно близко Белозерскому селищу у Бобкова хутора, на правом берегу Днестра. Среди многочисленных признаков, сближающих посуду этих двух селищ, особенно выделяются украшения в виде налепных валиков со свисающими вниз концами.

Ни на одном поселении этого времени,

¹⁴ Раскопки В. А. Городцова 1901 г. ГИМ.

¹⁵ Сборы В. П. Мизиновой и А. А. Марушенко в 1922—1927 гг.

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане, стр. 84.

¹⁷ Коллекции находятся в фондах ИА АН УССР.

¹⁸ Коллекции хранятся там же.

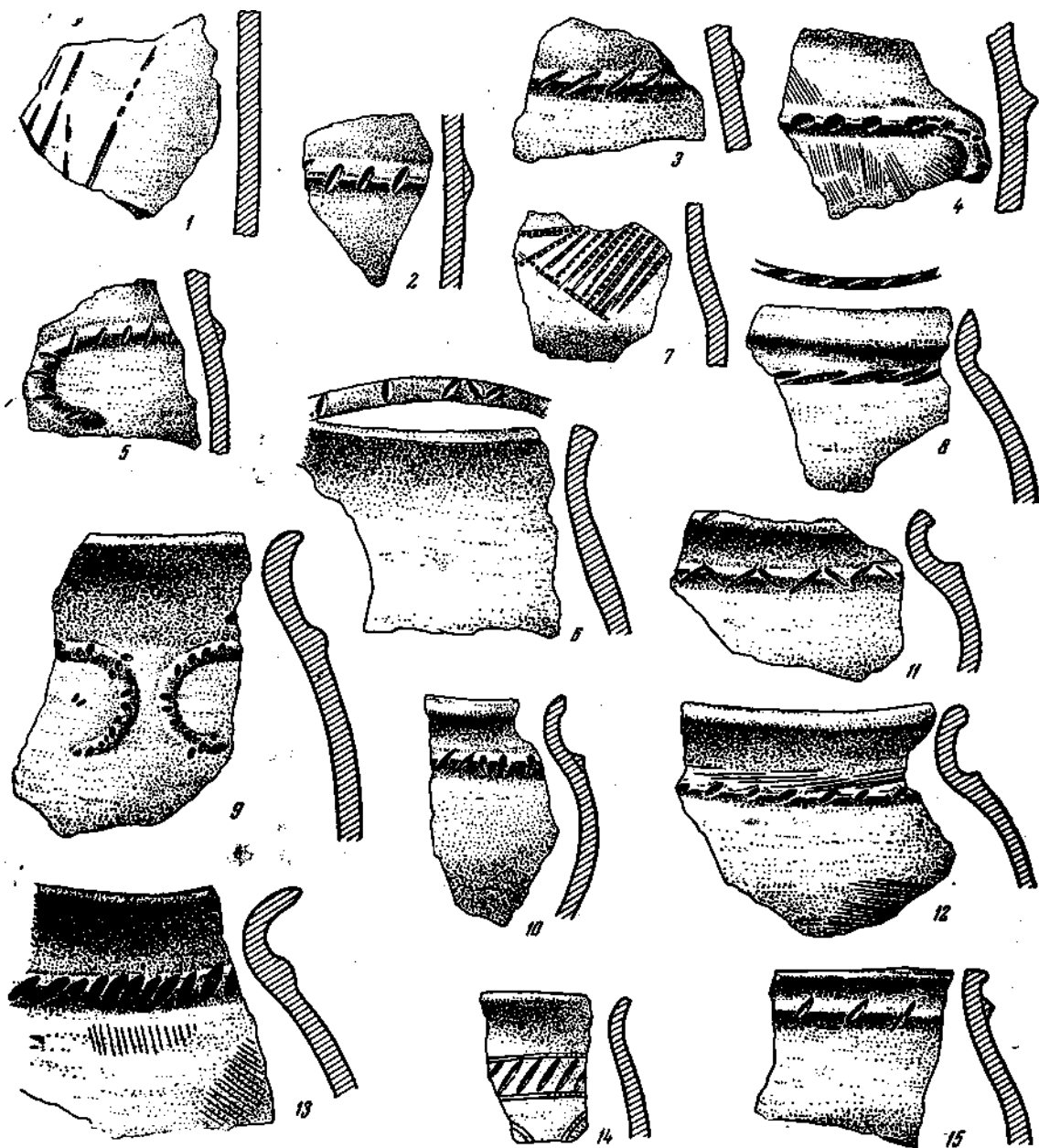

Рис. 27. Керамика с поселения на Белозерском лимане. Ок. «/в» «-»

кроме Белозерского лимана, пока не было найдено лощеной керамики, характерной для культурных слоев поселений младшей группы. И на Белозерском лимане эта посуда представлена только одним черепком (рис. 27, 14) от сосуда чашеобразной формы. Весьма вероятно, что он был близок сосудам с округлой выпуклостью внутри дна из Сабатиновского поселения, но сближать его с сосудами, снабженными ручками с вертикальными выступами наверху, считаю пока еще преждевременным. Этот черепок относится еще к бронзовому веку, несмотря на наличие на этом месте слоя более поздней скифской культуры. Стратиграфически этот слой не всюду хорошо отделяется от слоя поздней бронзы, так как оба они впоследствии были перерыты ямами от плодовых деревьев. Однако по всем признакам, скифское селище здесь существовало только в IV—III вв. до н. э., а, как известно, черная лощеная посуда подобного рода в начале V в. до н. э. совершенно выходит из употребления. Таким образом, интересующий нас сосуд может относиться только ко времени поселения бронзового века. Повидимому, именно в эту эпоху, предшествующую предскифской, впервые появляется посуда с темной, почти черной лощеной поверхностью. Широкое употребление этой посуды в скифское время падает на VII—VI вв. до н. э., из чего следует* что эпоха ее интенсивного развития относится к VII в. до н. э. В селищах сабатановской группы, на северо-западных окраинах их распространения черная лощеная посуда уже имеет ряд вполне сложившихся форм. Начало же ее развития, судя по материалу селища на Белозерском лимане, относится ко времени группы памятников белозерского типа.

В абсолютных датах селища на Белозерском лимане можно отнести или к самому концу II тысячелетия, или к началу I тысячелетия до н. э. Начало того периода, в котором протекает на Днестре развитие культуры белозерского типа, относится приблизительно к XI в. до н. э., конец ее — к X в. или, может быть, к началу IX в. до н. э. Позднее его отнести невозможно, так как между ним и началом скифской культуры в степях Северо-западного Причерноморья были поселения сабатиновского типа.

Таким образом, изучение памятников белозерского времени приводит к следующему

основному выводу. В Приднепровье появление этих памятников в основном было связано с продвижением с северо-востока племен — носителей уже вполне сложившейся к тому времени срубной культуры. Можно предполагать, что они достигли Днестра не ранее XII в. до н. э., так как здесь нет поселений с керамикой без налепных валиков, характерной для первого периода срубной культуры.

§ 3. ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. САБАТИНОВСКИЙ ЭТАП

Поздняя группа поселений представлена большим количеством хорошо сохранившихся и лучше исследованных памятников. Из них четыре поселения были хорошо изучены еще в начале 30-х годов, исследование же других 8 поселений падает преимущественно на вторую половину 40-х годов. К числу первых относится поселение, остатки которого были обнаружены на территории г. Николаева, в Диком саду. Небольшая коллекция весьма характерной керамики, собранная на этом месте, хранится в Николаевском музее. Там же был найден большой клепаный котел, несомненно, представляющий с керамикой один комплекс.

Несколько выше по Бугу, недалеко от г. Первомайска, в 1933 г. Е. Ф. Лаговойской было исследовано селище, в котором, кроме керамики, были найдены кости домашних животных, инструменты для обработки кожи («тупики»), сделанные из больших челюстей, бронзовый удильный крючок, обломок тигля и остатки шлаков. С низовьев Днестра происходит прекрасная мастерская бронзолитейщика, найденная на месте поселения этого времени при рытье силосной ямы в колхозе «Красный маяк». Недалеко от Одессы, на месте Усатовского поселения позднеприпольской культуры, но немного в стороне от слоя этого времени, еще в 20-х годах раскопками М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лаговойской был обнаружен более поздний слой, относящийся к той же второй группе с^лищ поздней бронзы Причерноморья. Об этом свидетельствуют не только все особенности его керамики, но и костяной псалий от бронзовых удил, вероятно, подобных тем, которые были найдены в кургане близ с. Камышевахы.

Из поселений, исследованных во вторую половину 40-х годов, следующие, несомненно,

принадлежат к тому же позднему времени. На территории Одессы, в Аркадии, при постройке дома Н. И. Раевским был обнаружен слой и собраны черепки посуды, которые А. В. Добровольский справедливо относит к самому позднему времени развития керамики бронзового века. В 1947 и 1948 гг. на нижнем Буге, в непосредственной близости от с. Сабатиновки, А. В. Добровольским были произведены раскопки селища, большой керамический материал которого дает возможность ознакомиться со всеми особенностями гончарного производства этого периода. Немного выше по реке находится второе такое же поселение, расположенное близ Червонного озера. Настоящим исследованием оно не подвергалось, но «здесь в 1939 г. было обнаружено несколько сосудов, стоящих по кругу. Теперь о них можно судить только по рисунку, сохранившемуся у А. В. Добровольского; он дает возможность составить представление о целых сосудах, до сих пор не обнаруженных на поселениях этого времени.

Изучение подобных поселений, относящихся к поздней группе, по нижнему течению Днепра началось с 1939 г., когда А. В. Бодянским производились раскопки поселения и принадлежавшего ему курганного могильника у с. Волошского, Днепропетровской области. Эти памятники расположены на надпойменной террасе, на правом берегу Днепра. Здесь была найдена мастерская металлурга-литейщика, состоящая из 70 матриц, предназначенных для отливки различных бронзовых предметов, преимущественно оружия. Почти все эти вещи, представлявшие собой исключительную научную ценность, погибли. А. В. Бодянскому удалось спасти лишь 16 матриц. Основные типы керамики с Волошского селища совершенно совпадают с сабаатиновскими. Подобные же поселения были обнаружены и раскопаны в 1946 г. А. В. Добровольским на Днепровских порогах, на Звонецкой балке и В. Н. Даниленко — там же, у с. Канцеровки. Кроме того, на низовьях Днепра известно селище того же времени близ Ново-Александровки. Сборами на дюнах у Ямбурга среди керамики других времен были обнаружены черепки, происходящие из культурного слоя того же сабаатиновского времени.

Жилища младшей группы поселений, судя по раскопкам на Волошском и Сабатинов-

ском селищах, представляли собой небольшие строения, правильно прямоугольные или в виде прямоугольника с закругленными углами. Лишь одно из жилищ в Сабатиновке оказалось довольно больших размеров. Фундамент этих сооружений, как и в поселениях старшей группы, был сложен из камней, а возведенные на нем глиняные стены тоже имели вкрапления отдельных камней. Нередки постройки с глинобитными полами; в Сабатиновке, в одном из жилищ, такой пол оказался обожженным. Очагов, сложенных из камня или из глины, в этих постройках не сохранилось; лишь в одном помещении в Сабатиновке, на глиняном полу были обнаружены следы прокаленного[™], свидетельствующие о том, что на этом месте находилась очаг.

Конечно, этого материала недостаточно для того, чтобы восстановить картину общественного уклада, который существовал у обитателей поселений. Все же по наличию небольших строений, предназначенных служить жилищами человеку, можно судить о том, что со времени больших жилищ — полуземлянок размеры семей, как и их состав, могли измениться. Повидимому, здесь мы встречаемся уже с выделением небольших семей, для которых и строились эти помещения.

Остается открытым вопрос: могли ли и здесь, наряду с наземными постройками, существовать и большие зимние помещения в виде землянок или полуземлянок? На этот вопрос смогут дать ответ только раскопки значительной, — может быть, большей, — части отдельных селищ. Основываясь на том, что подобные строения известны в других культурах степной поздней бронзы, а также на селищах скифского времени Украины, в частности Побужья, считаю, возможным предполагать, что и здесь, на селищах сабаатиновского типа, зимние помещения для их утепления могли углубляться в землю. В таком случае не исключена возможность того, что в летний период обитатели больших землянок разбивались на отдельные небольшие родственные семьи, которые зимнее время проводили вместе в утепленных больших помещениях. Раскопки будущего покажут, справедливо ли такое предположение для позднебронзового века Причерноморья.

Отсутствие в постройках сабаатиновского типа настоящих очагов, столь обычных во

всех жилищ этого времени, может быть, является признаком того, что наземные сооружения служили только летним жилищем. То же наблюдается иногда в скифских наземных постройках на Каменском городище, где были обнаружены только следы костров, и то далеко не во всех помещениях. Вполне вероятно, что со временем будут найдены и настоящие летние очаги, расположенные вне жилищ, как на поселениях андроновской культуры.

Основным источником, позволяющим выделить вторую группу поселений бронзового века в Северо-западном Причерноморье, как обычно, является керамика, прекрасно представленная коллекцией, происходящей с Сабатиновского селища. Вся остальная посуда, найденная на других памятниках этого времени, повторяет сабатиновские формы посуды, технику ее изготовления и узоры, которыми она была украшена. Кроме сабатиновской, как это уже было сказано, мы имеем еще одну большую коллекцию, происходящую из раскопок Волошского селища. Посуда этого поселения полностью совпадает с сабатиновской, что дает повод предполагать совершенно одинаковый ход развития культуры на всем пространстве между Нижним Бугом и Нижним Днепром. Коллекции с других селищ, правда, гораздо более бедные, тоже подтверждают это положение.

Несмотря на все своеобразие, керамика поселений Сабатиновской группы сохранила множество черт, роднящих ее не только с предшествующей керамикой из поселений Белозерской группы, но и с посудой срубной культуры, с которой она, несомненно, в основном была связана своим происхождением. Здесь как нельзя лучше проявляется та традиционность, которая свойственна гончарному делу первобытного общества. Какие архаические черты керамики срубной культуры сохранились в посуде Сабатиновского поселения и других, подобных ему поселений?

Еще продолжают употребляться в почти неизменном виде горшки баночной формы (рис. 28, 5), с совершенно прямыми или слегка закругленными стенками, по большей части неорнаментированные. К этому времени их уже очень немного. Некоторые фрагменты посуды такого рода принадлежат очень низким и толстостенным сосудам, но так как эти фрагменты невелики, трудно

определить форму сосудов. Острореберные горшки к этому времени, повидимому, почти исчезают. На всю большую коллекцию сабатиновской керамики приходится только два черепка, принадлежавших горшкам с хороша выраженным ребром (рис. 28, 3, 4). Следует подчеркнуть зависимость сабатиновской керамики все от того же самого развития посуды, начало которого восходит к гончарному делу срубной культуры. Эта зависимость керамики сабатиновского типа от срубной усматривается не только в форме сосудов, но и в некоторых весьма древних технических приемах обработки поверхности посуды, а также в пережиточных орнаментальных мотивах и в способе их нанесения. Я имею в виду столь распространенную в бронзовом веке штриховатость поверхности, образуемую путем сглаживания посуды при ее формовке зубчатым штампом. Правда, в сабатиновской керамике этот прием встречается значительно реже, чем в белозерской, и явно здесь отмирает. Зато начинает широко применяться лощение, как черное, так и буроватое. Оно придает посуде совершенно особенный облик, сильно отличающий ее не только от посуды срубной культуры, но и от керамики Белозерского лимана.

Сохранилось несколько черепков от верхней части пяти различных горшков с узорами, восходящими ко времени срубной культуры. Из них два довольно больших баночных сосуда были украшены в верхней части в одном случае рядом косых зарубок, в другом — рядом довольно крупных, весьма характерных треугольных ямок (рис. 28, 1). Таким образом, на этих двух горшках древняя форма сосудов срубной культуры сочеталась с таким же древним орнаментом. Эти сосуды в сущности ничем не отличаются от самых ранних горшков срубной культуры. Третий горшок имеет узор из зигзагов и заштрихованных треугольников. Комбинация обоих этих мотивов тоже характерна для орнаментации посуды срубного времени. Четвертый горшок был украшен рядом косых линий, подчеркнутых внизу. Известную архаичность придает ему способ выполнения узора путем вдавливания простой веревочки. Один черепок от верхней части баночного сосуда (рис. 28, 2) был украшен по всей поверхности крупным елочным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом. Это тоже пережиток весьма отдаленного времени.

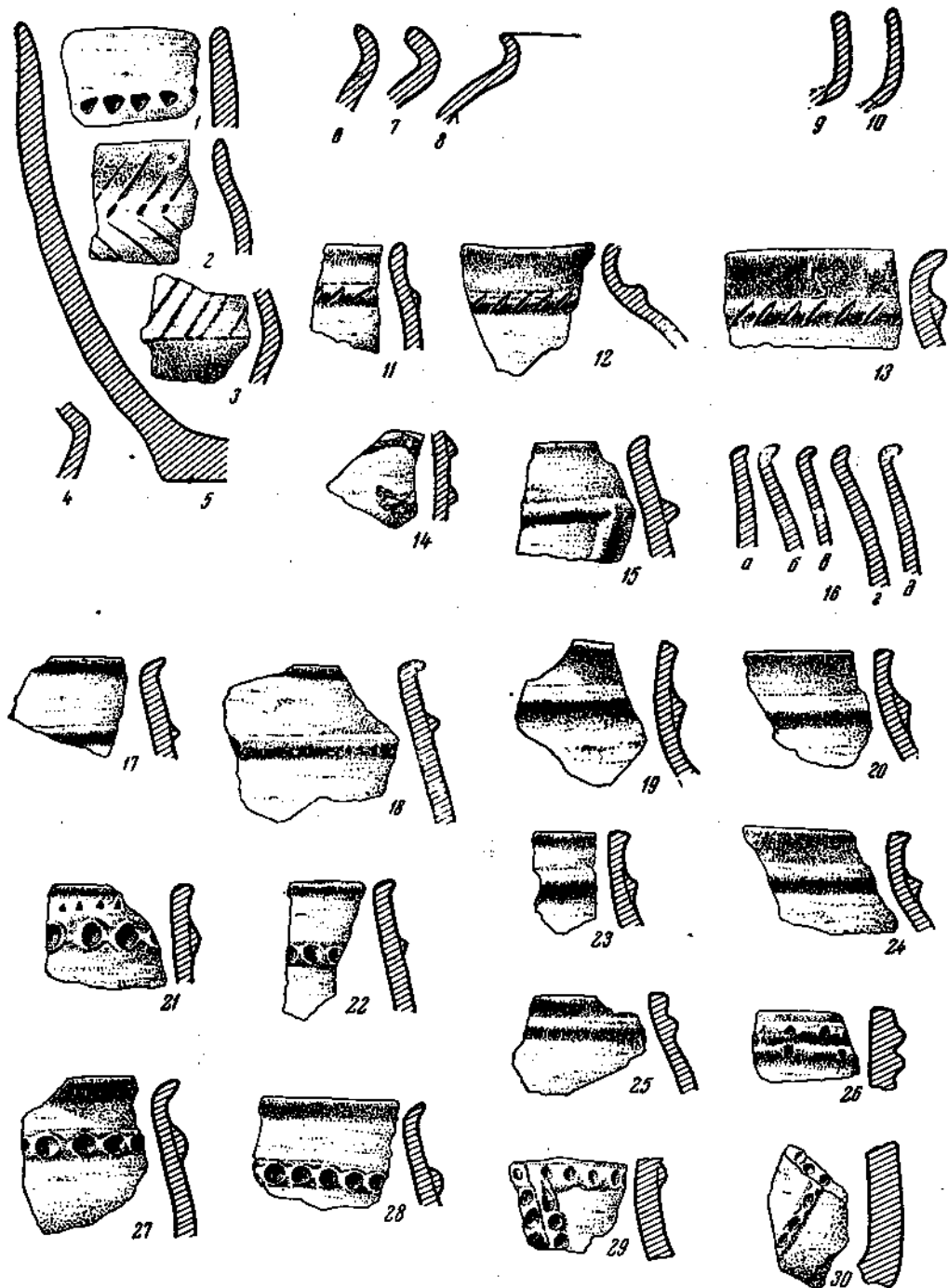

Рис. 28. Керамика с Сабатиновского поселения. Ок. $\frac{1}{3}$ н. в.

Приведенными несколькими примерами исчерпывается перечень посуды, сохранившей типичные черты керамики срубной культуры. На Сабатиновском селище. На селище Белозерского лимана и на других, ему одновременных, керамика подобного рода и обработка поверхности сосудов зубчатым штампом встречаются значительно чаще. Вполне естественно, что с течением времени архаические формы посуды количественно убывали.

Сабатиновское селище сохранило также посуду, характерную для предшествующего белозерского периода. Тот тип посуды, который мы рассматривали на селищах Белозерской группы как особенно для нее типичный, а именно горшки с отогнутой шейкой, плавно переходящей в округлые бока (рис. 28, 6—5), — в Сабатиновке встречается в большем количестве, чем горшки раннесрубного времени. Здесь мы видим экземпляры с сильно выпуклыми плечами и боками (рис. 28, 12). Производство такого рода посуды продолжалось, а в целом развитие форм сабатиновской керамики вначале шло в том же направлении, в каком развивались другие степные варианты керамики позднебронзового века, в основе которой лежали срубные формы посуды. Если в культуре Кобякова городища и Восточного Крыма новые, формы посуды приобретают свои местные особенности, то здесь, в Северо-западном Причерноморье, эти особенности и в области техники, и в профилировке сосудов, и в оригинальности некоторых украшений выделяются еще сильнее. Появляются новые черты, присущие керамике только этих районов, что, несомненно, является признаком крайней обособленности данных племен в их исторических судьбах.

Остановлюсь на формах посуды Сабатиновского селища, которые знаменуют собой появление новой фазы в развитии керамики Северо-западного Причерноморья. Именно эти новые формы в значительно большей степени, чем формы посуды предшествующего периода, отличаются от керамики Крыма и низовьев Дона и от керамики Поволжья. Их развитие шло параллельно с развитием горшков с отогнутой шейкой и выпуклыми боками и плечами, в некотором количестве продолжавших существовать, вероятно, на всем протяжении сабатиновского периода. В сущности новые формы представляют собой лишь дальнейшее развитие этого типа посуды. Что же является особенно характерным в про-

филе этих сосудов? Вместо отогнутости всей шейки, которая закругленно и плавно переходит в плечо, здесь отгибается только край, причем на некоторых сосудах лишь слегка (рис. 28, 16, а), на других же — значительно сильнее, почти под прямым углом к линии корпуса (рис. 28, 16, б, в, г, д). Иногда этот отгиб бывает таким, что заостренный край, отведенный, таким образом, в сторону, превращается в бортик. Плечи на этих сосудах или совершенно отсутствуют, или отмечены очень слабой выпуклостью. Обычный профиль таков: прямо от бортика бока сосуда расширяясь, спускаются вниз (рис. 28, 16—18), причем самая широкая часть сосуда находится приблизительно у половины его высоты. Целые горшки подобного рода происходят только из селищ на Червонном озере на Буге (рис. 29, 1). По ним можно судить, что пропорции подобной посуды были довольно стройными.

Обычно такие горшки бывают украшены налепными валиками, опоясывающими их на некотором расстоянии от края и большей частью неорнаментированными (рис. 28, 17, 18). Эти валики почти ничем не отличаются от тех, которые нам известны на посуде Белозерского лимана и других селищ старшей группы, и только некоторые из валиков, менее выпуклые, шире и ниже белозерских (рис. 28, 19, 23). Налепные валики, которые служат основным признаком того, что гончарное искусство в своем развитии вступило в позднее время бронзового века, здесь, на керамике селищ второй группы, становятся особенно частым и обычным явлением. В то время как на Белозерском лимане ими была украшена не более чем третья часть керамики, здесь большинство ее (около 60%) имеет валиковый орнамент. Расположение валика не меняется. Сосуды опоясывались ими на 2—4 см ниже края, совершенно так же, как и на аналогичной посуде других культур этого времени. На Сабатиновском селище только на черепках от 3 сосудов концы валиков оказались незамкнутыми, а спущенными вниз. На одном из них спускающийся конец был направлен под острым углом в сторону (рис. 28, 15), на другом этот конец сильно закруглялся (рис. 28, 14). На третьем черепке хотя валик и оказался незамкнутым, но его спускающийся конец представлял собой лишь небольшой выступ, мало похожий на обычный орнамент этого рода; повидимому,

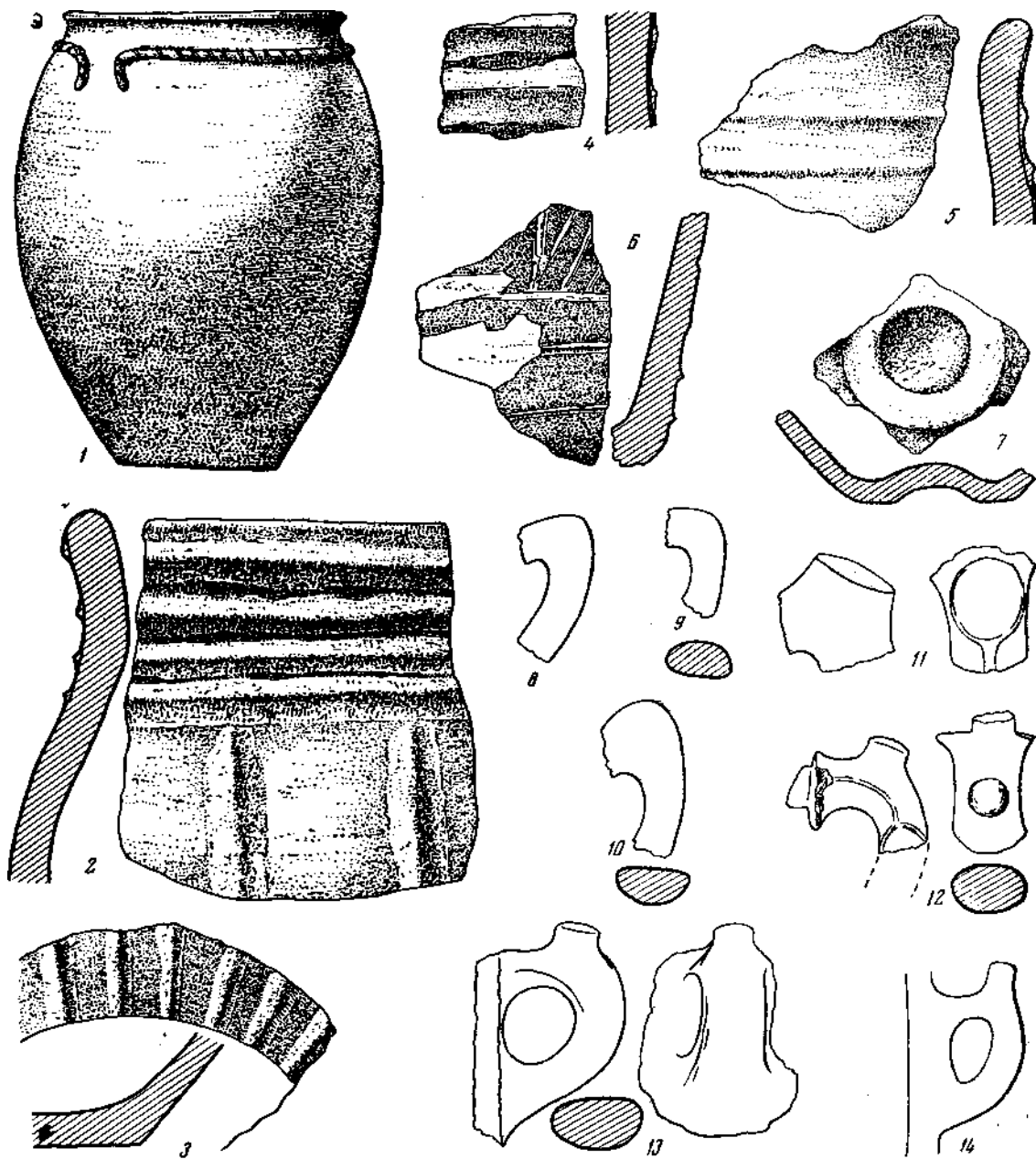

Рис. 29. Керамика 1 — с Червоного озера; 2—14 — с Сабатиновского поселения. 1 — $\frac{1}{10}$ н. в.;
2—14 — ок. $\frac{1}{2}$ н. в.

на этом экземпляре мы имеем дело с неудавшейся попыткой воспроизвести подобный способ украшения. На одном из черепков валик направлен не прямо, а опущен в виде фестона, что уже совсем необычно для посуды предшествующего времени.

Кроме множества неорнаментированных валиков, некоторая, правда довольно незначительная, их часть была украшена косыми нарезками (рис. 28, *И—13*), столь характерными для налепных валиков более раннего времени не только на поселениях типа Белозерского лимана, но и на керамике Поволжья. Однако, связь с Поволжье¹⁹ во времена Сабатийобскрго селища постепенно утрачивается. Появляется значительно больше налепных валиков, украшенных вдавлениями, йе ,свшственньши керамике Поволжья. Сюда относятся ямки от вдавления пальцев с вертикальным, реже косым отпечатком ногтей (рис. *й8, 21, 22, 27, 28, 29, 30*). В результате этих аккуратных отпечатков на нешироких валиках получаются как бы ряды прилегающих друг к другу низких четырехгранных пирамидок (рис. 28, 30). В тех же случаях, когда ямки расставлены с известными промежутками друг от дру^а, такого впечатления не создается. В первом случае невольно бросается в глаза сходство подобных рельефных украшений с теми, которые мы находим на горшках поздней катакомбной культуры. А в связи с этим возникает вопрос, появилась ли орнаментация такого рода на сабаатиновской керамике самостоятельно; или она имеет какую-то связь с керамикой катакомбной культуры, в свое время бытовавшей в Приднепровье и, может быть, сохранившейся здесь в виде пережитков. К разрешению этого вопроса следует подходить весьма осторожно, так как изучение керамики причерноморских поселений белозерского и сабаатиновского времени приводит к несомненному выводу, что в основе развития ее форм и орнаментации лежат различные типы горшков срубной культуры и все варианты их орнаментации. Кроме того, надо напомнить, что ни в керамике с поселений Белозерского лимана, ни в керамике других селищ, предшествующих Сабатиновскому, не было никаких элементов керамики катакомбной культуры. Как здесь, так и в Сабатиновской группе поселений, все указывает на длительность переживания форм и узоров посуды срубной культуры.

Кроме черепков с описанными налепными валиками, на Сабатиновском селище, к с селище близ с. Кременчуга (на р. Буге), а также в слое, из которого происходит Красномаяцкий клад, были найдены черепки, украшенные довольно сложным узором в виде елочки, заштрихованных треугольников и разных комбинаций параллельных линий, выполненных при помощи налета тех же валиков. Орнаментация этого рода встречается, однако, относительно редко.

Остановлюсь еще на некоторых особенностях керамического производства сабаатиновского варианта посуды, которые совершенно не встречаются в керамике, других районов этого времени. Повидцтов^у, на основании хорошо усвоенной техники формовки посуды, украшенной налепными валиками, при развитии вкуса к орнаментации подобного рода появились новые технические приемы упрощенного производства больших сосудов, сплошь или почти сплошь покрытых рядами валиков, расположенных в горизонтальном и вертикальном направлениях.; Эти валики (рис. 29, 2—б), различной ширины, всегда очень низкие, с сильно пологими и как бы размазанными боками, технически выполнялись следующим, не совсем обычным способом. В большинстве случаев они налеплялись на поверхности уже обожженных сосудов, что хорошо прослеживается в изломе черепков. Обжиг посуды, как это обычно для керамического производства почти всех степных культур бронзового века, был далеко не достаточным. Прокаленность стенок обычно заметна только на поверхности, и то не глубже, чем на 1 или 2 мм. В изломе такая посуда почти сплошь черная, и только прокаленный слой имеет желтовато-красноватый цвет. У черепков описываемых сосудов под толщей валиков структура именно такова. После нанесения валиков сосуд подвергался вторичному, но более слабому обжигу¹⁹.

Способ прикрепления валиков совершенно особый и явно упрощенный. На обожженную поверхность сосуда намазывался слой довольно жидкой глины толщиной 3—4 мм, реже — 5 мм. По этому еще не подсохшему слою пальцем проводилась довольно широкая борозда, на которой глина ока-

¹⁹ А. В. Добровольский. Перше Сабатиновське поселення. Археологичн пам'ятки УРСР, т. IV, Київ, 1952, стр. 84 и сл. Культурный слой Б.

зывалась стертой или почти стертой. При движении пальца глина раздвигалась от него в обе стороны, в результате чего между бороздами получались невысокие валики, приближавшиеся в разрезе к равнобедренному треугольнику с сильно пологими боковыми сторонами. Выполненные таким образом валики иногда бывают очень широкими при узком пространстве, отделяющем их друг от друга (рис. 29, 2, 5), иногда же — не выше 2 мм и очень узкие (рис. 29, 5|). Располагаются они по-разному. На одном большом сосуде (рис. 29, 2, 3), о котором можно судить по достаточному количеству крупных черепков, они были расставлены следующим образом: на шейке четыре опоясывающих валика лежали близко друг к другу; ниже в них упирались вертикальные валики, расположенные на расстоянии друг от друга в 4—5 см; повидимому, внизу они упирались в какую-то горизонтальную полосу, от которой до самого дна шел ряд валиков, значительно более узких и расположенных друг от друга на 1—172 см.

В сабаатиновском культурном слое было обнаружено довольно много горшков подобного рода, но они не были посудой широкого употребления, так как по сравнению с общей массой керамики процент их относительно невелик. Повидимому, их не ставили на очаг и в них не приготавлилась пища. На их поверхности нет нагара. Эти горшки больших размеров, вероятно, служили для хранения различного рода продуктов и других предметов домашнего обихода. Они составляют одну из специфических особенностей керамики сабаатиновского типа и, повидимому, совершенно отсутствуют в степной бронзе Северо-восточного Приазовья. Вопрос о происхождении этих горшков еще не ясен и может быть решен лишь при большом сравнительном материале того же и предшествующего времени. Не вполне ясны также и те хозяйственные потребности, которые могли вызвать появление такой посуды.

Описание различных типов сабаатиновской керамики этим не ограничивается. Есть еще один тип посуды, характерный именно для Северо-западного Причерноморья, который впервые появляется здесь и продолжает свое развитие в скифское время. Эта посуда составляла лишь незначительную часть всей керамики культурного

слоя. По сохранившимся черепкам пока можно установить лишь один ее тип, а судя по другим данным, их должно было быть не меньше двух. В Сабаатиновке были найдены 2 фрагмента от низкой чарки (рис. 29, 7) с отлогими краями, круглым углублением на дне и соответствующей выпуклостью на внутренней стороне дна. Поверхность этого сосуда обработана очень тщательно и покрыта хорошим черным лощением.

На Сабаатиновском селище найдено довольно много ручек (рис. 29, 8—14), принадлежавших черным лощеным сосудам, в большинстве случаев, повидимому, представлявшим собой тоже чарки. Сабаатиновские ручки весьма разнообразны по форме и по технике их скрепления со стенками сосудов, а это является признаком того, что керамика подобного рода уже прошла немалый путь развития. О том, что они могли появиться во времена старшей группы поселений, можно судить и по черепку от черной лощеной чаши с поселения на Белозерском лимане. С тех пор могло пройти не менее столетия или двух, в течение которых формы этой посуды могли получить значительное развитие.

Ручки из Сабаатиновки бывают полукруглые, в виде закругленной петли и несколько приподнятые сверху, почти круглые, овальные или бобообразные в разрезе. На некоторых ручках наверху имеется выступ, очень напоминающий подобные же выступы на ручках сосудов, распространенных в лесостепи в скифское время. Здесь они только значительно ниже и никогда не имеют грибообразной верхушки, что, повидимому, является признаком их дальнейшего развития уже в более позднее время. На Сабаатиновском селище было найдено не менее 15 подобных ручек; на некоторых из них хорошо заметен способ их скрепления со стенками сосудов. Иногда они просто примазывались к стенке; в других случаях на концах, приготовленных для прикрепления ручек, делался стержень, который вставлялся в специальное углубление на стенке сосуда. Такие хорошо выделанные чаши, покрытые красивым лощением, с ручками, иногда довольно изящными, вполне могли служить в качестве чарок. Аналогичные чарки характерны для керамики лесостепных памятников чернолесского типа пред-

скифского времени²⁰. По своему происхождению эта посуда не может быть связана со степной керамикой срубной культуры; повидимому, на территорию степи она проникала в уже готовом виде от северных соседей.

Находки керамики подобного рода имеют большое значение для определения времени поселений. Несомненная связь этой керамики с аналогичной керамикой лесостепной культуры скифской эпохи говорит о том, что и по времени они не могли быть далеки друг от друга. А если принять во внимание, что именно здесь, в слоях, подобных сабатиновекому, уже почти вполне оформились те типы налепных валиков, которые впоследствии довольно часто служили украшением скифской посуды, то можно уверенно отнести эпоху поселений сабатиновского типа к предскифскому времени, т. е. в среднем к IX—VIII вв. до н. э.

Среди других вариантов степной поздней бронзы, относящейся к этому же периоду, особенно отчетливо выступает культура Кобякова городища на донской дельте. Однако, несмотря на аналогичный путь развития основных керамических форм, обусловленный родством происхождения обеих культур и одинаковым уровнем их социально-экономического строя, их посуда и по профилю и по характеру узоров настолько отличается друг от друга, что даже если основываться только на данных керамики, можно судить о полной обособленности в развитии племен, оставивших поселение на Кобшшм городище, с одной стороны, и населения Сабатиновского и ему подобных селищ, с другой стороны.

Для полноты описания керамики позднебронзового века с поселений сабатиновского типа надо отметить и те черты, которые встречаются относительно редко и представляют собой скорее исключение, чем правило. К ним относится особая обработка поверхности весьма небольшого процента посуды на Сабатиновеком селище, а именно наличие ангоба, не окрашенного и окрашенного в красноватый цвет. Какие формы посуды подвергались подобной обработке, пока сказать невозможно, так как небольшие фрагменты с ангобом не дают представления о типе сосудов.

Итак, обзор керамики поселений Сабат-новекой группы дает возможность уточнить: хронологическую периодизацию, разделить все поселения поздней бронзы на две группы, последовательно сменявшие друг друга.

Сравнивая формы, орнаментацию, а также и некоторые технические приемы выделки посуды Кобякова городища с кизыл-кобинской керамикой и с керамикой Северозападного Причерноморья, прихожу к заключению, что узоры кобяковской и кизылкобинской посуды между собой значительно ближе, чем с орнаментацией посуды того же времени, распространенной на нижнем Днепре и Буге. Особенности последней столь значительны, что можно предполагать, что для образования этой орнаментации потребовалась совершенно обособленная жизнь больших племенных объединений в течение ряда столетий.

В дополнение характеристики Сабатиновского селища следует остановиться на некоторых костяных изделиях, встречающихся пока исключительно на селищах этого времени.

Из культурного слоя близ Сабатиновки и из некоторых других, ему одновременных, происходят коньки, сделанные из костей ног лошадей, а иногда и коров. При этом по большей части употреблялись фаланги передних ног взрослых животных, обычно соответствовавшие размерам ступни человека средней величины. Кость, предназначенная для этой цели, обрабатывалась следующим образом: у каждого бокового выступа ее нижней части было просверлено по две дырочки для привязи конька к йоску обуви. Чтобы получить закругленность лезвия у носка, часть сустава снизу была срезана и заглажена. Сверху реброобразный выступ сустава, расположенный между дырочками, частично тоже срезался для того, чтобы сгладить поверхность, на которую опиралась нога. Сзади у пятки кость оставляли почти не обработанной. Здесь прожигалась одна большая дырка, которая была направлена вкось и выходила сзади на середину сустава. В нее пропускался ремень, который привязывал конек к йоге у пятки. Почти все экземпляры, найденные в Сабатиновке, представляют собой не целые пары, а стершиеся и сломанные коньки. От долгого употребления их лезвие становилось сильно

²⁰ Е. Ф. Покровська. Кургани предскифского часу в бассейне р. Тясмин. «Археологія», VIII, Кшв, 1953, стр. 132, рис. 4.

стертым, при беге давало трещину и ломалось. Некоторые сломанные экземпляры ставились сзади; из них, очевидно, старались сделать коньки меньших размеров, может быть, для детской ноги.

Спорт подобного рода не был известен в неолите и в бронзовом веке Восточной Европы, если только не допустить, что подобные коньки в те времена могли изготавливаться из дерева. Неизвестны они и в срубной культуре, ни на ее ранних поселениях, ни в хвалынское время. До сих пор не было найдено ничего похожего и на поселениях предшествующего белозерского времени на Днестре. Коньки встречаются только на сабаатиновских поселениях. В пределах Западной Сибири & Казахстана в конце бронзового века с такими коньками было знакомо население андройовской культуры; по крайней мере в одном поселении, относящемся к поздней стадии ее развития, было обнаружено шесть прекрасно выделанных коньков, и среди них две полные пары. Вещи эти были найдены в 1948 г. в культурном слое близ Садчиковского поселения, в Затабольском районе Казахстана²¹.

Подобного рода костяные коньки употреблялись в Казахстане и значительно позднее и, по видимому, существовали у казахов; по крайней мере воспоминание о костяных коньках сохранилось в их эпосе. В поселениях и городах восточных славян, в слоях, относящихся к средним векам, костяные коньки встречались неоднократно. Они известны и в Старой Ладогѣ, и в нижних слоях Новгорода. В большинстве случаев ОНИ значительно менее совершенны, чем те, которые нам известны по поселениям бронзового века. В Северо-западном Причерноморье, в той же Сабатинске и под г. Перекопом, по свидетельству старожилов, костяные коньки были в употреблении еще в конце XIX в. Интересно, что для их изготовления служили те же фаланговые кости крупных домашних животных, преимущественно лошадей.

Служили ли коньки одним из зимних способов передвижения, или просто для развлечения, — сказать трудно. Вполне возможно, что ими пользовались для сообщения между поселками, расположенными по берегам больших рек. Во всяком случае, ка-

ково бы ни было их назначение, они свидетельствуют о том, что в начале I тысячелетия до н. э. уже стояли морозные зимы, а реки, впадающие в Черное море, в их нижнем течении покрывались ледяным покровом. Это вполне совпадает с представлением о похолодании климата в эту эпоху.

В слоях поселений сабаатиновского этапа часто встречается еще один костяной предмет, о котором следует упомянуть как об одном из характерных признаков поселений сабаатиновского типа. Обыкновенно он бывает сделан из лопаток коров, реже из конских лопаток, и представляет собой инструмент, рабочая часть которого занимает острый край сустава. Этот край нарезан зубцами и напоминает зубчатый штамп, но таковым быть не может уже по одному тому, что отпечатки подобных инструментов на поверхностях горшков не встречаются. Назначение орудия пока непонятно. Возможно, что оно, как и костяные тупики из челюстей, предназначалось для выделки шкур; об этом можно судить по глянцеви-той залощенности, которая заметна на внешней поверхности зубцов и которая обычно бывает на тупиках от постоянного трения об кожу. В слоях поселений старшей группы эти зубчатые инструменты до сих пор не попадались. Точно так же они неизвестны на Дону и Донце, в срубной культуре Поволжья и в андройовской культуре.

Вопрос, который заслуживает особого внимания в изучении белозерских и сабаатиновских поселений, касается их географического распространения. Мы можем лишь приблизительно наметить их западные границы по нижнему течению Днестра и в окрестностях Одессы. В лесостепные районы поселения подобного рода глубоко не заходят, и на северо-западе их граница, вероятно, доходит до районов распространения белогрудовских и чернолесских памятников. Совершенно неясно, где были расположены северо-восточные границы этого варианта, весьма вероятно — на Харьковщине, так как эти места были заселены племенами, развившими свою довольно оригинальную культуру, однако весьма близкую сабаатиновской.

Степной скифской экспедицией Института истории материальной культуры в 1949—1951 гг. были обследованы нижние течения

²¹ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, стр. 165, рис. 15,

рек, впадающих в Азовское море, вплоть до станицы Буденновки. Среди памятников, принадлежащих культурам ранней бронзы и скифскому времени, отчетливо выделяются поселения позднебронзового века. Можно предполагать, что почти все Северное Приазовье было в начале I тысячелетия до н. э. заселено племенами, близкими нижнеднепровским. Но установить восточную границу распространения белозерских и сабатиновских поселений пока не удалось. Исследование будущих лет должно будет определить ее где-то между станицей Буденновкой и низовьями Дона, район которых был заселен племенами — носителями культуры Кобякова городища. Более подробное изучение одного из поселений на р. Обиточной, на котором в 1949 г. были произведены раскопки, дает возможность отнести его уже к раннескифскому времени. Основным материалом, на который опирается это определение, была керамика, представленная исключительно фрагментами посуды, по которым все же нетрудно судить и о появлении новых форм и о всех особенностях новой орнаментации. Несомненное происхождение этой керамики от керамики Сабатиновской группы поселений свидетельствует о том, что на всем пространстве степей Северного Приазовья развивались те же формы культуры, что и на нижнем Днестре, в Побужье и на низовьях Днестра.

§ 4* МАСТЕРСКИЕ И КЛАДЫ ЛИТЕЙЩИКОВ

В предшествующих главах, в результате рассмотрения различных керамических форм, удалось выделить посуду позднего бронзового века Северо-западного Причерноморья, от которой произошла скифская керамика. Значительно труднее связать производство металлических изделий конца бронзового века с металлообработкой скифов.

Переход от бронзолитейного дела к производству орудий из железа совершился в довольно короткий срок, если принять, что конец бронзового века относится к VIII в. до н. э. Ему предшествовало длительное знакомство с выделкой мелких железных предметов в степной и лесостепной полосе Восточной Европы. Однако находки, связанные с этим производством, довольно редки и сви-

детельствуют главным образом о выделке четырехгранных шильев, стержней и других мелких предметов подобного же рода. Едва ли они могли играть значительную роль в производстве бронзового века и заменить собой бронзовые орудия того времени. Наиболее ранние изделия из железа на территории срубной культуры были найдены в культурном слое селища раннесрубного времени в г. Воронеже²². От этого времени до конца бронзового века прошел довольно большой срок, и можно предположить, что лишь по истечении его было освоено изготовление железных кованых кинжалов относительно небольших размеров. Об этом можно судить по находкам двух кинжалов при погребении Широкой могилы²³. Один из них, бронзовый, напоминает по форме небольшие кинжалы с параллельными или почти параллельными лезвиями, хорошо известные покладам литейных форм; другой кинжал — листовидной формы, клинок его был сделан из железа, а черешок, отделенный от клинка кольцеобразным уступом, — из бронзы. Ближе всего он стоит к бронзовым литым кинжалам с кольцеобразным упором для рукоятки.

В скифское время, в результате полного освоения ковки железных предметов из кричного железа, форма орудий, а вместе с тем и их размеры, подверглись значительному изменению. Бронзовые орудия и предметы вооружения были окончательно вытеснены железными, причем этот процесс, вероятно, уже завершился к концу VII в. до н. э. Сохранились в употреблении лишь такие орудия, как четырехгранное шило, форма которого достигла совершенства уже в раннем бронзовом веке. Только в отдельных случаях можно проследить дальнейшее развитие отлитого из бронзы оружия, установившегося в конце бронзового века. Я имею в виду некоторые бронзовые наконечники копий. О них подробнее будет сказано ниже (стр. 141 ел.).

Естественно, что легче проследить непрерывность развития тех предметов, которые и в скифское время продолжали отливаться из бронзы. Наиболее четко это представлено удилами кобанского типа, имеющими на концах по два кольца, расположенных в форме

²² Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 156—160.

²³ Н. И. Веселовский. Раскопки в 1916 и 1917 гг. СГАИМК, вып. 1, Л., 1926, стр. 200—204.

восьмерки²⁴. На всей обширной территории распространения культур поздней бронзы — от Кобанского могильника до Жаботинских курганов под Киевом — эта форма доживает до самого начала скифского времени (начало VII в. до н. э.).

В общем картина перехода к металлургии железного века в Северо-западном Причерноморье освещена плохо, а это заставляет особенно внимательно относиться к тем немногочисленным звеньям, связывающим металлообработку бронзового века с последующим временем, которые дошли до нас. К ним, очевидно, принадлежат некоторые бронзовые предметы второстепенного значения, литье которых было освоено полностью уже в конце бронзового века. Такие вещи при нормальном развитии общества могли сохранить свою форму без резких изменений и в раннескифское время. Примером, — одним из немногих в настоящее время, — являются бронзовое навершие,¹ служившее украшением конской упряжки, а возможно, и для других целей, и несколько блях для украшения конской сбруи. Среди находок поздней бронзы этих предметов в отлитом виде до сих пор неизвестно. Однако о наличии их можно судить по матрицам (рис. 30, б), входящим в состав Красномаяцкой литейной мастерской²⁵.

В скифское время известны уже готовые бронзовые навершия, подобные красномаяцкому. Они известны в большом числе в Полтавской и Харьковской областях и в степном Приднепровье. Примером этого могут служить навершия из собрания Ханенко²⁶. Бляхи тех же топов, что в Красномаяцком кладе, в Скифии есть повсеместно.

Точно так же, как и в Поволжье, в Северо-западном Причерноморье очень редки находки бронзовой клепаной посуды. До сих пор в Поволжье известен лишь один котел, хранящийся в Куйбышевском музее и описанный выше. Мною в Причерноморье были изучены только два аналогичных котла из Николаевского музея. Один из них

(рис. 31, 1) происходит с территории города, из Дикого сада, где он был найден, повидимому, в культурном слое²⁷, содержащем керамику позднеасабовских типов. По выделке этот котел совершенно сходен с куйбышевским, по форме — близок к нему: такие же две петли, откованные вместе с верхней полосой металла, образующей шейку и плечики котла, такой же воронкообразный поддон. Основное отличие заключается в относительной приземистости этого котла и в округлости его стенок. Недостаточный сравнительный материал не дает нам возможности установить, является ли эта форма результатом дальнейшего развития куйбышевской, или в данном случае мы имеем дело с разновидностями, существовавшими одновременно. Во всяком случае котел из Дикого сада является непосредственным предшественником и прототипом скифских литых котлов. Его вариантом является круглодонный котел из Кировоградского музея (рис. 31, 3)²⁸. Отличие этого котла от николаевского состоит лишь в отсутствии поддона.

Местонахождение второго николаевского котла (рис. 31, 2) неизвестно. Повидимому, он был найден в окрестностях города. Этот экземпляр обнаружен не в целом виде; у него еще в древности были обломаны обе ручки и вся нижняя часть с поддоном. Своей несколько вытянутой формой этот котел тождественен по типу с куйбышевским и так же, как и он, сходен с глиняными большими сосудами, подобными тем, которые происходят с Ивановского селища. По техническим приемам выделки данный котел ничем не отличается от двух предшествующих. Он так же склепан из отдельных полос, напоминающих собой «ленты» глиняных сосудов. В результатековки отдельных полос вся поверхность котла была покрыта ячейкообразными удлиненными углублениями, расположенными в клетку.

Еще один котел, подобный вышеописанному, происходит из сел. Антонины бывшего Заславского уезда²⁹.

Форма этих котлов позволяет с уверенностью предположить происхождение от нее

²⁴ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, стр. 112 и ел.

²⁵ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Северо-западного Причерноморья, вып. 1, Киев, 1952, табл. XX, 6 (здесь эта мастерская опубликована частично, в том числе навершие, но не бляхи).

²⁶ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, 1907, табл. I, 434, 435.

²⁷ Обстоятельства находки котла мне выяснить не удалось.

²⁸ Местонахождение этого котла неизвестно.

²⁹ Б. Ко 21 о ^ з к 1. 2агуз ргасЫе|бу Ро|ж1 РоШпошо АУзбосЫе|. Б'ОЧУ, 1939, стр. 70 и ел., табл. XX, рис. 22.

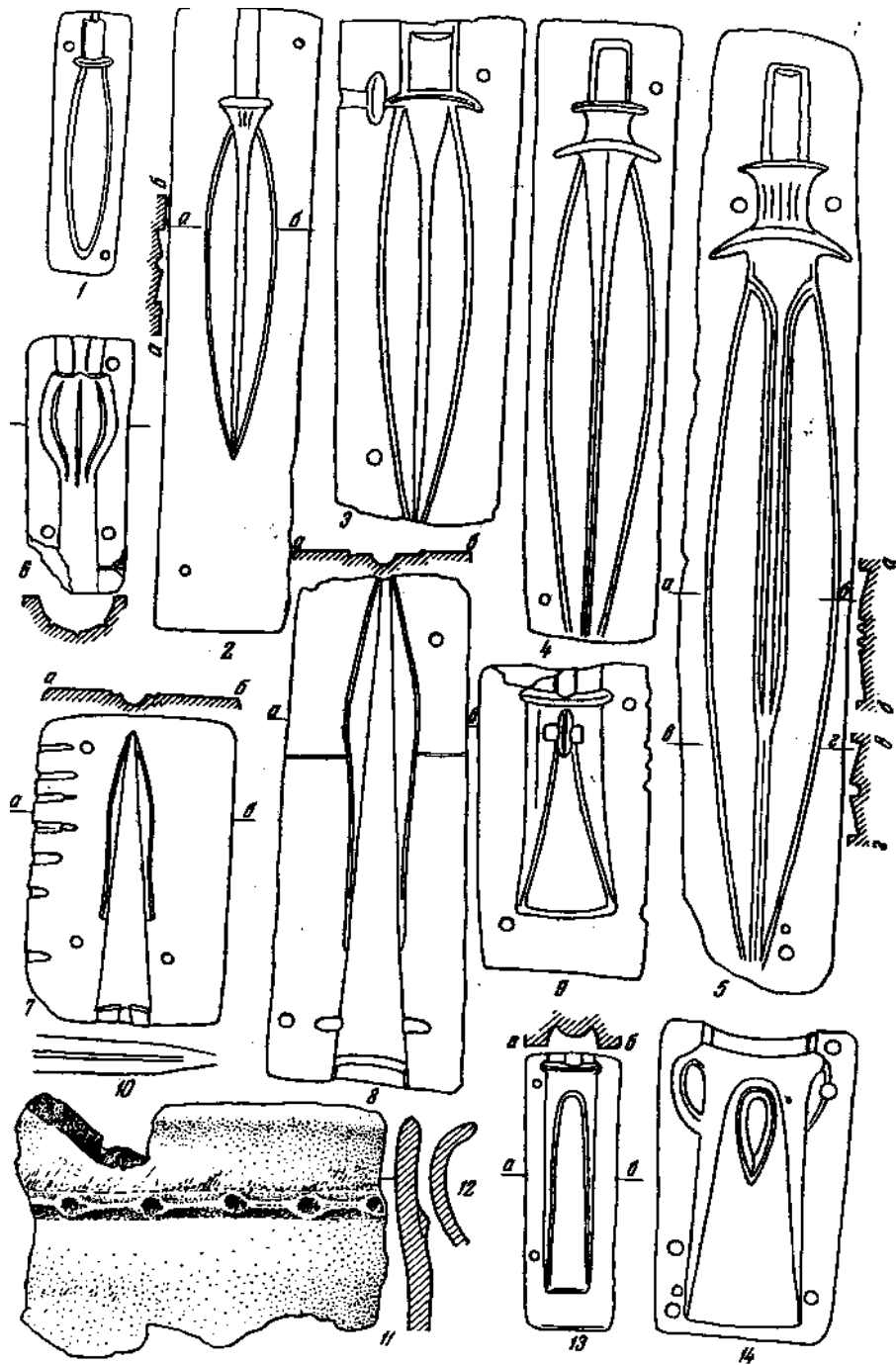

Рис. 30. Литейные формы и керамика Краснояцкого клада. Ок. $\frac{1}{3}$ н. в.

номаяцкого клада к наиболее позднему этапу развития бронзового века в Северо-западном Причерноморье, т. е. к позднесабатиновскому времени. Но, кроме того, существуют и другие данные, позволяющие связать этот памятник с сабатиновскими селищами. В состав разнообразных предметов, сопровождавших литейные формы красномаяцкой мастерской, входила керамика, найденная в одном с ними культурном слое, разрушенном при земляных работах у колхоза «Маяк»³¹. Все черепки принадлежат крупным сосудам сабатиновских типов с более или менее отогнутым краем и слабо выраженными покатыми плечами (рис. 30, 11, 12). В верхней своей части сосуды опоясаны наlepными валиками с довольно широко расставленными ямками, нанесенными пальцами.

В дальнейшем, анализируя отдельные категории бронзовых вещей Северо-западного Причерноморья, мы вернемся к подробному рассмотрению красномаяцких находок. Здесь же отмечу, что еще две литейные мастерские, происходящие с нижнего Днепра, были найдены в одном комплексе с керамикой сабатиновских типов.

Одна из них территориально и стратиграфически связана с Волошским селищем³², в культурном слое которого она была обнаружена. Господствующая в нем керамика сабатиновских типов³³ не позволяет сомневаться в том, что все селище в основном относится к тому же сабатиновскому этапу. От мастерской, сохранившейся неполностью, уцелело 11 целых и 5 фрагментов литейных форм, предназначенных, главным образом для отливки кинжалов. Две матрицы были предназначены для отливки долота и тесла³⁴.

Вторая небольшая коллекция происходит с низовьев Днепра и является случайной находкой³⁵ на Кардашинских кучугурах, расположенных на противоположном от Херсо-

на берегу. Найденная здесь керамика ограничивается лишь несколькими черепками (рис. 32, 26—28), которые, однако, и по своим формам и по характеру наlepных валиков похожи на сабатиновскую посуду. В одном комплексе с черепками была найдена литейная форма, предназначенная для отливки кельта и двух больших четырехгранных шильев.

Таким образом, на основании сходства керамики всех трех мастерских с сабатиновской можно прийти к заключению, что все они относятся к одному сабатиновскому этапу развития поздней бронзы. Помимо этих мастерских или складов литейных матриц, известны и некоторые другие, сходные с ними по формам различных предметов, отличавшихся в них. Все они, очевидно, одновременны, и их также следует отнести к сабатиновскому времени, несмотря на отсутствие керамики в составе их инвентаря. Большинство этих мастерских, как и многие находки готовых бронзовых предметов, происходит с низовьев Днепра, с левобережных кучугур, расположенных недалеко от г. Херсона. К ним относятся три коллекции литейных форм, найденные близ с. Кардашинка I (рис. 33, 1—6)³⁶, Кардашинка II (рис. 34, 9—12)³⁷ и Кардашинка III (рис. 32, 26—30)³⁸. О последней небольшой коллекции, найденной вместе с керамикой, говорилось выше. Литейные формы из-под Раденска (рис. 34, 15, 16) и Цюрупинска (рис. 34, 13, 14), а также найденные близ Ново-Александровки (Херсонский музей), тоже происходят с нижнего Днепра и относятся к тому же времени, как и форма (рис. 34, 6), найденная у сел. Вязевок, близ Павлограда, и хранящаяся в Днепропетровском музее.

К тому же сабатиновскому времени, как и упомянутые литейные мастерские, относятся клады литейщиков, состоящие по большей части из готовых бронзовых изделий, металлического лома и брака. Некоторые среди них, как и отдельные находки, относятся к тому же времени, другие — к предшествующему этапу развития позднебронзового века. Они будут рассмотрены по мере описания отдельных категорий вещей, более или менее характерных для поздней бронзы степного Причерноморья.

³¹ Находка колхоза «Маяк», Красноокнинского района Одесской области. Передан в Одесский музей в 1932 г.

³² О. В. Бодянский-Археолопч доодження в межах порожисто! частини Дніпра в 1947—1948 рр. Археолопч пам'ятки УССР, т. IV, Київ, 1952 стр. 165.

³³ О. В. Бодянский. Ук. соч., стр. 174, табл. V, /, 2, 3, 8.

³⁴ Там же стр. 171, 172, табл. III и VI.

³⁵ Вещирыли найдены в 1931 г. А. К-Тахтаем и хранятся в Херсонском музее.

³⁶ Хранится в ГИМ.

³⁷ Хранится в Херсонском музее.

³⁸ Хранится там же.

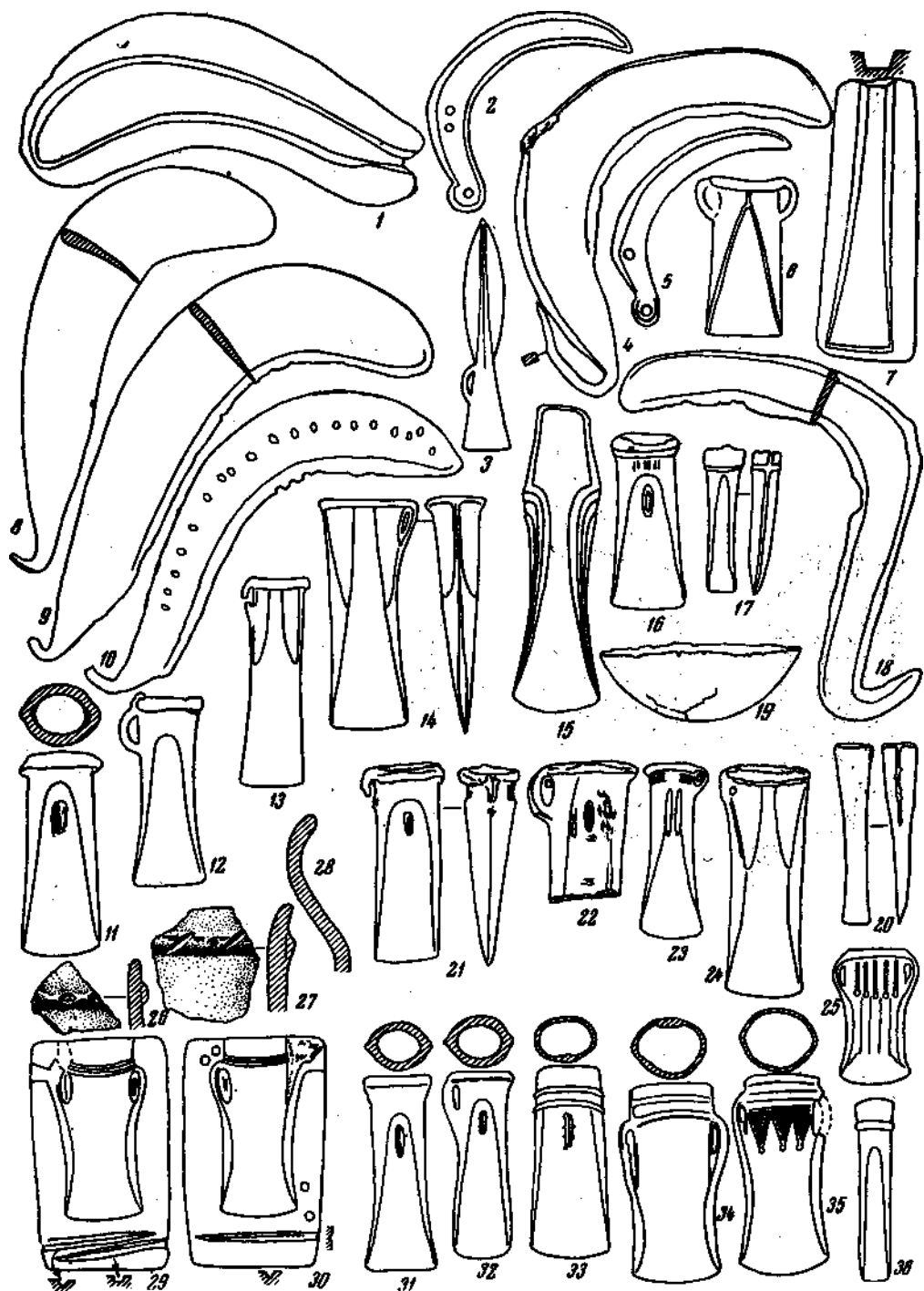
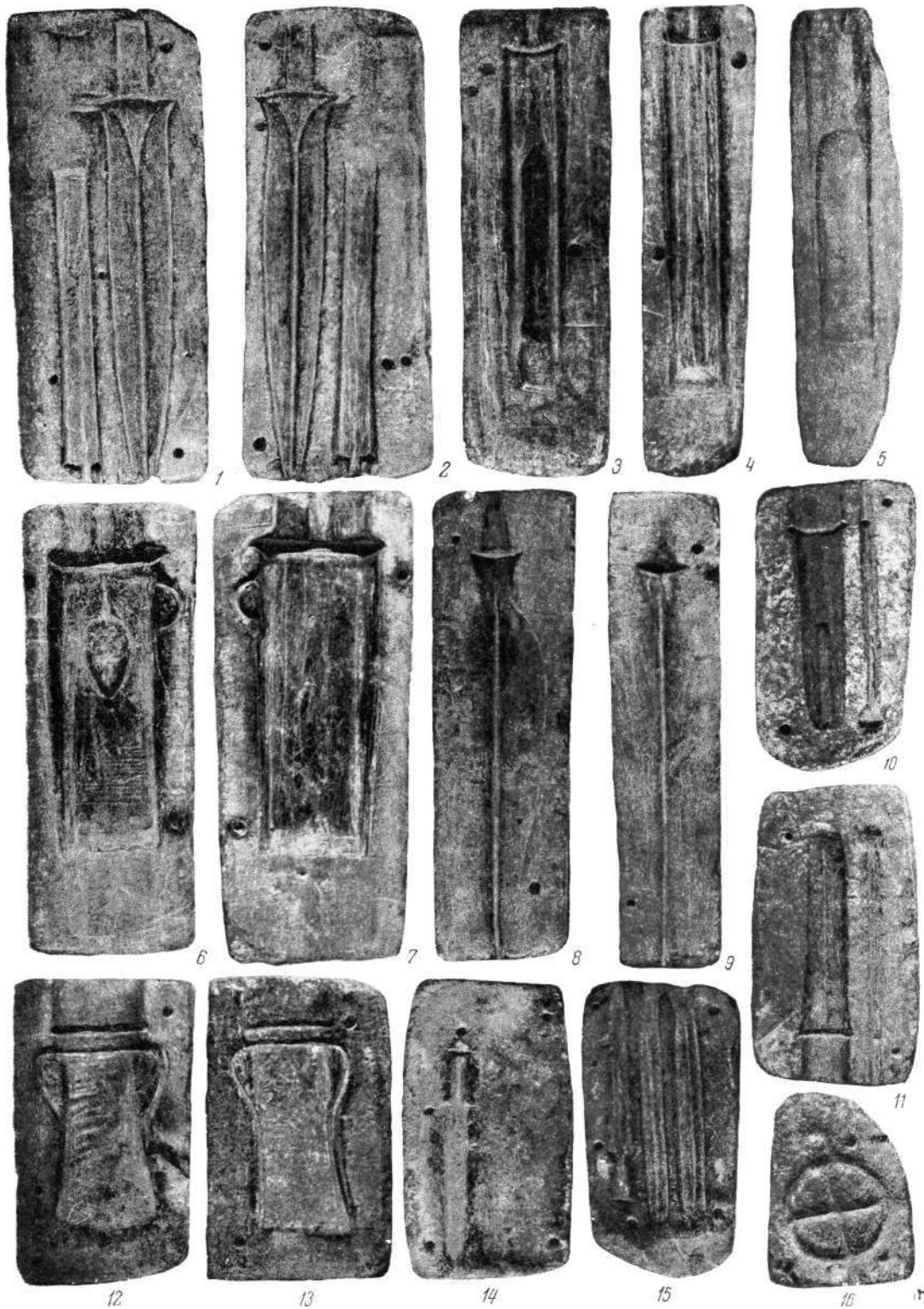

Рис. 32. Изделия из бронзы, литейные формы и керамика Северо-западного Причерноморья.

/ — с. Черноморка (бывш. Люстдорф), близ г. Одессы; 2 — по литейной форме неизвестного местонахождения; 3—7, 21—24 с. Коблево на Тидигульском лимане; 8 и 9 с. Бородаевка, Днепропетровской области; 10 — Днепровские пороги, Диденкова скала; 11—14 с. Маячки, Днепропетровской области; 15—18 с. Авраамовка, Днепропетровской области; 19 и 20 с. Дремайловка, близ г. Херсона; 25 — местонахождение неизвестно; 26—30 — Кардашинка III, близ г. Херсона; 31 — 36 — Кривой Кут Днепропетровской области. Ок. 1/2 н. в.

и^дашгтская литейная мастерская (Кардашинка I, Кучугуры, близ г. Херсона). Ок. $\frac{1}{3}$ н. в.

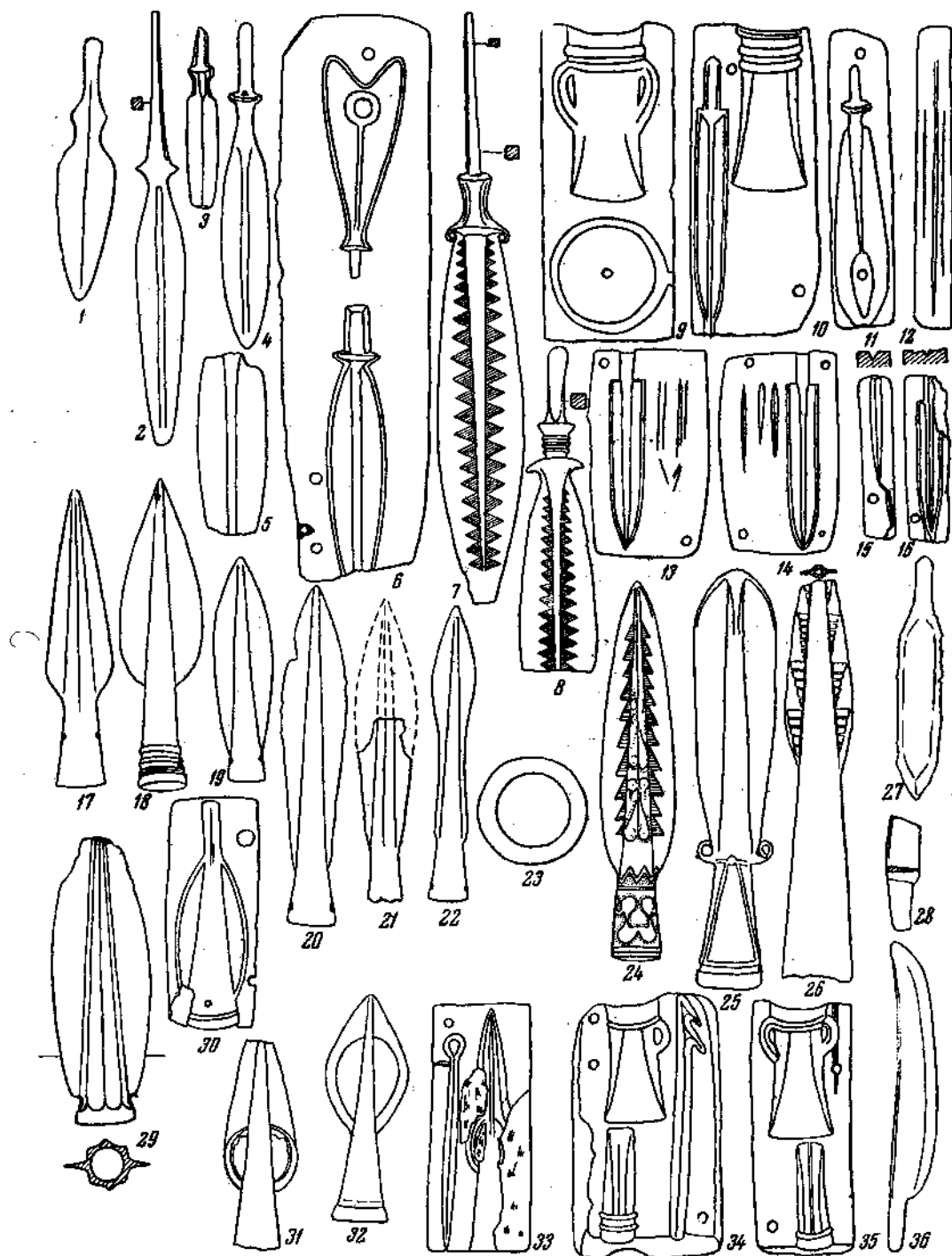

Рис. 34. Изделия из бронзы и литейные формы.

Л 3 и 4 — близ г. Херсона, Кучугуры; 2 — близ г. Кировограда; 5, 17, 18, 26, 30 и 31 — местонахождение неизвестно; 6 — с. Вязевки, близ г. Павлограда; 7 — в пределах бывш. Екатеринославской губернии; 8* — с. Волошское, близ г. Днепропетровска; 9—12 с. Кардагаинка II; 13, 14, 19 и 24 — Цюрупинск; 15 и 16 — Раденск, близ г. Херсона; 20 — Дремайловка, близ г. Херсона; 21 — Днепровские пороги, Ненасыть; 22 — Днепровские пороги, Игрень; 23 — Бедная могила, с. Привольное Херсонской области; 25 — Михайлово-Апостолово Херсонской области; 27 — станица Нижне-Чирская Каменской области; 28 — близ г. Херсона, Кучугуры; 29 с. Обуховка Херсонской области; 32 — Ласки, Ждановской области; 33—35 — Сулоха; 36 — с. Снегиревка, урочище Ставки. Ок. 1/4 н. в.

Выше были приведены соображения, позволяющие связать происхождение сабатиновской керамики с белозерской. Последняя же, как то было показано, ведет начало от своих ранних форм, отчетливо выраженных в Поволжье. Как мы увидим ниже, основные бронзовые орудия Северо-западного Причерноморья, — например, шилья и ножинжалы, — тоже происходят от срубных форм тех же предметов Поволжья.

Как во всех местах бытования срубной культуры, так и на нижнем Днестре, довольно часто встречаются кованые четырехгранные шилья из бронзы. Примером их может служить шило с селища на Белозерском лимане. Несколько шильев найдено в раскопках последних лет на селищах сабатиновского времени на территории Каховского строительства. В литейных формах из Кардашкин III (рис. 32, 29, 30) и Цюрупинска (рис. 34, 13, 14) есть четырехгранные литые шилья. Особой формы длинное шило (12,5 см) вырезан на матрице из урочища Солоха (рис. 34, 5с?); оно отличается тем, что имеет на верхнем конце кольцо для подвешивания. Литые шилья являются особенностью среди металлических изделий сабатиновского времени.

Нож-кинжал срубной культуры с намечающимся перекрестием, вернее, расширением, отделяющим рукоять от клинка, распространен по всему степному Югу, начиная от приуральских степей до Нижнего Приднепровья. В этих районах, во всех бесспорных случаях находок, ножи такого рода бывают связаны только с памятниками срубной культуры. Они совершенно отсутствуют в погребениях предшествующей катакомбной культуры во всех ее ранних и поздних вариантах, в погребениях, совершенных как в катакомбах, так и в простых могильных ямах. Почти все медные и бронзовые ножи, или листовидные, или близки к листовидной форме. Нет ни одного случая, на основании которого было бы возможно проследить возникновение и развитие ножа срубного типа на материале катакомбной культуры. Здесь полностью отсутствуют явления, характерные для Поволжья: развитие формы срубного ножа при переходе от полтавкинской к срубной культуре. Это дает повод предполагать, что ножи с намечающимся перекрестием проникли в Приазовье, так же как и в Южное Приднепровье, в уже готовом виде вместе со

срубной культурой. Древнейшие формы листовидных ножей были здесь вытеснены окончательно вместе с другими формами материального быта катакомбной культуры.

В степных низовьях Днестра, особенно на территории кучугур близ с. Кардашкин, находки ножей всевозможных вариантов довольно многочисленны. Здесь с полной четкостью сохранились формы классических ножей срубной культуры Поволжья; при этом все они относятся ко вполне выработанному, установившемуся типу.

В то время как листовидный катакомбный нож явно вышел из употребления с концом катакомбной культуры, форма срубного ножа получает в степях Северо-западного Причерноморья свое дальнейшее развитие, которое заключается в следующем: ребро, проходящее по оси клинка (рис. 34, /), заменяется валиком, отчего орудие становится массивнее, прочнее и имеет тенденцию к увеличению в размерах (рис. 34, 2). Намечающееся перекрестие переходит в кольцеобразный (рис. 34, 4) или почти кольцеобразный (рис. 34, 3) ободок либо упор для рукояти. В своем развитии орудие, повидимому, приобретает не столько режущее, сколько кблующее значение и становится в меньшей мере ножом, в большей — кинжалом. Примером может служить небольшой кинжал (рис. 34, 4), происходящий с Кардашкински^ссучугур и по форме своей являющийся первым звеном в цепи развития кинжалов позднебронзового века. Эта наиболее простая форма кинжала была связана с военным бытом степняков как срубной, так и андроновской³⁹ культур. Ее возникновение и повсеместное распространение является результатом большой подвижности племен конца бронзового века, находившихся, повидимому, между собой в постоянных сношениях. С другой стороны, вероятно, в результате племенных объединений или союзов племен, приведших к той или иной территориальной обособленности, появляются местные формы материального быта, в частности, формы кинжалов. Сосновомазинский тип кинжала, характерный для Поволжья и Дона, на Днестре встречается редко. Лишь один экземпляр

³⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М» 1948, стр. 86, рис. 20, 1.

подобного типа происходит из Среднего Приднепровья⁴⁰.

Крайним пунктом распространения на западе кинжалов сосновомазинского типа является верхний Днестр, где этот тип представлен тоже лишь одним экземпляром⁴¹.

Второй областью развития бронзовых кинжалов, как и других бронзовых предметов военного и мирного быта, является степная полоса Северо-западного Причерноморья. В конце сабатиновского этапа появилось довольно большое разнообразие форм кинжалов, в сущности — более совершенные варианты основной формы, развившейся из ножа Гсрубной культуры. На определенной ступени развития, несомненно, в самом конце бронзового века, эти формы находились в употреблении все одновременно, о чем позволяют судить комплексы матриц, происходящих из литейных мастерских. Особенно показательна в этом отношении красномаяцкая мастерская. В состав кинжалов, изготовлявшихся в этой мастерской, входят четыре кинжала, различных по степени своего совершенства. Простейший из них сходен с изображенным на рис. 34, 4 и происходящим с Кардашинских кучугур. Но в то время как валик, проходящий вдоль клинка последнего, лишь слабо расширен у его основания, на красномаяцком экземпляре (рис. 30, 2) валик выделяется раструбом, выходит за пределы основания клинка и служит массивным упором для рукояти. Это было несомненным усовершенствованием, придававшим прочность кинжалам.

На следующем экземпляре (рис. 30, 3) красномаяцкой мастерской вместо кольцеобразного ободка мы видим уже вполне выработанное перекрестие, служившее вместе с тем и упором для рукоятки, ничем от него не отделенной. Рукоять, насаженная на массивный плоский черешок, здесь непосредственно упирается в это перекрестие. Дальнейшее усовершенствование формы шло по пути отделения перекрестия от упора для рукояти (рис. 30, 4), что дало возможность увеличить размер перекрестия, получившего самостоятельную функцию.

Самый большой из кинжалов (рис. 30, 5), изготовлявшихся в красномаяцкой мастер-

ской, отличался от предыдущего тем, что его валик, проходящий по оси клинка, на большей части своего протяжения распадался на три параллельно идущих валика, веерообразно разветвлявшихся у основания клинка. Характерно, что этот наиболее совершенный тип кинжала, выработанный в степных культурах бронзового века, до конца сохраняет свою первоначальную листовидную форму, связанную с его прообразом — ножом срубного типа. В этом, как и у кинжалов сосновомазинского типа, заключается коренное отличие от аналогичных видов вооружения Кавказа, с одной стороны, и Средней и Южной Европы, — с другой.

Кинжал, наиболее простой по форме, связанный своим происхождением непосредственно со срубными ножами, продолжал употребляться на протяжении всего позднего бронзового века. Об этом свидетельствует наличие его матриц в красномаяцкой и в других, одновременных ей, мастерских⁴². Это, очевидно, наиболее распространенное оружие не требовало для отливки большого количества металла. В противоположность ему, кинжалы типа большого кинжала из Красномаяцкого клада, могли появиться только в самом конце бронзового века и существовали недолго. Последнее ясно из того, что тип кинжала (рис. 30, 5), несколько напоминающего короткий меч, известен только по одной из красномаяцких матриц и, очевидно, никогда не был широко распространен. Как появление больших кинжалов, так и скорое исчезновение их может быть объяснено лишь одной причиной: это было связано с развитием военной техники в конце бронзового века и потребностью в мечах, которая, однако, была удовлетворена не бронзолитейщиками, а уже в VII в. скифскими кузнецами, изготовлявшими железное оружие.

О различных вариантах кинжалов, по большей части предназначавшихся для употребления в качестве оружия, можно судить по материалу литейных форм, реже — по готовым изделиям. Последних найдено немного и большей частью во фрагментарном виде.

⁴⁰ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I, 1899, табл. XI, № 59.

⁴¹ Б. Ко 21 отозк I. Ук. соч., табл. XX, рис. 1 (совпадает только рукоять).

⁴² Одна из них, происходящая с Кардашинских кучугур, хранится в ГИМ. А. М. Тап I & геп. Ыа Роп-Ме ргёсу Ми^ие аргёз Пгйгойис Иоп а^е5 тё*аих. Е5А, II. НеЫпИ, 1926, стр. 153. Другая, происходящая отсюда же, хранится в Херсонском музее.

Таковы три кинжала из Днепропетровского музея. От одного из них сохранилась только часть клинка с продольным валиком (рис. 34, 5) обычного вида⁴³, от другого — часть клинка с рукоятью⁴⁴ (рис. 34, 8). Этот кинжал, как и третий экземпляр⁴⁵, сохранившийся полностью (рис. 34, 7), с обеих сторон по клинку вдоль валика украшен тонким нарезным узором в виде заштрихованных треугольников. Третий кинжал своим перекрестием с загнутыми в колечко усами напоминает сосновомазинские типы этого оружия.

Матрицы для отливки кинжалов, помимо краснояцкой, находятся и в других бронзолитейных мастерских. По форме из кардашинской мастерской 1⁴⁶ (рис. 33, 8), резьба которой не была доведена до конца, можно судить о кинжале без перекрестия. Таковую же форму имели кинжалы с Волошского селения⁴⁷, по типу сходные с одним из краснояцких (рис. 30, 2). Форма из с. Вязевки близ г. Павлограда⁴⁸ предназначена для отливки подобного же кинжала, но с перекрестием (рис. 34, 6).

Помимо этих примеров, известны литейные формы для отливки различных кинжалов, в назначении которых как оружия можно усомниться. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса об их принадлежности к тому или иному роду орудий, отмечу лишь, что в слоях поселений сабашиновского времени и в отдельных находках на Кардашинских кучугурах орудия подобного рода попадают относительно часто и являются характерными для поздней бронзы Северо-западного Причерноморья. Об их массовом производстве можно судить главным образом, по многочисленным матрицам, к рассмотрению которых и перейду.

Эти орудия, по внешнему виду сходные с кинжалами, распадаются на две группы, может быть, различные по своему назначению. К первой из них относятся кинжалы довольно малых размеров из Ново-Алек-

сандровского⁴⁹ и Кардашинского⁵⁰ (Кардашинка II) кладов матриц. В обеих мастях при изготовлении этих орудий удалось расширение клинков не в средней части, как обычно, а в нижней, причем лезвия были более прямыми, чем обычно; (рис. 34, 11). Все три ново-александровских клинка — небольших размеров (длиной от 1" до 15 см), узки и тонки. Кардашинский клинок несколько массивнее, но может быть для облегчения веса около его конца было сделано довольно большое овальное отверстие. Вероятно, одна из краснояцких матриц (рис. 30, 10) тоже предназначалась для подобного орудия.

Рассматривая эти предметы, следует вернуться к форме, найденной близ Вязевки, где на одном бруске вместе с кинжалом (рис. 34, 6) была вырезана матрица для отливки весьма своеобразного орудия. Это орудие, — может быть двулезвийный нож, — не имеет острия, а вместо него — две лопасти. Около них, в конце валика, проходящего по оси, находится отверстие, окаймленное таким же валиком. Этим до некоторой степени рассматриваемое орудие напоминает кинжал из Кардашинки II. Возможно, что оба орудия предназначались для одной цели, в которой основную роль играли их лезвия.

Вторая группа представляет собой миниатюрные кинжальчики с совершенно прямыми и почти всегда параллельными лезвиями. Их клинки заострены, и лишь один экземпляр, происходящий из Кардашинки I (рис. 33, 15), имеет округлый конец. Известно довольно много матриц, предназначенных для литья подобных кинжалов. Из них можно назвать три (рис. 33, 15) «з Кардашинки I, одну (рис. 34, 10) — из Кардашинки II, где с боковой стороны формы намечены контуры для резьбы второго такого же кинжала (рис. 34, 12). На форме из-под Цюрупинска⁵¹ (рис. 34, 15, 14) один кинжал вырезан полностью, резьба второго лишь начата. Матрица для отливки такого же кинжала (рис. 34, 16) была найдена под Раденском⁵².

Таким образом, можно считать, что все

⁴³ Днепропетровский музей, № 16715. Происхождение неизвестно.

⁴⁴ Там же, № 16756. Найден у с. Волошского близ г. Днепропетровска.

⁴⁵ Там же, № 16755. Найден в пределах бывшей Екатеринославской губернии.

⁴⁶ ГИМ.

⁴⁷ О. В. Б о д я н с к и й. Ук. соч., стр. 172, рис. IV, /, 6.

⁴⁸ Днепропетровский музей, № 16746.

⁴⁹ А. В. Добровольский. Тальков! ливарне матриц* бронзово! доби з Херсонщини. «Археологія», 19, Київ, 1950, стр. 163—170, рис. 110—112. Херсонский музей.

⁵⁰ Херсонский музей, № 3942, 3943.

⁵¹ Там же, № 3931, 3932.

⁵² Там же, № 3939.

более или менее значительные литейные мастерские сабаатиновского времени изготавливали эти маленькие кинжалы. На предшествующей ступени развития, в поселениях белозерского времени, такие кинжальчики до сих пор еще не были обнаружены. Это обстоятельство не дает возможности проследить их происхождение, тем более, что в могильном инвентаре, — если не считать Широкой могилы, — они тоже совершенно отсутствуют. Нет основания предполагать, что такие кинжалы появились извне, потому что в восточных областях распространения срубной культуры, точно так же как и на Северном Кавказе, их нет. Не встречаются они и в соседних культурах* поздней бронзы Средней и Южной Европы. Это побуждает все же искать происхождение маленьких кинжалов в Нижнем Приднепровье, в районах их наибольшего распространения. Однако проследить развитие этого орудия невозможно из-за недостаточной изученности селищ срубной и позднекатакомбной культур в районах нижнего Днепра. Таким образом, отсутствие промежуточных звеньев позволяет нам в настоящее время строить одни лишь предположения, которые заключаются в том, что в этих местах происхождение прямолезвийных кинжальчиков уходит в далекое прошлое. Может быть, на этот раз его следует искать во времена, предшествующие срубной культуре, т. е. на позднекатакомбных поселениях. При этом следует отметить, что в одном из позднекатакомбных погребений⁵³ в состав инвентаря входил нож (рис. 34, 27) с совершенно прямыми лезвиями и острым концом; другими словами, он был сходен с ножами эпохи поздней бронзы Северо-западного Причерноморья. Не имеем ли мы здесь дело с далекими пережитками, с сохранением вполне установившейся и целесообразной формы орудия, распространенного у населения позднекатакомбной культуры в качестве орудия личного пользования?

В заключение обзора ножей и кинжалов Северо-западного Причерноморья следует сказать несколько слов об однолезвийных ножах с литой рукоятью у некоторых из них. Разные формы этого орудия были распространены довольно широко во всех куль-

турах степной бронзы, начиная от карасукской и андроновской культур, где они многочисленны и разнообразны, и кончая срубной культурой; в последней они встречаются редко. На один из подобных ножей было указано при рассмотрении бронзовых изделий Нижнего Поволжья.

На селище Белозерского лимана был встречен однолезвийный нож своеобразной формы с прямоугольным отверстием на колечной обушной части⁵⁴.

В низовьях Днепра на кучугурах близ Херсона был найден обломок подобного ножа (рис. 34, 28)⁵⁵, а с урочища Ставки близ Снегиревки, Херсонской области, происходит целый нож (рис. 34, 36) со слегка вогнутой обушковой частью⁵⁶ и заточенным лезвием. Нож, близкий по форме предыдущему, происходит из Новогригорьевского клада⁵⁷. Оба последних ножа напоминают среднеевропейские типы соответствующих орудий эпохи поздней бронзы.

Наиболее древний тип бронзовых втульчатых копий с откованной и свернутой в трубку втулкой, откованным и оттянутым пером в районах нижнего Днепра не встречается. Известный на Северном Кавказе, а также в Покровском и Сейменском могильнике, он до сих пор не был обнаружен в Северо-западном Причерноморье. Можно привести лишь один пример наконечника (рис. 34, 17) с откованными лопастями пера, однако, он имеет литую втулку с дыркой, образованной во время литья⁵⁸.

К наиболее древним типам наконечников копий в Нижнем Приднепровье относятся те, которые по форме своей близки к сейменскому типу. При этом следует отметить, что сейменских вильчатых копий здесь не было встречено. В Северо-западном Причерноморье они представлены лишь в Бессарабском кладе. Примером "невильчатого" копья сейменского типа является наконечник

⁵⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСНИМК, XXVI, 1949, стр. 83, рис. 33, 1.

⁵⁵ Херсонский музей, № 4616.

⁵⁶ Там же, № 3843.

⁵⁷ А. М. Тапалгеп. Ук. соч., стр. 161, рис. 94.

⁵⁸ Наконечник хранится в Днепропетровском музее и принадлежит к предметам, утерявшим свой паспорт. Подобные наконечники более всего известны на Кубани. А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, стр. 113, рис. 50, 1, 2, 5—8.

⁵³ Станица Нижне-Чирская в низовьях Дона. Курган Кирпичный. Раскопки Тизенгаузена 1865 г. Найден в одном комплексе с бронзовым шилом, каменной булавой, пестом и камнем для растирания.

(рис. 34, 18), хранящийся в Херсонском музее⁵⁹. В отличие от поволжских наконечников подобного рода он опоясан в нижней части втулки четырьмя выпуклыми ободками, из которых нижний является самым широким. Отверстие во втулке проделано в процессе литья. По типу это копье близко к сейменским и бессарабским; с последними его связывает и наличие ободков на втулке.

Однако есть и своеобразное отличие, характерное для нижнеднепровских копий. Оно заключается в пропорциях копья, в наличии относительно короткой и широкой втулки. Это копье как бы начинается собой тот путь развития, который наблюдается у наконечников Северо-западного Причерноморья на всем протяжении позднебронзового века. Здесь со временем втулки копий становятся все короче и массивнее, лопасти же пера все более узкими. В наиболее поздних комплексах, каковым является красномаяцкий, основной частью копья была очень массивная втулка в виде правильного конуса. Очень узкое перо копья занимает около $\frac{2}{3}$ длины наконечника. У этих поздних копий перо обычно расширено около середины, ближе к верхней своей части, книзу же резко сужено. Именно с этой формой копий следует связывать лавролистные наконечники скифских железных копий VII—V вв., у которых наибольшее расширение находится в середине пера или немного выше его⁶⁰.

В Красномаяцком кладе для литья подобных копий были предназначены две матрицы: одна из них — для большого копья (рис. 30, 8), другая — для копья небольших размеров (рис. 30, 7). Совершенно схоже с большим красномаяцким бронзовое копье, найденное близ сел. Игрень у Днепровских порогов (рис. 34, 22)⁶¹. Близко к нему и одно из копий волошской мастерской⁶².

Между этими поздними копьями, столь характерными для Северо-западного Причерноморья, и приведенным выше копьем сейменского типа существует ряд промежуточных форм, о которых можно судить по гото-

вым изделиям, происходящим, главным образом с нижнего Днепра. Один из этих типов (рис. 32, 3), более других сходный с сейменским, происходит из клада Тилигульского лимана⁶³. Вообще же это копье своеобразие. Его перо не пропорционально втулке, расширяющейся в виде раструба, а крупная петля помещенная у основания пера, не соответствует его небольшим размерам⁶⁴.

Следующим звеном развития является наконечник, найденный под Цюрупинском (рис. 34, 19). Его перо спускается почти до конца втулки и в нижней части заметно становится уже. Еще отчетливее это проявляется у наконечников, один из которых происходит из-под Дремайловки (рис. 34, 20)⁶⁵ — близ Херсона и второй — с порога Ненасытец (рис. 34, 21).

Приведенных примеров достаточно, чтобы составить себе представление о ходе развития копий поздней бронзы в Северо-западном Причерноморье. О различных вариантах этих основных типов можно судить по следующим экземплярам, происходящим из районов Нижнего Приднепровья. Одни из этих копий имеют перо, доходящее почти до нижнего края втулки. К ним относится копье (рис. 34, 29) из с. Обухова, Днепропетровской области, и второе (рис. 34, 30, матрица), происхождение которого неизвестно⁶⁶. Вся втулка копья из с. Обухова покрыта выемчатой гранью. Противоположностью этим копьям является наконечник (рис. 34, 26) из Днепропетровского музея⁶⁷ с чрезмерно широкой и длинной втулкой, коротким и узким пером, занимающим менее половины всего копья. Перо покрыто орнаментом в виде заштрихованных треугольников, выполненных при литье предмета. Ещё богаче орнаментировано копье (рис. 34, 24), тоже найденное близ Цюрупинска⁶⁸. Его пунцонный орнамент состоит из заштрихованных треугольников, расположенных по перу, и узора в виде

⁶³ Клад с Тилигульского лимана хранится в Одесском музее.

⁶⁴ В Западной Украине копье, подобное тилигульскому, опубликовано Л. Козловским (Б. Ко2 1юч*г5К1. Ук. соч., стр. 54, табл. XVI, 7).

⁶⁵ Оба последних копья хранятся в Херсонском музее.

⁶⁶ Оба копья хранятся в Днепропетровском музее. Копье из с. Обухова издано А. М. Тальгеном (ук. соч., стр. 197, рис. 108, 3).

⁶⁷ Его происхождение неизвестно.

⁶⁸ Хранится в Херсонском музее.

⁵⁹ Его происхождение неизвестно. Можно судить лишь о том, что он был найден в пределах бывшей Херсонской губернии. Хранится в Херсонском музее, № 4657.

⁶⁰ А. И. Мелюков а. Войско и оружие скифов. М., 1950, стр. 14.

⁶¹ Из Днепропетровского музея, № 16760.

⁶² Выставка конференции в И А АН УССР в январе 1941 г.

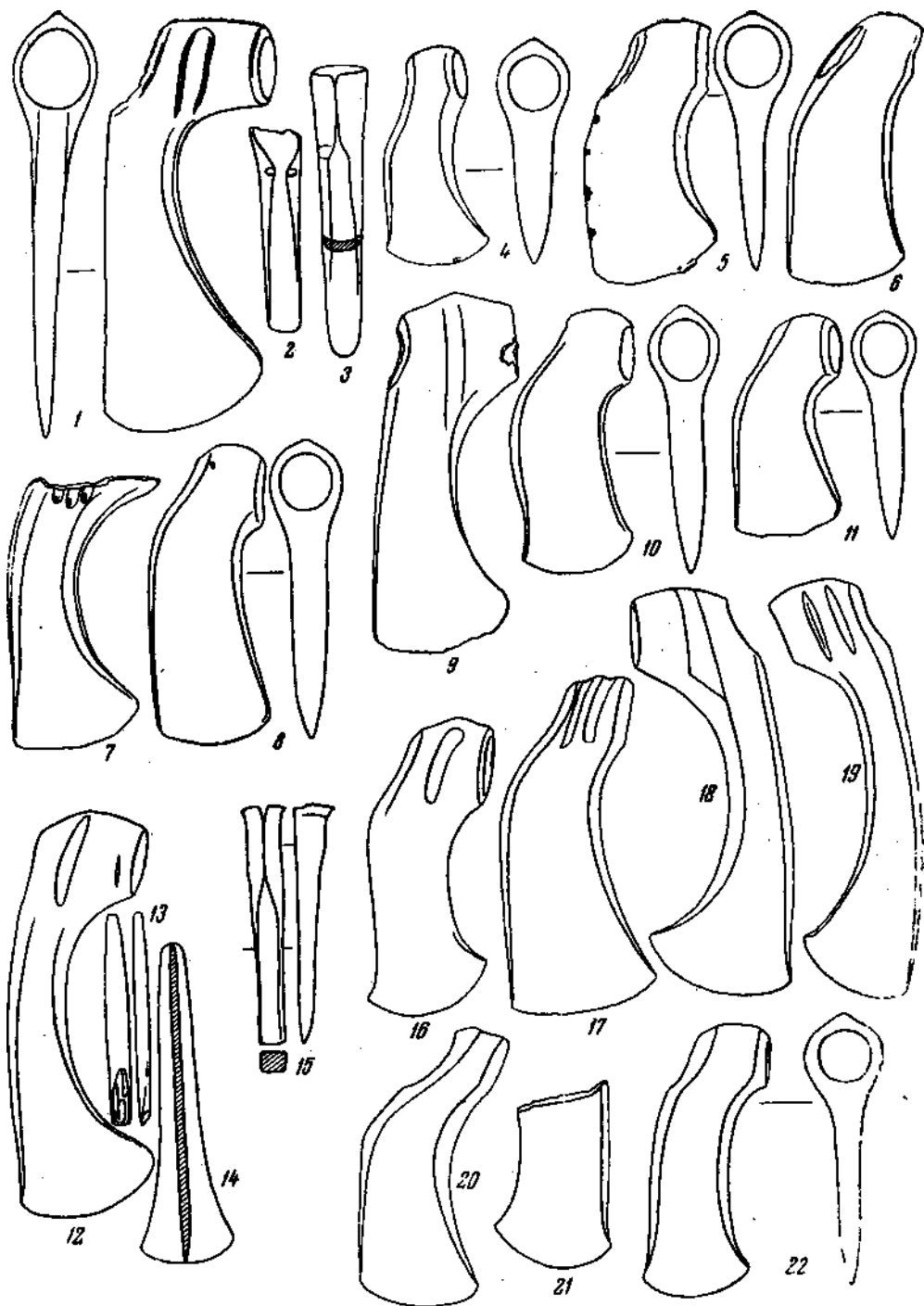

Рис. 35. Бронзовые проушные топоры.

1—6 с. Скакун, Курской области; 7—11 с. Колонтаевка. Харьковской области; 12 — 14 — Рыбаковка (бывш. Аджияск), близ г. Одессы; 15 к 18 — местонахождение неизвестно; 16 — Бедная могила, Привольное, Херсонской области; 17 — Днепропетровская область; 19 с. Михайловка, близ Хортицы; 20 — Кривой Рог, Днепропетровской области; 21 с. Коблево на Тилигульском лимане, близ г. Одессы; 22 — близ г. Херсона, Кучугуры. Ок. $\frac{1}{4}$ н. в.

латинских 5, размещенного между треугольниками. Комбинация из треугольников и сложного лопастного узора покрывает втулку копья. На втором копье (рис. 34, 25), происходящем из Михайлова-Апостола⁶⁹, странным образом комбинируются украшения, свойственные кинжалам и кельтам. Втулка его по всей передней поверхности украшена большим рельефным треугольником (как на кельте из Тилигульского клада; рис. 32, 6) и отделена от пера перекрестием с загнутыми в колечки концами (кинжалы сосновомазинского типа). Острие этого копья сильно стерто в результате повторной заточки.

При том ограниченном материале, которым мы располагаем в настоящее время, трудно ответить на вопрос, в результате каких сношений копья сейменского типа были занесены на нижний Днепр и в район Белгорода-Днестровского. Едва ли они были получены непосредственно из области абашевской культуры. Представляется более вероятным, что подобные копья были занесены в Северо-западное Причерноморье в результате продвижения племен срубной культуры в западном направлении по приазовским и черноморским степям. В таком случае происхождение наконечников копий красноярского типа, точно так же, как и кинжалов, вероятно, надо связывать с появлением племен срубной культуры в районах Нижнего Приднепровья.

Особняком стоят на нижнем Днепре два наконечника бронзовых копий с широкой конической втулкой и полукруглыми прорезами в нижней части пера. Один из них вырезан на литейной форме из урочища Солоха (рис. 34, 33; Днепропетровский музей), а другой, из коллекций того же музея, не имеет паспорта (рис. 34, 31). Три таких наконечника А. М. Тальгрэн приводит в рисунках из бывшей Киевской губернии⁷⁰, два литых и один на матрице; кроме того, один известен в ЖданоБском краеведческом музее (рис. 34, 32). Судя по типам кельтов на форме из Солохи, можно считать, что такого рода копья принадлежат к самому концу бронзовой эпохи.

В связи с копьями поздней бронзы, имеющими расширение в верхней или средней ча-

сти, стоят бронзовые наконечники стрел, восходящие к VIII и VII вв. до н. э., — «предскифские» по терминологии П. Д. Рау. Это лавролистные, овально-ромбические и ромбические наконечники с довольно длинной втулкой, равной головке стрелы или даже ее превышающей. В последнее время ими вновь занялся А. А. Иессен, указывающий их в составе некоторых кубанских инвентарей, содержащих уже упоминавшиеся бронзовые удила кобанского типа⁷¹. Ранее эти стрелы были известны всюду — от Нижней Волги до Нижнего Днепра — только среди подъемных вещей, особенно на дюнах, в частности на дюнах под Херсоном. К этим стрелам восходят плоские, иногда с шипом скифские стрелы овальных и лавролистных контуров, но всегда с короткой втулкой.

Третьим орудием, появившимся в Нижнем Приднепровье во времена срубной культуры, являются различные варианты бронзовых проушных топоров, близких между собой по форме. Их более или менее вислый обух в верхней части имеет ребро; по бокам он гладкий или с одним-двумя, реже тремя желобами. Как правило, боек этих топоров в 3 раза длиннее своей средней ширины (рис. 35, 16, 17, 20, 22), в некоторых же случаях он бывает довольно сильно удлиннен и изогнут (рис. 35, 18, 19). Лезвие обычно расширено и оттянуто назад. В качестве примера могут служить следующие экземпляры: топор, найденный на кучугурах под Херсоном (рис. 35, 22)⁷²; топор с Бедной могилы (рис. 35, 16) из-под Привольного Херсонской области⁷³; топор (рис. 35, 12) из клада, найденного близ сел. Рыбаковски (бывш. Аджияск) под Одессой⁷⁴; топор из Кривого Рога⁷⁵ (рис. 35, 20); топор из сел. Тарасовки, Днепропетровской области⁷⁶; топор неизвестного происхождения (рис. 35, 18), хранящийся в Днепропетровском музее⁷⁷ и топор, найденный у сел. Михайловки близ Хортицы (рис. 35, 19)⁷⁸.

Все эти топоры представляют собой варианты одного типа, более или менее одновре-

⁷¹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, стр. 119, 120.
⁷² Херсонский музей, № 4653.

⁷³ Там же, № 3895.

⁷⁴ Там же, № 3747.

⁷⁵ Днепропетровский музей, № 16688.

⁷⁶ Там же, № 16703.

⁷⁷ Там же, № 37415.

⁷⁸ Там же, № 16704.

⁶⁹ Хранится в Херсонском музее.

⁷⁰ А. М. Тальгрэн. Ук. соч., стр. 105 и 106 и рис. 108, 8, 9 и //•

менны и вне пределов Приднепровья встречаются в одних и тех же сочетаниях. На Украине они известны в кладе литейщика (рис. 35, 7—11), найденном в Богодуховском районе Харьковской области близ сел. Колонтаевки⁷⁹. Второй подобный же клад литейщика (рис. 35, 1—6) происходит из-под станции Касторной Курской области, где он был найден близ дер. Скакун⁸⁰. Важно отметить, что оба эти клада связаны с территорией распространения срубной культуры, с ее донскими и донецкими районами. Вполне вероятно, что именно из этих лесостепных районов проушные топоры данного типа проникали на Днепр. С другой стороны, и Дон, и Донец являлись теми водными путями, которые связывали срубную культуру с Северо-западным Кавказом, где сходные топоры входят в состав комплексов Привольнинского⁸¹ и Костромского⁸² кладов, найденных в Краснодарском крае, а также в число находок на р. Сочи⁸³. Не исключена возможность, что в этот относительно ранний период срубной культуры топоры подобного рода с Кубани могли распространяться во все пределы, занятые этой культурой в том числе и на нижний Днепр.

В Привольнинском и Костромском кладах, кроме того, были найдены долота с раскованной и/или согнутой в более или менее замкнутую трубку втулкой. Такие же два долота мы встречали и в кладе из-под дер. Скакун (рис. 35, 2, 3). Как было сказано выше, долота известны и в Поволжье в первом периоде срубной культуры. В Нижнем Приднепровье подобные долота почти не встречаются; здесь они, вероятно, просуществовали недолго. Если они связаны с появлением на Днепре срубной культуры, то их ограниченное употребление здесь может быть объяснено следующим: ко времени передвижения племен срубной культуры на Днепр начинают выделяться и широко распространяться долота с

литой втулкой. В то время как долото с кованой втулкой известно лишь в одном случае⁸⁴ (рис. 35, 15), долота с литой втулкой входят во многие клады — мастерские литейщиков и известны главным образом по литейным формам. Три матрицы для долот с более или менее широкими желобами (рис. 33, 3—5, 10, 11) мы видим в Кардашинке I, одну — в кардашинской мастерской (Кардашинка II)⁸⁵, одну — в ново-александровской мастерской⁸⁶ и одну — в красноярской (рис. 30, 13)⁸⁷.

Напомним, что, помимо долот с кованой втулкой, на Кубани и в Нижнем Поволжье к первому периоду срубной культуры относятся тесла (рис. 13, 3—5) клиновидной формы. Характерно, что и в Северо-западном Причерноморье вместе с топором из сел. Рыбаковки (бывш. Аджияск) было найдено 19 подобных же тесел (рис. 35, 14) и 1 долото (рис. 35, 13) своеобразной формы с черепком для насада. Как тесла, так и долото — кованные и сделаны из красноватой бронзы, в то время как топор отлит из светлого, желтоватого сплава.

Помимо ножей-кинжалов, наконечников копий, проушных топоров и долот с кованой втулкой, на нижнем Днепре с появлением срубной культуры входят в употребление литые серпы с откованным крюком у рукояти. Как уже было сказано выше, подобные серпы, загнутые, главным образом у конца, особенно распространены в срубной культуре Поволжья (рис. 14, 10, 11) и на среднем Дону. Подобные им серпы известны и на Кубани, однако тождественных там нет. Серпы из клада близ станицы Костромской загнуты значительно сильнее и не имеют крюка; позднее же появляются коленчатые серпы с откованной рукоятью, не всегда загнутой в крюк.

На нижнем Днепре известны 3 серпа, близкие по форме к поволжским⁸⁸. Один из них был найден близ Диденковской скалы у Днепровских порогов (рис. 32, 10), два других (рис. 32, 8, 9) — у с. Бородаевки

⁷⁹ Коллекция хранится в ГИМ и состоит из 10 топоров (№ 24121—24131). Вещи были найдены в 1890 г. ОАК, 1890, стр. 123.

⁸⁰ Коллекция хранится в ГИМ и состоит из 4 топоров, 2 долот и куска металла неопределенной формы. Вещи были найдены в 1891 г. (ОАК, 1891, стр. 170) и в 1892 г. (ОАК, 1892, стр. 41; № 28307—28309 и 25548).

⁸¹ А. М. Таи́геп. Ук. соч., стр. 155, рис. 90.

⁸² А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, стр. 118, рис. 54.

⁸³ Там же, стр. 98, рис. 28.

⁸⁴ Хранится в Днепропетровском музее, № 1893. Происхождение неизвестно.

⁸⁵ Херсонский музей.

⁸⁶ А. В. Добровольский. Тальков! ливарш матриц бронзової доби з Херсонщини, стр. 163, табл. 1, б. Херсонский музей.

⁸⁷ Одесский музей, негатив № 2146.

⁸⁸ Все три экземпляра хранятся в Днепропетровском музее (один — № 16622, два Хрушчих — № 1662%

бывшего Верхнеднепровского уезда. Все три серпа относительно слабо согнуты, причем наибольший загиб, как и в Поволжье, расположен ближе к концу орудия.

Глиняная форма (рис. 32, /), найденная вместе с лошеним сосудом близ Черноморки (бывш. Люстдорф)⁸⁹, была предназначена для отливки подобных серпов. Повидимому, она относится ко времени Белозерского лимана, т. е. к концу II тысячелетия до н. э.

Значительно менее были распространены на нижнем Днепре серпы типа Кабаковского клада⁹⁰, имевшие в древнем земледелии какое-то особое назначение. Широкие и почти не загнутые, с литым крюком, они мало напоминают серпы срубного типа и происходят главным образом из лесостепных районов Полтавской области. В Нижнем Приднепровье такой серп относительно малых размеров был найден в с. Борисовке, в Криворозье⁹¹.

*[^] Наиболее поздние серпы Северо-западного Причерноморья близки по форме кубанским коленчатым серпам. Об их массовом употреблении и несомненном развитии земледелия в причерноморских степях в конце бронзового века свидетельствует клад литейщика, происходящий с Тилигульского лимана. Обработанные и необработанные после отлива серпы, литейный брак и лом принадлежат не менее, чем 20 экземплярам. По сравнению с другими орудиями, изготовлявшимися в мастерской Тилигульского лимана, серпов выделялось больше всего. На 6 кельтов (рис. 32, 6, 21—24; два из них даны без контуров матриц), одно копьё (рис. 32, 3), одно тесло (рис. 32, 7; матрица) и один обломок проушного топора (рис. 35, 21) серпов приходится 20 экземпляров. К ним следует прибавить две литейные формы для маленьких серпов (рис. 32, 5 без контуров матрицы) со своеобразными ручками в виде колец, выполнявших в процессе отлива. Большинство ручек тилигульских коленчатых серпов отковано в четырехгранный стержень и загнуто крюком.

Представляется вполне вероятным, что во времена тилигульской мастерской Прику-

банье играло роль одной из сырьевых баз для бронзолитейщиков Северо-западного Причерноморья. Естественно, что вместе металлом в эти степные районы с Кубань могли проникать и формы серпов. Еще большая уверенность в этом появляется в результате изучения коллекции серпов и топоров Бериславского клада, опубликованного А. Б. Добровольским⁹². Коленчатые серпы (в количестве семи), входящие в состав Бериславского клада, совпадают по форме, с одной стороны, с серпами Тилигульского лимана с другой — Кубани; в особенности — пять из них⁹³. Наиболее интересными являются проушные топоры клада, которые А. А. Иессен⁹⁴ сопоставляет с топорами кубанских мастерских. Из них 3 экземпляра напоминают более древние топоры, рассмотренные выше и распространенные как на Кубани, так и по всему степному Югу. Особенно близкое сходство с кубанскими топорами проявляется у топоров с почти прямым бойком, слабо расширенным лезвием и со своеобразным обухом, сохраняющим остаток литка. С боков обуха расположено по два желоба. В Поволжье, а также в донских и донецких степях топоры этой формы не встречаются. Появление же их в Нижнем Приднепровье можно объяснить лишь непосредственными связями его населения с Северным Кавказом.

Судя по поздним формам серпов, сходных с кавказскими серпами позднекубанского периода⁹⁵, Бериславский клад следует отнести к сравнительно позднему времени и приурочить его к началу сабашиновского этапа. В абсолютных датах это соответствует началу I тысячелетия до н. э. Таким же образом склонен его датировать и А. В. Добровольский.*

К тому же времени развития поздней бронзы относится и клад Тилигульского лимана. Выше было отмечено, что среди его вещей находится обломок проушного топора (рис. 35, 21) со слабо расширенным лезвием и довольно прямым и широким бойком. Воз-

⁹² А. В. Добровольский. Бериславский скарб бронзової доби, «Археологія», II, Київ, 1948, стр. 152—162, табл. I. (Клад хранится в Херсонском музее).

⁹³ Там же, стр. 157, табл. I, рис. 6 и 8.

⁹⁴ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, стр. 96 и сл.; рис. 25 и 26,

⁹⁵ Там же, стр. 117.

⁸⁹ Недалеко от Одессы. Хранится в Одесском музее, № 3927—3928.

⁹⁰ А. М. Тамм и Геп. Ук. соч., стр. 163, рис. 96.

⁹¹ Хранится в Днепропетровском музее. От Б. А. Ильинской мне известны два таких же железных* орудия со скифских городищ на р. Суде,

можно, что в целом виде тилигульский топор был близок по форме бериславским с боковыми желобами и сохранившимся литком на обухе.

Следует еще остановиться на серпах, происходящих из клада литейщика, найденного близ сел. Авраамовки, Днепропетровской области. Эти коленчатые серпы (рис. 32, 18) отличаются от тилигульских прежде всего своими рукоятями в виде крюков, полученных в результате отливки орудия. Кроме того, некоторые из них на одной из сторон имеют ребристую поверхность, чего не наблюдается на тилигульских серпах. Выделка серпов такого рода совершенно неизвестна на Кавказе и в степях Восточной Европы и вполне обычна для семиградских литейщиков на Дунае. Западное происхождение мастерской подтверждается и наличием в ней трех палыштабов, из которых два (рис. 32, 15) имеют такую же как и серпы, ребристую поверхность. Отношение мастерской к довольно позднему, — очевидно, сабагиновскому, — времени определяется литым втульчатым долотом (рис. 32, 17) и кельтом (рис. 32, 16) одного из поздних типов, характерных для Красномаяцкого и ему подобных кладов.

Топоры Бериславского клада и Тилигульского лимана — наиболее поздние из известных в настоящее время проушных топоров, употреблявшихся в Северо-западном Причерноморье. Вероятно, в конце бронзового века они почти вышли из употребления и заменились разнообразными кельтами. Эти орудия превосходят все другие бронзовые изделия и по количеству находок, и по разнообразию форм, и по богатству комплексов, в которых они представлены. Тем не менее именно кельты Северо-западного Причерноморья являются меньше всего изученной и хронологически классифицированной категорией. Основная причина этого заключается в следующем: во всех интересующих нас районах, начиная от Понидьепровья и далее на запад, кельты не принадлежат к числу орудий, получивших свое первоначальное развитие в этих местах. В то время как кинжалы происходят от срубных ножей, а копья от наконечников, близких по форме к северокавказским и сейменским, кельты появляются в степном Причерноморье уже во вполне развитом и установившемся виде. Насколько можно судить по известным нам образцам среднеевропейской бронзы, воздающе

этим орудиям и их первоначальное развитие протекали именно там. Непосредственно в степные районы Восточной Европы кельты могли проникать, повидимому, из нижнедунайских стран и из Польши.

Принимая во внимание материал наиболее поздних матриц, происходящий из трех кардашинских мастерских, из Ново-Александровки и из Красномаяцкого клада, а также из клада (рис. 32, 31—36) бронзовых кельтов, найденного близ Кривого Кута на Херсонщине, попытаюсь выделить те кельты, которые вырабатывались только во всех этих поздних мастерских. К ним относятся экземпляры, изображенные на рис. 32, 25, 30, 34, 35 и рис. 33, 12, 13. Это кельты с двумя ушками и с характерным рельефом в виде лаврового листа по бокам.

Среди кельтов Тилигульского лимана такой формы нет. Отсутствует она также и в кладах из сел. Маячки⁹⁶, состоящем из 7 кельтов. Как уже было сказано выше, тилигульская мастерская относится к наиболее раннему времени сабагиновского этапа, в то время как все вышеназванные клады — мастерские — к его концу. Основываясь на этом все же весьма ограниченном материале, можно предположить, что приведенный тип кельта выработался лишь в конце бронзового века, причем не явился извне, а создавался в литейных мастерских Северо-западного Причерноморья. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что кельты подобной формы не встречаются в коллекциях Средней Европы. В черноморских же степных районах, а также и по всему Нижнему и Среднему Приднепровью их можно встретить в большом количестве.

Исходя из датировки мастерской Тилигульского лимана, мы можем принять входящие в нее типы кельтов (рис. 32, 24) за относительно ранние. В основном их отличие от кельтов поздних комплексов заключается в том, что все они, кроме одного (рис. 32, 6), имеют узкие и удлиненные пропорции (рис. 32, 21, 23, 24). Совершенно сходны с ними 7 кельтов из клада Маячки (рис. 32, 11—14). Некоторые из этих типов живут, по видимому, долго. Их можно встретить и в поздних комплексах, так как они продолжали употребляться и в самом конце позднего бронзового века. Однако среди них есть и

* Хранится в Херсонском музее.

такие (рис. 32, 13, 14, 24), которые вовсе не встречаются ни в трех коллекциях из-под Кардашинки, ни в Красномаяцком кладе, ни в других, им одновременных, мастерских. Это узкие и длинные шестигранные кельты с дополнительными гранями в своей верхней части.

Вполне возможно, что подобные кельты относятся только к раннему времени существования этого орудия в Причерноморье. В противоположность поздним кельтам этот тип кельтов, — или близкий к нему, — встречается и в Станиславской области⁹⁷. Возможно, что это одна из тех форм кельтов, которые проникли с Запада в пределы Причерноморья довольно рано.

Помимо двух выделенных типов, которые, — пока лишь предположительно, можно определить хронологически, целый ряд разнообразных форм не поддается этому определению. Так, основной тип шестигранного кельта Тилигульского лимана (рис. 32, 21) и Маячек (рис. 32, 11, 12), очевидно, является наиболее стойким и в поздних литейных формах. Его варианты основаны главным образом на разных способах скрепления клинка с рукоятью. Подобные кельты встречаются с овальной дыркой на передней стенке (рис. 32, III 31) или с боковой петлей (рис. 32, 12), в некоторых случаях — и с дыркой, и с петлей (рис. 32, 21, 32). В красномаяцкой мастерской петля помещалась на передней стенке орудия (рис. 30, 9), как это наблюдается и на сосновомазинских кельтах. Вполне возможно, что этот способ скрепления является наиболее поздним. В красномаяцкой мастерской и в Кардашинке I производились также и массивные шестигранные кельты двух вариантов с боковым ушком и выпуклостью в виде миндалевидной бляхи спереди (рис. 30, 14; 33, 6, 7).

Помимо бронзовых кельтов и некоторых серпов типа Авраамовки, целый ряд разных предметов следует считать проникшим с Запада, из дунайских стран и из пределов Польши. К этим предметам, особенно, относятся некоторые однолезвийные ножи, может быть, упомянутый выше нож из Ново-Григорьевки и различные украшения, как,

например, браслеты⁹⁸ из той же Ново-Григорьевки. Здесь особенно имеются в виду замкнутые браслеты, покрытые тонкой — резной орнаментикой. Замкнутые браслеты помимо Ново-Григорьевки, связаны с некоторыми другими находками. Например, од* из них" был найден близ с. Привольного Бедной могиле (рис. 34, 23). Судя по материалу, происходящим из красномаяцкой мастерской и других, ей одновременных (Кардашинка II и Ново-Александровка), эти браслеты были, особенно распространены в конце бронзового века. Нами не установлен . связь этого украшения с подобными же браслетами с незамкнутыми концами в Поволжье, однако, она вполне вероятна. Я не буду останавливаться на других предметах формы которых в той или иной мере напоминают некоторые среднеевропейские. К ним относятся один из кинжалов волошской литейной мастерской¹⁰⁰, а также один из кинжалов Кардашинки I (рис. 33, /, 2). Булавки с шарообразной головкой, имеющие косое отверстие, тоже, по видимому, связаны своим происхождением с такими же булавками, распространенными в Средней Европе еще со времен унетицкой культуры. В Нижнем Приднепровье они встречаются дважды, причем в тех же наиболее поздних литейных мастерских, а именно в Кардашинке I (рис. 33, 10, 11) и в Ново-Александровке.

Вопрос о взаимосвязях бронзолитейщиков Северо-западного Причерноморья с их западными соседями в настоящее время находится в процессе изучения и входит в тему дальнейшей работы, а потому здесь на нем останавливаться не буду.

Заканчивая этот раздел, еще раз отмечу, что основными формами металлических изделий сабастиновского этапа поздней бронзы являются те, которые в той или иной мере были связаны с металлообработкой срубной культуры как в Поволжье, так и на Дону.

Немалую роль играли и связи черноморских литейщиков с прикубанскими металлургами, с которыми эти связи продолжались у степного населения сабастиновского этапа, т. е. до самого скифского времени.

⁹⁸ А. М. Тапеген. Ук. соч., стр. 161, рис. 94.

⁹⁹ Хранится в Херсонском музее, № 3896.

¹⁰⁰ О. В. Бодянский. Ук. соч., стр. 171, табл. III, рис. 2.

⁹⁷ Б. Ко210*г31и. Ук. соч., стр. 71, табл. XX, рис. 3.

§ 5. ДРЕВНЕЙШИЕ СКИФСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ПРИАЗОВЬЕ И В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выше упомянуто о раскопках, которые были произведены в 1949 г. у впадения р. Обиточной в Азовское море (по дневнику разведок — «Обиточная 12»). Там на пространстве около 200 кв. м была расчищена

развития сабаатиновских форм наряду с появлением новых отличительных черт, на основании которых можно заключить, что поселение № 12 на р. Обиточной возникло гораздо позднее, чем Сабаатиновское.

Но, помимо типологического анализа, позволяющего судить о нарастающем развитии керамических форм, есть данные, на основании которых можно отнести селище к отно-

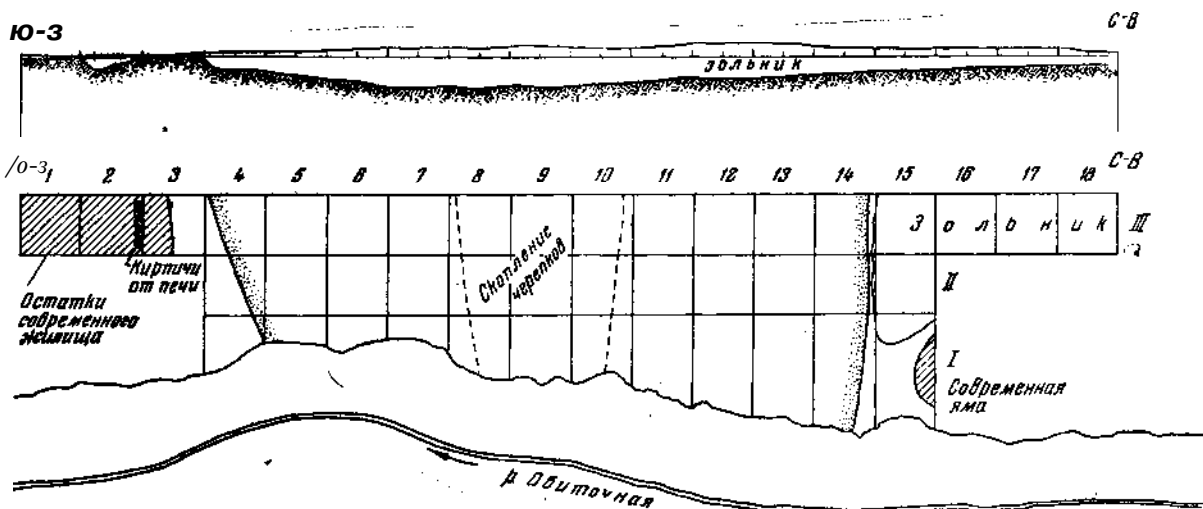

Рис. 36. План раскопок на р. Обиточной, близ с. Преслав, Приморского района, Запорожской области, 1949 г.

часть углубления, повидимому, часть большой полуземлянки или землянки, с остатками близлежащего зольника (рис. 36).

На этом пространстве были собраны черепки посуды, принадлежавшие, вероятно, не менее чем 80 отдельным горшкам довольно однообразных форм и орнаментики. Изучение последних дало возможность найти наиболее близкие аналогии на Сабаатиновском селище и на других селищах, подобных ему. Все же, несмотря на близость керамики Обиточной 12 с сабаатиновской керамикой, усматриваются и значительные различия как в формах посуды, так и в деталях ее украшений. Эти различия могут оказаться локальными ввиду того, что устье р. Обиточной находится от нижнего Побужья на значительном расстоянии, но прежде всего приходится принять во внимание принадлежность поселения № 12 на р. Обиточной к более позднему времени. Кроме прямого сходства, здесь наблюдаются признаки дальнейшего

сительного позднему времени. В культурном слое поселения на Широкой балке близ Ольвии¹⁰¹ была найдена посуда, по своей форме и по характеру налепных валиков сходная с обиточнинской. Однако здесь наряду с ней были обнаружены черепки античной расписной керамики с начала VI в. и до начала V в. до н. э. Это дает возможность датировать все селище на Широкой балке VI веком до н. э. На поселении Обиточная 12 совершенно отсутствуют следы античной керамики. С другой стороны, здесь мы находим значительно больше сходных черт с керамикой Сабаатиновского селища, что позволяет отнести дату этого поселения ко времени, предшествующему Широкой балке, т. е. к VII в. до н. э., и считать Обиточнинское селище и другие, ему подобные, наиболее древними скифскими поселениями.

¹⁰¹ Б. М. Рабичкин.. Поселение у Широкой балки. КСИИМК. Хб, 1951, стр. 114 и сл.

При рассмотрении форм керамики, характерной для Сабатиновского селища, была выделена форма, встречаемая на Белозерском лимане только в одном случае (рис. 27, 15) и получившая широкое распространение в хозяйстве последующего времени. Это горшки — обычно без шейки и без плеч, с характерным отгибом края почти под прямым углом по отношению к профилю стенок (рис. 28, 15—24, 27, 28). Среди них выделяется несколько экземпляров с заостренным и уплощенным сверху краем, выступающим в виде бортика (рис. 28, 24). В Сабатиновке бортики подобного рода встречаются лишь единицами и, повидимому, представляют собой редкий, еще не вполне усвоенный способ формовки края сосудов. На следующем этапе развития керамики; на Обиточной 12, бортики уже украшают большую часть посуды и являются одной из наиболее характерных черт керамики обиточнинского типа. В разных вариантах эти бортики здесь были встречены 21 раз. Посуда же сабаатиновского типа (рис. 37, 33), представленная на Обиточной 12 лишь в 1 экземпляре, повидимому, на этой ступени развития исчезает совершенно.

Помимо бортиков, изменяется и профиль сосудов. Их новая форма, которая лишь намечается в Сабатиновке (рис. 28, 25, 26), здесь, повидимому, уже вполне установилась. Это горшки с относительно высокой, почти прямой шейкой, плавно переходящей в довольно выпуклые плечи и бока (рис. 37, 1—16). Отсутствие целых экземпляров не позволяет пока иметь полного представления об этой посуде. Вероятно, ее разновидностью является горшок (рис* 37, 30) с прямой, отделенной от выпуклых плеч шейкой. Эта форма, характерна для скифской посуды V—IV вв. до н. э., но она известна уже в Сабатиновке (рис. 28, 10).

Представляя собой последнюю фазу развития керамики позднебронзового века в Северо-западном Причерноморье, обиточнинская керамика сохраняет некоторые весьма архаичные формы, восходящие еще к срубной культуре. Так, изредка встречаются баночные сосуды, но их значительно меньше, чем в Сабатиновке. К классическому времени Скифии они совсем исчезают; здесь остаются только их отдаленные варианты. Примером строго баночных форм на Обиточной 12 могут служить фрагменты сосудов, изображен-

ные на рис. 37, 24. Единственный случай орнамента из треугольных ямок тоже восходит ко времени срубной культуры (рис. 37, 15).

Керамика, характерная для белозерского этапа, т. е. горшки с отогнутой шейкой, плавно переходящей в округло выпуклые бока, на Обиточной 12 не попадалась.

Орнаментация посуды на Обиточной 12 по существу не нова и на первый взгляд очень сходна с орнаментацией сабаатиновской керамики. Однако при детальном рассмотрении этой орнаментации становится ясно, что не только некоторые способы ее выполнения, но, что особенно следует подчеркнуть, способ ее размещения уже отливаются от сабаатиновских. Прежде всего бросается в глаза необыкновенно большое количество посуды, орнаментированной налепными валиками; Кажется, что для посуды, украшенной иным способом, вообще не остается места. И действительно, при подсчете оказалось, что на керамику с валиками падает 75% всех сосудов. Повидимому, здесь мы имеем дело с тем временем, когда рельефные украшения в виде различных налепных валиков достигли своего наибольшего развития. У валиков на керамике Обиточной 12 менее пологие склоны, чем на керамике Сабатиновки, где имеется лишь немного сильно выпуклых и остроресберных валиков. Большею частью по валикам бывает нанесен ряд косых зарубок (рис. 37, 19—21, 23), расставленных более или менее часто. Это все тот же древний способ орнаментации, который восходит к началу хвалынского времени в Поволжье. В 6 случаях на валиках встречаются ямки (рис. 37, 24—27, 29), нанесенные пальцами, причем отпечатки ногтей постоянно имеют вертикальное направление. Этот узор приблизительно в том же количестве встречается и на сабаатиновской посуде и впоследствии у скифов становится преобладающим.

Но решающее значение в определении посуды обиточнинского типа имеют не столько характер валиков, сколько их количество и способ расположения. Обычные валики, опоясывающие шейки сосудов, на керамике поселений сабаатиновского типа бывают чаще всего расположены так, что ими как бы отделяется верхняя часть сосуда или шейка сосуда от его плеч. Почти во всех случаях валики бывают опущены на 3—5 см ниже края сосудов. В этом отношении сабаатиновские горшки ничем не отличаются от белозерских.

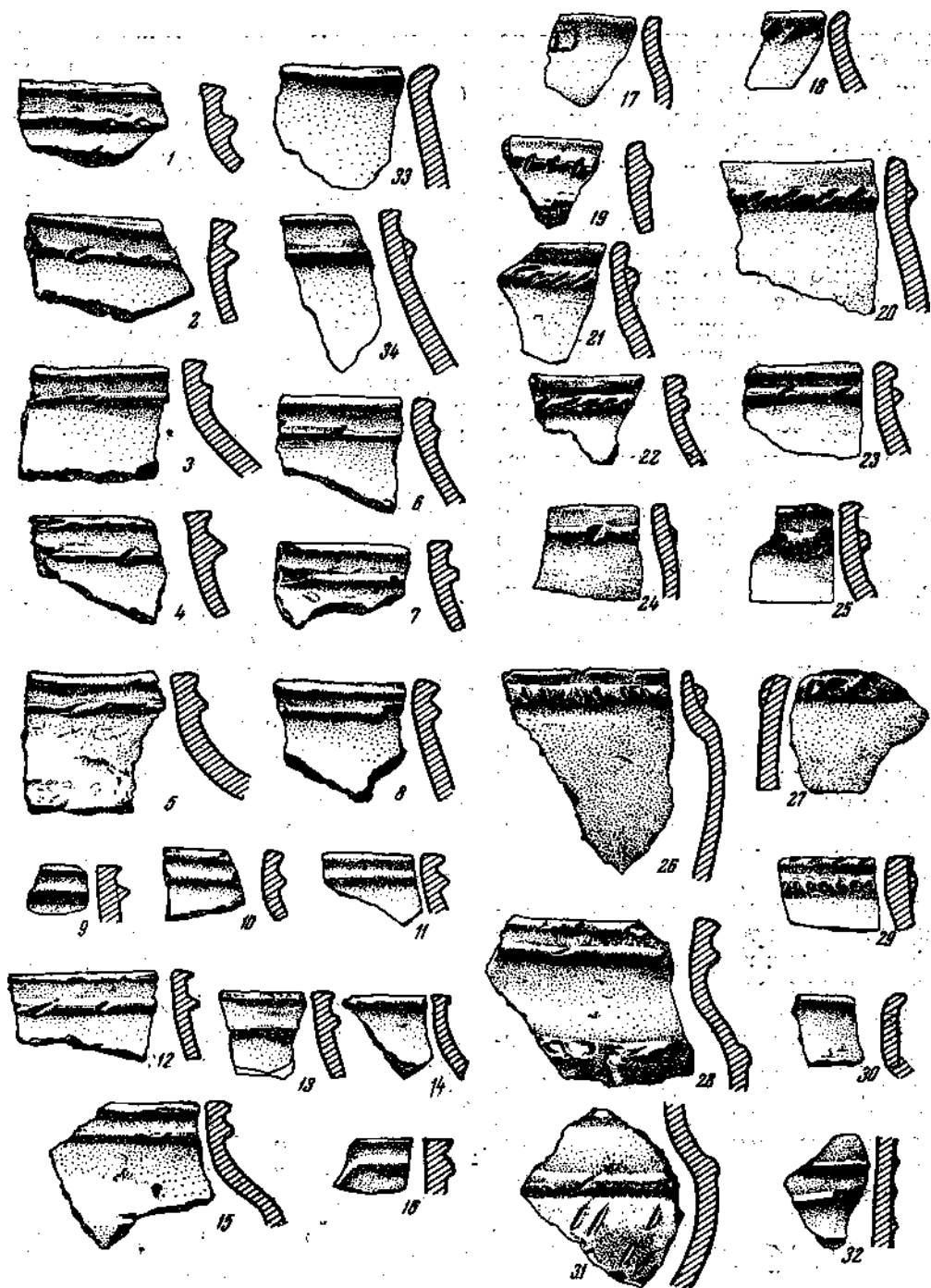

Рис. 37. Керамика с поселения на р. Обиточной, близ с. Преслав, Приморского района
Запорожской области. Ок. $\frac{7}{9}$ н. в.

Совершенно иная картина наблюдается на поселении Обиточная 12 и на других, подобных ему поселениях, где валики почти все без исключения подняты к самому краю сосудов (рис. 37, 1 — 16).

Выше отмечалось, что края обиточинской посуды были окружены плоскими сверху и острореберными бортиками, ничем по существу не отличающимися от валиков, разве только тем, что они не налеплялись, а формовались вместе с сосудом из одной массы. При подведении под их край такого же острореберного валика, создавалось впечатление, что сосуд был украшен двумя валиками, тесно прилегающими друг к другу (рис. 37, 4, 8, 11).

Не менее половины всей керамики, украшенной валиками, имеет именно такой вид, и лишь на некоторых черепках наблюдается только тенденция к образованию подобного рода украшений (рис. 37, 34). На одном сосуде (рис. 37, 28), помимо валика, проведенного вдоль края, был сделан второй валик, расположенный по покатому плечу, ниже верхнего на 5 см. По фрагментам сосуда можно было судить о том, что от нижнего валика спускался вниз ряд довольно толстых валиков, направленных вкось. Этот пример, — правда, пока единственный, — дает представление о том, что здесь еще продолжают создавать и более сложные узоры, выполненные посредством наlepки валиков. На Сабатиновском селище подобные украшения тоже довольно редки и более или менее отчетливо представлены только 4 раза. Но все же они не случайны и встречаются. Также на других поселениях этого времени, как, например, на Красномаяцком поселении.

Таким образом, этот способ орнаментации на раннем скифском этапе развития гончарного дела, представленный на Обиточной 12, не являлся новым и был, повидимому, связан с орнаментальными приемами предыдущего времени. Кроме того, в двр\$ случаях мы видим валики, проведенные по вредней, наиболее выпуклой части сосудов (рис. 37, 31); в Сабатиновке такое их расположение было встречено только 1 раз.

Следует еще отметить наличие особого типа керамики, украшенной валиками, который известен по некоторым экземплярам сабатиновского материала. Это ряды низких валиков разной ширины, для образования которых уже обожженный сосуд предвари-

тельно смазывался слоем жидковатой глины. Свободные от валиков пространства, затем прочишались пальцами, раздвинутая же в стороны глина ложилась в виде низких валиков. Нечто подобное наблюдается на одном небольшом черепке из слоя на Обиточной 12 (рис. 37, 32), поверхность которого покрыта параллельными маленькими валиками, образованными, повидимому, подобным же способом.

Большинство валиков, как это бывает обычно, имеет замкнутые концы. Незамкнутый и свисающий вниз конец валика был встречен один раз на небольшом фрагменте в очень неполном виде (рис. 37, 16). На одном черепке сохранились следы узора, нанесенного путем вдавливания простой веревки (рис. 37, 17). Повидимому, это был прямоугольник, заполненный какими-то перегородочками. Он расположен в одном месте шейки, вслед за ним идет пустое пространство, что наводит на мысль, что и здесь мы имеем дело не с обычным узором, а с рядом значков, уже неоднократно встречающихся на посуде срубного времени¹⁰².

В результате характеристики керамики, происходящей с поселения Обиточная 12, прихожу к следующему выводу.

Наблюдается совершенно явная связь с посудой поселений типа Сабатиновки. Эта связь проявляется и в формах, и в орнаментации посуды, и в некоторых технических приемах. Однако чистые формзы сабатиновского времени здесь встречаются довольно редко; зато мы встречаем здесь ряд новых форм, которые, несомненно, выработались на основе сабатиновских. К тому же самому привЪдит и анализ валикового орнамента селища «Обиточная 12». Ё этом орнаменте много сходного с тем, что наблюдается на керамике сабатиновского времени. Совершенно ясно, что он происходит от налепных узоров на керамике предшествующей эпохи. Но все же основная масса посуды, украшенная валиками по краю или очень близко от края, свидетельствует о появлении того нового в гончарном производстве, что легло в основу форм и украшений посуды начала скифского периода.

В настоящее время мы не располагаем достаточными данными, позволяющими на-

¹⁰² А. А. Формозов. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. ВДИ, 1953, № 1. стр. 193 и ел.

метить область распространения поселений типа Обиточной 12. Однако по существующему материалу можно уже судить о том, <по эти поселения занимали значительную территорию Северного Причерноморья.

Как уже было указано, у Широкой балки близ Ольвии находится второе селище той же культуры, наиболее позднее и, насколько мне известно, наиболее западное. Керамический материал, происходящий с острова Хортицы, свидетельствует о том, что и в районе Днепровских порогов были распространены поселения обиточнинского типа. Большой интерес представляют находки керамики, сходной с керамикой Обиточной 12, в слое Киммерика (ом. стр. 104), лежащем выше слоя киммерийского времени. Здесь эта керамика не связана своим происхождением с посудой предшествующего времени и, повидимому, является следствием проникновения в район Восточного Крыма других, т. е. скифских племен. Наличие этой керамики в Киммерике может быть объяснено распространением раннескифской культуры в область, первоначально занятую киммерийцами.

Ниже, в приложении к § 5, приведен материал разведок в прибрежной полосе Азов-

ского моря, позволяющий предполагать, что эти места были густо заселены как в бронзовом веке, так и во времена поселения у устья р. Обиточной.

Таковы результаты изучения керамики селищ бронзового века и начала скифской культуры в Северо-западном Причерноморье. Они позволяют с уверенностью говорить о непрерывности развития здесь культуры, ведущей свое начало от срубной. Принимая во внимание непрерывную цепь развития керамических форм от посуды ранних селищ типа Белозерского лимана до скифской керамики VII в. до н. э., мы приходим к выводу, что население причерноморских степей принадлежало к одной этнической группе, появившейся в Нижнем Приднепровье в конце II тысячелетия до н. э., а в VII в. до н. э. называвшей себя скифами. Таким образом, подробный анализ керамического материала позволяет нам обосновать те положения, которые были приведены в начале этой книги, иными словами, связать появление скифов в Северо-западном Причерноморье с продвижением племен срубной культуры Поволжья в юго-западном направлении, в азовские и причерноморские степи.

ПРИЛОЖЕНИЕ К § 5

Поселение Обиточная 12 в Приазовье не одно. Намечено еще несколько подобных же селищ, расположенных в тех же районах Северного Приазовья и, судя по подъемной керамике, относящихся к тому же времени. Возможно, что некоторые из них немного более поздние, т. е. принадлежат к уже достаточно развитой скифской культуре. В низовьях рек, впадающих в Азовское море, разведкой 1949—1951 гг. было обнаружено еще несколько поселений, принадлежащих к более рантам периодам позднебронзового века и даже к ямно-катакомбному времени. Остановлюсь на тех, которые можно считать более или менее одновременными поселению, расположенному у устья р. Обиточной. Все они были найдены по нижним течениям рек и балок, впадающих в Азовское море.

В $\frac{3}{4}$ км вверх от с. Давыдовки, на правом берегу р. Большой Утлюг, на селище № 4 обнаружены черепки посуды, среди которых один имеет налепной валик с косой нарезкой обычного типа. Повидимому, этот слой представляет собой следы поселения, подобного поселению на р. Обиточной.

На левом берегу р. Молочной, недалеко от с. Вознесенского, было обнаружено селище (пункт № 7), по керамике которого можно судить о том, что оно принадлежит или к самому концу бронзового века, или к началу скифского времени, как и Обиточная 12.

На р. Корсачке остатки селищ этого времени — или немного более раннего — были расположены в четырех местах. Первое из них (пункт № 1) находилось в 400 м от моря, у выхода к морю дороги, ведущей из с. Ботева. Оно занимало относительно большую площадь (600x500 м) по всему склону, между морем и колхозным садом. На его задернованной поверхности было собрано довольно много черепков, относящихся ко времени ямной культуры и переходному времени от поздней бронзы к скифскому.

Керамика второго поселения очень сходна по типам с керамикой поселения Обиточная 12, но все же имеет больше черт сходства с посудой сабаатиновского типа. Здесь чаще попадаются валики с пологими скатами. В двух случаях встречены черепки посуды с поверхностью, покрытой штриховкой, нанесенной зубчатым штампом. Есть один черепок с большой и неглубокой ямкой — очень древнего типа и один, покрытый узором, нанесенным крупнозубчатым штампом. Но все-таки большинство валиков уже приподнято вверх и расположено вдоль края, а некоторые профили вполне сходны с формами посуды селища на Обиточной 12. Раскопки на этом селище, несомненно, будут затруднены тем, что все три слоя на нем представлены в перемешанном виде.

В северном направлении от этого селища, поблизости от него, было расположено еще одно селище, длиной 800 м, шириной 200—250 м. Оно находилось

ний склоне правого берега реки и в северной части было занято теперь почти уничтоженным садом. Здесь было собрано немного черепков посуды, из которых три, несомненно, свидетельствуют о том, что селище относится ко времени поселения на р. Обиточной или к близкому к нему времени. Все валики расположены высоко около края, а на одном черепке ряд косых вдавлений опоясывает сосуд по его наиболее выпуклой части, обычно расположенной довольно низко. Вдавления нанесены инструментом, имеющим два широких зубца.

Совершенно такое же впечатление создает керамика, собранная в пункте № 5, на склоне берега р. Корсачки, на расстоянии 400—500 м к югу от с. Ботева. Здесь мы тоже видим горизонтальную уплощенность края и вдоль него — высоко расположенный валик. Один из черепков, повидимому, принадлежал сосуду с довольно суженным горлом.

На той же реке, в пункте № 6, на правом берегу, к югу от с. Ботева, на перекрестке дорог, ведущих на Ботево и г. Ногайск, было обнаружено селище, которое занимало $\frac{2}{3}$ большой дуговидной косы, огибавшей заболоченное русло речки. Здесь было найдено много костей и некоторое количество черепков, большинство которых не имело орнамента. По наличию черепка от наиболее выпуклой части сосуда с орнаментом, представляющим собой опоясывающую полосу в виде ряда косых вдавлений с едва заметными царапинами от зубчатого штампа, можно предположить, что и здесь мы имеем дело с поселением, близким по времени Обиточной 12.

Селище, обнаруженное на левом берегу р. Лозоватой, расположено у северо-западной окраины с. Орловки. На нем собрано небольшое количество черепков, из которых интересен один, от плечевой части сосуда; на нем сохранилась часть орнамента, представляющего собой, вероятно, опоясывающий налепной валик с незамкнутыми и спускающимися вниз концами.

На р. Обиточной были обнаружены 3 селища, из которых самое нижнее (№ 12) было частично раскопано и описано выше. Два других (пункты № 9 и 10), возможно, принадлежат к немного более ранней «юре, что, однако, определить по подъемному материалу разведок можно лишь приблизительно.

Селище на р. Соленой (в пункте № 25) одновременно поселению Обиточной 12. Некоторые из черепков, собранных на поверхности, имеют валики, расположенные у самого края. По валикам нанесены косые зарубки, по одному из них — небрежные вдавления пальцев без отпечатков ногтей. Один из черепков представляет собой борт сосуда.

Обзор поселений в районах Северо-западного Приазовья, относящихся к раннескифскому времени, приводит прежде всего к заключению, что здесь эта культура сложилась на почве культуры, принадлежавшей населению позднебронзового века. С ним связана группа поселений, подобных Сабатиновскому. Присутствие этих поселений на берегах Азовского моря пока еще не выяснено в достаточной мере,

однако, вполне возможно, что раскопки селищ, перечисленных выше, а также разведки на среднем и верхнем течении рек, дадут возможность определить более точно те слои, которые относятся к эпохе, непосредственно предшествующей поселению №-12 на р. Обиточной..

При разведках 1949—1951 гг. по берегу Азовского моря было отмечено несколько поселений, которые по керамике представляются очень близкими к поселению на Белозерском лимане. На всех этих поселениях встречены вместе фрагменты острореберных и баночных сосудов, а также фрагменты с незамкнутыми валиками, которые заканчиваются свешивающимися усами.

Важнейшее из поселений расположено на р. Куцей Бердынке, впадающей в Азовское море близ с. Луначарского. Здесь по правому берегу на 1200 м от моря вспашкой плантажным плугом под виноградник было вскрыто и разрушено поселение. В этом месте растащены плугом зольные пятна с большим содержанием костей животных и раковин. Нашими сборами обнаружены почти целый острореберный сосуд, многочисленные черепки со штриховкой гребенчатым штампом, с налепным валиком, и 2 крышки от сосудов. Позднее здесь же произвел сборы А. Я. Огульчанский, нашедший более десятка фрагментов от сосудов с незамкнутыми и загнутыми в стороны налепными валиками. Он же подобрал шлифованный топор срубного типа с выемкой для прикрепления. Шурф, заложенный А. Я. Огульчанским, дал ту же керамику. В 1951 г. нами были заложены 3 шурфа. Обнаружено очень мало керамики, частью — с налепными валиками на уровне плеч; иногда эти валики покрыты пальцевыми ямками и косыми насечками.

А. Я. Огульчанским на левом берегу р. Берды в 35 км от г. Осипенко было обнаружено селище с небольшим количеством фрагментов посуды, имевшей на плечиках налепные валики. Длина селища по берегу — около 120 м, при ширине вглубь плато всего 30—40 м. Здесь нами были заложены 2 шурфа. Найдены остатки каменных вымосток из рваного камня, расположение которых было нарушено.

На р. Грузском Еланчике, между станицей Буденновкой и поселком Гусельшиковым, на надпойменной террасе было* обнаружено много мелких черепков лепной посуды; среди них — один острореберный и два с налепным валиком на плечиках. Нами были заложены здесь два шурфа. Культурный слой мощностью до 0,80 м слабо насыщен черепками, среди которых найдены стенки баночных сосудов. В шурфе № 2, расширенном к востоку и югу на 1 м, были обнаружены остатки основания здания, а именно наружной стенки из рваного камня, ширина которой достигала 40 см при длине около 2 м; эта стенка шла с востока на запад и уходила под стены раскопа. Вдоль восточной стены шурфа, под прямым углом от нее, шла другая каменная стенка. Среди камней были обломки баночных сосудов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представление¹ о позднем бронзовом веке в степных районах Причерноморья неизменно было и остается связанным с народом, оставившим по себе память в истории под именем киммерийцев. Упоминания об этом народе у античных писателей, являющиеся источниками основных сведений о первоначальном его местопребывании в Причерноморье, не отличаются точностью и в большинстве случаев неопределенны. Это привело в наше время, особенно с накоплением новых археологических данных, к появлению различных, часто противоречивых толкований о том, с какими именно археологическими комплексами следует отождествлять киммерийцев.

До относительно недавнего прошлого в археологии господствовала точка зрения И. А. Городцова, связывавшего территорию, занятую в древности киммерийцами, с черноморскими степями и с Приазовьем. Северные границы этой территории он доводил до южных пределов лесостепных областей.

Главным основанием, на котором было построено его положение, являлось распространение металлических изделий поздней бронзы, несомненно, достигавшее лесостепи. Однако в то время, когда писалась статья В. А. Городцова², бронзовые орудия и предметы вооружения не могли еще быть в достаточной мере изучены и расчленены хронологически. Отсутствовали данные о некоторых мастерских литейщиков и о многих находках металлических вещей разного ро-

да; некоторые из находок были обнаружены лишь после написания статьи, другие же, хранящиеся в музеях Северо-западного Причерноморья, не были опубликованы в должной мере и, таким образом, не могли еще быть использованы археологами.

Представления В. А. Городцова о пространных, занимавшихся киммерийцами, разделялись и некоторыми другими археологами. В частности, его точку зрения почти полностью, разделяла и я до 1948—1949 гг. Вследствие этого в своей работе «Алексеевское поселение и могильник», написанной еще до войны, при сравнении памятников позднеандроновской культуры с причерноморскими, я называла последние, — при этом все, без исключения, — киммерийскими К Производя раскопки на одном из ранних поселений позднебронзового века на нижнем Днепре, я относила его к киммерийской культуре, что и отразилось в моей статье «Поселение бронзового века на Белозерском лимане»³. Но, придерживаясь в вопросе о распространении киммерийцев взглядов В. А. Городцова, я, однако, основывала свои представления не столько на распространении металлических изделий, сколько на изучении керамики, происходящей с поселений преимущественно Северо-западного Причерноморья. Выделяя наиболее характерные черты этой керамики, я ориентировалась не только и не столько на своеобразие форм посуды, сколько на появление новой

¹ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 46 и сл.

² О. А. Крикова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948.

³ КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 76—85.

орнаментации, присущей всей степной керамике позднебронзового века, в виде налепных валиков, опоясывающих сосуды в их верхней части. Такое одностороннее изучение этих сосудов происходило главным образом вследствие ограниченности керамического материала, сводящегося к небольшим коллекциям черепков, обычно происходящих не из раскопок, а из сборов. Однако некоторые* признаки, замеченные уже тогда, говорили о том, что со временем поселения киммерийской культуры будет возможно подразделить и территориально, и в хронологическом порядке. И действительно, подразделения такого рода стали допустимы только с появлением больших керамических коллекций, происходящих из более или менее обширных раскопок поселений бронзового века в степных районах Причерноморья и Приазовья.

Большое значение для определения культур этого времени, в частности, для определения среди них места киммерийской культуры, имеет керамический материал. Здесь невозможно ограничиваться только изучением производства и распространения металлических изделий, так как они тем или иным способом расходились далеко из центров своего производства. При этом они распространялись или радиально, или по основным путям сообщения, какими обычно являлись реки. Так, например, различные формы кельтов, происходящие, повидимому, из мастерских в низовьях Днепра, Буга и Днестра, в изобилии встречаются по всему Приднепровью до Киевской области включительно. Однако теперь нам известно, на основании изучения главным образом керамики с поселений, что культуры степных районов Днепра и Буга резко отличаются от культур лесостепи. Я имею в виду полную обособленность белогрудовской, а вслед за ней и чернолесской культур, определенных и хорошо изученных украинскими археологами за последние 5 лет\

Именно теперь появилась возможность наметить различные культурные варианты в

причерноморских и приазовских степях. Рассмотрению их посвящена значительная часть предлагаемой работы.

Возвращаясь к вопросу о киммерийской культуре и о предполагаемом месте ее распространения. За последнее время те или иные его решения были перенесены на территорию Северного Кавказа и восточной части Крыма главным образом Керченского полуострова. Не касаясь некоторых, как мне кажется, мало обоснованных точек зрения, отмечу лишь две из них, которые нахожу необходимым принять во внимание при определении киммерийской культуры. Обе они опираются и на изучение археологического материала, и на исторические данные. Первая из них принадлежит В. Д. Блаватскому⁵, относящему всех киммерийцев в пределы Восточного Крыма, другая — М. И. Артамонову, связывающему их распространение с Восточным Крымом и Северо-западным Кавказом (бассейн р. Кубани)⁶.

В основе обоих взглядов лежат некоторые античные традиции, связывающие киммерийцев с восточной частью Крымского полуострова, и среди них, — главным образом, топонимические данные. Так, по Геродоту, Керченский пролив носит название Боспора Киммерийского; вероятно, наиболее узкая его часть называется Киммерийскими переправами. На Керченском полуострове во времена Геродота существовала область по имени Киммерия. У Геродота же сохранились сведения о Киммерийских переправах и о Киммерийских стенах⁷. По Страбону, известны два города Киммерика, причем один из них в Восточном Крыму, другой — на Тамани. Уже этих данных, несомненно, было бы достаточно для того, чтобы связать киммерийцев или по крайней мере некоторые племена киммерийцев с Крымом, и в настоящее время едва ли может быть подвергнуто сомнению в достаточной мере длительное пребывание киммерийцев в Крыму. Положение такого рода нисколько не противоречило и точке зрения В. А. Городцова⁸, включавшего

⁵ В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник Московского университета, 1948, № 8, стр. 8—18.

⁶ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 37 и сл.

⁷ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье (Скифский рассказ Геродота), М.—Л., 1953, стр. 321.

⁸ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 46 и сл.

* А. И. Тереножкин. Скифская днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 117—124; его же. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап). Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1953, стр. 94—111.

в обширную область распространения киммерийцев также и Восточный Крым. Едва ли, однако, можно согласиться с мнением М. И. Артамонова, сводящимся к двум основным положениям: во-первых, киммерийцами являлось население бронзового века Северо-западного Кавказа и Восточного Крыма: во-вторых, это население оставило следы своего материального быта, выраженные памятниками катакомбной культуры. Целый ряд данных, преимущественно археологических, противоречит этому и не позволяет включить Северный Кавказ или часть его территории в область распространения катакомбной культуры, связанной главным образом с приазовской и нижнеднепровской степью.

Другое дело — Крым, где сохранились данные⁹, указывающие на наличие в его степных пределах катакомбной культуры, по крайней мере в ее раннее время. Однако археологический материал, который мы находим в Крыму вообще и в Восточном Крыму в частности, не совпадает по своим формам с тем, что мы видим в то же самое время на Северном Кавказе. Это явное различие культур не позволяет распространять любую из северо-кавказских культур на территорию Восточного Крыма. В настоящее время, в результате раскопок А. Я. Брюсова в 1948 г. селища позднебронзового века близ с. Челки у Феодосии и раскопок И. Т. Кругликовой¹⁰ в Киммерике (гора Опук)* мы знаем, что в эпоху, связанную с киммерийцами, Крым был заселен племенами, давно уже оставившими позади время катакомбной культуры. Керамика, происходящая из слоев этих обоих селищ, свидетельствует лишь о том, что в свое время на Керченском полуострове и в окрестностях Феодосии катакомбная культура, повидимому, существовала точно так же, как и под Симферополем. Об этом можно судить по некоторым пережиткам катакомбных форм и узоров в керамике Киммерика и Челков, хотя в последнем случае — в меньшей мере. В степных районах, где срубная культура сменила катакомбную, пережитки такого рода встречаются значительно реже, однако, они есть, и это дает нам право вклю-

чить их в число особенностей в развитии позднебронзовой керамики на всем протяжении ее распространения.

Естественно предполагать, что отдельные черты катакомбной посуды, какими являются прямая шейка при выпуклых боках или нанесение узора в виде отпечатков веревочки, продолжали сохраняться дольше в тех районах, куда срубная культура проникла относительно поздно. Именно такое позднее проникновение срубной культуры в низовья Дона и в Крым мы имеем право предполагать по всем известным в настоящее время данным. Появившись в этих местах, поздние формы посуды срубной культуры* очевидно, не могли полностью вытеснить катакомбные, как это наблюдается на Донце, в Приазовье и на Нижнем Днепре. Последние сохранились в Крыму в относительно многочисленных пережитках. Однако как в Киммерике, так и в Челках явно и сильно преобладает посуда, и по узору, и по форме принадлежащая к позднейшим типам посуды срубной культуры. Но, повидимому, в пределах Восточного Крыма гончарное производство у пришлых племен срубной культуры в известной мере развивалось обособленно; это привело к созданию своеобразного местного варианта посуды, а вместе с ней, вероятно, и всей культуры. Знакомство с керамикой этой культуры позволяет предполагать здесь наличие обособленной этнической группы и, естественно, связать ее с киммерийцами.

Сравнивая керамику Киммерика и Челков с посудой днепровских поселений, следует заметить, — пока предположительно, — что по времени слой в Киммерике может совпадать с селищем на Белозерском лимане, а Челки могут быть датированы несколько позднее, т. е. сабастиновским временем.

Общее представление о киммерийцах как о народе, при вступлении своем на историческую сцену разгромившем войско Русы I и долгое время входившем в число врагов Ассирийского царства, можно себе составить и по свидетельству Геродота, и по клинописным данным. Все это, однако, не очень хорошо вяжется с представлением о первоначальной территории киммерийцев в Северном Причерноморье, ограниченной только Восточным Крымом. Судить же об их распространении вне Крыма было бы теперь возможно только по наличию селищ с керамикой, подобной той, которая нам известна

⁹ Н. И. Веселовский. Раскопки близ Симферополя 1891 г. ОАК, 1891, стр. 2 и сл.

¹⁰ И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, XVIII, 1952, стр. 108 и сл.

по Челкам и по Киммерику. Однако данные ^подобного рода, пока еще весьма немногочисленны.

В настоящее время керамику киммерийской культуры в Восточном Крыму можно сопоставить только с керамикой Кобякова городища, в особенности его верхнего слоя. Она, как было показано выше, заметно отличается от другой степной посуды позднебронзового века, сохраняя все же элементы позднерубной посуды в большей мере, чем это наблюдается в Киммерике и в Челках. Хронологически верхний слой Кобякова городища, вероятно, одновременен сабастиновской группе поселений, т. е. предшествует непосредственно скифским слоям типа Обиточной 12,

К какой же этнической группе следует отнести то племя, которое оставило поселение на Кобяковом городище? Если основывать свои предположения только на характере посуды, происходящей с обоих крымских селищ и с Кобякова городища, то следует принять во внимание и достаточную отдаленность донской дельты от Крыма, вследствие чего в Кобякове мог создаться свой местный вариант посуды. Кроме того, в Кобякове мы имеем дело с более поздним временным вариантом. Тем не менее элементы сходства кобяковской керамики с посудой из Челков столь значительны, что мы можем причислить культуру Кобякова городища к киммерийской культуре Крыма, а его население — к одному из киммерийских племен, заселявших северные районы Приазовья. Но можно ли ограничиться такого рода выводами для решения вопроса о расселении киммерийцев в Северном Черноморье? Если нами и принято положение В. Д. Блаватского о том, что киммерийские племена заселяли Восточный Крым, то уже одно наличие киммерийского селища на Кобяковом городище дает возможность предполагать их существование и в других местах, вне Крыма*

Если мы обратимся к древнейшим источникам наших сведений о киммерийцах, т. е. к гомеровскому эпосу, то в нем не найдем никаких определенных указаний, кроме известной версии о заселении ими каких-то областей дальнего Севера. Уже в XI песне Одиссеи киммерийцы являются малоизвестным народом, живущим при спуске ^«Царство мертвых»; Очевидно, в то время сведе-

ния о киммерийцах как о конкретном народе, обитавшем в Причерноморье, временно, вплоть до начала колонизации Понта, были утеряны.) В дальнейшем, с развитием мифа, киммерийцев переселяли произвольно в связи с локализацией представлений о подземном мире мертвых. С перенесением странствий Одиссея на запад и киммерийцы попадают в Италию, где они были помещены вместе с вратами Аида у Авернского озера в Кампании. Об этом говорит Страбон¹¹, ссылаясь на Эфора. Если бы ограничиваться только этими данными, то едва ли можно было отсюда извлечь какие-нибудь сведения о киммерийцах как о самостоятельной этнической группе. Однако одно из указаний Эфора, переданное Страбоном¹², не лишено интереса. Оно позволяет сопоставить данные Эфора о жилищах киммерийцев с тем, что известно по раскопкам селищ степного бронзового века: Эфор, присваивая киммерийцам эту местность, говорит, что они живут в подземных жилищах, которые называют «аргиллами», ходят друг к другу через какие-то подземные рвы и принимают чужеземцев в прорицалище, сделанном глубоко под землею. «Живут они от рудного дела и от получаемого за предсказания по установленной за это царем таксе». По раскопкам поселений поздней рубной и в особенности позднеандроновской культур хорошо известны землянки; в некоторых случаях они были соединены между собой ходами-коридорами, тоже углубленными в землю.

В Причерноморье землянка подобного рода была обнаружена на селище Белозерского лимана. На Доцу наиболее близкие и по месту, и по времени землянки известны на селище близ Ляпичева хутора, но ни то, ни другое селище не может быть отнесено к киммерийской культуре. На площади, исследованной на Кобяковом городище, в киммерийских слоях никаких землянок не обнаружено. Однако имеются основания предполагать, что там раскопки производились в стороне от места, занятого остатками жилых сооружений. Неизвестно, каким образом строились киммерийские жилища в Крыму. Не исключена возможность, что и там они представляли собой помещения в виде зем-

¹¹ Страбон, V, 4, § 5.

¹² Там же.

лянок или полуземлянок, но все же следует отметить, что представление о жилищах подобного рода до настоящего времени связывается по преимуществу со степью.

Эти данные, конечно, не могут считаться Достаточными для локализации киммерийцев вне Крыма, но нет оснований совершенно отказываться от подобного рода возможностей и не считаться с прямыми указаниями Геродота на могилу киммерийских царей у Тира, т. е. в устьях Днестра¹³. Это указание и свидетельство Страбона¹⁴ о совместных походах киммерийцев с трёрами не позволяют полностью отказываться от северо-западного Причерноморья как места пребывания киммерийцев в определенное время. Однако никакого археологического материала, позволяющего и в этих местах выделить самостоятельную культуру или вариант культуры киммерийского времени, до сих пор неизвестно. Во всяком случае все известные сведения о селищах нижнего Днестра, среднего и нижнего Буга, а также и низовьев Днестра дают нам возможность судить о другой культуре, которая к киммерийцам не может быть приурочена.

Какие же племена оставили селище на Белозерском лимане и ему подобные, а также Сабатиновское и ряд других аналогичных ему селищ? Для выяснения этого следует остановиться на тех селищах, которые, судя по исследованиям последних лет, представляют собой следы древнейших скифских поселений. В настоящее время памятники подобного рода известны еще в ограниченном количестве, и только два из них были подвергнуты раскопкам. Как на том, которое расположено у устья р. Обиточной, так и на селище у Широкой балки близ Ольвии, был собран значительный керамический материал, по которому можно создать совершенно отчетливое представление о древнейшей скифской посуде VII в. (Обиточная) и VI в. до н. э. (Широкая балка). При сопоставлении же форм этой посуды с более древней, предшествующей ей керамикой сабадиновского

типа, приходим: к заключению, что обиточнинская посуда — несомненный результат развития керамических форм бронзового века. В свою очередь сабадиновская керамика является промежуточным звеном в развитии посуды поздней бронзы степного Причерноморья. По керамическому материалу, представленному в настоящее время с достаточной полнотой, можно судить о том, что начало этого развития восходит к типам керамики Белозерского лимана и других подобных ему селищ.

Если поселение на р. Обиточной можно датировать VII веком до н. э., то селища сабадиновского типа датируются IX—VIII веками до н. э., а Белозерский лиман и близкие к нему поселения — XI—X веками до н. э.

Таким образом, опираясь на керамический материал всех трех названных этапов — белозерского, сабадиновского и обиточнинского — приходим к заключению, что смена одних форм посуды другими протекала без перерывов, при передаче гончарных навыков от одного поколения к другому. Этот процесс мог осуществляться только при тех условиях, когда на одной территории в течение длительного промежутка времени жили этнически однородные племена. И действительно, не только керамический материал, но и другие археологические данные позволяют предполагать, что в жизни этих племен степного Причерноморья с конца II тысячелетия до н. э. не происходило серьезных изменений. А в таком случае я нахожу вполне допустимым признать скифскими не только обиточнинские поселения, но и присоединить к ним белозерские и сабадиновские, органически связанные с ними.

При рассмотрении керамики Белозерского лимана в указанной выше статье мне пришлось прибегать к довольно далеким аналогиям и обращаться к срубной культуре Саратовского и Куйбышевского Поволжья, к селищам ее хвалынского периода. При этом сравнении выяснилось, что формы посуды Ивановского селища и поселения у Грачевского сада на р. Самарке не менее сходны с белозерскими, чем посуда поздней бронзы Донецкого бассейна. Повидимому, нет серьезного разрыва во времени между указанными поселениями на Волге и на Днестре. В связи с этим следует еще отметить и то обстоятельство, что появление срубной культу-

¹³ Геродот, IV, 11; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 2, стр. 260.

¹⁴ Страбон, I, 3, § 21; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 184.

ры на нижнем Днепре может быть приурочено лишь к относительно позднему времени. В этих районах совершенно не встречаются памятники, которые можно было бы отнести к первому периоду срубной культуры; вся известная нам керамика относится к ее второму периоду, когда украшение посуды опоясывающими налепными валиками достигло полного развития. Едва ли первое появление племен срубной культуры в Приднепровье на много предшествовало селищам Белозерского типа, и если последние датируются XI—X веками до н. э., то появление племен срубной культуры в этих местах может быть отнесено к XIII—XII вв. до н. э.

Как в данной работе, так и в некоторых предыдущих, я пыталась привести наиболее убедительный археологический материал, позволяющий проследить продвижение срубной культуры с Поволжья преимущественно в юго-западном направлении, и если раньше меня интересовал лишь самый факт этого продвижения, то в настоящее время, мне кажется, удастся до известной степени проследить и его характер.

Так, проникновение племен с Поволжья на Дон началось уже с очень ранних времен, вероятно, в конце полтавкинской культуры, и, повидимому, протекало постепенно.

Продвигавшиеся племена заняли при этом бассейн среднего Дона и бассейн Дона. Повидимому, в более позднее, хвалынское время совершился еще один переход племен срубной культуры в юго-западном направлении; в результате этого и проникла на Днепр посуда, близкая ивановской и грачевской по основным принципам формовки.

Вполне допустимо, что эти события, картина которых построена только на археологическом материале, могли оставить следы в памяти населения Причерноморья и доказаться до V в. в виде тех легенд, которые приводит Геродот о происхождении скифов в причерноморских степях. Я имею в виду первое и третье из передаваемых Геродотом преданий. Первое предание говорит о происхождении скифов от Таргитая в их земле, бывшей до того пустыней, за 1000 лет до похода Дария в Скифию¹⁵. Оно интересно

тем, что относит это событие к весьма отдаленному прошлому и не противоречит тому, что Гомер уже мог быть осведомлен о существовании этого народа в степях Северного Причерноморья. Говоря о млекоедах, доителях кобылиц, Гомер¹⁶ имеет в виду именно скифов, что вытекает из сопоставлений с текстом Гесиода, с его прямым указанием на то, что млекоеды, доители кобылиц,— скифы¹⁷.

То обстоятельство, что в клинописных текстах эпохи Асаргаддона скифы упоминаются уже около 673 г/до н. э., дает возможность отнести проникновение их племен на запад не позднее VIII в. до н. э.

Третье предание* передаваемое Геродотом, говорит об относительно недавнем продвижении кочевых скифов из-за реки Аракса, т. е. из-за Волги. Возможно, что здесь говорится о каком-то более позднем появлении кочевых скифов, которое не может быть прослежено археологически. Проходя степные пространства, уже занятые родственными племенами, эти скифы могли и не оставить следов в материальной жизни встречавшегося им родственного населения.

То же можно теперь сказать и о взаимоотношении археологических культур скифов и киммерийцев. Те и другие несколько веков прожили бок о бок. Лишь к концу VII в. до н. э.* киммерийцы исчезли из Северного Причерноморья, т. е. отчасти ушли оттуда, отчасти слились со скифами. А до этого времени на пространствах приазовских, причерноморских и крымских степей уже бытовала новая культура, происшедшая от срубной. Уже намечаются,— пока еще неполно,— ее местные варианты, из которых по крайней мере восточнокрымский принадлежал, надо думать, некоторым, если не всем киммерийским племенам. Вся же эта культура в целом охватывала и киммерийские, и древнейшие скифские племена, конечно, на разных территориях, которые указаны выше. Существование однородной археологической культуры у разных народов — явление, достаточно известное для эпохи поздней бронзы и раннего железа. (Карту см. стр. 164—165).

Гомер. Илиада, песня 13, 1—7; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 1, стр. 280.

¹⁷ Г е с и о д. Каталогос, фрагмент 55; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 1, стр. 295.

¹⁵ Геродот, IV, 5; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1947, № 2, стр. 258.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ *	— Государственный исторический музей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии Наук УССР
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по истории СССР
ОАК	— Отчет археологической комиссии
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
РАНИОН ;	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК
СУАК	— Саратовская ученая архивная комиссия
Тр. АС	— Труды Археологического съезда
Е5А	— Еига51а зер^епШопаПз апИдиа

2. Поселения срубной культуры I периода

3 — Егорьевское; 4 — Безымянка; 5 — Кинель; 6 — Надеждино-Куракино; 7 — Елань; 8 — Державино, хутор Гуров; 9 — Исаклы; 10 — Крестово городище; 11 — Никольское; 12 — Сорочинское; 13 — Елоховый куст; 14 — Хрящевка; 15 — Максютово; 16 — Успенское; 17 — Комаровка, озеро Старица; 18 — Воскресенское; 19 — Мокшан, Зимница I; 20 — Мокшан, Зимница II; 21 — Пустынь, Волчий овраг; 21а — Озименки; 22 — Костенки; 23 — Лукьяновка; 24 — Герасимовка; 25 — Воронеж, Сталинский район; 26 — Семидворки.

3. Поселения срубной культуры II периода

27 — Ивановка; 28 — Грачевский сад; 29 — Моечное озеро; 30 — Комаровка, озеро Старица; 31 — Акуши; 32 — Подбельщина; 33 — Кривая лука; 34 — Тургеньевское; 35 — Ляпичев хутор; 36 — Гусельщиков; 37 — Покосная балка; 38 — р. Берда; 29 — Куцая Бердынка; 40 — Васищево; 41 — Мерефа; 42 — Зливки.

4. Поселения белозерского этапа

43 — Белозерский лиман; 44 — Вовниги; 45 — Виноградный остров; 46 — Божков хутор; 47 — Донская балка; 48 — остров Хортица.

5. Поселения сабаатиновского этапа

49 — Волошское; 50 — Звонецкая балка; 51 — Канцеровка; 52 — Змеевка; 53 — Бабино; 54 — Нижний Рогачик; 55 — Ямбург; 56 — Ново-Александровка (селище); 57 — Сабаатиновка; 58 — Червонное озеро; 59 — Кременчуг; 60 — Дикий сад; 61 — Усатово; 62 — Одесса, Аркадия; 63 — Красный маяк (селище); 64 — р. Ченгул.

6. Раннескифские поселения типа Обиточной 12

65 — р. Соленая 25; 66 — р. Обиточная 12; 67 — р. Лозоватая у с. Орловки; 68 — р. Корсачка у с. Ботева; 69 — р. Молочная у с. Вознесенского; 70 — р. Большой Утлюг у с. Давыдовки; 71 — остров Хортица; 72 — Широкая балка; 73 — Нижний Рогачик.

7. Поселения поздней бронзы в дельте Дона и в Восточном Крыму

74 — Челки; 75 — Киммерик; 76 — Кобяково городище; 77 — Елизаветовское.

8. Клады и литейные мастерские

73 — Царев курган; 79 — Крыловский хутор; 80 — Сосновая Маза; 81 — Скакун; 82 — Калач-на-Дону; 83 — Колонтаевка; 81 ~* Волошское (мастерская литейщика); 85 — Вязевки; 86 — Авраамовка; 87 — Ново-Александровка; 88 — Берислав; 89 — Карлашинка I; 90 — Карлашинка II; 91 — Карлашинка III; 92 — Раденск; 93 — Цюрупинск; 94 — Рыбаковка (бывш. Аджияск); 95 — Коблево; 96 — Черноморка (бывш. Люстдорф); 97 — Красный маяк (мастерская литейщика).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
Глава I. Срубная культура в Поволжье	9
§ 1. Происхождение срубной культуры	9
§ 2. Керамика срубной культуры	26
§ 3. Металлические изделия	49
§ 4. Хозяйство и общество	69
Глава II. Срубная культура в бассейне Дона	83
§ 1. Первый период срубной культуры на среднем Дону	83
§ 2. Второй период срубной культуры на Дону	94
§ 3. Позднебронзовый век в донской дельте и в Восточном Крыму	99
Глава III. Позднебронзовый век на нижнем Днепре и в Северо-западном Причерноморье	110
§ 1. Продвижение срубной культуры к Днепру	110
§ 2. Поселения срубной культуры на нижнем Днепре. Белозерский этап	117
§ 3. Поселения позднебронзового века в Северо-западном Причерноморье. Сабатиновский этап	122
§ 4. Мастерские и клады литейщиков	132
§ 5. Древнейшие скифские поселения в Приазовье и в Северо-западном Причерноморье	151
Приложение к § 5.	155
Заключение	157
Список сокращений	163
Карта основных памятников срубной культуры	164

*Утверждено / печатать
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

Редактор издательства А. Я. Мелюкдва
Технический редактор Т. В. Алексеева

* * _

РИСО АН СССР № 7Г-77В. Сдано в набор 8/Х 1955 г.
Подп. в печать 24/ХИ 1955 г.- Формат бум. 84ХЮ8 ²/Иц.
Печ. л. 10,50* = 17,22. Уч.-изд.лйст. 16,50. Тираж 1600.
Т-09193. Изд. № 717. Тип. заказ № 1883.

Цена 12 р. ,40 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21.

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10.